NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖОН СКАЛЬЦИ

ЛЮДИ В КРАСНОМ

ПРЕМИЯ «ХЬЮГО»
за лучший фантастический роман 2013 года

Люди в красном (сборник)
Джон Скальци

Аннотация
Джон Скальци. Люди в красном
Люди в красном. Роман с тремя эпилогами
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Эпилог 1
Эпилог 2
Эпилог 3
Божьи двигатели. Повесть
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Замечания и благодарности

Аннотация

Эндрю Даль рад новому назначению: его ждет любимая исследовательская работа, и не где-нибудь, а в лаборатории «Интрепида», знаменитого флагмана Вселенского союза. Однако вскоре молодой ксенобиолог понимает: некоторые люди на борту корабля связаны тайной, в которую не посвящают новичков. Настораживает не только поразительная живучесть старших офицеров на фоне высочайшей смертности среди подчиненных, но и явная абсурдность происходящего.

Случайно узнав, что представляет собой на самом деле «Интрепид», Даль предлагает своим товарищам безумно рискованный путь к спасению…

Джон Скальци
Люди в красном

© Д. Могилевцев, перевод, 2014
© А. Мальцев, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Люди в красном
Роман с тремя эпилогами

Этот роман я посвящаю

Уилу Уитону, кого я всем сердцем, наисердечнейше, насколько сердце может, сердечно люблю;

Майкелу Бернсу, моему другу с тех самых дней, что мы просиживали за компьютерами TRS-80 в библиотеке Глендоры;

и Джо Малоцци с Брэдом Райтом, взявшим меня с собой в космос.

Пролог

Сидя на валуне, энсин Том Дэвис смотрел на другую сторону пещеры, где на валуне еще крупнее громоздились капитан Люций Абернати, офицер по науке К'рооль и главный инженер Поль Вест, и думал: «Мать вашу, вляпались!»

— Борговианские земляные черви! — воскликнул капитан и шлепнул ладонью по камню. — Как я раньше не догадался?

«Да уж, мать твою, как же ты не догадался?!» — мысленно воскликнул энсин Дэвис, глядя на обширный земляной пол.

Рыхлая поверхность горбилась слегка там и сям — под нею двигались массивные плотоядные черви.

И ведь говорил Дэвис напарнику Чену, как только обнаружили пещеру, что не стоит лезть туда наобум! А капитан с К'роолем и Вестом взяли и зашли, несмотря на то что за безопасность, формально, отвечали именно Дэвис и Чен.

Чен был новичком, он только фыркнул в ответ:

— Да брось! Это обычная пещера! Чего там бояться?

— Волков, медведей, — предположил Дэвис, — любого крупного хищника. Они, знаешь ли, любят прятаться в пещерах от непогоды. А тебе это невдомек? Ты, может, и в походе никогда не был?

— Нет на этой планете медведей, — ответил Чен, делая вид, что не понял. — К тому же у нас импульсные пушки. Хватит уже, пошли. Эта моя первая разведмиссия. Не хочу, чтобы капитан задумался вдруг, с чего это я отстал.

С тем Чен и побежал следом за офицерами.

Дэвис с высоты валуна посмотрел на темный бугорок внизу — все, что осталось от напарника. Земляных червей привлек звук человеческих шагов. Они подкопались под Чена и утянули вглубь. Только заметалось эхо крика, и все, остался лишь бугорок.

«Ошибся я, есть еще кое-что», — поправил себя Дэвис, вглядевшись в глубину пещеры.

Там лежала рука Чена, еще сжимавшая импульсную пушку, нисколько хозяину не помогшую.

Почва зашевелилась, и рука пропала.

«Ну вот, теперь все», — заключил Дэвис.

— Дэвис! — крикнул капитан Абернати. — Оставайтесь на месте! Любое прикосновение к земле

привлечет червей! Вас мгновенно съедят!

«Спасибо за очевидные, а главное, за вчерашние новости, осел!» — подумал Дэвис, но мысль не озвучил, поскольку был энсином, а тот капитаном.

— Так точно! — ответил он.

— Отлично! — похвалил Абернати. — Я не хотел бы, чтобы ты решил попытать счастья и попался червям. Твой отец мне бы этого не простил.

«Что?» — подумал огорошенный Дэвис и вдруг вспомнил: капитан Абернати служил под началом отца на «Бенджамине Франклине».

На несчастном «Бенджамине Франклине». Отец Дэвиса спас Абернати, тогда еще энсина, забросив его, потерявшего сознание, в шлюпку, прежде чем запрыгнуть в нее самому. Корабль же зрелищно взрывался за их спинами. Отец с Абернати дрейфовали три дня. Когда шлюпку подобрали, внутри почти не оставалось пригодного для дыхания воздуха.

Дэвис покачал головой. Как странно, что воспоминание о спасении Абернати всплыло именно сейчас, в таких-то обстоятельствах.

Будто прочитав его мысли, капитан добавил:

— Знаешь, твой отец спас мне жизнь.

— Знаю, — ответил Дэвис — и чуть не свалился

с валуна.

Земляные черви бросились на камень, тот пошатнулся.

— Дэвис! — вскрикнул Абернати.

Энсин присел на корточки, прильнул к валуну, чтобы уцепиться крепче и понизить центр тяжести. Глянул на капитана — тот совещался с К'роолем и Полем Вестом. Дэвис не слышал их разговора, но представлял его. Наверняка офицеры вспоминают, что им известно о борговианских земляных червях, и выдумывают план нейтрализации. Нужно как-то пересечь пещеру и пробраться в закоулок, где находится древний центральный компьютер борговиан, хранящий, возможно, ключ к разгадке их тайны.

Отчего же исчезла эта непостижимая мудрая раса?

«Лучше подумал бы о насущном, — посоветовала рациональная часть Дэвисова сознания. — И чем скорее, тем лучше».

С этим было трудно не согласиться — память выбрала не самое лучшее время, чтобы загрузить мозг бесполезной информацией.

Черви снова качнули валун. Дэвис вцепился что есть силы. Дискуссия капитана с офицером по науке и главным инженером оживилась. Троица

горячо искала решение.

«Черт возьми, Дэвис, ты же охрана этих троих! У тебя импульсная пушка! Можно просто испарить этих тварей к чертям!»

Энсин хлопнул бы себя по лбу — если б лоб и так не бился о валун, периодически сотрясаемый червями. Конечно! Импульсная пушка! Дэвис потянулся к кобуре. Пока он вытаскивал оружие, некая третья часть разума усомнилась в очевидной простоте решения. Если все так элементарно, почему капитан и прочие еще не приказали стрелять?

«Что-то сегодня у меня в голове сущая разноголосица», — проигнорировал энсин голос разума и прицелился в приближающийся земляной бугор.

— Дэвис, нет!!!

Крик послышался в тот самый момент, когда энсин нажал на спуск, посылая в землю когерентный пучок разрушительных частиц. Раздался пронзительный визг, сменившийся дикими судорогами и зловещим глубинным рокотом. Из-под земли внезапно выпрыгнули десятки червей.

— Импульсная пушка бессильна против борговианских червей! — завопил К'рооль, стараясь перекричать множество корчащихся в судорогах тварей. — Частота заряда приводит их в бешен-

ство и будит лютый голод! Энсин только что приманил к нам всех червей в окрестности!

Дэвису захотелось крикнуть в ответ: «А вы не могли сказать об этом до того, как я решил стрелять? Не могли еще на корабле, на брифинге перед выходом сказать что-нибудь вроде: „Не стреляйте в борговианских червей из импульсной пушки“? Мы же обсуждали высадку на Борговию. Почему никто не упомянул о гребаных червях?»

Не крикнул Дэвис потому, что К’рооль не услышал бы его в чудовищном шуме. Да и поздно — уже ведь выстрелил. Черви в бешенстве. Скоро кто-то умрет. И этот кто-то, скорее всего, энсин Дэвис.

Сквозь облако пыли он посмотрел на капитана. Абернати, нахмурившись, озабоченно глядел на сына своего спасителя. А Дэвис задумался о том, почему капитан почти никогда не заговаривал с ним раньше.

М-да, ведь Абернати с отцом… В общем, они же стали друзьями после гибели «Франклина». Прямо закадычными. Абернати, очень похоже, знал Дэвиса с детства и употребил свое влияние, чтобы выхлопотать сыну друга место на «Интрепиде», флагмане Вселенского союза. Конечно, капитан не мог особо выделять молодого энсина,

демонстрировать знакомство — фаворитизм не пристал командиру. Но ведь можно было перебросится парой слов — например, осведомиться об отце, спросить о разведмиссиях.

Непонятная холодность.

Вдруг подземный рокот и тряска стихли. Черви успокоились и спрятались в земле так же быстро, как и выскочили, разъяренные. Улеглась пыль.

— Они ушли! — вырвалось у Дэвиса.

— Нет, — ответил Абернати, — они не так глупы.

— Я успею добежать до выхода! — выкрикнул Дэвис — снова почти бездумно.

— Оставайтесь на месте, энсин! — рявкнул Абернати. — Это приказ!

Но Дэвис уже соскочил с валуна и помчался к выходу из пещеры. Голос разума просто выл, взбешенный иррациональностью действий мозга, но тому было наплевать. Дэвис знал: он должен бежать! Подсознательный, необоримый позыв. Будто кто-то понуждает и выхода нет.

Абернати тягуче, будто в замедленной съемке, открыл рот, выдал пронзительное: «Не-ет!!!» За это время Дэвис покрыл половину расстояния. Затем земля будто взорвалась. Черви выскочили полукругом и бросились к энсину. Он попятился,

и, хотя лицо его выражало крайнее удивление, в этот самый момент энсин Дэвис прозрел.

Вот он — важнейший момент его жизни. Смысл его бытия! Все, сделанное им до этого момента, все, чем он был, что когда-либо говорил, чего хотел, вело именно сюда, к трагической финальной сцене. Энсин Дэвис отступает, а черви несутся на него сквозь землю и воздух.

Это судьба. Это предназначение.

В одно мгновение, глядя в острые, как иголки, зубы на весьма с точки зрения эволюции подозрительно вращающейся челюсти червя, энсин Том Дэвис увидел будущее. И оно отнюдь не прояснило таинственного исчезновения борговиан. Да теперь никто уже и не вспомнит про борговиан!

Это было будущее энсина — вернее, его отца, теперь адмирала флота. А если точнее, отношений капитана Абернати и адмирала Дэвиса. Энсин увидел сцену: капитан сообщает адмиралу о смерти сына. Увидел, как ошеломление сменяется гневом, как распадается старая дружба. Военная полиция союза сажает капитана под домашний арест, пока идет расследование по обвинению в преступной халатности, состряпанному разъяренным адмиралом. Энсин увидел трибунал, где выступающий адвокатом офицер К'рооль

припер к стенке вызванного в качестве свидетеля адмирала, заставив признать, что причиной обвинения стали горе и отчаяние вследствие смерти сына. Дэвис увидел, как отец с надрывом раскаивается и просит прощения перед ложно обвиненным капитаном. Тот прощает, и старые друзья в трогательном, душераздирающем порыве воссоединяются прямо в зале суда.

Какой сюжет! Какая драма!

И все это благодаря ему, энсину Дэвису. Это его судьба. Решающий момент!

«Да ну вас всех к чертям! — подумал энсин. — Жить хочется!»

Он дернулся, уклоняясь от червей, споткнулся, и червь откусил ему лицо. Дэвис умер.

Сидя рядом с К'роолем и Вестом, Люций Абернати в бессилии наблюдал, как Том Дэвис пал жертвой борговианских червей. Капитан вдруг ощутил прикосновение — на его плечо положил руку главный инженер Поль Вест.

— Люций, мои соболезнования. Я знаю, он был твоим другом.

— Больше чем другом, — с трудом выговорил Абернати. — Он был сыном друга. Поль, я же видел, как он рос! Я пристроил его на «Интрепид». Я обещал его отцу, что присмотрю за сыном. И я

присматривал, проверял время от времени, как у него дела. Никакого фаворитизма, конечно. Но я не упускал его из виду…

— Адмирал будет вне себя от горя, — сказал офицер по науке К'рооль. — Энсин Дэвис был единственным ребенком адмирала и его покойной жены.

— Да, — подтвердил Абернати. — Ему будет тяжело.

— Люций, это не твоя вина, — заметил Вест. — Ты же не приказывал ему стрелять из импульсной пушки. Не приказывал бежать.

— Не моя вина, — согласился Абернати, — но моя ответственность.

Он отполз от остальных на самую дальнюю часть валуна, чтобы немного побыть в одиночестве.

Когда капитан оказался вне зоны слышимости, Вест прошептал К'роолю:

— Господи боже, ну что за идиот вздумает стрелять по земле, кишащей плотоядными червями? А уж бежать потом по этой земле… Пусть Дэвис и адмиральский сын, но с головой у него беда.

— Очень неудачно получилось, — согласился К'рооль. — Чем опасны борговианские земляные черви, хорошо известно. Чену и Дэвису следовало

бы знать.

— Да, стандарты наши все ниже, — вздохнул Вест.

— Возможно, — допустил К'рооль. — Так или иначе, последние разведмиссии повлекли за собой прискорбные потери. Соответствуют эти миссии нашим стандартам или нет — трудный вопрос. Бесспорно одно: нам необходимо пополнение.

Глава 1

Энсин Эндрю Даль выглянул в иллюминатор «Дока Земли», космической станции Вселенского союза на земной орбите, и увидел рядом звездолет.

«Интрепид».

— Правда, он прекрасен? — послышался рядом голос.

Даль обернулся: девушка в униформе энсина звездного флота тоже глядела на корабль.

— Правда, — согласился Даль.

— Это флагман Вселенского союза «Интрепид». Построен в две тысячи четыреста тридцать пятом году в доках Марса. Флагман Вселенского союза с две тысячи четыреста пятьдесят шестого года. Первый капитан — Женевьева Шэн. С две тысячи четыреста шестьдесят второго года капитан — Люций Абернати.

— Вы — экскурсовод по «Интрепиду»? — улыбнулся Эндрю.

— А вы на экскурсию? — улыбнулась в ответ девушка.

— Нет, — ответил он, протягивая руку. — Эндрю Даль. Меня назначили на «Интрепид». Я жду

трехчасовый шаттл.

Девушка пожала его руку:

— Майя Дюваль. Меня тоже назначили на «Интрепид». И я тоже жду трехчасовый шаттл.

— Какое совпадение!

— Если хочешь называть встречу двух офицеров, назначенных на один и тот же корабль ВС, ожидающих на одной и той же станции ВС одного и того же шаттла, совпадением — называй, пожалуйста.

— Если уж ты так ставишь вопрос — какое несовпадение!

— Отчего так рано? Еще только полдень. Я думала, явлюсь первая.

— От нетерпения. Это мое первое назначение.

Дюваль посмотрела на него вопросительно.

— Я поступил в академию на несколько лет позже.

— Это почему?

— Долгая история.

— У нас полно времени. Как насчет пообедать вместе? Там и расскажешь.

— Э-э, я вроде как ожидаю друга… Его тоже назначили на «Интрепид».

— До фуд-корта рукой подать. — Дюваль указала на ряд стоек по другую сторону коридора. —

Просто пошли ему либо ей сообщение. Если не заметит, мы твоего друга оттуда увидим и перехватим. Пойдем. Я проставляюсь.

— А-а, вот как! Если я откажусь от дармовой выпивки, меня уж точно вышибут с флота.

— Ты обещал долгую историю, — напомнила Майя, после того как взяли еду и напитки.

— Ничего я не обещал.

— Но обещание подразумевалось! — возмутилась она. — В конце концов, я проставилась, и ты мне должен! Энсин Даль, а ну-ка развлеките меня!

— Ладно, попробую. Я так поздно поступил в академию, потому что три года проучился в семинарии.

— Так, уже интереснее.

— На Форшане, — добавил Даль.

— О-о, это оч-чень интересно. Так, значит, ты священник форшанской религии? Какой секты?

— Левой. К тому же я не священник.

— Целибат не по душе?

— У левых нет целибата. Но я был единственным человеком в семинарии, так что, если можно так выразиться, целибат был вынужденный.

— Некоторых бы это не остановило.

— Ты не видела вблизи форшанского семина-

риста. Кроме того, я не ксенофил.

— А если ты просто не встретил нужного ксено?

— Предпочитаю людей. Можешь звать меня занудой.

— Зануда, — немедленно подхватила Дюваль.

— Никто еще так быстро не засовывал свой нос в мою личную жизнь, — отозвался Даль. — Если ты настолько прямолинейна с пятиминутным знакомцем, могу только представить, какова же ты со старыми приятелями.

— Я так не со всеми. Но могу сказать сразу: ты мне нравишься. Да и вообще. Ты ж не священник.

— Нет. Официальный статус: «иномирец кающийся». Мне позволили пройти весь курс обучения и исполнить кое-какие ритуалы, но для полного посвящения не хватило физических возможностей.

— Каких же?

— Например, способности к самооплодотворению.

— Небольшая, но весьма существенная деталь.

— А ты беспокоилась о целибате, — заметил Даль, отхлебывая проставленное.

— Если ты священником стать не можешь,

зачем было в семинарию лезть?

— Мне показалось, форшанская религия очень умиротворяет. Когда я был моложе, это привлекало меня. Мои родители рано умерли, оставив небольшое состояние. Так что я заплатил учителям за уроки языка, прилетел на Форшан, нашел семинарию, куда меня могли взять, и приготовился остаться на Форшане до конца жизни.

— Но не остался. Это же очевидно.

Даль улыбнулся:

— Форшанская религия умиротворяет. А вот форшанская религиозная война — не очень.

— Понятно. Ну а как форшанский семинарист стал выпускником академии?

— Когда ВС взялся улаживать конфликт на Форшане, выступая третьей стороной, ему понадобился переводчик. Мало кто из людей знает хотя бы один диалект Форшана. Я знаю все четыре основных.

— Впечатляет.

— У меня очень хорошо с языками.

— И кто тут чересчур прямолинеен с пятиминутным знакомцем?

— Миссия ВС провалилась, и всем неформанцам рекомендовали покинуть планету, — невозмутимо продолжал Даль. — Глава миссии сказал,

что звездному флоту нужны лингвисты и ученые, и рекомендовал меня в академию. К тому времени семинарию сожгли дотла. Мне некуда было деваться — даже если бы у меня остались деньги, чтобы куда-нибудь деться. Академия показалась мне лучшим способом унести ноги. Я четыре года изучал ксенобиологию и лингвистику. И вот я здесь.

— Отличная история! — похвалила Майя, протягивая бутылку к Далю.

Они чокнулись.

— Спасибо! А как насчет твоей истории?

— Она куда скучнее.

— Сомневаюсь.

— Я академию не кончала. Завербовалась в миротворцы ВС. Там тянула лямку пару лет, а три года назад перевелась в звездный флот. До перевода на «Интрепид» служила на «Нанте».

— Продвижение по службе?

— Не совсем. — Майя ухмыльнулась. — Думаю, лучше назвать это «перевод по личным причинам».

Даль хотел уточнить, что за личные причины, но тут зазвонил телефон. Эндрю вынул прибор, прочел сообщение.

— Отлично, — улыбнулся энсин.

— Что такое?

— Подожди-ка секунду, — попросил он, повернулся и помахал юноше, стоящему посреди коридора. — Джимми, мы здесь!

Парень усмехнулся, помахал рукой в ответ и направился к ним.

— Полагаю, это и есть твой долгожданный дружок? — спросила Дюваль.

— Он самый. Джимми Хэнсон.

— Джимми Хэнсон? — удивилась Майя. — Он, случаем, не родня Джеймсу Хэнсону, исполнительному директору и председателю совета директоров «Хэнсон индастриз»?

— Он — Джеймс Альберт Хэнсон Четвертый, сын исполнительного директора.

— Наверное, здорово быть сыном исполнительного директора «Хэнсон индастриз».

— Он мог бы купить эту станцию на свои карманные деньги. Но он не такой.

— В смысле?

— Привет, ребята! — воскликнул подошедший к столу Хэнсон.

Он посмотрел на Дюваль, протянул руку:

— Добрый день, я Джимми!

Майя пожала ему руку.

— А, вы подруга Энди? — спросил Хэнсон.

— Да. Причем давняя. Целых полчаса.

— Чудесно! — откликнулся Хэнсон, улыбаясь. — Ребятки, хотите чего-нибудь выпить? Я угощаю!

— Мне хватит, — сказал Даль.

— А я не против, — улыбнулась Майя, покачивая почти опустевшей бутылкой.

— Того же самого? — уточнил Хэнсон.

— Угу.

— Чудесно! — объявил Хэнсон и хлопнул в ладоши. — Сейчас вернусь! Придержите местечко для меня.

— Само собой! — кивнул Даль, и Хэнсон отошел в поисках выпивки и еды.

— А он ничего, — заметила Дюваль.

— Он такой.

— Не то чтобы харизма из него фонтаном била…

— Он другим берет.

— За выпивку платит.

— М-да, но я не это имел в виду.

— Можно задать личный вопрос?

— Мои сексуальные предпочтения мы уже выяснили, потому — нельзя.

— Ты подружился с Джимми до того, как узнал, что его папаша может прикупить планетку-другую? — все равно спросила Дюваль.

Даль ответил не сразу.

— Знаешь, чем богатые отличаются от нас с тобой?

— Ты имеешь в виду, помимо количества денег?

— Именно.

— Не знаю.

— Отличает их — умных, по крайней мере, — то, что они очень хорошо чувствуют, отчего люди стремятся с ними сблизиться. Различают, хотят ли быть друзьями — а дружба не касается ни денег, ни связей, ни власти — или желают влезть в свиту, присосаться. Понятно почему?

— Разумеется, — поддакнула Дюваль.

— Ну вот. Еще в детстве Джимми понял: его отец — один из богатейших людей в ВС. Потом понял, что и сам станет таким. А после понял, что очень многие захотят этим воспользоваться ради выгоды. В конце концов он нашел способ избегать таких людей.

— Поняла. То есть Джимми различает, улыбаешься ты ему искренне или из-за мошны его папочки.

— Было очень занятно наблюдать за ним в академии, сразу после поступления. Первые несколько недель многие кадеты, да и инструк-

торы, пытались набиться к нему в приятели. Они очень удивились, когда поняли, насколько быстро парнишка их раскусил. У него большой опыт человековедения. И распознавать людей он умеет отлично. Само собой, иначе никуда.

— И как же ты к нему подобрался? — поинтересовалась Дюваль.

— Да никак. Он сам ко мне подошел и заговорил. Думаю, он понял: мне все равно, кто его отец.

— А-а, ты всеобщий любимчик.

— Ну да. А еще у меня «отлично» по биологии, а у Джимми с этим курсом были проблемы. Хэнсон хоть и придирчив к людям, но хорошо видит свой интерес.

— Кажется, он и со мной вполне по-дружески держался.

— Просто он думает, что мы друзья, и доверяет моему суждению.

— А мы и в самом деле? — спросила Майя. — Я имею в виду — друзья.

— Ты, на мой вкус, чересчур энергичная.

— Ага, а от тебя прям веет умиротворением.

— Как я понимаю, умиротворение — это не по тебе.

— Ну как сказать. Я ж все-таки сплю иногда. Правда, в остальное время не сплю.

— Наверное, мне придется привыкнуть.

— Куда ж ты денешься.

— Я достал выпивку! — объявил Джимми, подходя сзади к Дюваль.

— Ох, Джимми, теперь ты мой любимец! — с энтузиазмом отозвалась та.

— Отлично! — улыбнулся Хэнсон, предложил бутылку девушке и уселся за стол. — Итак, о чем это вы говорили?

Незадолго до прибытия шаттла в зал ожидания явились еще двое. Вернее, пятеро: двоих в форме членов экипажа, энсинов, сопровождали трое военных полицейских. Дюваль пихнула Даля с Хэнсоном, те обернулись посмотреть. Один арестант заметил это и картинно вскинул брови.

— Да, я со свитой, — объявил он.

Дюваль, не обращая на клоуна внимания, спросила у полицейского:

— Чего он натворил?

— За этим многое числится, — указала девушка на кривляку. — Контрабанда, торговля контрабандой, нападение на старшего по званию.

Затем она кивнула на второго задержанного, понуро глядевшего в пол.

— Этот бедняга — его друг. Попал за компанию.

— Обвинение в нападении — чепуха! — объ-

явил первый энсин. — Старпом был на таких рогах!

— А дурь ему дал ты, — пробурчал второй уныло, по-прежнему ни на кого не глядя.

— Не докажет никто, что я, да и никакая это не дурь, а инопланетная плесень. И никаких от нее рогов! Она людей расслабляет, успокаивает, а не заставляет кидаться на всех в комнате, да так, что приходится защищаться!

— Вы дали ему ксенопсевдоальгарик? — осведомился Даль.

— Как я уже говорил, никто не докажет, что дал его именно я, — ответил энсин, глядя на Эндрю. — Но может быть, что и ксено.

— Ксенопсевдоальгарик естественным образом производит вещество, действующее на большинство людей успокаивающе. Но где-то одна десятая процента после приема ксено ведет себя противоположным образом. Рецепторы в их мозгу устроены чуть иначе, чем у большинства. А из этих людей лишь десятая доля процента впадает в бешенство от ксено. К сожалению, видимо, ваш старпом из таких.

— Кто вы и отчего столь искушены в инопланетной плесени? — спросил энсин.

— Я тот, кто знает: ни при каких обстоятель-

ствах нельзя толкать дурь старшему по званию.

Энсин ухмыльнулся.

— А почему вы не в кутузке? — поинтересовалась Дюваль.

— Спроси своего дружка, он такой умный, — посоветовал энсин.

Майя посмотрела на Даля, тот пожал плечами.

— Ксенопсевдоальгарик вполне легален, — пояснил он. — Но принимать его не слишком разумно. Разве что если изучаешь ксенобиологию либо питаешь интерес к официально не запрещенным инопланетным модификаторам настроения — возможно, с предпринимательскими целями.

— Ох! — выдохнула Дюваль.

— Если гадать, — начал Даль, — то я бы предположил, что наш друг…

— Финн, — представился энсин. — А это Хестер.

— …что наш друг Финн на последнем месте службы пользовался репутацией человека, употребляющего субстанции, которые позволяют успешно проходить тест на содержание запрещенных веществ в моче…

Хестер фыркнул.

— Я также могу предположить, что упомя-

нутый старпом наверняка не хотел, чтобы распространилась новость о его пристрастии к наркотикам…

— Плесени, — поправил Финн.

— …любой разновидности. И еще менее он хотел бы, чтобы распространилось известие про его буйство от ксенопсевдоальгарика. Старпом напал, а Финн, с чисто технической точки зрения, вынужденно защищался. Потому начальству показалось разумным не упекать Финна в кутузку, выставляя грязное белье на всеобщее обозрение, но втихую перевести нарушителя на другой корабль.

— Я ни подтвержу, ни опровергну этой интерпретации событий, — заявил Финн.

— А зачем полицейские? — спросил Хэнсон.

— Следят, чтоб мы не заблудились по пути на «Интрепид», — заявил Хестер. — Проще говоря, чтобы он до нычки своей не добрался.

Финн закатил глаза в деланом отчаянии.

— Чую здесь озлобленность, — заключила Дюваль, глядя на Хестера.

Тот наконец посмотрел ей в глаза и сознался:

— Эта сволочь прятала свои запасы в моем рундуке.

— И ты не знал? — спросила Дюваль.

— Сказал, конфеты. Мол, если кореша узнают, залезут втихую и стибрят.

— Так они бы и стибрили! — возразил Финн. — К тому же оно и вправду было в конфетки закатано.

— А еще ты сказал, что конфеты — для твоей мамы.

— Признаю, тут я соврал.

— Я пытался объяснить капитану и старпому, но они просто не верят, — пробурчал Хестер. — На их взгляд, я сообщник. А мне этот ублюдок никогда не нравился.

— Так почему ж ты согласился держать его, гм, конфетки? — спросила Дюваль.

Хестер пробормотал что-то неразборчиво и отвернулся.

— Согласился, потому что я с ним по-доброму, а у парня друзей-то нет, — пояснил Финн.

— А ты этим воспользовался, — заключил Хэнсон.

— Не то чтобы я вовсе не хотел с ним подружиться, — указал Финн. — И я уж точно не хотел его подставить. В моих запасах ничего криминального. Просто наш старпом встал на рога и захотел немножко порихтовать мне кости.

— Вам следовало бы лучше разбираться в свой-

ствах своего продукта, — заметил Даль.

— Когда в следующий раз чего-нибудь раздобуду, обязательно тебе притащу понюхать, — съязвил Финн, а затем указал рукой на иллюминатор, за которым виднелся приближающийся шаттл. — Но придется подождать. Похоже, наш рейс прибыл.

Глава 2

На «Интрепиде» четверых новеньких принял старшина Дел Сол и быстренько разогнал всех по местам службы. Даля же встречал лично старший офицер по науке К'рооль.

— Сэр! — воскликнул Даль, салютуя.

К'рооль отсалютовал в ответ.

— Энсин Даль, рад вас видеть! Я нечасто встречаю новичков, явившихся под мою команду, но по пути с вахты решил лично показать вам пост. У вас есть личные вещи, которые вы хотели бы отнести в каюту?

— Нет, сэр!

Его вещи, как и вещи прочих новоприбывших, отправили в службу безопасности корабля для проверки. Потом багаж доставят в каюты, чье расположение передадут на телефоны новичков.

— Как я понимаю, вы провели несколько лет на Форшане и выучили язык. Причем все четыре диалекта.

— Так точно, сэр.

— Я немного изучал его в академии, — признался К'рооль, прокашлялся и выдал: — *Aaachka faaachklalhach ghalall chkalalal!*

Даль напрягся, старясь, чтобы не дрогнул ни единый лицевой мускул. К'рооль попытался произнести на третьем диалекте приветствие правой секты: «Я предлагаю вам хлеб жизни». Но построил фразу и поставил ударения так, что фраза прозвучала как призыв насиловать кексики совместно. Даже не принимая во внимание то, что член правой секты вряд ли стал бы по своей воле разговаривать на третьем диалекте — поскольку на нем говорил основатель левой секты, отчего правая секта всячески избегала третьего диалекта, — совместное надругательство над кексиками отнюдь не являлось распространенной практикой на Форшане.

– *Aaachkla faaachklalhalu faadalalu chkalalal*, — выговорил Даль традиционный ответ на приветствие на третьем диалекте, что переводилось как: «Я преломлю хлеб жизни с тобой».

— Я правильно сказал? — спросил офицер.

— Сэр, ваш акцент несколько необычен.

— В самом деле. Думаю, при необходимости общаться с форшанцами будете вы.

— Есть, сэр!

— Энсин, следуйте за мной!

К'рооль зашагал прочь, Даль отправился следом, едва не вприпрыжку.

На «Интрепиде» кипела деятельность, туда-сюда сновали матросы и офицеры, каждый, очевидно, спешил по важнейшему делу. А К'рооль шагал вперед, будто рассекающий океанскую гладь лайнер: толпа магическим образом расступалась впереди и смыкалась за его спиной.

— Тут, похоже, час пик, — заметил Даль, оглядываясь.

— Думаю, вы скоро поймете, что команда нашего корабля высокопрофессиональна и эффективна. «Интрепид» — флагман Вселенского союза. Потому здесь — лучшие из лучших.

— Сэр, я в этом не сомневаюсь, — поддакнул Даль, осматриваясь.

За его спиной суета резко снижала градус, члены команды останавливались, глазея на новичка с К'роолем. Выражения их лиц были странные.

— Насколько я помню, вы еще в академии ходатайствовали о службе на «Интрепиде»? — осведомился К'рооль.

— Да, сэр! — поспешно ответил Даль, снова глядя на старшего офицера. — Ваш научный отдел занимается поистине передовыми исследованиями. Некоторые вещи, которые вы на борту умудряетесь делать, настолько за гранью, что нам их в академии, хоть ты тресни, повторить

не удается.

— Искренне надеюсь, вы не имеете в виду, что мы тут ерундой страдаем? — В голосе офицера послышалась нотка угрозы.

— Вовсе нет, сэр! Ваша научная репутация абсолютно безупречна. А в работе, проводимой вашим отделом, чрезвычайно важны начальные условия, какие вне корабля воспроизвести трудно.

От этих слов К'рооль, кажется, немного смягчился.

— Космос огромен. Задача «Интрепида» — исследования. Мы в нашей работе — пионеры, первопроходцы. Находим, распознаем, описываем, выдвигаем гипотезы. Затем идем дальше, оставляя другим завершить начатое.

— Да, сэр! Меня привлекает именно передовая наука. Поиск нового.

— Хорошо. Вы видите себя членом группы высадки?

Прямо перед ними член экипажа споткнулся на ровном месте. Даль едва успел подхватить беднягу.

— Вы уж смотрите под ноги! — усмехнулся энсин, поддерживая незадачливого торопыгу.

Тот стремительно кинулся прочь, выдохнув на

бегу «спасибо».

— Какой проворный и вежливый! — заметил Даль, улыбаясь, — но перестал улыбаться от офицерского взгляда.

Замерший на месте К'рооль буквально впился в него глазами.

— Сэр? — окликнул Даль осторожно.

— Группы высадки. Вы готовы покидать корабль с разведмиссиями?

— В академии я был больше известен как лабораторная крыса.

Офицер чуть нахмурился.

— Но я понимаю, что «Интрепид» — поисково-разведочный корабль, и с нетерпением жду возможности что-нибудь разведать.

— Замечательно, — отметил К'рооль и зашагал дальше. — Лабораторной крысой, как вы выразились, хорошо быть в академии и, вероятно, на других кораблях. Но множество открытий, столь заинтересовавших вас, команда «Интрепида» сделала только благодаря готовности членов экспедиций засучить рукава и заниматься настоящей полевой работой. Имейте это в виду.

— Так точно, сэр!

— Хорошо, — заключил К'рооль.

Он остановился перед дверью с надписью

«Ксенобиология», открыл ее, демонстрируя лабораторию, и переступил порог. Следом вошел Даль.

Внутри никого не оказалось.

— Сэр, а где все?

— Всякий член команды «Интрепида» постоянно консультируется с коллегами из других отделов, а также зачастую имеет вторичные и дополнительные служебные обязанности. Например, вы — внештатный консультант отдела лингвистики по форшанскому языку. Так что люди не прикованы к своим основным рабочим местам.

— Ясно, сэр!

— Тем не менее… — пробормотал К'рооль, вынимая телефон и набирая номер. — Лейтенант Коллинз? Новый сотрудник вашей лаборатории явился к месту службы.

Пауза.

— Отлично. Это все, — подытожил офицер, пряча телефон. — В самом скором будущем лейтенант Коллинз явится поприветствовать вас.

— Спасибо, сэр!

Энсин Даль отдал честь. К'рооль кивнул, отсалютовал в ответ и вышел в коридор. Даль подошел к дверям и проводил офицера взглядом.

Среди толпы К'рооль по-прежнему двигался в пустоте — все встречные явно старались держаться от него подальше.

— Э-эй, — послышалось за спиной.

Даль обернулся. Посреди лаборатории стоял человек.

Даль посмотрел на дверь, закрывшуюся за К'роолем, затем снова на незнакомца.

— Привет. Две секунды назад вас здесь не было.

— Да, с нами такое случается, — подтвердил тот, подходя к Далю и протягивая руку. — Джек Кассавэй.

— Энди Даль, — представился энсин, пожимая руку. — И каким образом такое с вами случается?

— Секрет фирмы, — ответил Джек.

В дальней стене открылась дверь, из нее вышла женщина.

— Вот и секрет фирмы, — прокомментировал Кассавэй.

— Что там? — спросил Даль, указывая на дверь.

— Склад.

— Вы прятались на складе?

— Мы не прятались, — поправила женщина, —

мы проводили инвентаризацию.

— Энди Даль, это — Фиона Мбеке, — представил Джек.

— Привет, — сказал Даль.

— Вы бы лучше радовались, что инвентаризацию проводим мы, — заметила Мбеке. — А так бы на вас, как на новенького, повесили.

— Что ж, тогда спасибо, — ответил Даль.

— Но мы все равно отправим вас за кофе, — добавила Мбеке.

— Кто бы сомневался.

— Посмотрите-ка, вот и остальные! — объявил Кассавэй и кивнул на двоих, явившихся через переднюю дверь.

Женщина сразу подошла к Далю. Тот заметил лейтенантские значки на ее плече и отдал честь.

— Расслабься, — сказала Коллинз, но отсалютовала в ответ. — Мы друг дружке козыряем, только если заходит его величество.

— Вы имеете в виду коммандера К'рооля? — спросил энсин.

— Как видите, здесь игра слов, — пояснила лейтенант. — К'рооль — король.

— Да, мэм, — покорно отозвался Даль.

— Это такой нердский юмор, — пояснила лейтенант.

— Мэм, я понял, — улыбнулся Даль.

— Замечательно. Меньше всего нам здесь нужен очередной унылый зануда. Я вижу, вы уже познакомились с Мбеке и Кассавэем.

— Да, мэм.

— Думаю, вы уже поняли, что я ваш начальник. А это, — она указала на второго вошедшего, — Бен Трин, мой заместитель.

Тот шагнул к энсину, протягивая руку. Даль пожал ее.

— Вот и все мы, — подытожила лейтенант.

— За исключением Дженкинса, — вставила Мбеке.

— Думаю, встречаться с Дженкинсом он не захочет, — заметила лейтенант.

— Может, и захочет.

— Когда вы его видели в последний раз? — спросил Трин у Мбеке.

— Однажды мне почудилось, что я его вижу, но это оказался йети, — вставил Кассавэй.

— Хватит о Дженкинсе! — отрезала Коллинз.

— А кто такой Дженкинс? — спросил Даль.

— Он работает над особым независимым проектом, — ответила Коллинз. — Чрезвычайно напряженно. Большой проект. Забудьте о Дженкинсе, вы вряд ли с ним встретитесь… Так, а

теперь, хм…

Она подхватила со стола планшет и включила его.

— Я вижу, вы прибыли к нам из академии с отличными оценками.

— Спасибо, мэм.

— Флавий Антонеску по-прежнему возглавляет факультет ксенобиологии?

— Да, мэм.

— Даль, пожалуйста, перестаньте прибавлять «мэм» к каждой своей фразе. Кажется, будто вы заикаетесь.

— Слушаюсь, — ответил Даль, улыбаясь.

Лейтенант кивнула и снова посмотрела в планшет.

— Удивительно, что Флавий рекомендовал вас на «Интрепид».

— Он поначалу не хотел, — признался Даль, вспоминая оживленную дискуссию с главой факультета. — Настаивал, чтобы я занялся исследовательской работой на Европе.

— И почему вы не занялись?

— Мне хотелось повидать Вселенную, а не торчать в шестидесятикилометровом ледяном туннеле, разглядывая европеанские микробы.

— Вы имеете что-то против европеанских мик-

робов?

— Я уверен: как микробы — они чудесны. И несомненно, заслуживают того, кто искренне хочет их изучать.

— Наверное, вам стоило немалых усилий убедить Флавия передумать.

— Оказалось, мои оценки достаточно высоки, чтобы привлечь внимание коммандера К'рооля. И мне улыбнулась удача, тут как раз появилось место.

— Не удача, — заметила Мбеке.

— Это была логранийская ледовая акула, — сообщил печально Кассавэй.

— Что «удачей» никак не назовешь, — дополнила Мбеке.

— Ч-что? — выговорил Даль.

— Вы заменили нашего сотрудника Сида Блэка, — поведал Трин. — Он был членом группы высадки на ледяную планету Логран-семь. В ходе изучения заброшенного ледяного города на миссию напали акулы. Они схватили и унесли Сида Блэка. Больше его не видели.

— Его ногу видели, — напомнила Мбеке. — Во всяком случае, нижнюю ее часть.

— Успокойся, Фиона! — раздраженно скомандовала лейтенант Коллинз.

Она положила планшет на стол и посмотрела на Даля.

— Вы уже встречались с коммандером К'роолем, — сказала она.

— Встречался.

— Он говорил с вами про разведмиссии?

— Да. Спрашивал, заинтересован ли я в них.

— И что вы ответили?

— Сказал, что привык заниматься лабораторной работой, но предполагал, что придется участвовать и в полевой. А что?

— Он теперь на заметке у К'рооля, — сообщил Трин лейтенанту.

Даль посмотрел на Трина, потом на Коллинз.

— Мэм, я упускаю из виду что-то важное?

— Нет, — ответила та, глянув на Трина. — Но я хочу иметь возможность хотя бы проинструктировать своих новичков, прежде чем их заграбастает К'рооль. Только и всего.

— Разве здесь кроется некое философское противоречие?

— Не важно. Не забивайте себе голову, — посоветовала Коллинз. — Теперь о насущном. Ваше рабочее место вон там, в углу. Бен выдаст вам рабочий планшет и проинструктирует. Джек с Фионой подскажут что угодно, просто спросите.

Также, по долгу новоприбывшего, вы отвечаете за кофе.

— Меня уже проинформировали.

— Замечательно! — похвалила Коллинз. — Мне как раз захотелось выпить чашечку. Бен, покажи ему, что да как.

— Итак, ребята, вас спрашивали про группы высадки? — осведомилась Дюваль, ставя поднос с едой на стол, за которым уже сидели Даль с Хэнсоном.

— Спрашивали, — ответил Хэнсон.

— И меня тоже, — подтвердил Даль.

— Это только мне кажется или на корабле действительно все шарахаются, когда упоминают про разведмиссии? — осведомилась Майя.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Даль.

— Прибыв на место, я за пять минут услышала три истории про разных парней, давших дуба на разведмиссиях. Одного пришиблю сверху камнем. Второй надышался ядовитой атмосферой. Третьего испарила его же импульсная пушка.

— Заклинило люк в шаттле, — добавил Хэнсон.

— Унесла ледяная акула, — подхватил Даль.

— Кто-кто унес? — спросила Дюваль, растерянно моргая. — Что это за хрень — ледяная акула?

— Вот-вот, я и сам понятия не имею.

— Это акула изо льда? Или акула, живущая во льду?

— Не уточнили, — признался Даль, цепляя кусок мяса с тарелки.

— Кажется мне, эта история про ледяную акулу — абсолютная брехня, — заметила Дюваль.

— Даже если детали размыты, — возразил Даль, — все подтверждает твое наблюдение: здешний люд только и думает о разведмиссиях.

— Потому что в них постоянно кто-то гибнет, — отметил Хэнсон.

— Джимми, отчего ты так считаешь? — Даль выгнул бровь.

— Ну, мы все здесь вместо выбывших членов команды, — ответил Хэнсон и указал пальцем на Дюваль. — Что случилось с тем, кого ты заменила? Его перевели?

— Нет. Импульсная пушка взорвалась.

— А моего выкинуло в космос из шаттла. А парня, которого заменил Энди, сожрала ледяная акула. Хочешь не хочешь, а подумаешь: здесь творится неладное. Об заклад бьюсь: если найдем Финна и Хестера, они то же самое расскажут про своих предшественников.

— Кстати, о них, — заметил Даль и ткнул вилкой воздух.

Дюваль с Хэнсоном увидели Хестера. Застыв у стойки с подносом в руках, он угрюмо осматривался.

— Явно не самый жизнерадостный человек в мире, — прокомментировала Дюваль.

— Да нормальный парень, — возразил Хэнсон и позвал Хестера.

Тот, заслышав свое имя, слегка подпрыгнул и снова застыл в замешательстве — видимо, размышлял, стоит ли присоединяться к подозрительной троице. Затем, решившись, зашагал к ним. Сел рядом и принялся уныло ковыряться в еде.

— Ну… Как дела? — нарушил в конце концов молчание Даль.

Хестер пожал плечами, копнул еду, затем скривился, отложил вилку и обвел взглядом сидящих за столом.

— Ну, что стряслось? — спросила Дюваль.

— Мне одному кажется или на корабле все основательно шизанулись на разведмиссиях? — осведомился Хестер.

Глава 3

Даль сидел на рабочем месте, классифицируя споры с Теты Ориона-12, когда запищал планшет Бена Трина. Тот глянул на монитор, сообщил, что пойдет выпить кофе, и скрылся за дверью.

«А что с моим кофе не так?» — мысленно удивился Даль, возвращаясь к работе.

Как и договаривались, уже неделю с момента прибытия на «Интрепид» Эндрю служил гарсоном: следил за кофеваркой на складе и доставлял питье коллегам, как только кто-нибудь из них звякнет пустой чашкой. Коллеги не злоупотребляли привилегией и чаще сами делали себе кофе — но время от времени с удовольствием гоняли новичка.

Даль подумал, что нужно бы проверить кофеварку. Кассавэй последним подходил к аппарату, и энсин поднял голову, чтобы спросить, не нужно ли его заправить.

И вдруг понял: в лаборатории он в одиночестве.

— Что за чертовщина? — пробормотал Даль.

Внешняя дверь скользнула в сторону, и в проем шагнули капитан Абернати с К’роолем.

Даль встал и козырнул.

— Здравия желаю, сэр капитан! Сэр коммандер!

К'рооль осмотрел лабораторию.

— Энсин Даль, где ваши коллеги?

— На заданиях, — ответил тот, промедлив секунду.

— Он справится, — сказал вдруг Абернати и решительно шагнул к энсину.

Он показал небольшой пузырек.

— Вы знаете, что это?

«Пузырек», — подумал Даль, а вслух лихо отрапортовал:

— Ксенобиологический образец, сэр!

— Отлично! — констатировал Абернати и протянул пузырек энсину. — Как вам известно, мы сейчас близ планеты Меровия, известной произведениями искусства, но, к сожалению, заселенной народом, из суеверий не признающим никакой медицины.

Он замолк, будто ожидая реакции.

— Да, сэр, известно, — с готовностью подтвердил Даль, предположив, что этого от него и ждут.

— К сожалению, сейчас на планете свирепствует чума, буквально косит население, — поведал К'рооль. — Вселенский союз опасается, что чума

погубит цивилизацию Меровии. Целая планета погрузится в темную пучину упадка и уже не выкарабкается из нее.

— Правительство Меровии отказывается от любой медицинской помощи Вселенского союза, — подхватил Абернати. — Потому «Интрепиду» дали секретное задание: собрать образцы заразы и создать контрбактерию, которую можно будет занести на планету и победить тем самым чуму.

«Контрбактерию? — подумал Даль. — Они имеют в виду вакцину?»

Он хотел уточнить, но не успел, поскольку К'рооль изрек:

— Мы отправили засекреченную разведмиссию из двух человек собрать образцы, но в процессе они заразились. Меровианская чума уже унесла жизнь энсина Ли.

— От чертовой заразы у нее мясо разжижилось и стекло с костей, — угрюмо дополнил Абернати.

— Заразился еще один член команды «Интрепида» — лейтенант Керенский, — сказал К'рооль.

Оба старших офицера уставились на энсина, словно желая подчеркнуть непостижимую чудовищность известия о заражении лейтенанта Керенского.

— О нет! — с готовностью подхватил Даль. —

Неужели Керенский?

— Вижу, вы понимаете, сколь важен пузырек, который вы держите в руках. Используйте его для создания контрбактерии. Если получится, спасете Керенского.

— И меровианцев, — добавил Даль.

— Да, их тоже, — подтвердил Абернати. — У вас шесть часов.

— Шесть часов? — Даль растерянно моргнул.

— Какие-то трудности, уважаемый? — спросил капитан сердито.

— Сэр, не слишком много времени вы мне отводите.

— Черт возьми, мы ведь про Керенского говорим! Про его жизнь! Если Бог сотворил целую Вселенную за шесть дней, вы уж как-нибудь справитесь с одной бактерией за шесть часов!

— Сэр, я попытаюсь!

— Просто пытаться — мало! — Капитан мощно хлопнул Даля по плечу. — Я хочу от вас услышать: «Будет сделано, сэр!»

Он крепко тряхнул энсина.

— Будет сделано, сэр!

— Спасибо, энсин Диль! — торжественно произнес капитан.

— Даль, сэр!

— Даль, — повторил капитан и в следующее мгновение будто забыл о существовании энсина.

— К'рооль, пойдемте! Надо связаться по гиперволнам с адмиралом Дрезнером. Ситуация крайне рискованная.

И Абернати целеустремленно двинулся к двери. К'рооль поспешил следом, на ходу кивнув рассеянно Далю.

Тот в растерянности стоял с пузырьком в руке.

«Я, пожалуй, повторюсь, — подумал он. — Что за чертовщина?»

Дверь склада открылась, и вошли Кассавэй с Мбеке.

— Чего они хотели? — спросил Кассавэй.

— А, у вас опять инвентаризация? — осведомился Даль ехидно.

— Занимайтесь своим делом, — указала Мбеке.

— Так чего они хотели? — спросила Коллинз, бодро входя в главную дверь.

За нею вошел Трин с чашкой кофе в руке.

Даль подумал, как было бы здорово наораться всласть на коллег, но одернул себя и, собравшись с мыслями, показал пузырек.

— Они мне приказали вывести за шесть часов контрбактерию.

— Контрбактерию? — спросил Трин. — То есть

вакцину?

— Я повторяю приказ дословно, — объяснил Даль. — Именно контрбактерию. За шесть часов.

— Шесть часов, — произнес Трин, задумчиво глядя на Коллинз.

— Именно, — подтвердил Даль. — И даже если бы я знал, что такое контрбактерия, шесть часов — это не время. На вакцину нужны недели.

— Даль, скажите мне, как говорили с вами К'рооль и Абернати? — попросила Коллинз.

— Что вы имеете в виду?

— Они пришли с четким заданием или несли всякую чушь, о которой вам знать необязательно?

— Несли немного, да, — признался Даль.

— Капитан впадал в драматизм? — спросила Коллинз.

— Что вы подразумеваете под драматизмом в данных обстоятельствах?

— Вот что, — сказала Мбеке, ухватила энсина за плечи, встряхнула и завопила: — Черт возьми, парень, просто пытаться — мало! Надо делать!

Даль осторожно положил пузырек на стол, чтобы нечаянно не выронить.

— Приблизительно так он и сказал.

— Любимая его присказка, — проворчала Мбе-

ке, отпуская Даля.

— Ничего не понимаю, — посетовал Даль, глядя на коллег.

— Еще вопрос, — сказала Коллинз, пропустив его слова мимо ушей, — они велели изготовить контрбактерию за шесть часов, а объяснили зачем?

— Да. Нужно уложиться в это время, чтобы спасти лейтенанта.

— Какого лейтенанта?

— Не все ли равно?

— Энсин, отвечайте на вопрос! — потребовала Коллинз, впервые за неделю обращаясь к Далю по званию.

— Его фамилия Керенский.

Все умолкли.

— Бедолага. Вечно во все влипает, — сказала Мбеке.

— Но каждый раз поправляется! — Кассавэй фыркнул, затем уставился на Даля. — Кто-то ведь погиб?

— У энсина Ли разжижилось мясо.

— Вот видишь! — воскликнул Кассавэй, обращаясь к Мбеке.

— Да объясните же, что происходит, — попросил Даль.

— Время вытаскивать Ящик, — подытожил Трин, прихлебывая кофе.

— Да, — согласилась Коллинз и велела Кассавэю: — Джек, иди принеси.

Тот закатил глаза и отправился на склад.

— Скажите хоть, кто такой лейтенант Керенский! — взмолился Даль.

— Он с мостика. Официально — астроштурман, — пояснил Трин.

— Капитал с К'роолем сказали, он участвовал в высадке, собирал биологические образцы.

— Не сомневаюсь, так оно и было, — заметил Трин.

— Но зачем посылать на полевую работу астроштурмана?

— Теперь вы понимаете, почему я добавил «официально» к его должности, — заключил Трин, прихлебывая кофе.

Дверь склада отъехала, и показался Кассавэй с небольшим кубическим ящиком в руках. Он подошел к ближайшей индукционной поверхности, поставил. Прибор включился.

— Что это? — спросил энсин.

— Ящик, — ответил просто Кассавэй.

— А официального, номенклатурного названия у него нет?

— Наверное, есть.

Даль подошел, осмотрел устройство, открыл дверцу, заглянул внутрь.

— Похоже на микроволновку.

— Это не микроволновка, — возразил Кассавэй, вручая Далю пузырек с образцами.

— Что же это? — выговорил энсин, вопросительно глядя на командира.

— Ящик, — отрезала Коллинз.

— Просто «Ящик»? И все?

— Вам полегчает, если я скажу, что это экспериментальный квантовый компьютер с усовершенствованными возможностями и способностью искусственного интеллекта к индуктивному мышлению, принцип работы которого дошел до нас от весьма развитой, но уже вымершей расы воинов-инженеров? Так лучше?

— Это действительно так?

— Ну конечно, — подтвердила Коллинз и вручила пузырек Далю. — Поместите его в Ящик.

Даль глянул на флакончик, взял его в руки.

— Подготовить образец?

— В нормальных обстоятельствах следовало бы, — сказала Коллинз. — Но это же Ящик. Потому просто суйте внутрь.

Даль поставил пузырек в центр керамического

диска на дне Ящика. Закрыл дверцу, глянул на панель управления. Там красовались три кнопки: зеленая, красная и белая.

— Зеленая кнопка запускает процесс, — пояснила лейтенант. — Красная кнопка останавливает процесс. Белая открывает дверцу.

— Обычно в подобных машинах все как-то посложнее, — пробормотал Даль.

— Обычно — да, — согласилась Коллинз. — Но это же…

— Ящик. Я уже понял.

— Тогда вперед! — приказала она.

Даль вдавил зеленую кнопку. Ящик низко загудел, внутри зажегся свет. Даль заглянул в окошко: поддон с флаконом вращался, будто карусель в парке.

— Да вы издеваетесь, — пробормотал энсин и, поглядев на начальницу, добавил: — И что теперь?

— Вы говорите, Абернати с К'роолем дали вам на все про все шесть часов?

— Все верно.

— Значит, где-то через пять с половиной часов Ящик оповестит вас о том, что средство готово.

— И как же он меня оповестит?

— Он скажет «динь-дон», — сообщила Коллинз

и удалилась.

Через пять с половиной часов Ящик издал тихое спокойное «динь-дон». Карусель остановилась, свет погас.

— И что теперь? — спросил Даль, глядя на Ящик и не обращаясь ни к кому в особенности.

— Проверьте свой планшет, — посоветовал Трин, не отрываясь от работы.

Помимо Даля, он единственный еще оставался в лаборатории.

Даль схватил и включил планшет. На экране вращалась сложная органическая молекула, рядом ползла колонка данных. Энсин попытался расшифровать их.

— Это же белиберда какая-то, — сказал он через минуту. — Бесконечный поток белиберды.

— Все в порядке, — заметил Трин, оставляя свою работу и направляясь к младшему коллеге. — Теперь слушайте внимательно: прежде всего идите на мостик и покажите данные с планшета К'роолю.

— Зачем? Можно просто отправить их по почте.

— Так не сработает. — Трин покачал головой.

— Да что за… — начал было энсин, но Трин вскинул руку.

— Помолчите минуту и просто послушайте. Я понимаю, звучит бессмысленно и выглядит до крайности глупо. Но это единственный способ сделать дело. Принесите планшет к К'роолю, покажите ему данные. Когда посмотрит, скажите: «У нас почти все получилось, но еще остались вопросы с протеиновой оболочкой». После чего ткните пальцем в любую строчку на экране.

— Протеиновая оболочка?

— Необязательно. Можете сказать, что вам заблагорассудится: ошибка транскрипции энзимов, барахлит репликация РНК и прочее в том же роде. Я всегда называю протеиновую оболочку, потому что она проще в произношении. Главное, вы должны сказать, что почти все в порядке, но осталась одна нерешенная проблема. И после этих слов ткнуть в экран.

— И что мне это даст?

— Это даст повод К'роолю нахмуриться, поглазеть на данные с минуту и объявить, что вы просмотрели элементарную вещь, которую он, К'рооль, сейчас учтет и все поправит. После чего вы можете сказать что-нибудь вроде «конечно» либо «изумительно». А если хотите хорошенько лизнуть ему задницу, скажите: «Коммандер К'рооль, мы бы за миллион лет эту загадку не

разгадали!» Он это любит, просто обожает, хоть и не признается.

Даль открыл рот, но Трин снова поднял руку.

— Или просто сделайте так, как делаем обычно все мы: убегайте с мостика как можно скорее. Подсуньте коммандеру данные, укажите на проблему, позвольте решить ее, спрячьте планшет и убирайтесь. Не привлекайте к себе внимания. Не пытайтесь умничать. Покажитесь, отчитайтесь и уносите оттуда ноги! В данной ситуации ничего умнее вы сделать не можете.

И Трин вернулся к своей работе.

— По мне, абсолютная бессмыслица, — выдал энсин.

— Да, бессмыслица. Я вам об этом еще не говорил?

— Может, кто-нибудь возьмет на себя труд объяснить мне, что тут происходит?

— Может, когда-нибудь я и объясню, — ответил Трин, усаживаясь. — Но не сейчас. Сейчас вам нужно мчаться на мостик к офицеру К'роолю. Ваши шесть часов почти истекли. Торопитесь!

Даль выскочил за дверь ксенобиологической лаборатории — и тут же врезался в кого-то, шлепнулся на пол и выронил планшет. Он встал и осмотрелся в поисках компьютера — планшет

держала жертва столкновения. Финн.

— Никому не стоит носиться сломя голову, — заметил он.

Даль выхватил планшет.

— Ты бы тоже несся, если б без твоего вмешательства через десять минут кто-то превратился в жижу, — сообщил энсин, направляясь к мостику.

— Как драматично! — восхитился Финн, шагая рядом.

— Ты, случайно, не по делам шел?

— По делам. Я на мостик. Вместо шефа несу весть капитану Абернати.

— На этом корабле никто почтой не пользуется?

— На «Интрепиде» предпочитают личные контакты.

— Ты правда так думаешь? — спросил Даль, обходя группку членов экипажа.

— Почему ты спрашиваешь?

— Да так, — Даль пожал плечами, — не важно.

— Мне корабль нравится. Он уже мой шестой. На других офицеры прям зверствуют, помешаны на всяких формальностях и протоколе. А тут вольготно, будто на круизном лайнере. Черт возьми, мой босс от капитана бегает как ошпаренный, не хочет показываться на глаза.

Даль вдруг остановился. Финну пришлось отскочить, чтобы не столкнуться во второй раз.

— Бегает от капитана как ошпаренный, — повторил Даль задумчиво.

— Да прям свихнулся. К примеру, рассказывает про ночь с гордусианским гермафродитом и — упс! Уже удрал пить кофе. Как только босс слинял, на пороге объявляется капитан.

— Ты серьезно?

— А как думаешь, почему я разношу депеши?

Даль покачал головой и зашагал вперед. Финн — следом.

Мостик был хорошо оборудован и со вкусом обставлен, он напоминал фойе шикарного офисного небоскреба.

— Энсин Даль? — позвал старший офицер, не отходя от своего рабочего места. — Вижу, вы исполняете задания впритык.

— Спешил как только мог, — заверил Даль.

Он подошел к К'роолю, показал на планшете вращающуюся молекулу и столбик данных. Командер изучал их с минуту в молчании, затем прокашлялся и глянул вопросительно на энсина.

— Простите, сэр! — спохватился Даль. — Мы на девяносто девять процентов все сделали, но возникла проблема. Гм, с протеиновой оболочкой.

Вот здесь.

Помедлив секунду, он указал на ползущую вверх колонку белиберды.

— У вашей лаборатории вечно проблемы с протеиновыми оболочками, — пробормотал К'рооль, снова уставившись в экран.

— Да, сэр.

— Если в следующий раз как следует изучите пептидные связи, — изрек К'рооль, ткнув пальцем в экран, — обнаружите, что решение у вас под носом.

Он повернул планшет к Далю. Вращение молекулы остановилось, несколько связей теперь были выделены красным и мигали. В остальном рисунок не изменился.

— Сэр, поразительно! — воскликнул Даль. — Не понимаю, как мы могли такое упустить!

— М-да, — хмыкнул К'рооль, перемещая данные с планшета на свою рабочую станцию. — К счастью, у нас еще есть время, чтобы отправить исправленные данные в синтезатор материи и спасти Керенского.

Коммандер вручил планшет Далю.

— Спасибо, энсин. Можете быть свободны.

Даль открыл было рот, но К'рооль посмотрел на него удивленно, и в памяти энсина всплыли

Триновы слова: «Покажитесь, отчитайтесь и уносите ноги! В данной ситуации ничего умнее вы сделать не можете».

Потому Даль кивнул и унес ноги.

За мостиком его нагнал Финн.

— Я столько времени зря потратил. И это мне нравится, — сообщил он.

— С этим кораблем что-то не так. Причем совершенно.

— Да поверь мне, все с ним прекрасно! Это ж твое первое назначение, тебе не с чем сравнивать. Послушай старого эксперта. «Интрепид» — лучшее, что можно найти во флоте.

— Не думаю, что твоему экспертному мнению… — заговорил Даль и осекся.

Перед ним явилось волосатое нечто.

Оно сурово воззрилось на приятелей, затем ткнуло Даля в грудь.

— Ты! — выговорило существо с усилием, давя пальцем. — Тебе повезло. Ты не представляешь как. Послушай меня, Даль! Держись подальше от мостика. Избегай Сюжета! В следующий раз на мостике тебя обязательно засосет. И тогда с тобой все кончено.

Призрак глянул на Финна.

— И с тобой, халтурщик, тоже. Ты уж точно

пойдешь на корм.

— Ты кто такой и какие таблетки забыл принять? — осведомился Финн.

Видение ухмыльнулось.

— Не думайте, что я стану снова вас предупреждать. Слушать или нет — дело ваше. Но если не послушаете — вы трупы. Трупы, понимаете? Так что решайте сами.

Призрак затопал прочь и нырнул в люк, ведущий в технический коридор.

— Что это было? — спросил удивленный Финн. — Йети?

Даль глянул на него, но не ответил. Он кинулся к люку и распахнул дверь.

Там было пусто.

— Что, ты говоришь, с этим кораблем? — осведомился Финн из-за спины Даля.

— С этим кораблем что-то не так. Причем совершенно, — повторил тот.

— Да. Кажется, ты прав.

Глава 4

— Жмите! Мы уже почти у шаттлов! — орал лейтенант Керенский.

Даль невольно хихикнул — просто чудо, как пыхал здоровьем Керенский, недавно переболев разжижающей плоть чумой.

В следующую секунду Даль вместе с Хестером и прочими участниками группы высадки рванул по коридору космической станции, обгоняя механическую смерть.

Космическая станция не принадлежала Вселенскому союзу, она была независимой коммерческой структурой. Несмотря на свою сомнительную легальность, она посылала по открытому каналу гиперволн призыв о помощи. В сигнале было закодировано сообщение. «Интрепид» отреагировал на просьбу, отправив две спасательные команды. Сообщение расшифровали, только когда группы уже прибыли на станцию.

Скрытое послание гласило: «Держитесь подальше — машины взбунтовались».

На тот момент команда Даля уже выяснила это — когда робот изрубил Лопес в фарш. Доносящиеся издалека вопли намекали, что вторая группа

выяснила то же самое тем же путем.

Во второй группе были Финн, Хэнсон и Дюваль.

— Какой недоносок придумал шифровать сообщение о машинах-убийцах? — завопил Хестер.

Он бежал в хвосте стремительно отступавшей команды. Сзади грохало тяжкое «бум-бум». Пол трясся. Их догоняло что-то огромное.

— Тише! — рыкнул Даль.

Все знали: машины могли видеть людей. Логично предположить, что машины могли и слышать их.

Беглецы остановились. Все, кто остался от команды — Хестер с Далем и еще двое, — собрались вокруг Керенского, ожидая приказов. Они присели на корточки, пока лейтенант копался в телефоне.

— Даль! — позвал тот, махнув рукой.

Энсин подобрался ближе, посмотрел на карту на дисплее телефона.

— Мы здесь. — Лейтенант указал на точку в коридоре. — Причал шаттлов там. Туда добраться можно двумя путями: через центр станции, сквозь мастерские, либо через кают-компанию.

«Да хватит болтать, решай скорее!» — взмолился про себя Даль, но лишь кивнул.

— Думаю, у нас больше шансов, если разделиться, — рассудил Керенский. — Если машины погонятся за одной группой, у другой больше шансов добраться до шаттла. Вы умеете управлять шаттлом?

— Хестер умеет, — ответил Даль помимо собственной воли.

Неужели? Хестер же никогда не говорил о своих пилотских навыках.

— Тогда берите его с матросом Макгрегором и бегите через кают-компанию. Мы с Вильямсом пойдем сквозь мастерские. Встретимся у шаттла. Там дождемся команду лейтенанта Фишера — если сможем, конечно, — и уберемся к чертям отсюда.

— Есть, сэр!

— Удачи! — пожелал Керенский и жестом подозвал Вильямса.

«А лейтенант вовсе не жидкий», — подумалось Далю.

Энсин подошел к Хестеру с Макгрегором.

— Лейтенант разделил группу, вы двое отправляетесь со мной к шаттлу через кают-компанию.

Керенский с Вильямсом зарысили по коридору к мастерской.

— Что? — воскликнул Макгрегор, бледнея. —

Дерьмо собачье! Я с тобой не хочу. Я пойду с лейтенантом!

— Это приказ, — напомнил Даль.

— Да плевать! Ты что, не въезжаешь? Керенский — неприкасаемый. Ты — нет. Ты простой безымянный энсин, а мы на космической станции, кишащей гребаными роботами-убийцами. Ты серьезно считаешь, что можешь выбраться отсюда живым?

— Успокойся, — посоветовал Даль, поднимая руки.

Под ногами ощутимо вздрагивал пол.

— Мы теряем время. Нужно идти.

— Нет! — крикнул Макгрегор. — Ты не понимаешь! Лопес уже погибла прямо перед выходом Керенского, она жертва. Теперь все, кто пойдет с Керенским, в безопасности!

Он вскочил и бросился вслед за лейтенантом — прямо навстречу вынырнувшей из-за угла машине. Макгрегор успел открыть рот и испустить удивленное «о!», прежде чем пущенный машиной гарпун проткнул ему печень.

На мгновение все застыло, точно на картине: с одной стороны коридора — Даль с Хестером на корточках, на другой — робот, посредине — проткнутый гарпуном Макгрегор, истекающий

кровью.

Тот повернул голову к перепуганному Далю и прохрипел: «Видишь?»

Гарпун дернулся, и нанизанный матрос подлетел к машине, уже запустившей кромсающие лезвия.

Даль с криком встал, выдернул пистолет из кобуры и выстрелил в красное вязкое облако, окутавшее робота. Но заряд лишь скользнул по панцирю машины. Хестер завопил и потянул Даля за рукав, в коридор, подальше от робота, снова нацелившего гарпун.

Оба промчались по проходу, свернули в другой, ведущий к кают-компании. Беглецы ворвались в нее, закрыли дверь.

— Эта дверь его не удержит, — выдохнул запыхавшийся Хестер.

Даль изучил косяк.

— Тут еще одна — противопожарная или даже герметическая. Поищи панель управления.

— Нашел! — отрапортовал Хестер. — Отойди-ка.

Он нажал большую красную кнопку. Взвизгнуло, зашипело. Пара тяжелых створок медленно двинулась, но не сомкнулась, встала на полпути.

— Да иди ты! — выдохнул Хестер.

Сквозь стекла внешних дверей оба увидели приближающегося робота.

— Есть идея, — сообщил Даль.

— Бежать? — спросил Хестер.

— Отойди от панели!

Хестер отступил, хмурясь. Даль прицелился из импульсного пистолета и выстрелил в тот самый момент, когда гарпун машины выдрал внешние двери из косяка. Из панели вылетел сноп искр. Звучно лязгнув, тяжелые створки сомкнулись.

— Это и есть идея? Выстрелить в панель? — изумился Хестер.

— Мне вдруг пришло в голову, — сказал Даль, убирая пушку в кобуру.

— Пришло в голову, что все здесь собрано тяп-ляп? Что эта станция — сплошное гребаное нарушение инструкций?

— Знаешь, машины-убийцы на это намекают довольно-таки прозрачно.

Бумм!!! Снаружи гарпун врезался в дверь.

— Если эта дверь сделана так же, как и все остальное, она долго не продержится, — заметил Хестер.

— Долго нам и не надо держаться, — ответил Даль, вынимая телефон и рассматривая карту станции. — Пойдем! Тут рядом дверь на кухню,

выйдем через нее, а там прямиком к шаттлу. Если повезет не нарваться на что-нибудь новенькое, скоро выберемся.

За два коридора до причала они встретили оставшихся из группы лейтенанта Фишера: самого лейтенанта, Дюваль, Хэнсона и Финна.

— Ну разве мы не счастливчики? — воскликнул Финн, завидев Даля с Хестером.

Однако сарказм не очень вязался с дрожью в голосе. Финн был напуган до полусмерти. Хэнсон положил ему руку на плечо.

— Где Керенский и остальные? — спросил Фишер Даля.

— Мы разделились. Насколько я знаю, Керенский и Вильямс живы. Мы потеряли Лопес и Макгрегора.

— Мы — Рэйтона и Вэбб, — откликнулся Фишер.

— Гарпуны и лезвия? — осведомился Даль.

— Стая летучих микророботов.

— Их мы не встретили.

— Невероятно. — Фишер покачал головой. — Только перевелся на «Интрепид», и в первой же своей разведмиссии я теряю двух человек.

— Сэр, думаю, дело не в вас, — заметил Даль.

— А в ком же? Ладно, пора идти.

Все шестеро осторожно пошли к причалу.

— Кто-нибудь умеет управлять этими штуковинами? — осведомился Фишер, указывая на шаттлы.

— Я умею, — отозвался Хестер.

— Отлично.

Лейтенант кивнул на шаттл Керенского.

— Запустите его. Я запущу свой. Все садитесь в шаттл Хестера. Если увидите машины, немедленно отчаливайте, никого не ждите. У меня хватит места для Керенского и Вильямса. Все понятно?

— Так точно, сэр! — ответил Хестер.

— Выполняйте, — бросил коротко лейтенант, ныряя в свой шаттл.

— В этой миссии все дерьмово от начала до конца, — процедил Хестер уже в шаттле, включая системы и готовясь к отлету.

Финн, Дюваль и Хэнсон пристегивались, Даль караулил у люка, дожидаясь Керенского с Вильямсом.

— Хестер, ты когда-нибудь говорил мне, что умеешь пилотировать шаттл? — спросил он.

— Я занят немного, — буркнул тот.

— И я не думал, что он умеет, — подал голос Финн. — А я его больше года знаю.

Ему хотелось хоть как-то отвлечься от давящего

ужаса, разрядиться, а потрепаться все же лучше, чем обмочить штаны.

— Такое обычно не заметить сложно, — продолжил Даль.

— Правда, мы не то чтобы закадычные друзья. Большей частью меня интересовал его рундук.

На это Даль не сказал ничего. Снова выглянул наружу.

— Готово! — объявил Хестер, вдавил кнопку и пристегнулся.

Загудели двигатели.

— Закрывай люк. Валим отсюда.

— Подожди, — попросил Даль.

— К черту ждать, — буркнул Хестер, нажимая кнопку закрытия люка на приборной панели.

Даль шлепнул по кнопке контроля у люка, отменяя команду.

— Подожди! — крикнул он Хестеру.

— Да что с тобой такое? — рявкнул тот. — У Фишера достаточно места для Керенского с Вильямсом. Я за немедленный вылет! А я — единственный пилот, и мой голос тут решающий!

— Мы ждем!!!

— Мать твою, зачем? — заорал Хестер.

— Вон они! — объявил Хэнсон.

Даль выглянул из люка. Керенский с Вильямсом

медленно ковыляли по причалу, поддерживая друг друга. Позади них гулко грохотали машины.

Фишер высунул голову из шаттла и, заметив Даля, крикнул: «К ним!» — и сам бросился к раненым. Даль выпрыгнул наружу и побежал.

— За нами шесть машин! — выдохнул Керенский подбежавшим спасителям. — Мы едва успели. Стаи микроботов…

Даль подхватил лейтенанта прежде, чем тот шлепнулся на пол.

— Возьмешь лейтенанта? — спросил Фишер.

Даль кивнул.

— Волоки его к себе и прикажи пилоту стартовать немедленно. Я потащу Вильямса. Быстрей!

Фишер подхватил Вильямса и поволок к своему шаттлу. Вильямс оглянулся и посмотрел на Керенского и Даля. Похоже, бедняга был вне себя от ужаса.

Первый робот ввалился на причал.

— Энди, беги! — заорала Дюваль из люка.

Даль кинулся со всех ног, швырнул Керенского на руки Дюваль и Хэнсону, вылезшим на помощь. Те схватили лейтенанта и мгновенно затащили внутрь. Даль шлепнулся в люк.

— А теперь можно? — спросил Хестер и стукнул по кнопке.

Шаттл рванулся. В люк что-то тяжко ударило и с лязгом соскользнуло.

— Гарпун, — сообщил Финн.

Он, отстегнувшись, встал за спиной у пилота и заглянул в дисплей заднего обзора.

— Но не зацепился.

Шаттл вышел из шлюза.

— Выбрались, — пробормотал Хестер.

— Как лейтенант? — спросил Даль у Майи, осматривающей Керенского.

— Без сознания, но в общем дела неплохи, — ответила она, затем обратилась к Хэнсону: — Джимми, пожалуйста, принеси мне аптечку. Она за пилотским креслом.

Хэнсон полез за аптечкой.

— Майя, ты квалифицированный медик? — спросил Даль.

Та глянула косо:

— Я ж говорила: служила в наземных войсках. Там и навострилась, кучу народу залатала. — Она улыбнулась. — Не только у Хестера есть скрытые таланты.

Хэнсон наконец вытащил аптечку. Дюваль раскрыла ее и приступила к работе.

— Ох, мать! — выдохнул Финн, глядя в монитор.

— Что такое? — спросил Даль.

— Второй шаттл, есть сигнал с их камер. Смотри!

Даль смотрел. Камеры другого шаттла показывали десятки роботов, ворвавшихся на причал и стрелявших по судну. Над машинами колыхалось темное облако.

— Микроботы, — пробормотал Финн.

Изображение дрогнуло, замерцало, затем исчезло.

Финн уселся в кресло второго пилота и ткнул кулаком в угасший экран.

— Их шаттлу конец. Двигатели не завелись, и, похоже, корпус пробит.

— Нужно вернуться за ними, — сказал Даль.

— Нет, — буркнул Хестер.

Даль побагровел от злости.

— Энди, это уже бессмысленно, — пояснил Хестер, повернувшись к нему. — Если корпус поврежден хотя бы чуть-чуть, микроботы уже проникли в шаттл. А если они внутри, то Фишер с Вильямсом мертвы.

— Он прав, — подтвердил Финн. — Возвращаться не к кому. А даже если бы мы и вернулись — что смогли бы поделать? На причале полно машин. У шаттла нет оружия. Мы всего лишь

дали бы роботам второй шанс нас укокошить.

— Нам чертовски повезло убраться живыми, — заключил Хестер и снова уставился на панель управления.

Даль посмотрел на тихо стонущего Керенского, над которым хлопотали Дюваль и Хэнсон.

— Сдается мне, дело тут вовсе не в везении, — сказал энсин Эндрю Даль.

Глава 5

— Я бы хотел раз и навсегда прояснить кое-что, — объявил Даль коллегам по лаборатории.

Все четверо замолкли и переглянулись.

— Хорошо, больше не нужно подносить нам кофе, — выдала наконец Мбеке.

— Я не о кофе, Фиона.

— Знаю. Но подумала, отчего бы не попытаться?

— Вы о вашем опыте с группой высадки, — предположила лейтенант Коллинз.

— Нет. Верней, не только. Я и о группе высадки, и о том, как вы исчезаете перед появлением К'рооля, и о том, почему люди шарахаются и разбегаются, когда он идет по коридорам, и о гребаном Ящике, и о том, что на этом гребаном корабле происходит черт знает какая хрень.

— Ладно, — согласилась Коллинз. — Я расскажу. Уже давно была замечена очень высокая корреляция между смертностью членов экипажа, назначенных в разведмиссию, и присутствием некоторых старших офицеров в ней. А именно капитана, К'рооля, главного инженера Веста, старшего медика Хартнелла и лейтенанта Ке-

ренского.

— И дело не только в том, что люди погибают, — добавил Трин.

— Да, — подтвердила Коллинз. — Они не просто погибают.

— А-а, знаю. Вроде того, что если у Керенского кто-то уже погиб, то остальные в безопасности, — заметил Даль, вспомнив Макгрегора.

— Этот эффект лишь слабо ассоциируется с Керенским, — заметил Кассавэй.

— Эффект? — Даль уставился на него, не веря своим ушам. — У вас небось и название есть?

— Да. «Эффект жертвы». Сильнее всего он проявляется с Хартнеллом и К'роолем. С капитаном и Керенским — так себе. С Вестом не работает вообще. Он — живой смертный приговор.

— Вокруг него всегда все взрывается, — пожаловалась Мбеке. — Это дурной знак для главного инженера.

— Все знают, что вокруг этих пятерых мрут люди. Потому команда бежит от них как от чумы, — сказала Коллинз. — Когда они идут по кораблю, все вокруг изображают страшную занятость — исполняют ответственное задание главы отдела либо другого важного начальника. Потому в присутствии капитана, К'рооля, главного

инженера Веста, старшего медика Хартнелла и лейтенанта Керенского все бегают рысцой.

— Но это не объясняет, почему вы уходите пить кофе или бросаетесь на склад за минуту до появления К'рооля.

— Есть система слежения, — признался Трин.

— Слежения? За офицерами? — поразился Даль.

— Не стоит так удивляться, — посоветовала Коллинз. — У всех нас — телефоны, посылающие сигнал в компьютерную систему «Интрепида». Я, как ваш начальник, могу отыскать вас где угодно на корабле.

— Но К'рооль — не ваш подчиненный, — возразил Даль. — Равно как и Абернати.

— Ну, наша система оповещения не совсем легальная, — сознался Трин.

— Но все вы имеете к ней доступ!

— Они имеют доступ. — Кассавэй указал на Трина и Коллинз.

— Мы же предупреждаем вас об угрозе, — возразил Трин.

— А-а, «пойду выпью кофе», — сообразил Даль.

Трин кивнул.

— Да, но это работает, пока вы двое здесь, — заметил Кассавэй. — Если вас нет, мы залетаем.

— Мы же не можем поставить систему оповещения всему кораблю, — огрызнулся Трин. — Она станет слишком заметна.

— Как будто они заметят! — фыркнул Кассавэй.

— Что это значит? — спросил Даль.

— То, что капитан, К'рооль и прочие не обращают внимания на все попытки команды их избежать, — ответила Мбеке. — Как и на то, что в разведмиссиях они гробят множество людей.

— Как можно на такое не обращать внимания? — поразился Даль. — Им никто не сказал? Они что, не видят статистики?

Четверо коллег Даля искоса переглянулись.

— Однажды капитану об этом сказали, — сообщила Коллинз. — Без толку.

— Что значит «без толку»?

— Это значит, что говорить с капитаном о количестве людей, им убиваемых, — все равно что биться в кирпичную стену. Реакции — ноль.

— Так скажите кому-нибудь еще. Например, адмиралу Комстоку.

— Думаете, это вам первому пришло в голову? — осведомился Кассавэй. — Мы обращались в штаб флота, потом — в Бюро военных расследований Вселенского союза. Мы даже к журналистам обращались. Все напрасно.

— Никаких свидетельств некомпетентности либо злонамеренности, — подхватил Трин. — Так и сообщили. Никаких. Правда, не нам, а тому, кто жаловался.

— И сколько же людей нужно потерять, прежде чем некомпетентность станет очевидной шишкам наверху?

— Нам сказали, что «Интрепид» — флагман Вселенского союза и потому часто берет на себя исполнение особо сложных заданий военного, дипломатического и научного толка. Соответственно, возрастает и риск, потому статистически ожидается больший процент потерь среди команды. Это естественная компенсация за обилие ответственных и важных миссий.

— Иными словами, высокая смертность — это не отклонение, а побочный эффект, — заключил Кассавэй сухо.

— Теперь вы знаете, отчего мы пытаемся их избегать, — подытожила Мбеке.

— А что с Ящиком? — осведомился Даль, поразмыслив немного.

— У нас нет сколь-нибудь приемлемых объяснений его существования, — ответила Коллинз. — Ни у кого нет. Официально его не существует.

— Он выглядит как микроволновка, он делает

«динь-дон» по окончании работы и выдает полнейшую чушь. Результаты нужно представлять лично. Неважно, что говорить, когда отдаешь данные К'роолю, — лишь бы ему было что исправить. Понятно, насколько жутко и нелепо все это выглядит.

— Так повелось еще до нас, — подхватил Трин. — Этому нас научили наши предшественники. И мы все исполняем, потому что это работает.

Даль аж руками развел от изумления.

— Так почему не использовать Ящик постоянно? Это же сэкономит уйму времени!

— Со всем подряд Ящик не сработает, — пояснил Трин. — Он только для исключительно трудных заданий.

— Вроде создания контрбактерии за шесть часов, — заметил Даль.

— Именно, — подтвердил Трин.

Даль обвел коллег взглядом:

— И вас совсем не беспокоит наличие в научной лаборатории очевидно волшебного артефакта?

— Конечно беспокоит! — вскинулась Коллинз. — Я ненавижу чертову штуковину! Но приходится верить, что это никакая не магия. Непонятным образом мы завладели прибором

столь продвинутым, что его работа видится нам колдовством. Представьте, будто пещерному человеку вручили телефон. Дикарь ни за что не поймет принципа его работы, но способен будет разобраться, как звонить.

— Будь Ящик телефоном, он позволил бы пещерному человеку позвонить только при пожаре.

— Именно, — подтвердила Коллинз. — И чтобы ритуал подействовал, приходится исполнять дурацкую пляску с поднесением белиберды. Тогда все работает. Мы не знаем, что делать с данными, но, очевидно, компьютер «Интрепида» умеет обращаться с ними. Пусть только при крайней необходимости — но Ящик выдает результат, хотя и нелепым образом. Мы его ненавидим, но выбора нет. Приходится использовать его и выполнять задания.

— Только прибыв на «Интрепид», я сказал К'роолю, что сотрудники академии не смогли воспроизвести некоторые результаты местной лаборатории. Теперь понятно почему. Вы просто этих результатов не получали.

— Энсин, вы выговорились? — поинтересовалась Коллинз.

Ей, очевидно, надоел допрос с пристрастием.

— Почему вы не рассказали обо всем, когда я

только поступил?

— Энди, что же мы могли вам рассказать? Привет, добро пожаловать на «Интрепид», избегайте тех-то и тех-то офицеров, потому что они вас загубят, если отправитесь в разведмиссию с ними, и кстати, вот у нас тут волшебный Ящичек, он делает невозможное. Чудесное было бы первое впечатление!

— Вы бы просто не поверили, — добавил Кассавэй. — В этот бред можно поверить, только увидев своими глазами.

— С ума сойти! — выдохнул Даль.

— Именно, — подтвердила Коллинз.

— И у вас нет никакого рационального объяснения? Никаких предположений?

— Самое разумное объяснение дало начальство Вселенского союза, — ответил Трин. — «Интрепид» получает важнейшие, рискованные задания. Гибнет много людей. Чтобы компенсировать психологическое напряжение, команда адаптируется как может, пестует суеверия, совершенствует технологии избегания. А мы используем передовые технологии, в которых не разбираемся, для выполнения нашей работы.

— Кажется, вы не очень верите в свои слова, — заметил Даль.

— Я согласен, объяснение весьма натянуто, — признался Трин. — Но у меня нет причины не верить ему.

— Во всяком случае, оно звучит куда разумнее, чем проповеди Дженкинса, — проворчала Мбеке.

— Вы говорили про него и раньше, — вспомнил Даль, уставившись на нее.

— У него индивидуальный исследовательский проект, — поспешно пояснила Коллинз.

— Исследует здешнее безумие?

— Не совсем, — поправила Коллинз. — Он выстроил систему наблюдения, которую мы используем для слежки за капитаном и остальными. Корабельный интеллект рассматривает ее как взлом сети и пытается устранить. Дженкинсу приходится постоянно модифицировать систему.

— Вы сказали, он похож на йети, — обратился Даль к Кассавэю.

— Ну да, — подтвердил тот. — Еще на Распутина похож. Его и так и этак описывают. И то и другое недалеко от истины.

— Кажется, я его встретил после того, как отнес К'роолю выданные Ящиком данные по чуме, подъедающей Керенского. Дженкинс был в ко-

ридоре.

— И что он вам сказал? — спросила Коллинз.

— Посоветовал держаться подальше от мостика. И от Сюжета тоже. Это еще что за чертовщина?

Мбеке открыла рот, но Коллинз не дала ей заговорить.

— Дженкинс — гениальный программист, но, боюсь, он целиком погрузился в свои фантазии. Жизнь на «Интрепиде» далась ему очень дорого. Гораздо дороже, чем многим другим.

— Она хочет сказать, жена Дженкинса погибла в разведмиссии, — добавила Мбеке.

— Ее застрелил циркерийский убийца, — сообщила Коллинз. — Он целился в посла Вселенского союза. Капитан толкнул посла, и тот упал. А Маргарет стояла за ним. Пуля угодила в шею. Маргарет умерла мгновенно. Дженкинс с тех пор немного не в себе. Прячется.

— И что же он думает о происходящем?

— Почему бы нам не перенести разговор об этом на другой раз? — предложила Коллинз. — Энди, теперь вы знаете, что происходит и почему. И знаете, что делать, когда нам с Беном приспичит выпить кофе.

— Прятаться, — определил Даль.

— Мы стараемся не употреблять слово «пря-

таться», — сказал Кассавэй. — Мы исполняем альтернативные задания.

— Но только не на складе, — предупредила Мбеке, — это наше альтернативное рабочее место.

— Тогда я буду альтернативно работать прямо под своим столом, — решил Даль.

— Вот это я понимаю боевой настрой! — восхитилась Мбеке.

За ужином Даль поделился с друзьями новой информацией.

— Так ты добыл сведения, о которых я просил? — спросил он Финна.

— Ну да.

— Хорошо.

— Прежде всего зарубите на носу: обычно я задарма не работаю, — объявил Финн, вручая свой телефон Далю. — Обычно это стоит недельного жалованья. Но мне это дерьмо самому не давало покоя еще с высадки. Я хотел убедиться.

— Вы о чем? — поинтересовалась Дюваль.

— Финн накопал для меня кое-какие сведения, — объяснил Даль. — Медицинские, главным образом из истории болезни.

— Чьей? — спросила Дюваль.

— Твоего дружка, — ляпнул Финн.

— Что? — удивился Даль.

— Дюваль встречается с Керенским, — объяснил Финн.

— Заткнись! Вовсе он не мой дружок! — буркнула Дюваль, глянув на Даля. — Выздоровев, лейтенант отыскал меня, чтоб поблагодарить. Я ведь спасла ему жизнь. Он сказал, мол, когда пришел в себя на шаттле, подумал: «Умер уже, и ангел надо мной склонился».

— Боже ж мой! — охнул Хестер. — Ну скажи, скажи мне, что эта пошлость на тебе не сработала! Иначе я руки на себя наложу.

— Успокойся, не сработала. Он просто попросил, можно ли угостить меня выпивкой, когда в следующий раз выпадет увольнительная. Я сказала, что подумаю.

— Дружок, — заключил Финн.

— Я сейчас ткну тебя в глаз, — подняла Дюваль вилку.

— Зачем тебе история болезни лейтенанта Керенского? — осведомился Хэнсон.

— Неделю назад он болел чумой. И вскоре оправился настолько, что возглавил разведмиссию, где его ранил взбесившийся робот, причем Керенский потерял сознание. Но и теперь очень быстро выздоровел, и сегодня уже готов ухлестывать за Майей.

— Справедливости ради, выглядел он — краше в гроб кладут, — возразила Дюваль.

— Справедливости ради, его и нужно было бы положить в гроб, — возразил Даль. — Меровианская чума плавит мясо, и оно жижей стекает с костей. Керенскому оставалось четверть часа до смерти. Он выздоравливает и через неделю возглавляет высадку. За неделю и от простуды-то не оправишься, не то что от жрущих плоть бактерий.

— У него мощная иммунная система, — предположила Дюваль.

Даль искоса посмотрел на Майю, затем подтолкнул к ней телефон Финна.

— Сама смотри. За три последних года Керенского трижды подстрелили, четырежды он подхватывал смертельные болезни. Еще его давило грудой камней, ранило при крушении шаттла; он получил ожоги, когда прямо перед ним взорвалась приборная панель на мостике; пострадал от декомпрессии, индуцированного безумия; дважды был укушен ядовитыми животными и попадал под полный контроль инопланетного телесного паразита. И это не считая недавней чумы и высадки к взбунтовавшимся роботам.

— А еще подцепил три венерических болез-

ни, — меланхолично заметила Дюваль, просматривая текст.

— Приятного вам вечера! — пожелал Финн.

— Пожалуй, закажу пенициллин со льдом, — резюмировала Дюваль, возвращая телефон. — В общем, ты хочешь сказать: этот тип не должен дышать и двигаться.

— Ладно, я готов допустить, что пережить такое можно, — сказал Даль. — Но остаться в здравом уме и твердой памяти — ну уж никак. Он должен быть ходячим пособием по посттравматическим стрессовым расстройствам.

— Ну, есть восстановительная терапия, — предположила Дюваль.

— Да, но сколько можно?! Семнадцать серьезных травм и ранений за три последних года. То есть одна в два месяца. Парень должен лежать в позе эмбриона и не реагировать ни на что. А сейчас, похоже, едва он успевает оправиться, как из него снова вытряхивают все дерьмо. Прямо сказочный здоровяк!

— И это все, что ты хотел сказать? — поинтересовалась Дюваль. — Может, ты просто завидуешь его неуязвимости?

— Я хочу сказать, с нашим кораблем что-то совсем не так, — заметил Даль, прокручивая

текст дальше. — Сегодня непосредственный начальник и коллеги навешали мне на уши дикой лапши о разведмиссиях и Керенском. Правда, я не поверил.

— Почему? — спросила Дюваль.

— Потому, что они сами себе не верят. И потому, что они никак не объясняют, к примеру, приключений Керенского.

Даль нахмурился и глянул на Финна.

— А на Дженкинса ничего нет?

— Ты про йети, которого мы с тобой повстречали? — осведомился Финн.

— Ну да.

— Про него в компьютере ничегошеньки.

— Он же не привиделся нам!

— Само собою. Его просто нет в системе. Но если он и вправду господь бог в программировании, как намекают твои коллеги, и если он все время активно ломает систему, ничего удивительного, что данных нет.

— Думаю, нам следует отыскать его, — заключил Даль.

— Зачем?

— Он знает кое-что, о чем никто другой не хочет говорить.

— Твои друзья из лабы считают, что он чокну-

тый, — напомнил Хестер.

— Не такие уж они ему друзья, — возразил Хэнсон.

Все посмотрели на него.

— Это почему? — спросил Хестер.

Хэнсон пожал плечами:

— Они утверждают, будто, скажи они сразу про порядки на корабле, Энди не поверил бы им. А поверить бы смог, только испытав сам. Может, оно и так. Но, не понимая происходящего, он не мог и поступать как они, то есть избегать коммандера К'рооля и прочих старших офицеров и не попадать в разведмиссии. Ребята, вы подумайте: все мы оказались в группе высадки — а на корабле-то несколько тысяч человек. Что у нас общего?

— Мы новички, — ответила Дюваль.

— Именно. И никого из нас коллеги не предостерегли до тех пор, пока могли отмалчиваться.

— Ты думаешь, они не объяснили все сразу не из-за недоверия? — предположил Даль. — Считаешь, нас просто хотели подставить, прикрыться нами?

— Это только гипотеза, — сказал Хэнсон.

— Вот уж не думал, что ты такой циник, — выдал Хестер, глядя на него с восхищением.

Хэнсон снова пожал плечами:

— Когда ты наследник третьего по величине состояния в истории, поневоле научишься понимать, что люди думают на самом деле.

— Нужно отыскать Дженкинса! — повторил Даль. — Необходимо выведать, что он знает.

— И как, по-твоему, это сделать? — осведомилась Дюваль.

— Прежде всего обследуем служебные коридоры, — предложил Даль.

Глава 6

— Даль, ты куда? — спросила Дюваль.

Она и остальные стояли посреди коридора на космической станции «Анжелес V», наблюдая, как Даль вдруг откололся от компании.

— Мы же в увольнительной! Можно напиться в хлам!

— И потрахаться! — добавил Финн.

— Напиться и потрахаться, да, — подтвердила Дюваль. — И не обязательно в таком порядке.

— Нет, лучше сперва напиться, а потом уж потрахаться, — заметил Финн.

— Спорю, у тебя нечасто до второго свидания доходит с такими убеждениями, — предположила Дюваль.

— Мы сейчас не обо мне, — указал Финн. — А об Энди. А он нас кидает.

— И в самом деле, — поразилась Майя. — Эй, Энди, ты что, не хочешь напиться и потрахаться с нами?

— Конечно хочу, — заверил тот. — Но сперва надо связаться кое с кем по гиперволновой.

— А на «Интрепиде» этого нельзя было сделать? — спросил Хэнсон.

— По гиперволновой — нет.

Дюваль закатила глаза:

— Твой последний бзик зашкаливает! Клянусь, Энди, с тех пор как тебе в башку втемяшился Дженкинс, ты стал настоящим занудой! Ты десять дней уже киснешь! Да встряхнись ты, унылая рожа!

— Обещаю, я быстро. — Даль улыбнулся. — Ребята, где вас искать?

— Я заказал нам люкс в местном «Хаятте». Ищи нас там, — посоветовал Хэнсон. — Но торопись: трезвости мы лишимся крайне скоро.

— А он — еще и невинности, — показал Финн на Хестера.

— Шел бы ты!.. — посоветовал Хестер и вдруг ухмыльнулся.

— Я мигом! — пообещал Даль.

— Ты уж не подведи! — приказал сурово Хэнсон, и компания двинулась по коридору, шутя и заливаясь смехом.

Даль проводил их взглядом и направился к торговому кварталу, где надеялся отыскать пункт гиперволновой связи.

Тот втиснулся между кафе и салоном татуировок. Комнатушка теснейшая, почти киоск, всего три терминала, исправных только два. В один

орал и ругался пьяный парень с другого корабля. Даль занял свободный терминал.

На мониторе появилась надпись: «Добро пожаловать в узел гиперсвязи», затем — цена за минуту. Пятиминутный сеанс стоил почти столько же, сколько Далю платили в неделю. Он не слишком удивился. На открытие туннеля в пространстве-времени и мгновенную связь с терминалом, расположенным во многих световых годах, уходила уйма энергии. А она стоит денег.

Даль вынул анонимную кредитную карту, которую использовал, если не хотел связывать платеж со своим обычным банковским счетом, и положил на считывающую поверхность. Терминал принял карту и открыл окно «Передача». Даль назвал один из телефонов академии, подождал связи. Эндрю не сомневался: адресат звонка уже проснулся и занимается обычными повседневными делами. Вселенский союз жил по единому универсальному времени, иначе разная продолжительность световых дней на планетах союза и отличия временных зон сильно осложнили бы коммуникации. Но академия находилась в Бостоне. Правда, Даль толком не помнил, на сколько часов универсальное время отличается от бостонского.

На другом конце сняли трубку. Передача — только звук.

— Кем бы вы ни были, знайте: вы прерываете мою утреннюю пробежку, — сообщил женский голос.

Даль усмехнулся:

— Кейси, доброе утро! Как там мой любимый библиотекарь?

— О черт! Энди!

Секундой позже включилось изображение: улыбающаяся Кейси Зэйн на фоне фрегата «Конститьюшн».

— Вижу, ты снова трусишь по Тропе Свободы.

— По кирпичикам так легко бегается, не собьешься. Ты где?

— Приблизительно в трехстах световых годах, и плачу за каждый их дюйм по гиперволновой связи.

— Поняла. Тебе что-то нужно?

— В академии ведь есть чертежи всех построенных космических кораблей?

— Конечно. Само собой, тех, которые признает Вселенский союз.

— Архивные чертежи мог кто-либо изменить?

— Извне? Нет, конечно. Архивы не соединены с внешней сетью. Отчасти для предотвращения

взлома. Все данные передаются через библиотекаря. Такая вот у нас система безопасности.

— Я так и думал. Есть у меня хоть малейший шанс получить от тебя чертежи «Интрепида»?

— Если не ошибаюсь, они не засекречены, так что проблем быть не должно. Хотя, наверное, придется отредактировать информацию о компьютерной сети и вооружении.

— Это ничего. Меня интересуют не они.

— Кстати, ты ведь служишь на «Интрепиде». Не можешь взять чертежи из корабельной базы данных?

— Я-то могу. Только на корабле кое-что перестроили, а мне хотелось бы глянуть на исходники. Для сравнения.

— Хорошо. Я скопирую чертежи и вышлю тебе, когда вернусь в библиотеку. Самое меньшее — через пару часов.

— Ладно. И еще: пожалуйста, не высылай их на мой адрес на «Интрепиде». — Даль назвал адрес ящика на почтовом сервере общего доступа, созданного еще в годы учебы в академии.

— Ты ведь знаешь, я должна зафиксировать запрос. В запись включается и адрес отправки данных.

— Без проблем. Я ничего не пытаюсь скрыть

от Вселенского союза. Клянусь, никакого шпионажа.

— И этот человек звонит своей лучшей подруге из общественного гиперволнового терминала. Отчего-то ты не пользуешься личным телефоном.

— Кейси, поверь, я не склоняю тебя к государственной измене.

— Ладно. Мы старые приятели и все такое, но, знаешь ли, электронный шпионаж в мои обязанности не входит.

— За мной должок.

— Как только объявишься в Бостоне, с тебя хороший обед. Знаешь, жизнь библиотекаря-архивариуса не слишком богата на события. Хочется приобщиться к чужим приключениям.

— Поверь, сейчас я бы с радостью стал библиотекарем.

— Подлизываешься? Я вышлю данные, как только доберусь до кабинета. А теперь закругляйся, пока еще хоть какие-то деньги остались.

— Пока, Кейси, — улыбнулся Даль.

— Пока, — ответила она и отключилась.

Добравшись до люкса, Эндрю обнаружил там неожиданного гостя.

— Энди, ты ведь знаком с лейтенантом Керенским? — осведомилась Дюваль на удивление

равнодушно.

Она и Хестер с двух сторон подпирали лейтенанта, уложив его руки себе на плечи, и, похоже, пытались удержать его в вертикальном положении. Одной рукой офицер крепко сжимал стакан с выпивкой.

— Сэр, — произнес Даль.

— Энди! — выговорил Керенский заплетающимся языком.

Он отцепился от Дюваль с Хестером, сделал два неверных шага и хлопнул Даля по плечу.

— Мы же в увольнении! Все ранги остались на борту! Для тебя я сейчас просто Анатолий! Ну-ка, назови меня по имени!

— Анатолий, — послушно сказал Даль.

— Видишь, это совсем не трудно.

Керенский залпом опорожнил стакан.

— А у меня выпивка кончилась, — объявил он и побрел прочь.

Даль глянул вопросительно на Дюваль и Хестера.

— Он заметил нас у входа в отель и присосался как пиявка, — пожаловалась Майя.

— Пьяная пиявка. Он наклюкался еще до нас, — пояснил Хестер.

— Пьяная похотливая пиявка, — добавила

Дюваль. — Положил руку мне на плечо, чтобы сиськи пощупать. Лейтенант он или нет, я ему ввалю по полной.

— Пока план такой: напоим его до потери сознания, прежде чем он полезет к Майе, — объяснил Хестер. — Затем спустим по бельесбросу.

— Черт, опять он! — прошипела Дюваль.

Керенский приковылял назад. Шел он скорее вбок, чем вперед. Остановился, пытаясь поймать равновесие.

— Слушайте, а оставьте его на меня, — предложил Даль.

— Серьезно? — поразилась Дюваль.

— Ну да. Я посижу с ним, пока он не отключится.

— Парень, с меня минет.

— Э-э, что? — переспросил Даль.

— Что? — переспросил Хестер.

— Ой, пардон. В пехоте, когда кто-нибудь делает для тебя что-то хорошее, принято говорить, мол, ты должен ему секс. Если сделал мелочь, то вздроч. Среднее что-нибудь — минет. Ну а если одолжение на все сто, то перетрах. Это я по привычке ляпнула. Просто выражение такое.

— Ясно. — Даль вздохнул.

— Чтобы без непоняток: минет не предпола-

гается.

— Но идея хорошая, — одобрил Даль и, глянув на Хестера, спросил: — Ты тоже хочешь задолжать мне минет?

— Как раз размышляю, — ответил тот.

— О, вы про минет? — пробормотал Керенский, доковыляв наконец.

— Да, я тоже в долгу, — подтвердил Хестер.

— Отлично! До встречи, — попрощался Даль, и Хестер с Дюваль стремительно удалились.

— Куда это они? — спросил Керенский, растерянно моргая.

— Они готовят вечеринку в честь дня рождения, — объяснил Даль. — Сэр, почему бы вам не присесть?

Он указал на диван.

— Зови меня Анатолий. Господи, как я ненавижу, когда в увольнительной обращаются по званию.

Он тяжко шлепнулся на диван, умудрившись при этом не расплескать свое пойло.

— Мы ж все братья по оружию, правда? Конечно, за исключением тех, кто сестры по оружию.

Он завертел головой, пытаясь отыскать Дюваль.

— Мне нравится твоя подруга.

— Я в курсе, — сообщил Даль, садясь.

— Знаешь, она спасла мне жизнь. Она — ангел. Думаешь, я ей нравлюсь?

— Нет.

— Почему это нет? — обиделся Керенский. — Она что, женщин предпочитает или вроде того?

— Она замужем за своей службой.

— А-а, замужем, — протянул Керенский разочарованно, очевидно не расслышав фразу целиком.

И основательно отхлебнул.

— Можно, я спрошу кое-что? — начал Даль.

Лейтенант шевельнул свободной рукой — мол, валяй.

— Как вы умудряетесь так быстро выздоравливать?

— Ты о чем?

— Помните, как вы заболели меровианской чумой?

— Конечно. Я чуть не умер.

— Знаю. Но через неделю вы возглавили разведмиссию, куда попал и я.

— Ну, знаешь, я ведь поправился. Они нашли лекарство.

— Да. Я принес это лекарство коммандеру К'роолю.

— Так это был ты! — завопил Керенский и, бросившись на энсина, облапил его что есть мочи.

Пойло выплеснулось из стакана и попало на шею Даля.

— И ты спас мне жизнь! В этой комнате полно людей, спасших мне жизнь! Я люблю вас всех!

Керенский прослезился.

— Рад был помочь, — сказал Даль, пытаясь со всей осторожностью спихнуть с себя тушку хнычущего лейтенанта.

Все прочие в комнате демонстративно не замечали возни на диване.

— Знаешь, даже если учесть лекарство, ты выздоровел очень быстро. А потом тебя серьезно ранило в разведмиссии, в которой участвовал и я. Но спустя пару дней ты снова бегал, как ни в чем не бывало.

— Что ж, современная медицина творит чудеса. Плюс к тому я всегда быстро выздоравливаю. Это наследственное. У меня предок нюхнул пороху в Великую Отечественную, воевал за русских под Сталинградом. Говорят, его два десятка немецких пуль продырявило, а он еще пошел в атаку. Фантастический парень! Так вот я в него. Наверное. — Лейтенант глянул на свой стакан и заключил грустно: — Раньше тут было больше.

— Как хорошо, что вы так быстро поправляетесь, ведь вас постоянно ранят.

— Да уж! — вдруг рявкнул Керенский. — Спасибо! Никто вокруг не замечает! То есть, ну что за хрень? Я ж не совсем дурак или неумеха. Но всякий раз, когда отправляюсь в разведмиссию, все наперекосяк. Знаешь, к примеру, сколько раз меня дырявили?

— Три раза за последние три года.

— Вот-вот. Плюс все прочее дерьмо. Ты ж представляешь, каково оно. Чертов капитан и К'рооль, наверное, куклу вуду с меня слепили и развлекаются.

Лейтенант замолк, погрузившись в мрачные размышления и, кажется, уплывая в сон.

— Кукла вуду! — буркнул Даль, разбудив лейтенанта. — Что, в самом деле?

— Ну, не буквально. Но это все так глупо — слов нет. Будто когда капитан с К'роолем догадываются, непонятно как, что миссия провалится, то зовут меня и говорят: «Керенский, вот для тебя идеальное задание», а я иду, и там кто-нибудь, мать его перетак, протыкает мне селезенку. И каждый второй раз приключается что-нибудь наитупейшее, о чем я и понятия не имел. Слушай, я же астроштурман. Да я охрененный астроштур-

ман! Я просто хочу прокладывать маршруты, понятно?!

— Почему ты прямо не укажешь на это капитану и К'роолю? — предложил Даль.

Керенский ухмыльнулся. У него даже губа задрожала от усилия изобразить сарказм.

— И что я им скажу? — вопросил он и принялся раскачиваться, будто Шалтай-Болтай на стене. — О капитан, коммандер К'рооль, не могу я идти в эту миссию, пусть вилкой в глаз ткнут кому-нибудь другому.

Он вдруг замер и пожаловался:

— Честно говоря, я и сам не понимаю. Когда мне задание дают, все кажется разумно и к месту. А тебе не кажется?

— Не кажется, — сказал Даль.

— Когда капитан назначает меня в группу высадки, у меня словно переключаются мозги, — выговорил Керенский озадаченно, будто отчаянно пытаясь что-то понять. — Я тогда чертовски уверен в себе, и нет ни малейших сомнений в том, что именно астроштурману положено собирать медицинские пробы, драться с роботами-убийцами и так далее. Потом я возвращаюсь на «Интрепид», прихожу в себя и думаю: какого хрена я делаю? Это ж бессмысленно, тебе

не кажется?

— Не кажется, — повторил Даль.

Керенский погрузился в раздумья, затем махнул рукой.

— Да катись оно к черту! — наконец заключил он с облегчением. — Я живой, в увольнении, и я с чудесными ребятами, которые спасли мне жизнь!

Он снова обнял Даля, еще крепче и нежнее прежнего.

— Я тебя люблю, ну вот честное слово! Тяпнемка еще по одной и поищем шлюх. Я минет хочу. Ты хочешь минет?

— Мне уже два должны. Так что с меня хватит.

— Ну хорошо, — согласился Керенский, уложил голову энсину на плечо и сладко захрапел.

Даль осмотрелся и обнаружил четверых друзей, напряженно глядящими на него.

— С вас, с каждого, по минету! — предупредил он свирепо.

— А может, мы тебе лучше нальем? — предложил Финн.

— По рукам, — согласился Даль и, глянув искоса на лейтенанта, спросил: — Что делать будем со спящей красавицей?

— Тут неподалеку бельесброс есть, — сообщил

Хестер с надеждой.

Глава 7

— Вот чертежи «Интрепида», которые я загрузил из корабельного архива, — сказал Даль за обедом в кают-компании, показывая распечатку. Затем выложил на стол вторую. — А вот чертежи, которые я получил из архива академии. Заметили что-нибудь?

— Не-а, — ответил Финн через минуту.

— Не-а, — эхом откликнулась Дюваль.

Даль вздохнул и указал пальцем:

— Служебные коридоры. Они используются для транспортировки грузов, но команда в них обычно не заходит. Туда наведываются лишь техники, обслуживающие корабельные системы. И спланированы коридоры так, чтобы ремонтные работы не мешали обычной жизни на корабле.

— Думаешь, Дженкинс там прячется? — спросила Дюваль.

— Где же еще? Выходит, когда ему заблагорассудится, его никто не видит в служебных помещениях. Подумайте, сколько здесь народу. Незамеченным можно остаться лишь в местах, куда никто не наведывается.

— В твоих рассуждениях есть одно слабое место:

служебные коридоры — они, гм, служебные, — заметил Финн. — Когда по ним не ходят люди, там кишмя кишат всякие роботы-тележки с грузами. Если Дженкинс там поселится, его либо раздавят, либо сделается затор.

Даль покачал пальцем.

— В том-то и дело. Вы кое-чего не замечаете. — Он указал на прямоугольник посреди лабиринта коридоров. — Когда тележки ничего не перевозят, им нужно где-то храниться. Они же не в коридорах остаются. Все ползут на стоянки, распределительные узлы. А в них более чем достаточно места для человека.

— Конечно, если там не сгрудятся тележки, — вставила свое Дюваль.

— Именно! — поддержал Эндрю. — И посмотрите-ка: на картах из сети «Интрепида» шесть распределительных узлов. А на карте из архивов — семь.

Даль постучал пальцем по седьмому узлу на карте.

— Этот узел удален от всех важнейших систем корабля, а это значит, у техников нет особых причин туда являться. Этот узел максимально скрыт от людей. Укромнее места не найти. Там и прячется Дженкинс, наш призрак корабля. Там

мы его и отыщем.

— Не понимаю, отчего бы тебе не попросить свою лейтенантшу познакомить вас с Дженкинсом, — поделилась сомнениями Дюваль. — Ты ж сказал, официально Дженкинс под ее началом.

— Я пытался. Безрезультатно. В конце концов Коллинз сказала, что Дженкинс является, когда пожелает. Потому она его и не трогает. Он ведь помогает следить за капитаном, К'роолем и прочими. Потому никто из моих коллег не хочет злить Дженкинса.

— Вспомнишь говно… — прошептал Финн, мотнув головой.

Даль обернулся и увидел неумолимо приближающегося коммандера К'рооля.

Энсин хотел встать, но старший офицер махнул рукой — мол, не надо.

— Вольно, энсин! — Заметив чертежи, он добавил: — Изучаете корабль?

— Сэр, чтобы работать эффективнее!

— Я восхищен вашей инициативой. Энсин, мы приближаемся к системе Эскридж, откуда поступил сигнал бедствия. Данные прибыли скудные, но я подозреваю, опасность имеет биологическую природу. Поэтому я хочу включить в группу высадки сотрудников вашего отдела. В частности, и

вас. Жду вас у причала шаттлов через полчаса.

— Есть, сэр!

К'рооль кивнул и отправился восвояси. Даль повернулся к Дюваль с Финном. Те глядели на него странно.

— Что такое?

— Разведмиссия под началом К'рооля, — выговорила Дюваль.

— Неожиданная и очень уж своевременная миссия под началом К'рооля, — добавил Финн.

— Давайте не будем поддаваться паранойе, — отмахнулся Даль.

— Странное предложение, учитывая обстоятельства, — заметил Финн.

Даль подтолкнул чертежи к нему.

— Финн, пока я в отлучке, найди, пожалуйста, способ пробраться к Дженкинсу, не спугнув его. Я хочу поговорить с Дженкинсом, но не уверен, что он захочет говорить со мной. Ведь он уже предупредил меня. Лучше уж отсечь пути к отступлению.

— Это ты виноват! — прошипел Кассавэй.

Он вместе с Мбеке и Далем, а также назначенным в охрану Тейлором составляли группу высадки под началом К'рооля.

К'рооль пилотировал шаттл, Тейлор сидел в

кресле второго пилота. Ксенобиологи устроились позади. Коллеги были необыкновенно холодны с Далем. Молчали во время инструктажа перед миссией и в полете. И только теперь тишину нарушило лишь шипение Кассавэя.

— Как — я? Не я ж приказал капитану вести сюда «Интрепид».

— Ты вздумал расспрашивать нас про Дженкинса! Ты его разозлил неуемным любопытством! — прошипел Кассавэй.

— Что, теперь уже и расспрашивать про него нельзя?

— Нельзя спрашивать о таком, что его разозлит и заставит нам мстить! — прошипела Мбеке.

— Фиона, заткнись! — посоветовал Кассавэй. — Это и твоя вина.

— Как — моя? Разве я вывалила все эти тупые вопросы?

— Ты вывалила ему про Дженкинса, причем дважды! — Кассавэй в ярости ткнул пальцем в сторону Даля.

— Просто с языка сорвалось. Первый разговор, все такое. А во второй раз какой от меня вред? Он-то уже знал.

— Сорвалось? Погляди, куда мы сорвались! — Кассавэй обвел рукой шаттл. — Вот какой вред. И

Сиду Блэку ты про Дженкинса не говорила!

— Сид Блэк был засранцем.

— А этот нет?! — вскипел Кассавэй, снова тыча пальцем в Даля.

— Знаете, я, вообще-то, все еще здесь, — сообщил Даль.

— Иди ты лесом, — посоветовал Кассавэй и для Фионы добавил: — А ты догоняй. Могла бы и сообразить.

— Я просто налаживала отношения, — прошептала несчастная Фиона, уставившись на свои колени.

Даль смерил коллег долгим взглядом.

— А, так вы не знали, что К'рооль идет по ваши души, — произнес он наконец. — Трин с Коллинз не успели выйти за кофе, а вы двое не успели спрятаться на складе. К'рооль явился внезапно и застиг вас врасплох. А когда он сказал Коллинз, что нужны люди в группу высадки…

— Она сдала нас, — прошептала Мбеке.

— И тебя! — Кассавэй буквально выплевывал слова. — К'рооль хотел взять Коллинз или Бена — а она тебя сдала, пытаясь отвертеться. Напомнила, что ты раскрыл загадку меровианской чумы. Сказала: ты — лучший из ксенобиологов, которые работали с ней. Врала, конечно. Но ведь

получилось — с нами ты, а не она и не Трин.

— Ну, я не то чтобы не ожидал этого — я ведь новичок. Нижний в социальной пирамиде. Парнишка на пару месяцев. Расходный материал. Но вы двое… Думали, вы защищены. Вы давно и по отработанной схеме избегали опасности и уже решили, что Коллинз вас не сдаст К'роолю при первом же удобном случае. Вы посчитали, что она может пожертвовать Беном Трином ради вас?

Кассавэй отвернулся. Мбеке тихо заплакала.

— Так неприятно осознать свое истинное место в пищевой цепи, — посочувствовал Даль.

— Заткнись, — посоветовал Кассавэй, не глядя на него.

Все молчали до самого приземления.

Колонистов они не обнаружили. По крайней мере, целых. Зато их частей валялось много. В лужах крови.

— Пушки на полную мощность! — приказал К'рооль. — Мбеке, Даль, Кассавэй — идите по кровавому следу в лес. Мы еще можем отыскать живых, либо нерасчлененный труп, либо того, кто учинил все это. Я загляну в управление колонии и попытаюсь выяснить, что же произошло. Тейлор — со мной.

Коммандер зашагал к большому трейлеру. Тей-

лор поспешил следом.

— Пойдем! — объявил Кассавэй, увлекая Мбеке и Даля в лес.

Через пару сотен метров троица обнаружила изуродованный труп.

— Дайте мне сборщик образцов, — попросил Даль у Мбеке, несшей прибор.

Она отстегнула аппарат, передала энсину. Тот, опустившись на колени, погрузил жало в останки живота.

— Через пару минут прибор выдаст результат, — пробормотал энсин, не отрывая взгляда от тела. — Ему нужно перебрать данные по образцам ДНК всех колонистов. Вы уж постарайтесь, чтобы тварь, уходившая этого малого, не добралась до меня, пока я жду.

— Конечно, — заверил Кассавэй, и Даль вернулся к работе.

— Некто по имени Фуад Али, — сообщил наконец Даль. — Похоже, он был доктором колонии.

Затем энсин посмотрел в лес, куда уходил кровавый след.

— Пойдем дальше? — осведомился он у коллег.

— Ты что делаешь? — выговорила Мбеке сдавленно.

— Что? — спросил удивленно Даль, оборачива-

ясь, — и увидел пистолет.

Кассавэй целился в Даля, на Кассавэя глядела растерянная Мбеке.

— Черт побери, Фиона, отчего ты не можешь держать рот на замке? — выговорил Кассавэй, кривясь.

— Присоединяюсь к Фионе, — поддержал энсин. — Ты что делаешь?

Он попытался встать.

— Не двигайся! — предупредил Кассавэй. — Дернешься — пристрелю.

— Похоже, ты в любом случае меня пристрелишь. Интересно знать зачем?

— Затем, что один из нас должен умереть. Так всегда во время высадки. Если ее ведет К'рооль, кто-нибудь обязательно умирает. Но если кто-то умирает, остальные в безопасности. Так-то.

— Последнего, кто пытался мне это втолковать, порубили в фарш — хотя двое погибли до него. Думаю, ты сильно ошибаешься насчет «остальных в безопасности».

— Заткнись! Если ты сдохнешь, мы с Фионой останемся в живых. Ты будешь жертвой. Если принести жертву, остальные спасутся. Мы спасемся.

— Нет, тут все по-другому, — возразил Даль. —

Джек, когда ты в последний раз был в разведмиссии? Я — две недели назад. Оно действует иначе. Ты упускаешь важные детали. Убийство не обезопасит тебя. Эй, Фиона!

Даль глянул на Мбеке, надеясь, что удастся договориться с ней, и увидел, что она тоже прицеливается.

— Да бросьте вы, ребята, две дырки от импульсных пушек трудно и скрыть, и объяснить.

— Фиона, переключи заряд на малую мощность, — приказал Кассавэй. — Цельсь в середину туловища. Когда умрет, изрубим его в клочья. Так и замаскируем. Кровь на нашей одежде объясним тем, что пытались его спасти…

Договорить он не успел, потому что на него с Мбеке упала с дерева некая тварь.

Оба рухнули, вопя и отчаянно пытаясь сбросить монстров, пожирающих их заживо. Даль обомлел на мгновение, но затем вскочил и помчался к поселку, чувствуя, что только внезапное движение и спасло от бросившейся твари.

Энсин несся по лесу, истошным криком призывая К'рооля и Тейлора. Часть рассудка настырно вопрошала, уверен ли он, что бежит в верном направлении. Другая часть интересовалась, почему бы не связаться с К'роолем по телефону.

Третья напоминала, что на поясе пистолет и он может пригодиться против существ, доедающих Кассавэя с Мбеке.

Но четвертая часть твердила, что как раз сейчас Далю нужно бежать и вопить во всю глотку.

И он слушал именно ее.

Впереди, в просвете между деревьями, показались трейлеры колонии и силуэты К'рооля с Тейлором. Даль заорал во всю мочь и бросился прямо к ним, размахивая руками, чтобы привлечь внимание. Силуэты зашевелились — его заметили.

Затем он споткнулся и рухнул наземь.

Тварь мгновенно нагнала, впилась в него и принялась раздирать. Даль завизжал, отталкивая чудовище, вдруг различил что-то похожее на глаз и без раздумий ткнул в него пальцем. Тварь заревела, отдернувшись, Даль ее отпихнул, но через секунду страшилище бросилось снова, в плечо вонзились клыки, рана вспыхнула огнем — чудище, ко всему прочему, было ядовитым. Даль поискал глаз и снова ткнул в него пальцем, тварь опять отшатнулась, но к этому времени энсин слишком ослаб, чтобы отпихнуть ее.

«Одна жертва — и остальные в безопасности, ну да. Вот бред!» — подумал он.

Последним, что он помнил, была разинутая пасть с устрашающим набором клыков, приближающаяся к лицу.

Очнувшись, Даль увидел вокруг друзей. И медицинский отсек.

— Ы-ых! — выговорил он.

— Финн, дай ему воды, — попросила Дюваль.

Тот достал из емкости, притороченной к кровати, небольшой контейнер с соломинкой и придвинул к лицу Даля. Тот осторожно потянул жидкость.

— Я живой! — выдохнул он, напившись.

— Живой, — подтвердила Дюваль. — Но очень старался помереть. То, что принесли на корабль, трудно было назвать живым. Док Хартнелл сказал, тебе очень повезло, что К'рооль и Тейлор подоспели вовремя. Тварь сожрала бы тебя заживо.

Последняя фраза всколыхнула память.

— Кассавэй, — произнес Даль, — Мбеке.

— Мертвы, — подтвердил Хэнсон. — От них не осталось-то почти ничего.

— Ты единственный выживший из всей группы, — сказал Хестер. — Не считая К'рооля, конечно.

— А Тейлор? — прохрипел Даль.

— Его укусили, — ответила Дюваль, правильно понявшая вопрос. — Твари ядовитые. Причем яд не убивает, а сводит с ума. Тейлор свихнулся уже на корабле. Начал стрелять. Прежде, чем его завалили, успел пришить троих.

— Похоже, то же самое произошло и в поселении, — сказал Финн. — В архиве доктора колонии нашлась запись про охотников, покусанных тварями. Охотники вернулись и начали расстреливать всех подряд. Потом явились твари, сожрали выживших и трупы.

— К'рооля тоже покусали, — сообщил Хэнсон. — Но капитан Абернати приказал его изолировать и держать взаперти, пока не сделают противоядие.

— Причем из твоей крови, — добавил Хестер. — Ты ж без памяти валялся, потому с ума и не сошел. Зато тело получило время переработать и нейтрализовать яд.

— Повезло К'роолю, что ты выжил, — заключила Дюваль.

— Нет, — ответил Даль и указал пальцем на себя. — Это мне повезло, что я понадобился К'роолю.

Глава 8

— Что это? — спросил Даль, не поднимаясь с постели.

Он взял кругляш размером с пуговицу с ладони Финна.

— Наш способ застать Дженкинса врасплох, — поведал Финн, раздавая кругляши остальным. — Это передатчики, выдающие опознавательный сигнал. Я снял их со списанных тележек в мусорном отсеке. Корабельный компьютер фиксирует, кто открыл дверь в служебный коридор. Члена команды выдаст телефон. А тележки распознаются по передатчику.

— Почему просто не оставить телефоны дома и не пройти без идентификаторов? — спросил Хэнсон, приподняв пуговицу, чтобы рассмотреть получше.

— Потому что система зарегистрирует неидентифицированное открывание двери. Если Дженкинс и правда такой параноик, каким его считает Энди, то анонимное проникновение уж точно заметит.

— Значит, оставляем телефоны, берем эти штуки и в бой? — уточнил Даль.

— А у тебя есть план получше? — осведомился Финн.

— Я две недели только и делал, что выздоравливал. Так что, по мне, нормально.

— И когда отправимся захватывать его врасплох? — спросила Дюваль.

— Если он следит за капитаном и старшими офицерами, то занят тогда же, когда и они. Значит, на первой вахте. Если пойдем в начале третьей вахты, имеем шанс застать его спящим.

— То есть он проснется и увидит пять пар глаз, — заключил Хестер. — Так мы только усугубим его паранойю.

— Он не обязательно будет спать, — заметил Даль. — Если засечет нас, может броситься наутек. От одного, вероятно, и ускользнет. Проскочить пятерых гораздо сложнее. В особенности если они подходят с разных коридоров.

— В общем, готовьтесь ловить йети, — подытожил Финн. — Этот парень большой и волосатый.

— К тому же, какое бы дерьмо ни творилось на корабле, в наших интересах узнать обо всем как можно раньше, — указал Даль.

— Значит, с началом третьей вахты, — сказала Дюваль. — Сегодня ночью?

— Не сегодня, — попросил Даль. — Дайте мне

пару дней расходиться.

Он потянулся, поморщился.

— Когда тебя выписывают? — спросил Хэнсон, внимательно следящий за его движениями.

— Я последний день в больнице. Скоро меня еще раз осмотрят, и все. Я здоров, но слегка потерял форму, валяясь сутками без движения. Пара дней, и я буду готов. За это время мне нужно всего-то выписаться отсюда и сходить в лабораторию узнать, почему начальство так и не удосужилось навестить меня, пострадавшего ради ксенобиологии.

— Может быть, потому что двух твоих коллег сожрали, — заметил Хестер. — Конечно, это только… предположение.

— Не сомневаюсь. Но хотелось бы узнать, нет ли там еще чего.

— Не беспокойтесь, — сказала лейтенант Коллинз явившемуся в лабораторию Далю. — Вы здесь больше не работаете. По моему ходатайству вас перевели.

Тот остановился, окинул взглядом комнату. Разозленная Коллинз встала перед ним. Трин сидел на своем месте, погрузившись в планшет. В комнате было двое незнакомцев, и они, не стесняясь, уставились на вошедшего.

— Новые Мбеке и Кассавэй? — осведомился Даль.

— Их никем не заменить! — прошипела лейтенант.

— Но в расход пустить можно. В особенности если дело касается разведмиссий. — Он кивнул в сторону новеньких. — Вы им рассказали про К'рооля? Про капитана? Объяснили ваши внезапные исчезновения, когда один либо другой появляются здесь? Лейтенант, вы уже вытаскивали Ящик?

Коллинз изо всех сил пыталась сдержаться, и это отчетливо читалось на ее лице.

— Это вас не касается, энсин! — прошипела она наконец. — Вы больше здесь не работаете! Младший офицер по науке энсин Ди, работавшая на мостике, неделю назад разбилась насмерть в разведмиссии. Я рекомендовала К'роолю вас в качестве замены. Он согласился. С завтрашнего дня ваш пост — там. Фактически это повышение. Поздравляю.

— Кое-кто советовал мне держаться подальше от мостика, — заметил Даль и подмигнул Трину. — Даже двое советовали. Причем один — весьма настойчиво.

— Чепуха! — отрезала Коллинз. — Мостик —

идеальное место для человека вроде вас. Там вы постоянно будете общаться со старшими офицерами. Они вас хорошенько узнают и запомнят. А еще там вас ждет множество приключений. Вы каждую неделю будете отправляться в разведмиссии. А может, и чаще.

Она растянула губы в улыбке.

— Да, такое ходатайство всецело раскрывает ваше ко мне отношение.

— Не стоит благодарности. Вы это заслужили в полной мере. А сейчас, энсин, вам лучше заняться своими делами. Вам следует отдохнуть перед первым днем службы на мостике.

Даль вытянулся во фрунт и отсалютовал. Коллинз отвернулась, не ответив.

Энсин было направился к двери, но затем передумал и подошел к новичкам.

— Давно вы здесь? — спросил он у ближайшей девушки.

Та посмотрела на коллегу, затем снова на Даля.

— Четыре дня. Мы перевелись с «Хонсю».

— Еще не были в разведмиссиях?

— Нет, сэр.

— Небольшой вам совет: когда эти двое, — он указал на Коллинз с Трином, — выйдут попить кофейку, вам хорошо бы спрятаться на складе.

Вам обоим. Думаю, эта парочка ничего такого не скажет. Не посчитает нужным. Они больше ничего и никогда не скажут тем, кто придет работать в эту лабораторию. Потому это говорю я. Внимательно наблюдайте за ними. И не позвольте себя сдать.

Даль развернулся и вышел, оставив за спиной ошеломленных новичков и крайне раздосадованных офицеров.

— Энди, давай потише! — взмолилась Дюваль, стараясь не отстать. — Ты ж только из госпиталя!

Даль фыркнул, усердно топая по коридору.

— Думаешь, она тебя перевела на мостик, чтобы отомстить за коллег? — спросила Майя, поравнявшись с энсином.

— Нет. Ей пришлось перевести меня. Я видел, что с ней стало, когда пришлось отдать коммандеру Фиону с Джеком.

— И что с ней стало? Что ты видел?

— Страх, — сказал он, глянув искоса на Майю. — Все на этом корабле жутко напуганы. Они убегают, прячутся и стараются поменьше думать о том, сколько времени провели, прячась и убегая. А потом настает момент, когда прятаться больше нельзя и нужно посмотреть страху в лицо. Они

это ненавидят. Потому Коллинз и перевела меня на мостик. Ведь каждый раз, глянув на меня, она вспоминает свою трусость.

Даль зашагал еще быстрее.

— Да куда ты так несешься?

— Майя, оставь меня, — буркнул он.

Дюваль остановилась, и Эндрю поспешил скрыться.

Куда идет, он и сам не знал. Просто старался развеять злость и отчаяние. На многолюдном «Интрепиде» движение было единственным способом создать иллюзию одиночества.

И потому, когда толпа вокруг разредилась и боль отвыкших от работы мышц заглушила обуревавшие энсина чувства, он с удивлением обнаружил себя у двери в служебный коридор — ближайший к секретному убежищу Дженкинса.

Он долго стоял перед дверью, вспоминая план всей командой заявиться к Дженкинсу, застать его врасплох и выведать все.

— Да ну к чертям! — выругался он в сердцах и стукнул по панели управления, открывая дверь.

По другую ее сторону стоял йети.

Он ухватил Эндрю и потащил в коридор. Даль завопил, но был слишком слаб, чтобы сопротивляться, он подчинился. Дверь захлопнулась.

— Кончай орать, — посоветовал йети, колупая пальцем в ухе. — Господи, как действует на нервы!

Даль посмотрел на закрытую дверь, потом на Дженкинса.

— Как это тебе удается? Как ты догадался?

— Просто я знаю людей. Ты человек очень предсказуемый. А еще, дубина, я все время прослушиваю твой телефон.

— Так ты в курсе…

— Вашего архисложного плана поимки меня? Само собой. Твой приятель Финн неплохо придумал с передатчиками списанных тележек. Но он не знал, что, когда эти передатчики распознаются сканерами на дверях, я тут же получаю сигнал тревоги. Финн — не первый, кто захотел погулять по этим коридорам. А ты — не первый, кому захотелось отыскать меня.

— Да, не первый.

Дженкинс щелкнул пальцами, будто хотел привлечь внимание.

— Так, что я тебе только что сказал? С этой пустой болтовней просто голова идет кругом…

— Пардон. Ты говорил, что другие пытались тебя найти и не сумели.

— Ну да. Я не хочу, чтобы меня нашли. И те,

кто пользуется моими услугами, тоже не хотят. Признаюсь: нашими совместными усилиями никто из тех, кого я не хочу видеть, меня не увидел.

— Значит, ты хочешь меня видеть? — выговорил Даль осторожно.

— Не совсем. Ты хочешь меня видеть, а я позволяю тебе увидеть меня.

— Почему именно я?

— Тебя только что назначили на мостик.

— Да. И я помню твое конкретное предупреждение держаться подальше от мостика.

— Потому ты ко мне и пришел. Хотя это и погубит план, который ты составил вместе с друзьями.

— Да.

— Почему?

— Не знаю. Я и не подумал толком.

— Неправда. Ты думал вполне ясно — только подсознательно. А теперь подумай сознательно и скажи мне. Но поторопись. Мне тут неуютно. Я как на выставке.

— Я пришел потому, что ты знаешь, отчего здесь все не так. Все остальные знают, что на корабле дела совсем никуда. И сбиваются с ног, стараясь не попасть под раздачу. Но почему — не знают. А ты знаешь.

— Может, и знаю. Но зачем тебе знать?

— Не понимать глубинной сути происходящего — значит не понимать вообще ничего. Все хитрости и ритуалы нисколько не помогут, если не выяснить их истоков. Малейшее изменение условий, и все, ты влип.

— Мыслишь очень логично и последовательно. Но не объясняешь, почему решил пойти ко мне именно сейчас.

— Потому что кое-кто пытается меня убить. Именно сейчас. И очень активно. Коллинз из трусости решила со мной разделаться и перевела на мостик.

— Да, смерть через разведмиссию на этом корабле очень эффективна.

— С завтрашнего дня я на мостике, и моя смерть — попросту вопрос времени. То есть его у меня практически нет. Мне нужно узнать правду прямо сейчас.

— Чтобы спастись от смерти.

— Было бы здорово.

— Коллинз тоже хочет спастись от смерти — и за это ты ее только что назвал трусихой.

— Она трусиха не поэтому.

— Да, не поэтому, — подтвердил Дженкинс.

— Если я смогу понять почему, возможно, и сам

останусь в живых, и других вытащу. На борту есть люди, мне небезразличные. Я хочу, чтобы они выжили.

— Хорошо. Даль, я хочу спросить еще кое-что. Если мой рассказ покажется тебе совершенно безумным — что тогда?

— Так вот что случилось с Коллинз и Трином! Работая на них, ты поделился своей теорией, и они не поверили.

Дженкинс хихикнул:

— Я сказал «безумным», но отнюдь не «невероятным». Сдается мне, Коллинз очень даже поверила.

— Откуда ты знаешь?

— Так она и стала трусихой, — заключил Дженкинс, затем окинул Даля оценивающим взглядом. — Но может, ты не сделаешься трусом. Скорее всего, не сделаешься. И твои друзья тоже. Так что собирай их, энсин Даль. Встретимся в моем укрытии сегодня вечером, когда вы и планировали набег. До встречи!

Он повернулся, собираясь уйти.

— Можно и мне вопрос? — подал голос Даль.

— Помимо этого?

— Даже два. Кассавэй сказал, что они с Мбеке попали в разведмиссию, не получив от тебя

предупреждения, и это, мол, расплата за мои расспросы о тебе. Так и есть?

— Нет. Я не сказал им про К'рооля, потому что ходил по нужде. Я не могу постоянно следить за всем вокруг. Какой второй вопрос?

— Ты посоветовал мне держаться подальше от мостика. Мне и Финну. Почему?

— Ну, твой друг Финн просто очутился рядом, вот я и предостерег вас обоих. Подумал, вреда не будет, хоть твой Финн и засранец. А что касается тебя… Скажем так, у меня особый интерес к лаборатории ксенобиологии. Сентиментальная привязанность, вроде того. И еще скажу: я предполагал, что ты не отреагируешь на дела, творящиеся на «Интрепиде», банальными страхом и желанием спрятаться. Поэтому решил: пара слов с глазу на глаз не повредит. Захотел предупредить. — Дженкинс махнул рукой — видишь, мол. — И вот ты здесь. И по крайней мере, живой. Пока еще.

Он ткнул в кнопку панели управления, открыв перед Далем дверь в коридор «Интрепида». И ушел.

Глава 9

— Ну давай! — раздраженно пробормотал Дженкинс и грохнул по столу.

Над ним замерцала голограмма. Дженкинс снова грохнул. Даль глянул на Дюваль, Хестера, Финна и Хэнсона. В комнатушку Дженкинса набилось шестеро человек.

Дюваль закатила глаза.

— Пардон, — пробормотал Дженкинс, адресуясь не столько к гостям, сколько к себе. — Я подбираю списанное оборудование. Его привозят грузовые тележки. Приходится ремонтировать, и не всегда выходит гладко.

— Да ничего, — отозвался Даль, осматриваясь.

Площадку для тележек загромождали большой стол-проектор, разделявший сейчас хозяина убежища и гостей, узкая койка, небольшой шкаф, заставленный ящиками с влажными гигиеническими салфетками, контейнер с походными пайками разведмиссий Вселенского союза и портативный туалет. Даль задумался над тем, как туалет опорожняется и обслуживается. И решил, что лучше не знать.

— Скоро начнется? — поинтересовался Хе-

стер. — Я думал, мы быстро управимся, и мне вроде как приспичило.

— Туалет к твоим услугам, — заметил Дженкинс.

— Я, пожалуй, воздержусь.

— Почему бы просто не рассказать? — предложил Даль. — Совсем не обязательно устраивать презентацию со слайд-шоу.

— Обязательно надо показать! — возразил Дженкинс. — На словах все покажется чистым безумием. А с графиками и картинками выходит… не таким чистым.

— Круто, — отозвался Финн и посмотрел косо на Даля — мол, спасибо сердечное за такие аттракционы.

Тот пожал плечами.

Дженкинс грохнул кулаком еще раз, и картинка стабилизировалась.

— Ха! Я готов!

— Слава богу! — выдохнул Хестер.

Дженкинс поводил руками над столом, возясь с набором картинок, высвеченных у поверхности, нашел нужный эскиз и вытащил на обозрение всем.

— Вот «Интрепид», — указал он на вращающуюся над столом объемную схему. — Это флагман

флота Вселенского союза и один из самых крупных его кораблей. Но кораблей во флоте тысячи. Первые девять лет своего существования, помимо флагманского звания, «Интрепид» не выделялся на их фоне практически ничем — я имею в виду со статистической точки зрения.

«Интрепид» уменьшился и сменился графиком, показывающим две близкие временные зависимости: одна — средняя по флоту, вторая — индивидуальная по «Интрепиду».

— Основная задача «Интрепида» — исследования. Время от времени он принимал участие в военных действиях. В обоих случаях потери команды соответствуют средним по флоту, и даже немного ниже, поскольку Вселенский союз ценил свой флагман как символ флота и обыкновенно давал менее опасные задания. Но все изменилось пять лет назад.

График показал данные за последние пять лет. Кривая «Интрепида» взмыла вверх и выровнялась намного выше среднего по флоту уровня.

— Ух ты! — воскликнул Хэнсон.

— Вот именно «ух ты», — подтвердил Дженкинс.

— И что случилось? — поинтересовался Даль.

— Капитан Абернати, — ответила Дюваль. — Он

принял командование пять лет назад.

— Близко. Но все-таки мимо, — отозвался Дженкинс, поводя руками над столом и копаясь в изображениях. — Да, Абернати принял командование пять лет назад. Но до того он четыре года командовал «Гриффином», где составил себе репутацию чуждого условностям, рискового, но эффективного и умелого лидера.

— «Рисковый», наверное, эвфемизм, обозначающий пристрастие к убийству членов команды, — предположил Хестер.

— Могло быть и так, — согласился Дженкинс. — Но тут иначе.

Он вывел изображение крейсера.

— Это «Гриффин».

За кораблем тянулась кривая, изображающая зависимость статистики потерь от времени.

— Как видите, вопреки репутации «рискового» капитана, потери на «Гриффине» отнюдь не превышают средние. Что впечатляет, поскольку «Гриффин» — военный корабль. Лишь когда Абернати назначили на «Интрепид», потери его команды резко подскочили.

— Может, он свихнулся? — предположил Финн.

— Его психологические тесты за последние

пять лет безукоризненны.

— Откуда ты знаешь?.. — начал Финн и остановился, махнул рукой. — А, не важно. Понимаю, тупой вопрос.

— То есть, если я правильно понял, капитан не безумен и не старается сознательно подставлять команду, — резюмировал Даль. — Лейтенант Коллинз говорила о людях, жаловавшихся на высокую смертность на «Интрепиде». Им ответили, что флагман получает опасные задания и этим все объясняется. Но ты утверждаешь, что это не так.

— У нас высокая смертность во время высадок не потому, что задания рискованнее, чем у других. — Дженкинс покопался в папке и извлек изображения нескольких кораблей. — Вот для примера наши крейсеры и разведчики, то бишь те, кто обычно и рискует по-настоящему. Вот графики их потерь в зависимости от времени.

За изображениями выскочили кривые. Дженкинс перетянул их на график потерь «Интрепида».

— Как видите, их потери выше средних по флоту, но намного меньше потерь «Интрепида». А его высадки обычно определяются как гораздо менее рискованные, чем у крейсеров и военных

разведчиков.

— Так отчего же мрут люди? — спросила Дюваль.

— Сами разведмиссии, в общем-то, не слишком опасные. Проблема в том, что обязательно случается что-нибудь непредвиденное.

— А, так, значит, дело все-таки в некомпетентности, — заключил Даль.

Дженкинс вывел портреты офицеров «Интрепида», списки их наград и почетных грамот.

— Глядите. Все-таки «Интрепид» — флагман нашего флота. На него не попадает абы кто.

— Не везет, что ли? — предположил Финн. — Похоже, у нашей посудины худшая карма во Вселенной.

— Второе как раз может быть правдой, — сказал на это Дженкинс. — Но невезение тут совсем ни при чем.

Даль даже захлопал глазами от удивления, вспомнив, что почти то же самое сказал, втаскивая Керенского в шаттл на разведмиссии.

— Наверное, что-то не то творится с нашими офицерами, — предположил он.

— Угу. С пятерыми: Абернати, К'роолем, Керенским, Вестом и Хартнеллом. Статистика указывает на поразительную странность. Если

кто-либо из них участвует в высадке, заметно увеличивается вероятность катастрофической неудачи. Если присутствует двое, шансы возрастают экспоненциально. Если участвуют трое или больше, вероятность летальных потерь экипажа в миссии практически стопроцентная.

— Но сами они всегда выживают, — указал Хэнсон.

— Именно, — подтвердил Дженкинс. — Конечно, Керенского регулярно увечит. И остальные время от времени получают как следует. Но всегда выживают и поправляются. Всегда.

— И это ненормально, — поддакнул Даль.

— Конечно! — воскликнул Дженкинс, выводя портреты пяти офицеров и соответствующие графики. — У людей под их началом вероятность гибели несравнимо выше, чем у людей под началом любых других офицеров на таких же должностях во флоте. Во всем звездном флоте, за все время его существования — с момента образования Вселенского союза два века назад! Такие потери бывали в стародавних парусных флотах, и то офицеры тогда гибли наравне с командой. И капитаны, и помощники мерли как мухи.

— Чума и цинга — штуки страшные, — заметил Хестер.

— Не в цинге дело, — буркнул Дженкинс, смахнув рукой картинки. — Знаешь, в наше время офицеры тоже гибнут. Конечно, продвижение в чинах снижает риск гибели, но ведь не исключает его. По статистике, любой из этой пятерки уже должен был погибнуть дважды или трижды. Может, один или двое и смогли бы пережить подобные приключения. Но все пятеро? Шансы здесь меньше, чем умереть от удара молнии.

— Который бы они, конечно, пережили, — сострил Финн.

— Но не член экипажа, оказавшийся рядом, — добавила Дюваль.

— А, я вижу, до вас доходит! — обрадовался Дженкинс.

— Покамест ты всего лишь доказал, что происходящее с ними невозможно, — подытожил Даль.

Дженкинс покачал головой:

— Я не сказал «невозможно». Но есть вещи чертовски маловероятные. И это — одна из них.

— Насколько это маловероятно? — спросил Даль.

— За все время поиска аналогов я нашел только один корабль, где наблюдалась отчасти похожая статистика смертности в разведмиссиях, — сооб-

щил Дженкинс, покопался в папках и вытащил изображение.

Все уставились на него в недоумении.

— Я не узнаю этот корабль, — нахмурилась Дюваль. — А я считала, что знаю все действующие в нашем флоте. Он вообще из Вселенского союза?

— Не совсем. Из Объединенной федерации планет.

— Э-э, откуда? — выговорила Дюваль ошарашенно.

— Ее не существует, — объявил Дженкинс. — Как и этого корабля. Он называется «Энтерпрайз», и его выдумали создатели научно-фантастического телесериала. Нас тоже выдумали.

— Ладно. — Финн нарушил наконец всеобщее молчание. — Не знаю, как остальные, а я предлагаю официально считать этого парня больным на всю голову.

Дженкинс посмотрел на Даля:

— Я ж говорил, звучит как безумие. Чистейшее. Но вот же статистика, посмотри сам.

— Смотрю. И вижу: с этим кораблем дела неладны, — буркнул Финн. — Но это не значит, что мы звезды гребаного научно-фантастического шоу!

— Я и не говорю, что мы звезды, — заметил Дженкинс и указал на плавающие над сто-

лом портреты Абернати, К'рооля, Керенского, Веста и Хартнелла. — Звезды — они. А мы второстепенные актеры. Статисты. Как говорится, красномундирники.

— Отлично! — подытожил Финн, вставая. — Спасибо большое, что отняли у меня уйму времени. А сейчас я пойду и просплюсь хорошенько.

— Подожди, — попросил Даль.

— Подождать? Энди, ты шутишь? Я знаю, ты на всем этом помешался, и уже давно. Но есть вещи на грани разумного и есть вещи за гранью, причем далеко. А наш общий друг так далеко убежал от грани, что уже и не знает, где она.

— Знаешь, мне соглашаться с Финном — как ножом по сердцу, — добавил Хестер. — Но приходится. То, что мы услышали, не просто неправильно. Оно вообще ничего общего не имеет с правильным или неправильным.

Даль посмотрел на Майю.

— Прости, Энди. Но, по-моему, это полный бред.

— Джимми? — спросил Даль, глядя на Хэнсона.

— Я полагаю, он определенно свихнулся, — заключил тот. — Но думает, что говорит правду.

— А как иначе? Потому он и шизанутый, — вставил Финн.

— Я не то имел в виду, — возразил Хэнсон. — При безумии мысли человека подчиняются внутренней логике, чьи правила действует только в голове бедняги. Но логика Дженкинса вполне себе внешняя, общепринятая — рассуждение его логично и по нашим меркам.

— Ага. И по ним, мы все — придуманные! — выдал Финн насмешливо.

— Я этого не говорил, — указал Дженкинс.

— Гы-ы-ы, — сказал Финн, тыча пальцем в изображение «Энтерпрайза». — А что ж ты говорил? Вот он — настоящий?

— Придуманный. А ты — настоящий. Но телешоу вторглось в нашу реальность и ее искажает.

— Сто-оп! — Финн аж руками замахал от изумления. — Телешоу? Ты что, смеешься? Телевидения уже сотни лет как нет!

— Появилось оно в тысяча девятьсот двадцать восьмом году с целью развлечения, в последний раз использовалось в две тысячи сто пятом, — сообщил Дженкинс. — Значит, где-то между этими датами есть период времени, когда транслировалось шоу о приключениях экипажа «Интрепида».

— Слушай, ты что куришь? — поинтересовался Финн. — Очень хочется знать. Что бы там ни

было, я состояние сколочу, продавая эту дурь.

— Я так работать не могу! — объявил Дженкинс, глядя с вызовом на Даля.

— Заткнитесь все на минуту, — попросил энсин.

Финн и Дженкинс успокоились.

— Послушайте. Я понимаю, это похоже на безумие. Он и сам признает, что это похоже на безумие. — Даль указал на Дженкинса. — Но задумайтесь над тем, что мы сами видели на «Интрепиде». Подумайте, как люди ведут себя здесь. Безумно здесь не то, что этот парень считает нас персонажами телешоу. Безумно здесь то, что, как мне сейчас видится, его версия — самое рациональное объяснение происходящего. Разве нет? Кто-нибудь может предложить объяснение разумнее?

Даль окинул взглядом друзей. Все молчали. Хотя Финн выглядел так, будто едва удерживает язык за зубами.

— Нет? Отлично! — заключил Даль. — Так что давайте выслушаем Дженкинса. Может, дальше все станет еще безумнее. Может, наоборот. В любом случае это будет хоть что-то. А сейчас у нас совсем ничего нет.

— Ну ладно, — выговорил наконец Финн. — Но

ты нам всем должен по вздрочу.

— По вздрочу? — переспросил Дженкинс у Даля.

— Долго объяснять, — ответил тот уклончиво.

— Хм, — сказал Дженкинс. — В общем, ты прав: самое кривое тут как раз то, что версия про телешоу, вторгающееся в нашу реальность и ее извращающее, — самая разумная. Но хуже всего даже не это.

— Боже мой! — выдохнул Финн. — Что может быть еще хуже?

— Насколько могу судить, шоу это далеко не самое удачное.

Глава 10

— Боевая тревога! — объявил капитан Абернати, когда корабль календрианских повстанцев дал торпедный залп по «Интрепиду». — Маневр уклонения!

Стоящий на мостике Даль расставил пошире ноги, чтобы сохранить равновесие. «Интрепид» дернулся, уходя от управляемых торпед, пущенных навстречу.

Даль вспомнил слова Дженкинса: «Обрати внимание: в критических ситуациях гасители инерции толком не работают. В другое время корабль может развернуться на месте или выписать мертвую петлю, и никто не заметит. Но когда пахнет живописной картинкой, всем лучше покрепче держаться на ногах».

— Они по-прежнему идут за нами! — заорал энсин Якобс, следящий за курсом торпед и управляющий корабельным оружием.

Абернати стукнул по кнопке на подлокотнике, включая вещание на весь корабль.

— Внимание всем! Приготовиться к столкновению!

Все на мостике ухватились за свои пульты,

стойки и поручни. А Даль подумал, что стоило бы сделать нормальные ремни безопасности.

Торпеды нашли цель. Вдали глухо бухнуло, мостик качнулся.

— Доложить о повреждениях! — гаркнул Абернати.

Даль снова вспомнил Дженкинса: «При атаках почти всегда повреждаются палубы с шестой по двенадцатую, потому что в шоу показывают именно их. Камеры будут переключаться с мостика туда, снимая взрывы и то, как швыряет ударной волной несчастных астронавтов».

— Тяжелые повреждения на палубах шесть, семь и девять! — доложил К'рооль. — Умеренные — на восьмой и десятой!

— Еще торпеды! — заорал Якобс. — Целых четыре!

— Противоракеты! Огонь! — завопил Абернати.

«Отчего ж ты сразу их не приказал запустить?» — мрачно подумал Даль.

И снова в памяти всплыли слова Дженкинса: «Каждый бой срежиссирован максимально драматично. Вот что происходит, когда Сюжет берет верх над жизнью. Все делается бессмысленным. Законы физики отдыхают. Люди перестают

мыслить логически и начинают думать драматически».

«Сюжетом» Дженкинс называл то, как телешоу вмешивалось в реальность, отметая напрочь здравый смысл и законы физики, засовывало в память неожиданные знания, заставляло делать несуразности и говорить нелепости.

«С тобой уже бывало такое, — рассуждал Дженкинс. — Вспомни: ты вдруг обнаруживал, что знаешь то да се, хотя и представления не имел откуда. Вдруг принимал решения и действовал вопреки своему разумению, будто повинуясь чьему-то приказу. И противиться не мог. И это понятно, ведь ты всего лишь фигура для сценариста, инструмент движения сюжета».

На обзорном экране вспыхнули три ярких оранжевых огня — противоракеты нашли цель.

«Ага, три, но не четыре, — отметил Даль. — Конечно, ведь, если одна торпеда прорвется, будет интереснее».

— Торпеда идет к нам! — завопил Якобс. — Попала!!!

Страшно грохнуло и лязгнуло — торпеда врезалась в корпус несколькими палубами ниже мостика. Якобс завизжал — его пульт живописно взорвался, выбросив сноп искр и швырнув энси-

на спиной на палубу.

«Что-нибудь обязательно взорвется и на мостике, — предупредил Дженкинс. — Там камера работает дольше всего. Повреждения будут непременно, есть им объяснение или нет».

— Перенастроить управление оружием! — завопил Абернати.

— Готово! — отрапортовал Керенский. — Управляю я!

— Огонь! — скомандовал Абернати. — Всем бортом!

Керенский шлепнул пятерней по пульту. Обзорный экран засветился: пучки энергии с нейтринными ракетами понеслись к повстанцам. Через секунду на экране вспыхнуло созвездие разрывов.

— Прямое попадание! — объявил Керенский, глянув на свой дисплей. — Капитан, похоже, мы разрушили ядро двигателя. Через минуту их корабль разлетится на части.

— Керенский, уводите нас отсюда! — приказал Абернати и спросил у К'рооля: — У нас новые повреждения?

— Тяжелые, на двенадцатой палубе.

Дверь на мостик открылась, и вошел главный инженер Вест.

— Наши двигатели в опасном состоянии, — доложил он, будто услышав еще за дверями разговор капитана с коммандером сквозь вой сирен тревоги. — Капитан, нам повезло, что ядро двигателей не повреждено.

— Долго ремонтировать? — спросил Абернати.

«Ровно столько, сколько нужно для сюжетного вывиха», — подумал Даль.

— Десять часов, если постараться, — ответил инженер.

— Черт возьми! — выругался Абернати, стукнув в сердцах кулаком по подлокотнику. — В это время мы должны эскортировать корабль календрианского понтифика на мирные переговоры.

— Ясно: среди повстанцев есть еще противники мирных переговоров, — значительно объявил К'рооль, глядя на обзорный экран.

На нем красочно взрывался звездолет бунтовщиков.

— Да, ясно, — подтвердил Абернати. — Но ведь именно эти бунтовщики и попросили о переговорах. Зачем же ставить их под угрозу? И зачем атаковать нас?

Он отвел взгляд, мрачный и суровый.

Дженкинс предупреждал, что время от времени

Абернати либо кто-нибудь из старших офицеров выдаст напыщенную тираду, призыв или риторический вопрос, и все замолкнут на несколько секунд. В это время по телевизору якобы крутят рекламный ролик. Когда такое случается, Сюжет отступает. Вот тогда стоит внимательнее понаблюдать за офицерами.

Спустя пару секунд Абернати заморгал, расслабился и посмотрел на Веста.

— Что ж, тогда бросайте всю вашу команду на ремонт двигателей, — указал капитан.

Голос его звучал куда спокойнее и обыденнее прежнего.

— Конечно, — согласился Вест и направился к дверям, недоуменно осматриваясь по дороге, — словно удивлялся, с какой стати шел пешком до мостика, чтобы передать известие, когда без проблем мог позвонить по телефону.

— Пошлите ремонтные команды на поврежденные палубы, — приказал Абернати К'роолю.

— Сделаю, — отозвался коммандер.

— А заодно направьте кого-нибудь сюда, на мостик. Пусть поставят предохранители на питание станций или вроде того, чтобы срезать скачки напряжения. Не понимаю, с чего всякий раз во время боя здесь рвутся пульты и летит чертова

туча искр.

Даль поперхнулся.

— Энсин, с вами все в порядке? — спросил капитан, будто впервые заметив Даля.

— Нет, сэр! Прошу прощения, сэр! Слегка нервничаю после боя.

— Если не ошибаюсь, вы — Диль из отдела ксенобиологии.

— Даль, сэр. Да, я раньше работал там.

— Значит, первый день на мостике.

— Так точно, сэр!

— Оно не всегда так, не стоит нервничать, — посоветовал капитан. — Иногда все гораздо хуже.

— Так точно, сэр!

— Хорошо, — отметил капитан и кивнул в сторону распростертого на палубе Якобса, начавшего тихо стонать. — Сделайте что-нибудь полезное. К примеру, отведите его в лазарет. Похоже, энсину туда прямая дорога.

— Есть, сэр!

Даль шагнул к Якобсу.

— Как он? — спросил капитан, когда энсин поднял раненого на ноги.

— Ушибся сильно, но жить будет.

— Замечательно. Последний мой спец по оружию кончил хуже. И его предшественник тоже.

Диль, я иногда удивляюсь: что за чертовщина происходит с этим звездолетом? Будто прокляли его.

— Ничего это не доказывает! — заявил Финн, когда Даль рассказал о том, что происходило на мостике во время боя.

Друзья уместились впятером вокруг столика, уставленного выпивкой.

— Какие вам еще нужны доказательства? — спросил Даль. — Тут как по списку сверяешь: барахлят гасители инерции — есть. Взрываются пульты на мостике — есть. Повреждаются палубы с шестой по двенадцатую — есть. Даже глубокомысленная пауза во время рекламного ролика есть!

— Никто же не умер, — сказал Хэнсон.

— Потому что пока не нужно. Думаю, эта битва — просто начало. Такое запускают до первой рекламной паузы. Это — подготовка к последующему действу.

— И что потом? — спросила Дюваль.

— Не знаю. Не я пишу чертов сценарий.

— Дженкинс знает, — предположил Хестер. — У него же есть каталог всех этих серий.

Даль кивнул. Дженкинс показал им календарь жизни «Интрепида», где через равные интервалы

светились пометки.

«Я обозначил, когда Сюжет вторгается в нашу явь», — сказал тогда затворник-йети, увеличивая одну из меток.

Та обнаружила древообразную структуру со множеством ветвей.

«Смотрите, как все устроено: каждая веточка — это сцена. Они соединяются в отдельную сюжетную арку. — Дженкинс убрал увеличение и снова показал общую картину. — Шесть лет, в среднем двадцать четыре основных сюжетных события в год. Плюс пара событий масштабом поменьше. Думаю, это отдельные серии».

— Боже мой, Хестер, и ты туда же! — горестно воскликнул Финн, встревожив погруженного в размышления Даля. — Мало что Энди уже целиком завяз в этом дерьме, так и ты переходишь на сторону безумия!

— Финн, если выпивка пахнет виски, на вид и на вкус как виски, лучше звать ее «виски». Разве нет? Я не верю выводам этого парня, но его детальная осведомленность, черт возьми, впечатляет. Последнее дело прошло в точности, как Дженкинс предсказывал, вплоть до взорвавшейся панели управления на мостике. Конечно, может, нас никто и не пишет, как сценарий, а

Дженкинс давно не пил свои таблетки и вовсе головой поехал. Но готов спорить: он хорошо представляет, куда нас заведет история со звездолетом повстанцев.

— Значит, ты готов бежать к Дженкинсу за объяснениями и советами по поводу и без? — спросил ехидно Финн. — Если ты уж решил уйти в секту, лучше выбери другого пророка, который не сидит четыре года на сухпайках и не гадит в переносной нужник.

— А как ты все это объяснишь? — спросил Хестер.

— Никак. «Интрепид» — чертовски странный корабль. С этим все согласны. Но ты выдаешь цепь случайностей за закономерность, какую сам хочешь видеть. И остальные тоже.

— Нарушение законов физики — не «цепь случайностей», — заметил Хестер.

— А ты, значит, уже и физиком сделался? — отбрил Финн и демонстративно обвел взглядом корабль. — Народ, послушайте, мы на чертовом космическом корабле. Кто-нибудь из вас может объяснить, как работает наша колымага? На вновь открытых планетах мы сталкиваемся с прорвой диковинной живности. И не удивляемся оттого, что не можем ее понять. Наша цивилиза-

ция раскинулась на световые годы. Вам это само по себе не кажется странным? Если задуматься, страннее некуда. И попросту невозможно. Куда ни плюнь, попадешь в странность.

— Когда мы встречались с Дженкинсом, ты такого не говорил, — указал Даль.

— Да я собирался! Но все завопили: «Дай ему сказать!» Потом уже смысла не было.

Разозленный Даль нахмурился.

— Ну послушайте, я же не спорю — да, творится нечто непонятное. Все это знают. Но может, это потому, что корабль наш вроде как погряз в безумии обратной связи. То есть неправдоподобное порождает неправдоподобное, и так годами. Если в такой ситуации искать зависимость между случайностями, заранее ее представив, отыщешь обязательно. А в особенности если поблизости ошивается кто-нибудь вроде Дженкинса, двинутый, но как раз настолько, чтобы выдать теорию, которая что-то может предсказать, хотя и дает абсолютно шизоидные объяснения. На своей теории Дженкинс трогается окончательно, принимается следить за офицерами ради остального экипажа, а его члены поддерживают безумие. А потом в цикл безумия встраивается Энди, привыкший верить во всякую лабуду.

— И как тебя понимать? — спросил Даль угрожающе.

— Так, что ты годы торчал в семинарии по уши в мистицизме. И не в обычном человеческом мистицизме, занюханном и затраханном, а в настоящем инопланетном. И растянул свое понятие нормальности настолько, что в него прекрасно поместилась безумная Дженкинсова ересь.

Чувствуя, что Даль злится, Финн примирительно поднял руки:

— Энди, слушай, ты мне нравишься. Я думаю, все с тобой нормально. Просто твое прошлое работает против тебя. Понимаешь ты сам или нет, но ведь втягиваешь моих приятелей в полный абсурд.

— Если уж заговорили о прошлом, шизик Дженкинс на меня как раз этим жути нагнал, — заметила Дюваль.

— Ты имеешь в виду, что он о нас знает? — предположил Хэнсон.

— Я имею в виду, насколько много он о нас знает. И какие роли нам отводит.

«Вы все — второстепенные актеры, но не простые, — сказал тогда Дженкинс. — У обычного проходного персонажа никакой биографии. Он появляется лишь для того, чтобы погибнуть. Но

у вас биографии есть, и они необычные. Один — посвященный в инопланетную религию. Другой — отпетый негодяй, наживший врагов по всему флоту. Третий — сын богатейшего человека во Вселенной. А ты, Дюваль, перевелась с корабля, где поругалась с вышестоящим офицером, и к тому же спишь с Керенским».

— Ты просто бесишься: Дженкинс выдал нам, что ты трахаешься с Керенским, — заметил Хестер. — А ты уже, между прочим, перед всеми нами его отшила.

— Ну и что с того? — вспыхнула Дюваль. — У меня тоже, между прочим, надобности.

— У него ж недавно было три венерических, — напомнил Финн.

— Уж поверьте, я его заставила пройти курс антибиотиков, — сообщила Майя и, глянув искоса на Даля, добавила: — И не надо наезжать. Захотелось мне. А из вас ведь никто не позаботился.

— Я в лазарете валялся, когда ты закрутила с Керенским, — возразил тот. — Так что не надо меня винить.

Дюваль ухмыльнулась:

— И вообще меня не это задело, а то, что Дженкинс сказал потом. Помните?

«Вас не просто убьют мимоходом. Аудитории

недостаточно гибели случайных бедняг. Время от времени нужно изобразить смерть того, кому можно сопереживать, кого зрители уже узнали. Потому сценаристы берут второстепенного персонажа, развивают его, представляют его зрителям как полноценного героя и потом — бац! Вот ваша судьба, ребята. За вами интересные истории. Потому, наверное, смерти каждого из вас посвятят целую серию».

— Это уже ересь посложнее, — прокомментировал Финн.

— Тебе легко говорить, — пожаловался Хестер. — Я из вас один без интересной биографии. Ничегошеньки за душой. Когда в следующий раз попаду в группу высадки, меня точно прикончат. Я обречен!

— Видишь, я об этом и говорил, — заключил Финн, глядя на Даля и указывая на Хестера. — Своим бредом ты уже подчинил этот слабый больной рассудок.

— А ты, значит, одинокий глас здравомыслия? — улыбнулся Даль.

— Да! И хорошенько подумай об этом. Я самый безответственный из всех, кого я знаю. И среди вас я — голос разума. Маяк адекватности. Честное слово, ненавижу поучать уму-разуму. А что

остается?

— Слабый больной рассудок, — пробормотал Хестер.

— Ты ж сам хотел называть виски — виски, — добавил Финн.

Телефон Дюваль запищал, и она вышла. Вернулась бледная.

— Ну вот это уже, на мой вкус, чересчур странное совпадение, — пробормотала она.

— Что такое? — нахмурился Даль.

— Керенский звонил. Меня зовут на брифинг со старшими офицерами.

— И зачем? — осведомился Хэнсон.

— В бою с повстанцами двигатели «Интрепида» пострадали, поэтому эскортировать звездолет понтифика выслали другой корабль. А он только что атаковал звездолет понтифика и вывел его из строя.

— И что это за корабль? — спросил Даль.

— «Нант». Я служила на нем до назначения на «Интрепид».

Глава 11

— Энди, поверь мне, — увещевал Финн, идя вместе с Далем к кубрику Дюваль, — она не хочет с тобой говорить.

— Откуда тебе знать?

— Я знаю!

— Да? И откуда?

— Я видел ее сразу после брифинга. И она сказала, что, Богом клянется, если увидит тебя — сломает нос.

Даль улыбнулся.

Они зашли в кубрик Дюваль и обнаружили ее в одиночестве сидящей на койке.

— Майя! — позвал Даль.

— Энди! — воскликнула Майя, встала и нанесла удар.

Даль свалился на палубу, держась за нос.

— Я ж тебе говорил! — возопил Финн и, глянув на Дюваль, добавил: — Я ему говорил, честное слово!

— Я думал, ты шутишь! — выдохнул поваленный Даль.

— Фома ты неверующий, — качнул головой Финн.

Даль посмотрел на руку — крови не было.

— За что? — спросил он у Майи.

— За конспирологические теории.

— Они не мои. Они Дженкинса!

— Господи боже, да мне трижды наплевать, чьи это теории! — взорвалась она. — Я сидела на этом чертовом брифинге, выкладывала про чертов «Нант» и думала все время, мать его, это та самая серия, где мне сдохнуть назначено! Смотрю на Керенского, а он меня прям ест глазами, будто женушку любимую, а мы всего-то потрахались! И тогда понимаю: мне и в самом деле кранты, потому что эта сволочь в меня втюрился, я его любовь, и потому меня кончить — самое то! Тогда эта падаль сможет красиво погоревать в конце серии!

— Майя, не обязательно случится именно так, — заметил Даль, пытаясь встать.

Она снова швырнула его на пол.

— Заткнись, Энди! Лучше просто заткнись! Ты не понимаешь. Не важно, случится именно так или не именно. Важно то, что я поддаюсь вашей гребаной паранойе! Теперь не могу отделаться от мысли, что в следующей миссии сыграю в ящик. Все время думаю! Кажется, звоночек уже прозвенел и никуда не деться! Это со мной из-за

тебя! Мать твою! Спасибо тебе огромное!

Дюваль опустилась бессильно на кровать, разозленная и растерянная.

— Прости, — выговорил Даль спустя минуту.

— Простить? — Дюваль хохотнула. — Энди, боже ж мой!

— Что случилось на брифинге? — спросил Финн.

— Я рассказала про «Нант» и его команду. Там то ли календрианский шпион, то ли перебежчик, сумевший взломать системы управления огнем, обстрелять корабль понтифика и отключить всю связь. После обстрела с «Нантом» никакой связи.

— Зачем засылать шпиона на «Нант»? — спросил Даль. — Ведь сопровождать понтифика назначили «Интрепид».

— Наверное, повстанцы знали, что «Нант» назначен в резерв, — ответила Дюваль. — На него шпиона заслать гораздо проще, чем на флагман Вселенского союза. То есть повстанцы шлют звездолет атаковать нас, наносят повреждения, и «Нант» оказывается в идеальном положении, чтобы обстрелять понтифика. И еще кое-что на твою мельницу. — Дюваль ткнула пальцем в Эндрю. — Когда мне сказали про шпиона, я тут же и подумала: за сколько ж времени нужно

было внедрять своего человека на «Нант»? Как далеко планировать? Как можно узнать заранее, что «Нант» назначат поддерживать «Интрепид»? Ведь наше командование решило это всего пару дней назад. Как такое вообще возможно? А представляешь, что я подумала потом? — Она глянула с яростью на лежащего Даля. — Я подумала: лучше бы им подредактировать сценарий!!! Мать честная! Вот тогда я решила дать тебе в бубен при первой же встрече.

— Дженкинс же говорил, что шоу, на его взгляд, не самое удачное, — заметил Даль.

Майя занесла кулак.

— Энди, не заставляй меня снова бить.

— Разведмиссия? — догадался Финн.

— Да. И я в ней. «Нант» не отвечает на запросы, двигатели не работают. «Интрепиду» поручили расследовать ситуацию и защитить звездолет понтифика от новых атак. Я служила на «Нанте» в десантной команде, потому я, естественно, проводник группы высадки. И я, скорее всего, погублю всех ее членов. Спасибо, дорогой друг Энди. Я теперь свято верю, что сдохну последней из команды, потому что именно тогда моя кончина от пули промеж глаз станет самым драматичным моментом серии.

— Когда прибываем на место? — спросил Финн.

— Через два часа. А что?

Финн выудил из кармана продолговатую синюю таблетку.

— Возьми.

— Что это? — спросила Дюваль, присматриваясь.

— Подниматель настроения, сделанный из растения оринкс. Слабенько, но эффективно.

— Мне не нужен подниматель настроения! Мне нужно вмазать Энди еще разок!

— Можно и то и другое, — заверил Финн. — Майя, уж поверь мне, ты сейчас просто развалина, сама ведь знаешь. А это, как ты сама сказала, только во вред разведмиссии.

— А наркоту жрать не во вред?

— Эту — нет. Она же слабенькая. Ты почти и не заметишь эффекта. Просто чуточку разожмешься. Как раз настолько, чтобы сосредоточиться на работе, а не на гадких мыслях. Больше оно ни на что не подействует. Останешься собранной, внимательной и трезвой.

Он поднес таблетку ближе к Дюваль.

— На ней ворс, — указала она, рассмотрев пристальнее.

Финн сдул ворсинку.

— Ну вот, готово.

— Ладно, — согласилась Майя, протягивая ладонь. — Но если увижу говорящих ящеров, я тебе вломлю.

— И будешь права, — поддакнул Финн. — Воды принести?

— Обойдусь.

Она проглотила таблетку. Затем наклонилась и отвесила Далю оплеуху.

— За что?

— Финн сказал, мне можно и таблетку, и тебя стукнуть, — сообщила Майя и нахмурилась. — Она посмотрела на Финна. — Так из чего эта таблетка?

— Из растения оринкс.

— И эффект совсем слабенький?

— Обычно.

— Знаешь, хочу тебе сказать, эффект какой-то сильненький, — поведала Дюваль и соскользнула с койки.

Даль успел поймать девушку прежде, чем она шлепнулась на палубу.

— Ты что учинил? — спросил Даль, силясь поднять обмякшую Майю.

— Очевидно же, я ее вырубил, — ответил тот,

помогая.

— Мне казалось, ты обещал совсем слабенький эффект.

— Я соврал, — признался Финн, хватая Дюваль за ноги.

Вдвоем они кое-как запихали девушку на койку.

— Долго она будет в отключке?

— Такая доза отрубает немаленьких размеров мужика на восемь часов. Майя, наверное, проваляется часов десять.

— Она не успеет в разведмиссию.

— Именно. Энди, ты настолько замутил нашим друзьям голову своим дурацким телешоу, что они не в себе. Если хочешь и дальше гнать туда же, мешать не стану. Но позабочусь, чтобы остальные увидели другую точку зрения в действии.

— И это действие — одурманить Майю?

— Дурь только средство. А цель — показать, что даже без Дюваль группа высадки отправится на «Нант» и сделает свою работу. Жизнь продолжается, даже если должен сработать Сюжет Дженкинса! А я докажу, что все обойдется и без Сюжета. Когда Майя, Джимми и Хестер это увидят, может, кончат икру метать по поводу этого бреда. Кто знает, авось и ты опомнишься.

— Но у нее будут серьезные неприятности. За такое под трибунал отдают. Я не уверен, что Майя скажет тебе спасибо.

— Мне нравится, что ты считаешь меня таким идиотом. — Финн улыбнулся. — Все продумано!

— И что же продумано?

— Сейчас поймешь, ведь ты тоже в игре.

— Где Майя? — спросил Керенский.

— Кто? — невинно удивился Финн.

— Дюваль! Она должна быть в составе группы высадки!

В голосе Керенского прозвучало нетерпение.

— А она… У нее тяжелый случай оринксианской падучей. Дюваль проваляется в постели пару дней. Мы с Далем заменяем ее в составе миссии. Сэр, вот приказ.

Керенский глянул на Финна оценивающе, затем достал телефон и посмотрел. Потом буркнул что-то себе под нос и указал друзьям на шаттл. Они поднялись на борт. Даль не представлял, как Финн умудрился подделать приказ, и не очень хотел выяснять.

На борту оказались капитан Абернати, коммандер К'рооль и чрезвычайно нервный энсин. Даль видел его впервые. Несомненно, новичок заметил трех старших офицеров в группе, подсчитал свои

шансы на выживание и не очень обрадовался результату. Усаживаясь, Даль улыбнулся энсину. Тот отвернулся.

Керенский плюхнулся в кресло пилота, и спустя несколько минут шаттл вышел из причального порта и направился к «Нанту».

— Некоторые лишь недавно присоединились к группе, — заметил капитан, кивая в сторону Финна с Далем. — Потому я позволю себе повторить описание ситуации и план действий. Связь с «Нантом» исчезла незадолго до атаки на корабль понтифика. Мы считаем, что шпион календрианских повстанцев захватил контроль над системами звездолета, отключил связь и обстрелял понтифика. Но затем, по-видимому, экипаж сумел частично вернуть контроль, иначе бы «Нант» разнес звездолет понтифика в клочья. Наша задача: проникнуть на «Нант», оценить ситуацию и, если в том возникнет нужда, помочь с захватом шпиона.

— Сэр, возможно, у вас есть предположения о личности шпиона? — вдруг услышал Даль собственный голос.

И подумал: «Вот дерьмо! Уже началось».

— Энсин Даль, отличный вопрос! — похвалил К'рооль. — Перед вылетом я запросил данные о

команде «Нанта». В последние несколько месяцев состав не менялся — за единственным исключением. Недавно появился новый член экипажа, Джер Вестон. Он объект нашего первостепенного интереса.

— Погодите, — перебил изумленный Финн коммандера. — Вы сказали, Джер Вестон?

— Да! — раздраженно гаркнул коммандер.

— А раньше он служил на «Спрингфилде»?

— Да, он нес службу на «Спрингфилде». В чем дело?

— Я его знаю, — выдал Финн. — Мы с ним там и познакомились.

— Боже мой! — воскликнул капитан. — Рассказывайте же!

— Рассказывать-то, в общем, нечего… Мы вместе работали в трюме.

— Он был вашим другом? — спросил К'рооль.

— Сэр, назвать его другом было бы преувеличением. Он настоящий козел. Он слова-то не знал такого — «друг». Но мы работали бок о бок больше года. Даже выпивали вместе. Не похож он на предателя, ну никак.

— Хорошие шпионы не похожи на предателей, — заметил коммандер.

— Финн, мы должны знать все, что вам извест-

но о Вестоне! — сказал капитан сурово. — Все, что может оказаться полезным! Все, что может помочь нам вернуть контроль над «Нантом» до того, как в нашем секторе соберутся корабли повстанцев. Если они прибудут до того, как «Нант» вернется в строй, «Интрепид» не сможет сохранить звездолет понтифика в целости. И тогда гражданская война Календрии грозит перейти в общегалактическую бойню!

На пару секунд повисла напряженная тишина.

— Угу, сэр, конечно, — выдавил Финн наконец.

— Большое спасибо, — отозвался капитан, отчего-то куда спокойнее и расслабленнее. — Ничего себе! Замена состава в последнюю минуту, и оказывается, вы знаете астронавта, подозреваемого в шпионаже! Изумительно! До чего же невероятное совпадение!

— Невероятнее некуда, — промямлил Финн.

— И я о том, — подтвердил Абернати.

— Капитан, прежде чем астронавт Финн расскажет нам о Вестоне, я хотел бы обсудить с вами планировку «Нанта», — сообщил К'рооль.

Капитан с коммандером погрузились в дискуссию.

— Ты как? — спросил Даль, с тревогой глядя на Финна.

— Нормально.

— Уверен?

— Энди, брось! Это простое совпадение. Такое случается. Не надо делать выводов. Все с нами будет в порядке. Вернемся на «Интрепид», выпьем как следует, а потом я попаду в лазарет, потому что проснется Майя. Вот мое предсказание. Хочешь, куш поставлю на то, что так оно и случится?

— Ну ладно, — улыбнулся Даль.

Затем он посмотрел на Абернати с К’роолем, увлеченных беседой. И на энсина-новичка. Тот странно глядел на Финна.

Через секунду до Даля дошло. Лицо новенького светилось облегчением.

А потом незнакомый энсин смутился. Он был совестливым энсином.

Глава 12

Коридоры «Нанта» пустовали. Двигалось по ним лишь несколько автоматических грузовых тележек.

— Финн, Даль — со мной! — приказал Абернати, затем ткнул в новичка. — Гровер, вы с Керенским и К'роолем.

— Есть, сэр! — отозвался тот и немедленно отлетел, пробитый зарядом импульсной пушки, установленной на тележке.

Даль успел прочитать недоумение в его глазах.

А затем бросился бежать вместе с Абернати и Финном, стараясь найти укрытие. И нашел — в нескольких метрах, за контейнерами. К ним покатились несколько вооруженных тележек. Другие ехали туда, где укрылись Керенский с К'роолем.

— Идеи есть? — осведомился капитан.

— Это тележки на дистанционном управлении, — сообщил Финн. — Если мы доберемся до поста квартирмейстера в грузовом трюме, сможем подать свой сигнал и перекрыть прежний.

— Да, — согласился капитан и указал на дальнюю стену. — Если трюм здесь устроен так же,

как и на «Интрепиде», пост вон там.

— Я пойду! — вызвался Финн.

— Нет, — возразил капитан, предостерегающе подняв руку. — Мы уже потеряли сегодня члена команды. Я не хочу рисковать еще одним.

«А, то есть лучше рискнуть капитаном?» — подумал Даль, но смолчал.

Абернати вынул пистолет.

— Прикройте меня! Я побегу на счет «три»!

Он начал считать. Даль глянул на Финна. Тот пожал плечами и приготовился стрелять.

На счет «три» Абернати выскочил из-за контейнеров, словно напуганная перепелка, и побежал, виляя из стороны в сторону. Тележки тут же переключились на него, ожесточенно паля, но постоянно слегка промахиваясь. Финн с Далем начали стрелять и разбили по тележке каждый.

Абернати сумел добежать, пробил из пистолета окно и вломился сквозь него, не тратя времени на дверь. Через несколько секунд тележки громко заскрежетали и замерли.

— Порядок! — объявил капитан, красуясь в разбитом окне.

Члены миссии собрались вокруг тела Гровера. У бедняги на лице застыло изумление.

— Финн, похоже, твой друг Вестон теперь убий-

ца, — объявил Абернати угрюмо.

— Сэр, он не мой друг.

— Но ты его знал. Если отыщешь его, сумеешь взять? Причем живым?

— Так точно, сэр!

— Замечательно.

— Капитан, нам нужно спешить, — сказал К'рооль. — Тележек может и прибавиться. Готов поспорить, Вестон сделал из них армию роботов, чтобы не дать высунуться команде.

— Именно! — согласился капитан и кивнул К'роолю. — Мы вдвоем пробьемся на мостик, попробуем отыскать капитана Баллингтон и вернуть ей контроль над кораблем. Керенский, возьмите Финна с Далем и отыщите Вестона. Берите его живым.

— Так точно, сэр!

— Тогда за дело, — объявил капитан.

Они с коммандером рысцой побежали к выходу из трюма, к коридорам, где, без сомнения, их поджидало множество вооруженных тележек.

— И какой у нас план? — обратился Финн к Керенскому.

— План? — Тот удивленно моргнул.

— Если Сюжет в самом деле работает, то сейчас он работает не на него, — заметил Даль про

лейтенанта.

— Тем лучше, — резюмировал Финн. — А ты как?

— Ты знаешь, что я думаю, — ответил Даль, указывая на тележку.

— Думаешь, Джер играет в Дженкинса, прячется в служебных коридорах?

— Бинго!

— Что? — вмешался Керенский. — О чем это вы?

Те не ответили, но занялись каждый своим: Даль смотрел данные по «Нанту», Финн выдирал запчасти из обездвиженных тележек.

— Вот! — объявил Финн, поднимая руку. — Три идентификационных маячка. Давай оставим телефоны, чтобы нас не распознали, когда зайдем в служебные коридоры. Тележки определят в нас своих и не будут стрелять.

— Дженкинс знал про эту хитрость, — напомнил Даль.

— Да, но я снял маяки с только что деактивированных тележек. Они пока значатся в системе как действующие. Не думаю, что Джер успел раскусить такое.

— Раскусить что? — спросил Керенский.

— Кажется, ты прав, — согласился Даль, перетас-

кивая в телефон схему служебных коридоров. — У него не было времени стереть свое укрытие — все стоянки тележек еще на карте.

— Их всего семь, — сказал Финн. — С какой начнем?

Даль нашел данные по Вестону.

— Его пост здесь, в трюмах. Думаю, логично исследовать ближайшую стоянку. — Он вывел на экран схему и высветил на ней стоянку. — Вот отсюда разумно начать.

— Значит, отсюда и начнем, — заключил Финн.

— Я приказываю рассказать, что вы задумали, — пискнул Керенский жалобно.

— Мы помогаем вам поймать Джера Вестона, — поведал Финн. — В результате вы, наверное, продвинетесь по службе и получите награду.

— А-а, — выговорил Керенский и гордо выпрямился. — Тогда определенно стоит этим заняться!

— И отомстить за смерть Гровера, — добавил Даль, кивая в сторону навсегда изумленного энсина.

— Да, и это тоже, — поддакнул Керенский, глядя на тело. — Бедняга. И ведь последняя высадка.

— Да уж, — подтвердил Финн.

— Я имел в виду, его срок службы заканчивается через пару дней. Я специально назначил его на это задание, чтобы добавить опыта разведмиссий. Последнее «прости», так сказать. Он пытался отговориться, но я настоял.

— Как неблагонамеренно с вашей стороны, — заметил Даль.

Керенский кивнул, то ли не зная смысла слова «неблагонамеренно», то ли просто не расслышав, погруженный в собственные мысли.

— Жалость какая! Он собирался жениться.

— Пожалуйста, прекратите! — посоветовал Финн. — Иначе придется вас вырубить.

— Что? — спросил Керенский, уставившись на него.

— Сэр, я думаю, он имел в виду, что нам следует поторопиться, — поспешил объяснить Даль.

— Отлично! Так куда мы направляемся?

— Вы двое здесь подождите, — прошептал Керенский у поворота, за которым и находилась стоянка. — Я подкрадусь и оглушу его, а вы потом свяжетесь с капитаном.

— Мы не можем связаться, мы телефоны оставили у причала шаттлов, — напомнил Финн.

— И наверное, сперва нужно деактивировать все вооруженные тележки, — добавил Даль.

— Да-да, — подтвердил лейтенант с легким раздражением, — но сперва я оглушу его.

— Хороший план, — похвалил Даль.

— А мы прямо за вами, — поддакнул Финн.

Керенский кивнул, выставил пистолет и прыгнул за угол, выкрикивая имя Вестона. Из-за угла выстрелили несколько раз, причем импульсы летели куда угодно, только не в цель. Сверху посыпались искры — импульс срикошетил от вентиляционных труб, перебил крепления, и конструкция рухнула на Керенского. Тот застонал и потерял сознание.

— Он и в самом деле ни к чему не годен, — заключил Финн.

— И что теперь? — осведомился Даль.

— У меня есть план. Давай за мной.

Он поднялся и пошел, держа пистолет за спиной. Эндрю — следом.

В нескольких шагах за поворотом коридора обнаружился взъерошенный Вестон. Он стоял среди аппаратуры и, очевидно, размышлял, прикончить ему Керенского или нет.

— Эй, Джер! Это я, Финн!

— Финн? Серьезно? Это ты? — спросил тот, щурясь, затем улыбнулся. — Господи Исусе, какое совпадение!

— Невероятное, да, — согласился Финн и шарахнул Вестона парализующим импульсом.

Джер шлепнулся наземь.

— Это и был твой план? — выговорил Даль спустя секунду. — Надежда, что Вестон промедлит в удивлении, узнав тебя, и не успеет выстрелить?

— Если рассудить здраво, в моем плане были логические несообразности, — согласился Финн. — С другой стороны, он сработал. Победителей не судят.

— Еще как судят, если весь расчет на глупость!

— В любом случае это камень в твой огород. Если уж мне суждено умереть в этой миссии, так вот он самый подходящий момент. Разве нет? Я против бывшего собрата по команде. Захватывающе! Но я жив, а он оглушен и взят в плен. Вот и все по поводу Сюжета и смерти в особо драматичные моменты. Надеюсь, ты усвоил урок?

— Ну ладно. Может, я и в самом деле тронулся на этой идее. Но только за тобой в драку я больше не полезу!

— Разумное желание, — похвалил Финн и глянул на небольшой компьютер среди аппаратуры распределительного узла. — Наверное, Джер с него тележками управлял. Возьмись-ка за отключение тележек. А я подумаю, как вытащить

Джера отсюда.

— Так на тележке, — подсказал Даль, склоняясь над компьютером.

— Хорошая идея.

Отключив тележки по всему кораблю, Даль услышал стон Керенского.

— У нас проблема, — заметил Эндрю.

— Вот и займись ею, — посоветовал Финн. — Я пакую Джера.

Даль подошел к лейтенанту, все еще придавленному вентиляционной трубой.

— Доброе утро, сэр!

— Я подстрелил его?

— Поздравляю, сэр! Ваш план сработал превосходно!

— Отлично! — воскликнул Керенский и захрипел — труба сдавила легкие.

— Вы не против, если я сниму с вас пару железяк? — осведомился энсин.

— Пожалуйста!!!

— В досье на Вестона ничто не указывает на вероятность симпатии к календрианским повстанцам, — сообщила Сандра Баллингтон, капитан «Нанта». — Я запросила по гиперсвязи данные из Департамента расследований Вселенского союза. Вестон не интересуется ни религией,

ни политикой. Он даже не голосовал.

Баллингтон, Абернати, К'рооль и Финн с Далем стояли перед иллюминаторами тюремной каюты, где помещался Джер Вестон. Он был заключен в стазисное кресло — единственный предмет мебели в помещении. Джер выглядел слегка ошарашенным, но улыбался.

Не хватало только Керенского — он валялся в лазарете, лечил ушибленные ребра.

— А друзья, родные? — спросил К'рооль.

— Ничего, — ответила капитан. — Он происходит из старого клана методистов с другого края Вселенского союза. Никто из известных нам его знакомых не связан ни с Календрией, ни с ее политическими и религиозными распрями.

— Он объяснил что-нибудь? — спросил Абернати, глянув за стекло.

— Нет. Этот сукин сын убил восемнадцать астронавтов и не думает объяснять почему. Пока он пользуется своим правом отмалчиваться. Но сказал, что готов сознаться при одном условии.

— Каком же? — спросил Абернати.

— Что принимать его исповедь будете лично вы.

— Почему я?

— Он не пояснил. — Сандра пожала плеча-

ми. — Могу предположить, дело в том, что вы знаменитый капитан флагманского корабля союза. Ваши подвиги известны во всей галактике. Может, Вестон хочет, чтобы ему уделила внимание звезда.

— Сэр, я бы вам не советовал, — предупредил К'рооль.

— Мы тщательно обыскали подозреваемого, — сообщила Баллингтон. — В полостях его тела ничего нет. А если бы и было, он в стазисном кресле. Ниже шеи ничем не может пошевелить. Если не приблизитесь на дистанцию укуса, вы в безопасности.

— Я все равно бы не советовал, — повторил К'рооль.

— Думаю, стоит рискнуть, чтобы разобраться в подоплеке дела, — заключил Абернати, затем глянул на Даля с Финном. — Вы двое идете со мной, вооруженные. В случае чего — полагаюсь на вас, вы обезвредите его.

К'рооля это, очевидно, не устроило, но он промолчал.

Парой минут позже Абернати, Даль и Финн ступили за дверь. Вестон улыбнулся и сказал Финну:

— Ты меня подстрелил!

— Прости.

— Да ничего. Я и думал, что меня подстрелят. Как иначе? Но вот не знал, что стрелять будешь ты.

— Капитан Баллингтон сказала, что вы готовы признаться, но хотели говорить лишь со мной, — пророкотал Абернати. — Я к вашим услугам.

— Да-да, именно, — подтвердил Вестон.

— Скажите, в каких вы отношениях с календрианскими повстанцами?

— В чем? С кем?

— С календрианскими повстанцами, — повторил Абернати.

— Понятия не имею, о ком вы.

— Вы стреляли по звездолету понтифика после того, как «Интрепид» получил повреждение в бою с кораблем повстанцев. Вы всерьез ожидаете, что мы поверим, будто эти события не связаны?

— Связь есть. Но не такая, как вы думаете.

— Вы напрасно занимаете мое время, — заключил Абернати, отворачиваясь и собираясь уйти.

— Постойте! Разве вы не хотите знать, в чем связь?

— Мы уже знаем. В календрианских повстанцах.

— Нет! Она — в вас!

— Что? — спросил Абернати, щурясь.

— Прости, — сказал Вестон Финну и заморгал.

Сперва левым глазом — дважды, затем правым — трижды, затем левым — один раз и трижды правым.

— Бомба! — заорал Финн.

Даль бросился на капитана.

Голова Вестона взорвалась.

Даль ощутил, как горят униформа и кожа на спине. Ударная волна вдавила энсина в Абернати, швырнула обоих в стену.

Стало темно.

Потом Даль услышал, как выкрикивают его имя, открыл глаза и увидел капитана, трясущего его за плечи. На руках и плечах Абернати были ожоги, но в целом капитан выглядел неплохо. Даль понял, что заслонил капитана от взрыва, и ощутил вдруг, как спина вспыхнула болью.

Энсин отпихнул капитана и подполз к Финну. Тот, страшно обожженный, лежал на полу лицом вверх. Финн оказался ближе всех к взорвавшемуся Вестону.

Даль заметил, как двинулся единственный уцелевший глаз. Рука вздрогнула. Даль ухватил ее, и Финн скорчился от боли. Даль хотел отпустить, но друг не дал, вцепился крепко. Его губы

зашевелились.

Даль склонился к лицу, чтобы расслышать.

— Это просто… смешно, — прошептал наконец Финн.

— Прости.

— Не твоя… вина…

— Все равно — прости!

Финн крепче стиснул руку Даля.

— Останови это!.. Найди… способ…

— Обещаю!

— Хорошо, — выдохнул Финн и умер.

Абернати склонился над Далем, чтобы оторвать от мертвеца. Теряя сознание от боли, энсин замахнулся — но не попал, потому что провалился в черноту еще до того, как его кулак приблизился к лицу капитана.

Глава 13

— Скажи мне, как это остановить! — взмолился Даль.

Дженкинс, конечно же знавший, что Даль собирается навестить убежище, смерил энсина взглядом.

— Выглядишь вполне здоровым. Это хорошо. Жаль твоего Финна.

— Ты знал, что с ним приключится?

— Нет. Тот, кто пишет эту херню, не присылает мне сценариев на утверждение. Серия с Финном вышла ну совсем никакая. Подумать только, Джер Вестон годами ходил с биобомбой в голове, ожидая встречи с капитаном Абернати, виновным в смерти отца Вестона в разведмиссии двадцать лет назад. И вдруг совсем не связанный с Вестоном политический инцидент, и Джер тут как тут. Чертова халтура!

— Ну так скажи мне, как прикрыть эту лавочку!

— Ты не сможешь. Прикрыть ее нереально. Остается лишь прятаться.

— Прятаться — не выход.

— Еще какой! — возразил Дженкинс и развел

руками — посмотри, мол, по сторонам.

— Это выход только для тебя! Мы все не можем зашиться во внутренности звездолета!

— Есть и другие способы. Спроси о них свою бывшую начальницу, Коллинз.

— Она в безопасности, пока о ней печешься ты. И лишь пока ты не отлучишься по нужде.

— Так собирай друзей и валите с «Интрепида».

— А толку? Джер Вестон убил восемнадцать членов команды «Нанта» своими вооруженными тележками. То есть «Нант» отнюдь не был застрахован от чертовщины на «Интрепиде». Целая планета пострадала от чумы, чтобы мы смогли в последний момент сделать лекарство для Керенского. Целая планета! И ты здесь не в безопасности.

— Ошибаешься. Я тут в порядке.

— Ты пока в порядке, потому что погибла твоя жена, а ты был всего лишь деталью ее антуража. Но что случится, если сценарист чертова шоу вспомнит о тебе?

— Не вспомнит.

— Ты уверен? На «Нанте» Джер Вестон использовал твою хитрость — прятался на стоянке для тележек. Там мы его нашли — и взяли. Какой бы халтурщик ни писал для прошлой серии, теперь

он знает: служебные коридоры можно использовать в качестве тайного убежища. Как думаешь, скоро он вспомнит о тебе?

Дженкинс не ответил. То ли его задело упоминание о жене, то ли он и в самом деле задумался, попал ли уже в перекрестие сценаристского прицела.

— Опасность грозит каждому! — объявил Эндрю. — Ты потерял жену. Я — друга. Ты сказал, что и я, и все мои друзья умрем ради драматического эффекта. А я добавлю: то же самое произойдет с тобой. Прячься не прячься — не поможет. Дженкинс, ты просто оттягиваешь исполнение приговора. И, бессильно дожидаясь его, ютишься, будто крыса, в переборках.

Дженкинс окинул взглядом свое убежище:

— Не сказал бы, что будто крыса.

— И ты счастлив так жить?

— Я не был счастлив с тех пор, как погибла жена. Ее смерть и подтолкнула меня к проверке статистики, к наблюдению за странностями на «Интрепиде» и к самому логичному выводу про то, что мы — часть телешоу. Ее смерть открыла мне глаза: моя жена умерла ради яркого момента перед рекламным роликом. Она была статистом. Пешкой. Ей посвятили, наверное, секунд десять

экранного времени. Никто из смотревших ту серию уже и не помнит мою жену и не знает, что ее звали Маргарет и она любила белое вино больше, чем красное. И что я предложил ей руку и сердце на газоне перед домом ее родителей на семейной вечеринке. И что мы прожили вместе семь лет до того, как халтурщик-сценарист решил убить ее. Но я помню о ней.

— Думаешь, она была бы рада узнать, как ты теперь живешь?

— Я думаю, она бы поняла. Я ведь спасаю жизни людей.

— Спасаешь жизни некоторых людей, — указал Даль. — Это игра с нулевым выигрышем. Кому-то все равно приходится умирать. Твоя система оповещения спасает нескольких ветеранов, но зато делает вероятнее гибель новичков.

— Везде есть риск.

— Дженкинс, как долго вы с женой прослужили на «Интрепиде» до ее гибели?

Тот уж открыл рот, чтобы ответить, но так и не сказал ничего.

— Ведь недолго?

Дженкинс мотнул головой и отвернулся.

— Здешняя команда выяснила, что происходит, еще до тебя. Может, они не пришли к тем же

выводам, что и ты, но наверняка заметили странности и прикинули свои шансы на выживание. А теперь ты даешь старожилам лучшее средство и стимул делать с новичками то же самое, что эти самые старожилы учинили с твоей женой.

— Думаю, тебе лучше уйти, — выговорил Дженкинс сдавленно.

— Дженкинс, да послушай ты меня! Невозможно прятаться! И убежать нельзя. От судьбы не убежишь. Если Сюжет существует — а мы с тобой знаем, что он существует, — у нас просто нет свей воли. Рано или поздно Сюжет придет за каждым. И использует как захочет. А потом мы все умрем. Как Финн. Как Маргарет. Это неизбежно, если мы не остановим Сюжет.

Дженкинс наконец обернулся — в глазах его блестели слезы.

— Эндрю, скажи, ты верующий?

— Ты же знаешь мою историю. Да, я верующий.

— И как же ты еще можешь верить?

— Ты о чем?

— Мы оба знаем, в этой вселенной бог — простой телехалтурщик. Он сценарист в паршивом научно-фантастическом сериале, он дважды два сложить не умеет. Как можно верить в Бога, зная

такое?

— Потому что это не Бог.

— Значит, ты думаешь, что бог — это продюсер или президент телекопорации?

— Кажется, наши представления о Боге немного расходятся. И я считаю, что наша участь — не Божественный Промысел. Если это телешоу, то его придумали и делают люди. Кто бы это ни делал с нами, они — нам подобные. А это значит, мы можем остановить их. Просто надо выяснить, как именно. Дженкинс, ты должен выяснить.

— Почему я?

— Потому что ты знаешь сериал, в который мы попали, лучше всех. Если есть выход, логическая дыра, тонкое место, лишь ты можешь его отыскать. И быстро. Потому что я не хочу, чтобы от руки бесталанного сценариста гибли мои друзья. И когда я говорю про друзей, я имею в виду и тебя.

— Можно просто взорвать «Интрепид», — предложил Хестер.

— Не сработает, — отрезал Хэнсон.

— Конечно сработает! — заупрямился Хестер. — Бу-бух! Вот вам «Интрепид», вот вам телешоу!

— Шоу не про корабль, а про его обитателей, — заметил Хэнсон. — Про капитана Абернати и его

команду.

— Про некоторых ее членов, во всяком случае, — добавила Дюваль.

— Про пятерых главных героев, — поправился Хэнсон. — Если взорвать корабль, они просто перейдут на другой. Более совершенный. Назовут его «Интрепид-А» или вроде того. Такое случалось на других научно-фантастических шоу.

— А, так ты у нас исследователь шоу? — осведомился Хестер насмешливо.

— Да, — ответил Хэнсон серьезно. — После произошедшего с Финном я пересмотрел все научно-фантастических сериалы, какие смог отыскать.

— И что выяснил? — спросил Даль, уже рассказавший другу о результатах встречи с Дженкинсом.

— Что Дженкинс прав.

— Мы таки в телешоу? — спросила Дюваль.

— Да. И он прав не только в этом. Мы и в самом деле в плохом телешоу. Насколько я могу судить, это скверное и откровенное подражание тому сериалу, про который говорил нам Дженкинс.

— «Звездные войны», — поспешил вставить Хестер.

— Нет, «Звездный путь», — поправил Хэнсон. —

Были и «Звездные войны», но это другое.

— Как бы то ни было, наше шоу не только плохое, а вдобавок краденое, — отозвался Хестер. — Жизнь моя стала еще чуточку бессмысленнее.

— Но зачем делать скверную кальку с чужого телесериала? — удивилась Дюваль.

— В свое время «Звездный путь» был очень успешным, — ответил Хэнсон. — Кому-то пришла в голову мысль снова использовать старые идеи. Они хорошо работали прежде, значит могут сработать и сейчас. Люди будут с удовольствием смотреть то, что с удовольствием смотрели раньше. Как-то так.

— Ты наше шоу отыскал в своих расследованиях? — осведомился Даль.

— Нет. И вряд ли смог бы. Когда делают научно-фантастический сериал, фактически выдумывают новую временную линию, стартующую перед началом производства. То есть «прошлое», соответствующее сериалу, не может включать наш сериал.

— Потому что тогда не избежать рекурсии и метасюжетности, — добавила Дюваль.

— Да, но вряд ли они о таком задумывались, — заметил Хэнсон. — Просто хотели сделать шоу максимально реалистичным в своем контексте,

а реалистичности нельзя добиться, если телешоу показывает свое же собственное прошлое как телешоу.

— Знали бы вы, как не нравятся мне наши разговоры, — возмутился Хестер.

— Они никому не нравятся, — сказал Даль. — Но обсуждать надо.

— Не обобщай, — упрекнула его Дюваль. — По мне, так интересно.

— Интересно было бы вести этот разговор в кубрике, напихавшись дурью, — возразил Хестер. — Говорить такое после смерти друга не слишком забавно.

— Ты все еще переживаешь из-за Финна? — спросил Хэнсон.

— Конечно! А ты нет?

— Помнится, ты не слишком ладил с ним, когда вы прибыли на «Интрепид», — заметил Даль.

— Я не утверждаю, что он мне всегда нравился. Но здесь у нас лучше пошло друг с другом. К тому же он из нашей компании, свой. Жаль его. И я переживаю.

— А я переживаю из-за того, что он меня вырубил таблеткой! — буркнула Дюваль. — И из-за того, что я осталась и выжила. Если бы не таблетка, может он бы и не погиб.

— А ты могла бы и погибнуть, — напомнил Даль.

— Если б сценарист не вписал мою кончину в серию, может, и не погибла бы.

— Но ведь гибель Финна была прописана, — заметил Хэнсон. — Ему обязательно следовало оказаться в той каюте, причем именно в момент взрыва бомбы.

— Помните, я говорил недавно, что разговоры ваши идиотские? Так вот, сейчас идет именно такой разговор! — произнес Хестер зло. — Терпеть ненавижу!

— Пардон, — отозвалась Дюваль.

— Джимми, ты сказал, что, когда шоу началось, оно создало новую временную линию, — сказал Даль, не обращая внимания на Хестера, в отчаянии воздевшего руки. — Ты можешь определить, когда именно это случилось?

— Какой нам прок от этих знаний? — спросил Хэнсон.

— Просто любопытствую. Мы находимся на временной линии, ответвившейся от «обычной реальности» — чем бы эта «реальность» ни была в данном случае. Интересно знать, когда произошло ветвление.

— Трудная задача. С нашей точки зрения, в

нашей временной линии никаких перегибов и ветвлений нет. Нам сравнивать не с чем. Мы видим лишь наше время и наш мир.

— Можно поискать момент, когда в нашем мире начала происходить уж совсем несусветная чушь, — предложил Хестер.

— Как ты определишь «несусветную чушь»? — возразила Дюваль. — Космические путешествия попадают в эту категорию? А контакты с разумными инопланетными расами? А квантовая механика? Я вообще не понимаю всякое квантовое дерьмо. По-моему, его точно сляпал неведомый халтурщик.

— Первым научно-фантастическим телешоу, какое я смог найти, было «Капитан Видео». Его транслировали в тысяча девятьсот сорок девятом году, — рассказал Хэнсон. — Первые серии «Звездного пути» появились спустя двадцать лет. Так что, скорее всего, наше шоу запустили где-то между концом тысяча девятьсот шестидесятых и две тысячи сто пятым годом, когда телевещание прекратилось.

— Изрядный промежуток, — заметил Даль.

— Но это если предполагать, что «Звездный путь» существовал на самом деле, — вставил свое Хестер. — Ведь куча развлекательных программ

присутствует только на нашей временной линии. А она может начинаться и раньше «Звездного пути», а он может существовать лишь для того, чтобы, э-э, подразнить нас.

— Ну, вот вам и рекурсия, и метасюжет, — возмутилась Дюваль.

— И правда к тому же, — сказал Хестер. — Мы ведь уже выяснили: сценарий пишет полнейший засранец. Такое как раз засранец и напишет.

— Что правда то правда, — согласилась Дюваль.

— Эта временная линия — полное дерьмо, — подытожил Хестер.

— Энди, глянь! — позвал Хэнсон.

К столу подкатила грузовая тележка. В ее контейнере лежала записка. Даль взял ее, и тележка уехала прочь.

— От Дженкинса? — предположила Майя.

— Да, — подтвердил Эндрю.

— И что там?

— Дженкинс говорит, что придумал, как все изменить, — сказал Даль. — Он хочет поговорить об этом со всеми нами.

Глава 14

— Предупреждаю сразу: это похоже на безумие, — сказал Дженкинс.

— Поразительно! — воскликнул Хестер. — Ты считаешь, мы ждем от тебя чего-то другого?

Дженкинс кивнул — мол, твое очко. Потом изрек:

— Путешествие во времени.

— Путешествие во времени? — выговорил растерянно Даль.

Дженкинс кивнул и включил свой голографический дисплей, показывая временную линию «Интрепида» и ветвящееся дерево серий телешоу.

— Вот здесь! — указал он на узел ветвления. — Посредине того, что мне кажется четвертым сезоном сериала, Абернати, К'рооль и Хартнелл сели в шаттл и направились к черной дыре, чтобы использовать ее гравитационное поле, искажающее пространственно-временной континуум, для путешествия назад во времени.

— Да это вообще бессмысленно, — сказал Даль.

— Само собой. Это очередное нарушение законов физики, учиненное Сюжетом. Но суть не в

том, что законы физики нарушились совершенно нелепым образом. Главное — наша троица сумела уйти в прошлое, причем в определенное время. Определенный год. Они прибыли в две тысячи десятый.

— И что? — осведомился Хестер.

— А то, что самая вероятная причины их прибытия именно в этот год — создание нашего телешоу.

— В научной фантастике люди постоянно путешествуют во времени, — добавил Хэнсон. — Писатели все время сталкивают персонажей со знаменитостями прошлого и вовлекают их в исторические события.

— В том-то и дело! — вскричал Дженкинс, тыча дрожащим пальцем в Хэнсона. — Если в шоу показывают возвращение в прошлое, причем в реальное, а не выдуманное прошлое, то путешествие привязывают к известному публике событию либо личности. Иначе ведь никакого интереса. Но если возвращают героев в современное публике настоящее, нет нужды привязывать их к общеизвестному. Достаточно показать настоящее и как персонажи на него реагируют! Вот такой зрелищный иронический эффект.

— То есть если в шоу персонажи переносятся

в прошлое и там встречают исторических личностей, то это и для зрителей прошлое. А если не встречают, то для зрителей это настоящее, — глубокомысленно заключила Дюваль.

— Более или менее, — согласился Дженкинс.

— Хорошо, конечно, понимать, как работает телешоу, — возразила Майя, — но какой нам с того прок?

— Если мы отправимся в современность телешоу, то сможем отыскать способ его остановить! — воскликнул Даль.

Дженкинс улыбнулся, подняв палец.

Дюваль посмотрела на них растерянно.

— Энди, объясни мне, пожалуйста, — попросила она. — Сейчас все выглядит так, будто вы с Дженкинсом чокнулись одновременно.

— Все очень разумно! — воскликнул тот. — Мы знаем время, когда делается наше шоу. Его «современность». Знаем, как отправиться в это время. Значит, можем прибыть в него и остановить людей, делающих сериал.

— Если шоу прекратится, прекратимся и все мы! — возразил Хестер.

— Нет, — опроверг его догадку Даль. — Мы ведь продолжаем существовать, даже когда не нужны для Сюжета? И эта временная линия существова-

ла до того, как в нее вторгся Сюжет.

Он замолчал и посмотрел на Дженкинса.

— Я ведь прав?

— Возможно, — ответил тот.

— Возможно? — завопил Хестер, вдруг чрезвычайно разволновавшийся.

— Проблема существования нашей временной линии с философской точки зрения весьма интересна и нетривиальна. Возможно, наша линия существовала и раньше, а Сюжет лишь использовал ее. Но Сюжет мог и создать ее в моментальном акте творения — заодно с ее историей. Потому нам, ее обитателям, прошлое кажется реальным, — изрек Дженкинс. — По сути, это следствие сильного антропного принципа…

— Дженкинс! — предупредил Даль.

— Хм, поговорим об этом в следующий раз, — заключил тот, уловив намек. — В общем, вывод такой: существовала наша линия до Сюжета или нет, сейчас она существует и устойчива, даже когда Сюжет не управляет ею.

— Ну ладно, — согласился Хестер.

— Возможно, — добавил Дженкинс.

— Мне очень хочется швырнуть в него чем-нибудь тяжелым, — пожаловался Хестер Далю.

— Лично я за то, что мы существуем и будем

существовать и без шоу, — поспешил заверить тот. — Потому что в противном случае мы все равно обречены. Я прав?

Несогласных не отыскалось.

— Тогда я вернусь к своему предложению отправиться в прошлое, остановить шоу и вернуть «Интрепид» в состояние обычного корабля. Он больше не будет фокусом Сюжета, а мы не будем пешками с биографией.

— И мы не умрем, — заключила Дюваль.

— Все умрут, — поправил ее Дженкинс.

— Вот так новость! Спасибо! — фыркнула она. — Я имела в виду, мы не умрем ради выдоха аудитории.

— Наверное, нет, — согласился Дженкинс.

— Но если мы и в самом деле в телесериале, остановить его будет непросто, — сообщил Хэнсон, глянув на Даля. — Энди, любое успешное шоу стоит немалых денег — как и хорошая театральная постановка в наши дни. Речь идет не только о самом шоу, но и о смежных продуктах, включая сувениры, символику и прочее.

— Они продают пластмассовые статуэтки в виде твоего любовника, — поведал Хестер Майе.

— Да, а в виде тебя никто продавать не станет, — огрызнулась Дюваль. — Потому что в

нашей Вселенной их никто не купит.

— То есть если мы отправимся назад во времени и отыщем людей, производящих сериал, то, возможно, и не сумеем остановить их, — гнул свое Хэнсон. — Наверняка там замешаны большие деньги.

— А у нас есть альтернатива? — возразил Даль. — Если останемся здесь, придется покорно ожидать своей смерти по Сюжету. Шансы на отмену шоу невелики, но они все же не равны нулю. Даже такие шансы лучше, чем неминуемая зрелищная гибель.

— Зачем вообще останавливать шоу? — спросил Хестер. — Смотрите, если мы и вправду пешки, так мы, по большому счету, и не нужны здесь. Вернемся во времени да и останемся там.

— Ты в самом деле хочешь жить в начале двадцать первого столетия? — удивилась Дюваль. — Не самое веселое время. Тогда и лекарства от рака не было.

— Да ладно вам, — буркнул Хестер.

— И от облысения, — добавила Майя.

— У меня свои волосы!

— В прошлом остаться нельзя, — сообщил Дженкинс. — Если останетесь — растворитесь и исчезнете.

— Что???

— Сохранение массы и энергии, — пояснил Дженкинс. — Атомы, составляющее твое тело, уже были где-то в прошлом. Если останешься там, значит твои атомы — в двух местах одновременно. Создается неравновесная ситуация, атомам приходится, грубо говоря, решать, где им находиться. И они в конце концов перейдут назад, в будущее, в стабильную конфигурацию, поскольку ты из будущего, а значит, практически, и не существуешь еще.

— Конец концов — это сколько? — осведомился Даль.

— Дней шесть.

— Да это полный идиотизм! — взорвался Хестер.

— Не я придумываю правила, — указал Дженкинс. — Так оно работало в прошлый раз. В рамках Сюжета правило «шести дней» целиком осмысленно, оно обусловило для Абернати, К'рооля и Хартнелла необходимость завершить миссию в очень сжатые, драматично короткие сроки.

— Эта временная линия — полное дерьмо, — снова заключил Хестер.

— Если атомы из прошлого притащить сюда, случится то же самое, — продолжил Дженкинс. —

Всякий объект из прошлого просто растворится со временем. Проблема та еще. И не единственная для вас.

— А что еще? — встревожился Даль.

— Нужно ведь добыть шаттл. А это не так уж просто. Вряд ли вам его одолжат прогулки ради. Но и это не самое трудное.

— Что же тогда самое? — спросила Дюваль.

— Придется захватить с собой одну из пяти звезд нашего шоу. Выбирайте: Абернати, К'рооль, Вест, Хартнелл или Керенский.

— Да зачем они? — поинтересовался Хестер.

— Ты же сам сказал: вы — пешки. Статисты. Если вы сами по себе направите шаттл в черную дыру, знаете, что случится? Гравитация раздерет шаттл в клочки, вы превратитесь в длиннющие макаронины из атомов, летящих к сингулярности. Короче, вы умрете. Причем, конечно же, задолго до макаронизации. Она произойдет как раз в самом конце. В общем, ты меня понял.

— Но этого не случится, если с нами будет одно из главных действующих лиц, — завершил мысль Даль.

— Нет, конечно, они ведь нужны Сюжету. Поэтому, отправившись к черной дыре с ними, вы переключитесь на сюжетную физику.

— И конечно, главные герои не гибнут никогда, — пробормотал Хестер.

— Нет, почему же, гибнут, — заверил Дженкинс, и Хестер снова посмотрел на него так, будто захотел швырнуть чем-то тяжелым. — Но по-другому. Смерть главного героя — большое событие. Вряд ли персонаж такого калибра преставится во время экспедиции в прошлое, целью которой является закрытие того самого сериала, где и выступает этот персонаж. Не думаю, что такое укладывается в любую мыслимую конструкцию Сюжета.

— Как здорово, когда хоть что-то невозможно, — вздохнул с облегчением Хестер.

— В общем, нам нужно, — подытожил Даль, — похитить старшего офицера, угнать шаттл, пролететь в опасной близости от черной дыры, найти создателей шоу, заставить их прекратить свою работу и успеть домой до того, как наши собственные атомы начнут удирать, а мы — распадаться.

— Да, это я и имел в виду, — подтвердил Дженкинс.

— Звучит несколько безумно, — определил Даль.

— Я же сразу предупредил, — напомнил Джен-

кинс.

— И не разочаровал.

— И что делаем теперь? — спросила Дюваль.

— Думаю, надо решать проблемы шаг за шагом, — предложил Даль. — Первый шаг: раздобыть шаттл.

Телефон Даля зазвонил. Вызывал энсина старший офицер по науке К'рооль; он приказал явиться в комнату для совещаний старших офицеров.

— Религиозная война на Форшане становится все ожесточеннее, — поведал К'рооль, капитан же кивнул. — Вселенский союз пытается договориться о перемирии, но делу очень вредит нехватка синхронных переводчиков. Разумеется, наша дипломатическая миссия снабжена компьютерными переводчиками, но они способны переводить лишь с первого диалекта, и не очень удачно, — не умеют адекватно передавать идиомы. Мы рискуем ненамеренно оскорбить форшанскую сторону в самое неподходящее время.

— К'рооль сообщил мне, что вы владеете четырьмя диалектами, — заметил капитан.

— Да, сэр, — подтвердил Даль.

— Значит, ни к чему терять время, — заклю-

чил капитан. — Вы немедленно отправляетесь на Форшан и приступаете к работе с нашими дипломатами.

— Так точно, сэр! — выкрикнул Даль, холодея.

«Настал мой черед, — подумал он с ужасом. — Сюжет добрался до меня — как раз когда я выяснил, как его остановить».

— Как скоро «Интрепид» достигнет Форшана? — спросил энсин.

— Он туда не полетит, — ответил К'рооль. — У нас важная и неотложная миссия в системе Амеса. Вам придется лететь самостоятельно.

— Как?

— Вам дадут шаттл.

Даль не выдержал и расхохотался.

— Энсин Даль, вы здоровы? — осведомился К'рооль, выдержав паузу.

— Простите, сэр! Это от смущения — ведь я задал такой нелепый вопрос с очевидным ответом. Когда мне вылетать?

— Как только отыщем для вас пилота, — ответил Абернати.

— Капитан, сэр, с вашего разрешения я бы хотел сам подыскать пилота. Откровенно говоря, я считаю, мне было бы лучше самому подобрать команду для этого задания.

Абернати и К’рооль нахмурились.

— Не думаю, что вам так уж необходима целая команда, — возразил К’рооль.

— Сэр, при всем уважении к вам, позволю себе не согласиться. Как вы уже отметили, это критически важное задание. Лишь немногие люди владеют четырьмя диалектами Форшана. По всей видимости, я буду очень активно работать для нашей дипломатической миссии. Потому мне нужна своя команда для сообщения между группами дипломатов и передачи сводок. Также считаю целесообразным сохранить при себе шаттл и пилота на случай поездок по Форшану, от одной группы дипломатов к другой.

— Сколько вам нужно людей? — спросил К’рооль.

Даль сделал вид, что задумался.

— Пилот и два помощника, — выдал он наконец.

К’рооль посмотрел на Абернати, тот кивнул.

— Хорошо, — согласился коммандер. — Но только в чине энсина и ниже.

— Я уже продумал, кого возьму, — подхватил Даль. — Но я также считаю, что очень полезно было бы иметь в команде старшего офицера.

— Кого же? — осведомился капитан.

— Лейтенанта Керенского.

— Энсин, я не уверен, что астроштурман будет полезен вам при выполнении задания, — сказал К'рооль. — Мы всегда стараемся подбирать для высадок персонал с подходящей специализацией.

Даль чуть замялся, но затем продолжил гнуть свое.

— Быть может, сэр, со мной полетите вы? — спросил он у К'рооля. — Ведь вы знакомы с форшанским.

— Я понимаю, в чем дело, — изрек вдруг Абернати.

— Сэр?

Даль даже заморгал от удивления.

— Я понимаю, в чем дело, — повторил Абернати. — Диль, вы были со мной на «Нанте».

— Даль, — поправил Даль.

— Хорошо, Даль. Вы были рядом, когда безумец пытался убить меня и погубил вашего друга. Вы на своей шкуре испытали риск и опасность разведмиссий. Теперь вам приказывают возглавить высадку, и вы боитесь ответственности. Боитесь, что кто-то, доверенный вам, погибнет.

— Сэр, это совсем не так, я…

— Энсин, не беспокойтесь! — продолжал капи-

тан, очевидно не слушая Даля. — Простите, но вы, Диль, то есть Даль, — офицер. Вас учили командовать. Вам не нужен я, К'рооль или Керенский, чтобы руководить. У вас достаточно знаний и умений. Просто делайте свое дело. Черт побери, я верю в вас!

— Сэр, вы меня воодушевили, — выговорил Даль после небольшой паузы.

— Энсин, я провижу ваше блестящее будущее! Не удивлюсь, если в один прекрасный день вы окажетесь среди моих старших офицеров.

— Сэр, я надеюсь дожить до этого дня!

— Вот и чудесно. Соберите команду, проинформируйте ее и приготовьтесь к отлету. Времени вам — четыре часа. Думаете, справитесь?

— Так точно, сэр!

Даль встал и отдал честь. Абернати отсалютовал в ответ. Даль кивнул К'роолю и выскочил наружу. Едва оказавшись за дверью, он позвонил Хестеру.

— Что случилось? — спросил тот.

— У нас времени в обрез. Послушай, у тебя еще есть Финновы штучки?

— Ты про те самые штучки, о которых я думаю? — спросил Хестер осторожно.

— Ну да.

— Угу. Куда ж их денешь? Неудобно как-то.

— Найди маленькую синюю продолговатую таблетку, — попросил Даль. — А потом иди к кубрику Майи. И давай живее.

Глава 15

Спустя три часа тридцать минут Даль постучал в двери личной каюты лейтенанта Керенского. Хестер с Хэнсоном подкатили к ней тележку с контейнером.

Дверь скользнула в стену. За нею оказалась Дюваль.

— Ради бога, шевелитесь!

— Мы все тут не поместимся, — заметил Даль, заглянув внутрь.

— Тогда только ты. И контейнер тащи! А вы двое, — обратилась Майя к Хестеру с Хэнсоном, — попытайтесь не выглядеть так, будто совершаете подрасстрельное преступление.

— Все в ажуре, — отозвался Хестер.

Даль впихнул контейнер в каюту, протиснулся следом и закрыл за собой дверь.

В каюте лежал бесчувственный лейтенант Керенский. Без штанов.

— Ты хоть бы штаны на него надела, — посоветовал Даль.

— Энди, когда сам будешь пичкать снотворным человека в процессе совокупления, тогда и наденешь на него штаны. Пользуясь случаем, замечу,

что это уж точно услуга «трахового» уровня. Ты должен мне перетрах.

— Что звучит весьма иронично, учитывая обстоятельства, — заметил Даль, кивая в сторону Керенского.

— Очень смешно!

— Давно он отключился?

— И пяти минут нет. Невероятно, честное слово! Я сперва пыталась заставить его выпить со мной. Сунула таблетку в стакан. Но сукин сын захотел сначала влезть на меня. Могу рассказать, чего стоило влить в него сонное пойло. Но, сдается мне, ты вряд ли захочешь узнать.

— Я пытаюсь вообразить, — честно признался Даль, — но фантазии не хватает.

— Оно и к лучшему, — заключила Майя. — Этот засранец теперь валяется без памяти, и если судить по мне, проваляется еще несколько часов.

— Замечательно. Тогда за работу.

Дюваль содрала постельное белье и одеяло с койки лейтенанта и выстелила контейнер.

— Не задохнется он?

— Контейнер не герметичный, — ответил Даль. — Может, хоть сейчас штаны на него натянешь?

— Не сейчас.

— Не совсем понимаю, к чему ты клонишь.

— Заткнись и помоги!

Спустя пять минут Керенского согнули и запихали в контейнер. Дюваль сунула лейтенантские штаны и пиджак в вещмешок.

— Где его телефон? — спросил энсин.

Майя подхватила со стола прибор и бросила Далю. Тот поймал его, затем проворно напечатал и отправил текстовое сообщение.

— Готово! — объявил энсин. — Керенский разослал известие о том, что следующую вахту пропустит по болезни. Его хватятся часов через двенадцать, не раньше.

— Бедолага, — вздохнула Дюваль, глядя на контейнер. — Скверно с ним вышло. Он хоть и глупый, и эгоист, но ведь, в сущности, хороший парень. И в постели он неплох.

— Это мне знать не обязательно.

— Ханжа!

— Позже воздашь ему за неудобства, — посоветовал Даль и открыл дверь.

За нею стоял Хестер.

— Я уж думал, вы сели за партию в парчиси, — пожаловался он.

— Не начинай! — посоветовала Дюваль. — Помоги лучше с контейнером.

Спустя несколько минут четверо друзей и ящик с бессознательным лейтенантом оказались у причала шаттлов.

— Приготовь судно, — велел Даль Хестеру и добавил, обращаясь к Хэнсону и Дюваль: — А вы, пожалуйста, запихните контейнер в грузовой отсек, и как можно осторожнее.

— Вы только посмотрите, кто тут раскомандовался, — съязвила Дюваль.

— Пока изображайте, что подчиняетесь командам, — попросил Даль.

— А ты куда? — спросил Хестер.

— Надо в одно место заглянуть на минутку, прихватить кое-что.

Хэнсон кивнул, толкая тележку по причалу. Дюваль с Хестером пошли следом. Даль нашел ближайший вход в служебный коридор в безлюдном месте и нажал на кнопку. Дверь открылась.

За нею стоял Дженкинс.

— Знаешь, а это жутко! — отшатнулся энсин.

— Всего лишь пытаюсь сэкономить твое время, — оправдался Дженкинс, протягивая портфель. — Вот остатки снаряжения — телефоны, деньги — с той миссии капитана, коммандера и Хартнелла, когда они отправились в прошлое. Телефоны работают с информационными и

коммуникационными сетями двадцать первого века. Они медленные и примитивные, так что наберись терпения. Деньги — наличные, в материальном выражении. Они тогда еще были в ходу.

— Тамошний народ не поймет, что деньги поддельные?

— Они растворятся со временем.

— И сколько тут?

— Около девяноста трех тысяч долларов.

— Это много?

— На шесть дней хватит.

Даль повернулся, чтобы уйти.

— Еще кое-что, — остановил его Дженкинс и вручил небольшую коробку.

— Вижу, ты и в самом деле хочешь, чтобы у нас все получилось, — ответил Даль, принимая ее.

— Я же не лечу с вами. Так что сделайте это за меня.

— Может, нам не хватит времени.

— Я знаю. Но может, и хватит.

— Оно ведь не протянет долго. Ты ж сам говорил.

— Долго и не нужно. Сколько протянет — столько и хорошо.

— Я попробую.

— Спасибо. А теперь мой совет: убирайтесь с корабля как можно быстрее. Послать извещение от имени Керенского — умный ход. Но не стоит лишний раз искушать судьбу. Ты ее уже искусил сверх всякой меры.

— Вы не можете так со мной обращаться, — донеслось из ящика глухое бурчание Керенского.

Лейтенант проспал десять с лишним часов, проснулся минут пять назад — и Хестер немедленно принялся издеваться над ним.

— Как это не можем? — спросил Хестер глумливо. — Уже смогли.

— Выпустите меня! Это приказ!

— Ты все время говоришь какие-то странные вещи, — заметил Хестер. — Причем из ящика. Из которого, между прочим, выбраться не можешь.

За этим очевидным утверждением последовала секундная пауза.

— А где мои штаны? — жалобно спросил Керенский.

— С этим сама разбирайся, — велел Хестер, глянув на Майю.

Та закатила глаза в показном отчаянии.

— Я писать хочу. Очень-очень, — раздалось из ящика.

— Анатолий, это я, — сказала Дюваль, вздох-

нув.

— Майя? Они схватили и тебя! Не тревожься, я не дам этим ублюдкам ничего с тобой сотворить! Вы слышите меня, сукины дети?

Хестер посмотрел на Даля, не веря своим ушам. Тот пожал плечами.

— Анатолий, — повторила Майя уже увереннее, — они не схватили меня.

— Что?

Керенский помолчал с минуту. Затем из ящика донеслось: «Ох…»

— Да уж, ох, — согласилась Дюваль. — Теперь слушай внимательно. Я собираюсь открыть крышку. Ты выйдешь наружу. Но, умоляю, не делай глупостей и не впадай в истерику. Ты ведь сможешь?

— Да, — ответил Керенский, выдержав паузу.

— Анатолий, ты промедлил с ответом, а значит, на самом деле уже решил испробовать какую-нибудь несусветную глупость, — произнесла Дюваль. — Потому, профилактики ради, двое моих друзей держат импульсные пистолеты наготове. Если учинишь что-нибудь особенно тупое, они тебя разнесут. Ты меня понял?

— Да, — сообщил Керенский покорно.

— Ладно, — сказала Дюваль и шагнула к ящи-

ку.

— Импульсные пистолеты? — переспросил Даль.

Никто не взял с собой оружия. Настала очередь Дюваль пожать плечами.

— Ты же знаешь, он врет, — предупредил Хестер.

— Потому я и не дала ему штанов, — ответила Дюваль, отмыкая крышку.

Керенский вылетел из ящика, перекатился, углядел дверь и рванулся к ней. Распахнул ее настежь и вырвался наружу. Остальные проводили его взглядом.

— Что теперь делать? — осведомился Хэнсон.

— Смотреть в окно, — ответил Даль.

Все встали, подошли к окну, подняли жалюзи, чтобы видеть происходящее на улице, и открыли фрамугу.

— Обзор хороший, — отметил Хестер. — Ждем!

Спустя тридцать секунд в поле зрения ворвался Керенский. Он выбежал на улицу и остолбенел, пораженный. Автомобиль засигналил, требуя дороги. Лейтенант отступил на тротуар.

— Анатолий, вернись! — позвала Дюваль. — Господи боже, на тебе же штанов нет!

Керенский обернулся на голос.

— Это не корабль!!!

— Конечно нет. Это «Бест вестерн медиа сентер инн энд сьютс», — сообщила Майя. — В Бербанке.

— Это планета? — возопил лейтенант. — В какой она системе?

— Ну боже ж ты мой! — пробормотал Хестер и крикнул: — Ты, кретин, послушай, мы на Земле!!!

Керенский недоверчиво осмотрелся.

— Здесь что, случился апокалипсис?

— Ты в самом деле занималась сексом с этим имбецилом? — спросил Хестер у Дюваль.

— Знаешь, у него выдался не лучший денек, — заметила Майя и обратилась к лейтенанту: — Послушай, Анатолий, мы вернулись в прошлое! Сейчас — две тысячи двенадцатый год! Все вокруг так и должно выглядеть. А сейчас, пожалуйста, иди к нам!

— Ты меня опоила и похитила! — взвизгнул Керенский.

— Да, я правда сожалею об этом. Я очень торопилась. Тебе бы лучше вернуться к нам поскорее. Ты же полуголый! Даже в две тысячи двенадцатом тебя за это арестуют. Анатолий, арест в две тысячи двенадцатом году — это крайне неприятно. Не лучшее время, чтобы попасть в тюрьму.

Возвращайся, хорошо? Мы в комнате двести пятнадцать. Просто поднимись по лестнице.

Керенский снова осмотрелся, увидел свои голые ноги и помчался назад, в «Бест вестерн».

— Я с ним в одной комнате жить не буду! — заявил Хестер. — И хочу это особо подчеркнуть.

Минутой позже в дверь постучали. Хэнсон открыл. В комнату ступил Керенский.

— Прежде всего верните штаны! — потребовал он.

Все посмотрели на Дюваль. Та глянула невинно — мол, а что я? Затем вытащила из вещмешка брюки и бросила лейтенанту.

— Второе: я хочу знать, почему мы здесь! — провозгласил Керенский, торопливо влезая в штанины.

— Потому что мы приземлились и спрятали шаттл в Гриффит-парке, а «Бест вестерн» — ближайший к нему отель, — объяснил Хестер. — И хорошо, что он так близко, ведь пришлось волочь ящик, а твоя задница, между прочим, прилично весит.

— Я не имел в виду отель! Я хочу знать, почему мы на Земле, в две тысячи двенадцатом! В Бербанке. Объясните сейчас же!

Теперь все посмотрели на Даля.

— Э-э, — протянул он. — Сложно объяснить…

— Керенский, съешь хоть что-нибудь, — попросила Майя, подталкивая к нему остатки пиццы.

Компания сидела в ресторанчике «Нумеро уно пицца» неподалеку от гостиницы. Лейтенант уже был в штанах.

На пиццу он едва глянул.

— Не уверен, что это съедобно.

— У них в двадцать первом веке уже были законы о еде, — напомнил Хэнсон. — По крайней мере здесь, в Соединенных Штатах.

— Я лучше воздержусь.

— Пусть пухнет с голоду! — объявил Хестер, протягивая руку к последнему куску.

Лейтенант отреагировал мгновенно — кусок оказался у него.

— Нашел! — воскликнул Даль, показывая всем экран своего телефона — прибора двадцать первого столетия. — Вот, «Хроники „Интрепида“»!

Он снова повернул устройство экраном к себе.

— Их показывают каждую пятницу в девять вечера на канале «Корвин экшн нетворк», а он включен в загадочный «основной пакет кабельного телевидения». Сериал начался в две тысячи седьмом. То есть теперь идет шестой сезон.

— Это полнейшая чушь, — промямлил Керен-

ский, доедая пиццу.

Даль глянул на него косо и ткнул в экран, открывая новую страницу.

— Лейтенанта Керенского играет в сериале актер по имени Марк Кори, — сказал Даль, поворачивая телефон и показывая лейтенанту портрет его улыбающегося двойника в стильном блейзере и рубашке с расстегнутым воротником. — Родился в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году в Чатсворте, Калифорния. Интересно, это поблизости?

Керенский ухватил телефон и, хмурясь, прочел статью.

— Это ничего не доказывает! — заявил он наконец. — Мы не знаем, настолько надежны здешние источники.

Лейтенант прокрутил статью до конца, до метки интернет-сервиса, разместившего текст.

— Зато очевидно, что эту их «Википедию» наполняют содержанием полнейшие идиоты!

Он вручил аппарат Далю.

— Можно выследить Марка Кори, — предложил Хэнсон.

— Сначала я хочу попробовать кое-что другое, — заметил Даль, тыча в телефон. — Если Марк Кори — главный герой шоу, пробиться к

нему будет непросто. Думаю, следует выбрать мишень поменьше калибром.

— То есть? — спросила Дюваль.

— Лучше начать с меня, — пояснил Даль и повернул телефон, демонстрируя свой портрет. — К вашим услугам Брайан Абнетт.

Друзья молча уставились на изображение.

— Немножко выбивает из колеи, — произнес Хэнсон спустя минуту. — На картинке — точное твое подобие, но это не ты. Странно очень.

— Что есть то есть, — согласился Даль. — Конечно, у каждого из вас тоже есть актеры.

При этом известии все включили телефоны.

— И что «Википедия» поведала о твоем альтер эго? — усмехнулся Керенский.

У него не было телефона.

— «Википедия» — ничего. По-видимому, он слишком мелкая для «Википедии» фигура. Я пошел по ссылке со страницы «Хроник „Интрепида“» в базу данных под названием «АйЭмДиБи», где есть информация об актерах сериала. Там у моего двойника нашлась страница.

— И как мы свяжемся с ним? — спросила Дюваль.

— Контактных данных нет. Но я сейчас просто введу его имя в поле поиска…

— И я нашел своего! — объявил Хэнсон. — Парень по имени Чэд.

— Знавал я одного Чэда, — заметил Хестер. — Любил он меня отлупить.

— Извини.

— Но это ж был не ты. Не первый и не второй ты.

— А, у него есть своя страница, — сказал Даль.

— У Чэда?

— Нет, у Абнетта, — ответил энсин, прокручивая страницу до значка с подписью «Контакты».

Даль нажал, выскочил адрес.

— Это адрес его агентства.

— Ого, у актеров уже тогда были агенты, — удивилась Дюваль.

— Ты имеешь в виду, уже сейчас, — поправил Даль, тыча в экран. — Это агентство всего в паре миль отсюда. Можно дойти пешком.

— И что будем делать, когда дойдем? — осведомилась Майя.

— Я возьму у них адрес.

— Думаешь, дадут? — спросил Хестер.

— Конечно. Ведь я спрошу свой собственный адрес.

Глава 16

— Я его вижу! — воскликнула Дюваль, указывая в сторону Камариль-стрит. — Вон тот, на велосипеде.

— Ты уверена? — спросил Эндрю.

— Я узнаю тебя даже в велосипедном шлеме, ты уж поверь мне.

— Только помни: осторожнее. Не испугай его! — предупредил Даль.

На нем была купленная недавно бейсболка, в руке он держал свежую «Лос-Анджелес таймс». Даль и Дюваль стояли перед кондоминиумом, где жил Брайан Абнетт.

— Это ты мне говоришь? Не я же его клон!

— Не хочу, чтоб он разволновался еще до того, как увидит меня.

— Не бойся, я умею ладить с мужчинами. Пока постой вон там и попытайся выглядеть не слишком…

Она замялась.

— Не слишком что?

— Клоноподобным, вот. По крайней мере еще пару минут.

Даль ухмыльнулся, отошел и развернул газету.

И услышал, как Майя сказала: «Привет!»

Он посмотрел поверх газеты: Дюваль шла к Брайану, слезшему с велосипеда и расстегивающему шлем.

— Привет, — отозвался Абнетт, рассматривая ее с интересом. — Слушай, не иначе как мы работали вместе!

— Возможно, — ответила Дюваль игриво.

— Причем недавно.

— Возможно.

— Наверное, в рекламе мази от геморроя?

— Нет, — опровергла Дюваль равнодушно.

— Постой, я вспомнил! «Хроники „Интрепида“»! Пару месяцев назад. Мы вместе были в сцене, где за нами гнались роботы-убийцы. Я прав?

— Похоже на то. Да, мы снимались в «Хрониках „Интрепида“».

— Спасибо! Я просто ненавижу себя, когда вдруг забываю тех, с кем довелось сниматься. Ты ведь еще работаешь с ними? Кажется, я тебя видел на съемках.

— Можно сказать и так. А как насчет тебя?

— Мой герой немножко раскрывается по сюжету. Его показывают несколько раз за сезон, а через пару серий, конечно, прикончат. Но до тех пор работа есть. А значит, я здесь до конца года

останусь. — Он показал на кондоминиум.

— Они точно решили прибить тебя?

— Да, если верить моему агенту. Она говорит, сценарий еще не дописан, но моя смерть — дело решенное. И хорошо, потому что агент хочет выдвинуть меня на пару ролей, а «Хроники „Интрепида“» только мешают делу.

— Героя жалко, — искренне сказала Дюваль.

— Ну это ж обычное дело для научно-фантастического сериала. Кто-то должен быть красномундирником.

— Кем-кем?

— Красномундирником. Знаешь, в оригинальном «Звездном пути» всегда были Кирк, Боунс и Спок, а с ними какой-нибудь несчастный в красном, отдававший концы до первого рекламного блока. Короче, хочешь жить — не надевай красное. И не подряжайся на разведмиссию, если твоего имени нет в титрах.

— А-а, вот в чем дело.

— Ты никогда не смотрела «Звездный путь»?

— Э-э, это было так давно…

— Так что же привело тебя в эти края, мисс?..

— Майя.

— Да, Майя. Уж не квартиру ли ты хочешь купить в этом доме? Наверное, мне не стоило бы

говорить, но жилье лучше поискать в другом месте. Тот, кто до меня занимал мою нынешнюю квартиру, метамфетамин готовил в ванной. Я уверен. Удивительно, что весь дом не взлетел на воздух.

— Да нет, я не тут задержусь. Вообще-то, я искала именно тебя.

— В самом деле?

На лице Абнетта отразилось смешение чувств. Было приятно, что его ищет симпатичная девушка, — но тревожило то, что эта девушка может оказаться совершенно чокнутой. И теперь она узнала, где живет предмет ее интереса.

Дюваль прекрасно поняла его сомнения.

— Поверь, я не сумасшедшая фанатка, вздумавшая преследовать тебя, — заверила она.

— Приятно слышать, — отозвался Абнетт смущенно.

Майя кивнула в сторону Даля, чье лицо скрывали козырек и газета.

— Я пришла из-за моего друга. Он твой поклонник. Ему очень захотелось встретиться с тобой хоть на минутку. Если позволишь, он будет очень счастлив.

— Да, конечно, — ответил Абнетт, глядя на Дюваль с подозрением. — Как его зовут?

— Энди Даль.

— Даль? Как странно! Это же имя моего героя в «Хрониках „Интрепида“».

— Потому он и хочет встретиться.

— Нас роднит не только имя, — сказал Даль.

Он подошел к Абнетту, сняв бейсболку и выронив газету.

— Привет, Брайан. Я — это ты. Твоя красномундирная ипостась.

— Нет, мне все еще трудно понять, и поверить я не могу, — сказал Абнетт, сидя в номере «Бест вестерн» вместе с членами команды «Интрепида». — То есть совсем не могу. Никак.

— Это тебе-то трудно? Что тогда про нас говорить?! — воскликнул Хестер. — Ты, по крайней мере, не вымышленный.

— Вы представляете, насколько это все нереально? — возопил Абнетт.

— Мы тоже привыкли не сразу, — заметил Даль.

— Думаю, вы понимаете, отчего так. Просто не укладывается в голове.

— Можем снова сравнить родинки, — предложил Даль.

Он позволил Абнетту сверить положение каждой видимой крапинки, родинки и бородавки

на своем теле, чтобы подтвердить полнейшее совпадение.

— Не надо. В это я верю, — примирительно сказал Абнетт.

Хестер посмотрел на Даля, затем на Абнетта и снова на Даля, красноречиво — мол, земной двойник не верит нисколечко.

Даль пожал плечами. Актеры есть актеры. Все им кажется игрой.

— Знаете, кое-что все же убеждает меня в том, что вы говорите правду, — сказал вдруг Абнетт.

— И что же тебя убеждает, помимо того факта, что ты сидишь в одной комнате со своим полным двойником? — осведомился Хестер.

— Двойник на меня, конечно, тоже повлиял. Но действительно меня убедил он!

Абнетт показал на Керенского.

— Я? Как? — удивился тот.

— Настоящий Марк Кори в жизни не станет торчать в «Бест вестерн», разыгрывая типа из массовки. Да он имени моего не помнит. Не хочу обидеть, но твой двойник — полный кретин.

— Этот тоже, — вставил Хестер.

— Эй, полегче! — предупредил Керенский.

— Второй я — это, конечно, странно и просто не укладывается в голове. Но вот существование

второго Кори, — Абнетт указал на Керенского, — отчего-то не кажется таким уж невероятным.

— Значит, ты нам веришь? — спросила Дюваль.

— Верю — не то слово, — отозвался Абнетт уклончиво. — Но ничего необычнее, чем сегодня, со мной за всю жизнь не случалось. Любопытно, что же будет дальше.

— И ты поможешь нам, — заключил Даль.

— Я хочу, но не знаю как. Я всего лишь актер второго плана. Меня пускают на съемки, но я никого не могу привести с собой. По сценарию я перебрасываюсь репликами с главными героями, но просто так заговорить с ними нельзя. Нас особо предупредили, чтобы мы не надоедали звездам. А с продюсерами или другим начальством у меня никаких связей. Встречу с ними я вам никак не устрою. Но даже если мне удастся, вам никто не поверит. Это же Голливуд. Мы враньем зарабатываем на жизнь. А ваша история ну совсем безумная. Если расскажу кому-нибудь, меня просто выкинут со съемок.

— А это мысль, — заметил Хэнсон, глядя на Даля. — Тогда тебя не убьют через пару серий.

Абнетт покачал головой:

— Вовсе нет. Просто найдут похожий типаж и

доснимут сцены. То есть убьют тебя, Энди, обязательно — если не останешься здесь.

Теперь уж Даль покачал головой:

— Если останусь, исчезну через пять дней. Растворюсь.

— Растворишься?

— Долго объяснять. Дело в атомах.

— Пять дней — небольшой срок. В особенности если хочешь остановить крупное телешоу.

— Тоже мне новость, — буркнул Хестер.

— Вероятно, не ты, а кто-нибудь из твоих знакомых может помочь? Ведь второстепенные актеры наверняка знают тех, кто стоит высоко в иерархии.

— Я и пытаюсь вам втолковать, что не знаю никого, кто бы свел вас с начальством. Хотя… — Абнетт посмотрел на Керенского задумчиво и тяжело. — Возможно, я знаю кое-кого вне шоу, способного помочь…

— Чего ты уставился на меня? — спросил Керенский, разозленный беспардонно оценивающим взглядом.

— У вас другой одежды нет?

— Собраться мне не дали, — ответил лейтенант. — Чем плоха униформа?

— Ничем, если вы явились на «Комик-Кон», и

всем — для клуба, который я имею в виду.

— Что за клуб? — спросил Даль.

— Что за «Комик-Кон»? — спросил Керенский.

— «Вайн-клаб». Одно из тех крайне секретных заведений, куда не попасть простым смертным. Я, например, не беру планку. А Марк Кори берет. Правда, едва-едва.

— Едва-едва? — удивился Даль.

— Это значит, что его пустят на первый этаж, но не на второй, и уж точно не в подвал. Для подвала нужно получать двадцать миллионов за фильм и долю от прокатной прибыли.

— Я все еще хочу знать, что такое «Комик-Кон», — не отступал Керенский.

— Господи боже, — Хестер вздохнул. — Керенский, потом расскажу. Эй, Абнетт, мы нарядим лейтенанта в Кори и пройдем в клуб, а дальше что?

— Нужно завлечь сюда настоящего Кори и повторить все то, что вы сделали со мной. Заинтересуйте его, заинтригуйте — и, быть может, он что-нибудь сделает. Я бы не говорил ему, что вы хотите прикрыть шоу, ведь тогда он лишится постоянной работы. Попытайтесь убедить его представить вас Чарльзу Полсону. Это создатель сериала и исполнительный продюсер. Вот с кем

на самом деле надо говорить. Убеждать следует именно его.

— И ты можешь провести нас в клуб, — предположил Даль.

— Нет. Как я уже говорил, я недотягиваю. Но у меня там друг работает барменом. Я для него прошлым летом соорудил рекламный ролик, когда дела шли худо. Фактически спас от банкротства. Так что он обязан мне. Он и впустит вас.

Абнетт обвел взглядом собравшихся и указал на Керенского.

— Вот его пустит.

Затем указал на Дюваль.

— И ее тоже. Возможно.

— Как я понял, ты спас друга от потери всего хозяйства, а он пустит пару людей в клуб, и это — равноценные одолжения? — спросил Хестер недоверчиво.

— Парень, это Голливуд.

— Понятно. Мы так и сделаем. Спасибо, Брайан, — сказал Даль.

— Рад помочь. В смысле, я правда привязался к тебе. Ты ведь настоящий и все такое…

— Рад слышать.

— Можно спросить? — осведомился Абнетт.

— Конечно.

— Будущее — оно и вправду такое, как в шоу?

— Да, будущее такое. Но я не уверен, что это реальное будущее.

— Но ведь здесь ваше прошлое! Мы — его часть. Я имею в виду две тысячи двенадцатый год.

— В нашем прошлом есть две тысячи двенадцатый год, но не этот две тысячи двенадцатый. Там нет «Хроник „Интрепида“». В нашей временной линии такого сериала не существует.

— А это значит, что я могу и не существовать в вашей линии, — заключил Абнетт.

— Вероятно.

— Значит, ты — все, что есть от меня там. Все, что когда-либо существовало от меня в вашем времени.

— Полагаю, да. Равно как и ты — единственная часть меня, существовавшая здесь.

— У тебя в голове не мутится от всего этого? От осознания, что существуешь и не существуешь одновременно, что ты реальный и в ту же минуту вымышленный?

— Мутится. Несмотря на то что меня учили справляться с фундаментальными экзистенциальными проблемами. А справляюсь я сейчас просто: мне все равно, настоящий я или вымышленный, существую или нет. Я хочу лишь одного:

сам определять свою судьбу. На это я могу повлиять, могу что-то сделать. И делаю.

— Кажется, ты умнее меня, — заключил Абнетт.

— А ты выглядишь гораздо лучше, — отозвался Даль.

— На том и порешим, — улыбнулся Абнетт. — Кстати, если уж разговор зашел о внешнем виде, думаю, пора вам сменить гардероб. Униформа, наверное, хороша в будущем, но здесь она выставляет вас гиками, которые носа из дома не кажут. У вас деньги есть?

— Девяносто три тысячи долларов, — откликнулся Хэнсон. — Минус семьдесят три доллара за ланч.

— Думаю, на шмотки хватит, — резюмировал Абнетт.

Глава 17

— Ненавижу это тряпье! — буркнул Керенский.

— Ты прекрасно выглядишь! — заверил Даль.

— Нет! — заупрямился лейтенант. — Я будто вслепую одевался! Как люди это носили?

— Хватит ныть! — скомандовала Дюваль. — Как будто ты в нашем времени не ходил в гражданском.

— Белье колется! — пожаловался лейтенант, ерзая.

— Знала бы я, что ты такой нытик, никогда б не стала спать с тобой!

— Знал бы я, что ты меня накачаешь отравой, похитишь и увезешь в средневековье, да к тому же без штанов, никогда б не стал спать с тобой!

— Эй, ребята, потише, — попросил Даль и скосил глаза в сторону водителя, усердно игнорировавшего психов на заднем сиденье. — Не надо про средневековье.

Такси свернуло с бульвара Сансет на Вайн-стрит.

— А вы уверены, что Марк Кори еще там? — осведомился лейтенант.

— Брайан сказал, что его друг позвонил, как только Марк зашел внутрь. Друг бы позвонил, если бы Марк вышел, — сообщил Даль. — Друг не звонил, так что, надо думать, Марк еще на месте.

— Вряд ли у нас получится, — вздохнул Керенский.

— Получится! — заверил Даль. — Не сомневаюсь.

— Это с твоим сработало. С моим все может пойти по-другому.

— Анатолий, пожалуйста, перестань, — взмолилась Дюваль. — Все получится. Если он хоть отчасти на тебя похож, ты его совершенно очаруешь. Ты для него — как ожившее отражение, которое можно потрогать.

— Что бы это значило?

— А то, что для тебя самолюбование нормально и естественно, — пояснила Майя.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — спросил Керенский после секундной паузы.

Дюваль улыбнулась, потрепала его по щеке:

— Анатоль, ты мне нравишься. Очень. Но сейчас я хочу, чтобы ты сосредоточился. Считай, что ты в очередной разведмиссии.

— Меня всегда калечат в разведмиссиях, — пожаловался лейтенант.

— Возможно. Но ведь ты выживаешь.

— «Вайн-клаб», — объявил водитель, выруливая к тротуару.

Трое друзей выбрались из машины. В клубе грохотала музыка. Снаружи молодые, красивые люди в изящных заученных позах ждали своей очереди.

— Вперед, — объявил Даль и направился ко входу.

— Очередь начинается с той стороны, — указал вышибала на вереницу миловидных позеров.

— Да, но мне посоветовали поговорить с вами, — произнес Даль, протягивая руку с заботливо сложенной, незаметной посторонним стодолларовой купюрой, как и учил Абнетт. — Вы же Митч?

Вышибала Митч бросил едва заметный взгляд на пятерню Даля, затем деловито пожал ее, проворно выцепив купюру.

— Хорошо. Говорите, — разрешил Митч.

— Я должен сообщить вам, что эти двое — друзья бармена Роберто, — сказал Даль, кивая на Керенского с Дюваль. — Он их ждет.

Митч окинул взглядом Майю и лейтенанта. Если он и заметил сходство Керенского с Марком Кори, то виду не подал. Вышибала сурово посмот-

рел на Даля.

— Только первый этаж! Если попробуют влезть на второй, вылетят со свистом. Если полезут в подвал, вылетят со свистом и без зубов.

— Первый этаж, — кивнул Даль.

— Только они, не ты. Без обид.

— Никаких обид, — заверил Даль.

Митч махнул Керенскому с Дюваль, открывая проход. Из красивой очереди донеслись протесты.

— Поняла? — спросил Даль у Майи.

— Еще как поняла. Сиди на телефоне.

— Само собой.

И парочка скрылась в сумраке «Вайн-клаба». Митч закрыл за ними проход.

— Эй, где тут выпить нормальному человеку? — спросил энсин.

— Вон, рядом ирландский паб. — Митч улыбнулся и махнул рукой. — Бармена зовут Ник. Скажи, что от меня.

— Спасибо, — поблагодарил Даль, уходя.

В пабе было шумно и людно. Энсин протолкался к стойке, пошарил в кармане в поисках денег.

— Эй, да неужто Брайан? — послышалось рядом.

Бармен смотрел на Даля с улыбкой.

— Финн?

— Ник, — поправил тот.

— Извини, — выдавил Даль спустя секунду. — Я в ступоре.

— Профессиональная болезнь. Тебя зовут именем персонажа, а не твоим собственным.

— Ну да.

— С тобой все хорошо? Ты выглядишь слегка… — Ник неопределенно махнул рукой, — не в себе.

— Да все отлично, — ответил Даль, пытаясь улыбнуться. — Пардон. Немного удивился, увидев тебя здесь.

— Такова актерская жизнь. Работы нет — и я за стойкой. Что будешь?

— Выбери для меня пиво.

— Ну ты храбрец!

— Я тебе доверяю.

— Знаменитая последняя фраза, — отметил Ник, направляясь к пивным кранам.

Даль смотрел, как он разливает пиво, отчаянно стараясь держать себя в руках.

— Готово, — объявил Ник, ставя бокал на стойку. — Строго местный сорт. Варят поблизости в крошечной пивоварне. Называется «Старлет стаут».

— Неплохой, — определил Даль, отхлебнув.

— Я передам пивовару, он обрадуется. Ты должен помнить его. Мы втроем играли в одной сцене. Его убил рой микророботов.

— А, лейтенант Фишер.

— Он самый, — подтвердил Ник, кивая в сторону бокала. — Настоящее имя — Джейк Кляйн. Его пивоварня развивается неплохо. Он ею сейчас большей частью и занят. Думаю присоединиться к нему.

— Не хочешь быть актером?

— Не то чтобы ко мне агенты валили, срывая двери с петель, — сказал Ник, пожимая плечами. — Я подвизаюсь в ремесле уже девять лет, а проходная роль в «Хрониках „Интрепида“» — лучшее, что получил за все время. И то, честно говоря, не сахар. Моего героя убило взорвавшейся головой.

— Я помню.

— Вот оно-то и толкнуло меня, — сказал Ник, принимаясь мыть бокалы в раковине, лишь бы чем-то занять руки. — Мы сделали десять дублей той сцены. И каждый раз приходилось прыгать спиной вперед, изображая действие ударной волны. Где-то разе на седьмом я подумал, что мне тридцать, а я до сих пор играю смерть на теле-

шоу, какое и смотреть бы не стал, если б не моя в нем роль. И вот на такое трачу жизнь. Тут рано или поздно обязательно спросишь себя, зачем заниматься лабудой. Вот ты зачем занимаешься лабудой?

— Я? — удивился Даль.

— Ну да.

— Я долгое время и не представлял, что у меня есть выбор, — осторожно сформулировал Даль. — Потому и занимаюсь до сих пор.

— Ага, вот оно. До сих пор. Так ты еще в шоу?

— Пока да.

— Но они тебя тоже убьют.

— Через пару серий — если я не придумаю, как избежать этого.

— Не избегай. Умри и устрой свою жизнь нормально.

— Не все так просто, — ответил Даль, улыбаясь и отхлебывая пиво.

— Кредит на шее?

— Вроде того.

— Се ля ви, — резюмировал Ник. — Что же тебя привело в Голливуд и на Вайн-стрит? Кажется, ты говорил, что живешь в Толука-Лейк?

— Друзья захотели попасть в «Вайн-клаб».

— А тебя не пустили?

Даль махнул рукой:

— Сказал бы! У меня там приятель работает вышибалой.

— Митч?

— Он самый.

— Он мне и посоветовал заглянуть сюда.

— Ох, извини.

— Да ничего. Здорово было снова повидать тебя.

Ник усмехнулся и отошел обслужить клиента.

Телефон Даля зазвонил. Энсин выудил его из кармана.

— Ты где? — спросила Дюваль.

— В пабе по соседству. Очень необычно провожу время. В чем дело?

— Срочно приходи! Нас только что вышибли из клуба!

— Тебя и Керенского? Что случилось?

— Не только меня и Керенского. Марка Кори тоже. Он бросился на лейтенанта с кулаками!

— Что?

— Мы подошли к столику Кори, он увидел Керенского и завопил: «Ублюдок, это ж твоя задница в блоге Гаукера!» И бросился.

— Что за чертов Гаукер?

— Откуда мне знать? Я не в этом столетии жи-

ву. Нас вышибли, а Кори отключился, лежит на тротуаре. Уже в клубе эта скотина был в дрова.

— Поднимите его с земли, пошарьте по карманам и найдите талон на парковку! Затем затащите Кори в машину, сядьте туда сами и ждите меня. Я буду через пару минут. Постарайтесь не попасться полиции.

— Я-то постараюсь. Но получится ли?

Дюваль хмыкнула и отключилась.

— Проблемы? — спросил Ник, вернувшийся, пока Даль разговаривал.

— Друзья ввязались в драку. Их вышибли из клуба. Побегу к ним, пока полиция не взяла.

— Интересный у тебя вечерок.

— Ты даже не представляешь, до какой степени. Сколько с меня?

— Я угощаю, — ответил Ник, махнув рукой. — Ты лучшее, что со мной случилось за весь день.

— Спасибо, — ответил Даль, затем посмотрел задумчиво на телефон. — Ты не против сфотографироваться со мной?

— Чудачишь? — сказал Ник, но затем улыбнулся и подался вперед.

Даль вытянул руку с телефоном и нажал кнопку.

— Спасибо! — снова поблагодарил Даль.

— Да не за что. Ты поторопись, а то заметут друзей-то.

Энсин выскочил на улицу.

Спустя две минуты он уже стоял у клуба. Дюваль и Керенский пытались управиться с Марком Кори близ черного изящного автомобиля. Митч с коллегой молча наблюдали, красивые люди из красивой очереди снимали процесс на мобильные телефоны.

— Эй, парень, что за хрень? — сурово вопросил Митч. — Твои приятели десяти минут не пробыли внутри, а этот уже весь клуб захотел разнести, чтоб им намылить шеи.

— Извини, — только и выговорил Даль.

— А эта шутка с клонами — просто жуть!

— Мои друзья хотели забрать Марка, — солгал Даль и показал на Керенского. — Он его двойник, для публики. Иногда подрабатывает в рекламе. Мы узнали, что Марк перебрал немного, и пришли забрать его — завтра ведь съемки.

— Он сидел тихо, пока не объявились твои приятели. Кстати, зачем этому парню двойник? Он актер второго плана из шоу по кабельному ТВ. Он же не знаменитость какая-нибудь.

— Видел бы ты его на «Комик-Коне»!

— Пусть там и развлекается! — фыркнул

Митч. — Потому что сюда ему больше ходу нет! Когда опомнится, передай от меня: если покажется здесь снова, я так ему дам под зад, что вылетит отсюда на варп-скорости!

— Передам слово в слово, — пообещал Даль.

— Слово в слово! — свирепо наказал Митч и вернулся на свой пост у дверей.

— В чем дело? — спросил Даль, подходя к Майе.

— В этом пьяном мешке! — прошипела та, стараясь согнуть Кори. — Он протрезвел ровно на пять минут, чтобы затеять свару!

— Не можешь справиться с пьяным мешком?

— Могу, конечно! Но ты же предупреждал, чтобы мы в полицию не загремели ненароком!

— Помощь нам бы не помешала, — заметил Керенский, когда палец пьяного угодил лейтенанту в нос.

Даль открыл дверцу и откинул переднее сиденье. Дюваль с Керенским схватили Кори и швырнули на заднее. Он уткнулся головой в дальний угол, задрав зад кверху. Марк тоненько пискнул, затем вяло выдохнул филейной частью и отключился.

— Я с ним рядом не сяду! — предупредил Керенский.

— Нет, не сядешь, — согласился Даль.

Он полез в машину, вытянул бумажник у Марка из штанов и вручил его Керенскому.

— Ты поведешь!

— Почему я?

— Потому что, если нас остановят, ты — это он.

— Точно! — поддакнул Керенский, принимая бумажник.

— Я суну денег типу из клуба, — предложила Дюваль.

— И побольше, — посоветовал Даль.

Минутой позже Керенский выяснил, что значит «D» на рычаге передач, и машина покатилась по Вайн-стрит.

— Не превышай скорость, — предупредил Даль.

— Я понятия не имею, куда ехать, — пожаловался Керенский.

— Но ты же астроштурман! — напомнила Майя.

— Это улица, а не космос, — возразил Керенский.

— Подожди-ка, — пробормотала Дюваль, извлекая телефон. — У этой штуки есть функция навигатора. Давай-ка я включу ее.

Керенский вздохнул.

— У нас вечерок выдался насыщенный, — заметила Дюваль, вводя адрес «Бест вестерн» в телефон. — А у тебя как?

— Встретил старого друга, — сказал Даль и показал ей фото в телефоне.

— Ох, — выдохнула Майя, затем протянула руку, схватила Даля за запястье. — Энди, ты в порядке?

— Все нормально.

— Точь-в-точь как Финн, — сказала Дюваль, глядя на фото Даля с барменом Ником.

— Естественно, — согласился Даль, отвернувшись и глядя в окно.

Глава 18

— Он уже долго спит, — заметил Даль, кивая в сторону Марка Кори, распростертого на кровати. — Будите его.

— Для этого его придется трогать, — подумала вслух Дюваль.

— Не обязательно, — возразил Хестер.

Он взял подушку с кровати и шлепнул Кори по голове. Тот затрясся и проснулся.

— Чистая работа, — похвалил Хэнсон.

Кори сел и обвел комнату недоуменным взглядом.

— Где я? — спросил он в пространство.

— В отеле, — ответил Даль. — «Бест вестерн» в Бербанке.

— Почему я здесь?

— Вы отключились в «Вайн-клабе» после того, как напали на моего друга. Мы сунули вас в машину и привезли сюда.

Кори посмотрел вниз и нахмурился.

— Где мои брюки?

— Мы сняли их с вас.

— Зачем?

— Хотели с вами поговорить.

— Это можно было сделать, и не снимая с меня брюк!

— В идеальном мире, да.

Кори уставился на Даля мутными глазами.

— Я тебя знаю! — выговорил он через минуту. — Ты снимаешься в массовке на моем шоу.

Он окинул взглядом Дюваль и Хэнсона.

— И вы двое тоже. А этого, — он посмотрел на Хестера, — я никогда не видел.

— У нас была совместная сцена, — пояснил Хестер, явно расстроенный. — На вас напали летучие роботы.

— Парень, у меня масса сцен с массовкой. Оттого она и называется «массовка», — изрек Кори и, глянув на Даля, потребовал: — Если хотите остаться в сериале, немедленно отдайте мне ключи и брюки!

— Ваши брюки в ванной, — объяснил Хэнсон. — Сушатся.

— Вы так напились, что описались, — добавил Хестер.

— Мы их сняли, не только чтоб побеседовать с вами, — поспешил сказать Даль, — но еще и потому, что, как нам показалось, вам было бы неприятно ехать на работу в одежде, пахнущей мочой.

На лице Кори отразилось сомнение. Он глянул на свои трусы, затем согнулся вдвое и принюхался. Дюваль с Хестером слегка поморщились, Даль же наблюдал безучастно.

— Пахнет нормально, — проинформировал Кори.

— Потому что белье на вас чистое, — пояснил Даль.

— Чье — ваше?

— Нет, мое, — ответил Керенский, сидевший в кресле спиной к кровати.

Теперь он встал и повернулся лицом к Марку.

— Ведь, в конце концов, у нас один размер.

— Ты! — выдохнул Кори, уставившись на Керенского.

— Да, я. И в то же самое время — ты.

— Так это тебя я видел вчера на «Гаукере»!

— Я не понимаю, что это значит.

— Там видео было: кто-то похожий на меня стоит посреди улицы без штанов. Видео сняли на мобильный телефон и отослали в «Гаукер». Начальству пришлось поспешить с сообщением о том, что я был в то время на съемках и никак не мог оказаться на улице без штанов. А то бы подумали, что и вправду я. А там засветился ты!

— Да, наверное, я, — сознался Керенский.

— А кто ты?

— Я — это ты. Верней, тот, кого ты изображаешь.

— Ничего не понимаю.

— Когда ты говоришь про «Гаукер», я тоже не понимаю, так что мы квиты.

— А почему ты бегал по улице без штанов?

— Потому что они, — Керенский показал на остальных в комнате, — забрали у меня штаны.

— Зачем???

— Хотели поговорить с ним, — пояснил Даль.

Кори наконец оторвал взгляд от Керенского и возопил:

— Ребята, вы больные?

— Мы хотели, чтобы вы немного у нас задержались, — пояснил Даль.

Но Кори его не слушал. Он встал с кровати и подошел к лейтенанту, напряженно его рассматривавшему.

— Поразительно! — выдохнул Кори. — Ты в точности как я!

— Я и есть в точности ты, — поправил Керенский. — Вплоть до самой последней мелочи.

— Невероятно, — прошептал Кори, глядя лейтенанту в лицо.

— Вероятно, — сказал Керенский, придвинув-

шись вплотную. — Посмотри поближе!

Двойники стояли всего в дюйме друг от друга. Кори принялся осматривать тело лейтенанта.

— Мне как-то неловко, — тихонько заметил Хестер.

— Марк, нам нужна ваша помощь, — сказал Даль. — Сведите нас с Чарльзом Полсоном.

— Зачем? — спросил Кори, не сводя глаз с Керенского.

— Мы хотим обсудить с ним кое-что важное, касающееся шоу, — ответил Даль.

— Он никого сейчас не хочет видеть, — сказал Кори, глянув наконец на энсина. — Месяц назад его сын попал в аварию на мотоцикле. Парень сейчас лежит в коме. Врачи считают, что шансов выкарабкаться у него мало. А мотоцикл Полсон подарил сыну на день рождения. По слухам, Чарльз приходит в офис и сидит, уставившись в стену, до шести вечера, а потом идет домой. Полсон не станет разговаривать с вами.

Кори снова уставился на Керенского.

— Нужно хотя бы попробовать, — возразил Даль. — И потому нам нужны вы. Любому другому Полсон может отказать, но не вам. Ведь вы — звезда его сериала. Он обязательно поговорит с вами.

— Он ни с кем не обязан говорить, — отрезал Кори.

— Но ведь вы можете вынудить его выслушать вас, — заметила Дюваль.

Кори посмотрел косо, затем шагнул к ней и спросил:

— И с какой стати мне это делать? Конечно, я могу. Устрою истерический припадок, потребую Полсона, и он меня примет. Но если он подумает, что я зря трачу его время, — просто выкинет меня из шоу. Загубит моего героя каким-нибудь особенно зверским причудливым образом ради всплеска зрительского интереса. А я окажусь без работы. Знаешь, как тяжело в этом городе получить хорошую роль в приличном сериале? До этой роли я работал официантом! Народ, послушайте: я ради вас и пальцем не пошевелю!

— Но это очень важно, — сказал Даль.

— Для меня самое важное — моя карьера, — отрезал Кори. — Намного важнее любых ваших прихотей!

— Мы могли бы дать вам денег, — вставил свое Хэнсон. — У нас есть девяносто тысяч долларов.

— Я за серию больше получаю, — ответил Кори и снова воззрился на Керенского. — Предложите что-нибудь получше.

Даль уже открыл рот, но Керенский не дал ему высказаться.

— Позвольте мне поговорить с Марком.

— Так говори, — буркнул Хестер.

— Наедине! — потребовал лейтенант.

— Ты уверен? — спросил Даль.

— Уверен!

— Хорошо, — согласился Даль.

Он махнул рукой Майе, Хэнсону и удивленному до предела Хестеру, прося выйти вместе с ним.

— Интересно, мне одному показалось, что сейчас произойдет что-то не совсем приличное? — осведомился Хестер в фойе.

— Тебе одному, — заверил Даль.

— Не только, — заметила Дюваль, и Хэнсон покачал головой. — Энди, неужели ты не видел, как Марк смотрел на Анатолия?

— Наверное, я чего-то не заметил, — признал энсин.

— Именно, — подтвердил Хестер.

— А ты и в самом деле ханжа, — сказала Майя Далю.

— Я предпочитаю думать, что там идет разумная, взвешенная беседа и Керенский убеждает Марка хорошо подобранными аргументами.

Из-за двери донесся приглушенный звук пада-

ющего тела. Вернее, тел.

— Ага, вот оно! — оживился Хестер.

— Думаю, мне лучше подождать внизу, — заметил Даль.

Двумя часами позже, когда уже рассвело, усталый Керенский спустился вниз.

— Марку нужны ключи, — сообщил он. — У него в шесть тридцать грим.

Даль покопался в кармане.

— Так он поможет нам?

— Он позвонит Полсону, как только прибудет на съемки. И скажет, что покинет шоу, если тот не поговорит с ним сегодня.

— И как же тебе удалось подбить его на это? — спросил Хестер.

Керенский пронзил Хестера взглядом:

— Ты и в самом деле хочешь знать?

— Э-э, не то чтобы очень… Верней, вовсе нет…

— Я так и думал, — сказал лейтенант, забирая у Даля ключи.

— Я хочу знать, — потребовала Дюваль.

Керенский вздохнул:

— Скажи мне, Майя, ты когда-нибудь встречала человека, которого знаешь в совершенстве, полностью, от и до, до такой степени, будто делишь с ним одно тело, мысли и желания? А если

знаешь в точности, что его чувства к тебе совершенно такие же, как и у тебя к нему, до самой крошечной мелочи, до последней частицы души? Встречала?

— Вроде нет.

— Мне жаль тебя, — обронил Керенский и вернулся в комнату.

— И захотелось же тебе спросить! — буркнул в сердцах Хестер.

— Ну полюбопытствовала. Не нравится — подавай в суд.

— Теперь и я буду знать. — Хестер тяжело выдохнул. — У меня перед глазами стоят картины. Понимаешь? Живописные. Полнометражные. Они никогда не покинут меня. Всю мою жизнь. Из-за тебя.

— Эту сторону Керенского мы определенно не видели раньше, — сказал Даль. — Я и не думал, что его интересуют мужчины.

— Это не так, — возразил Хэнсон.

— Ты не понял, что происходило последние два часа? — изумился Хестер. — Не слышал, как все тряслось и скрипело?

— Джимми прав, — поддержала Дюваль. — Его не мужчины всегда интересовали, а он сам. А теперь появилась возможность, хм, развить

интерес.

— Ы-ы-ы, — скривился Хестер.

— А ты бы не захотел, представься возможность? — спросила Дюваль.

— Я бы не захотел, — отрезал Даль.

— Мы уже выяснили, что ты ханжа, — заметила Майя.

— Твое очко! — усмехнулся Даль.

Дверь лифта открылась, и вышел Кори, сопровождаемый Керенским. Марк подошел к Далю.

— Мне нужен твой номер. Я позвоню, когда договорюсь о встрече.

— Конечно.

Даль продиктовал номер, и Кори занес его в адресную книгу.

— Хочу, чтобы вы уяснили, — проговорил Марк, окинув друзей взглядом, — устраивая эту встречу, я серьезно рискую своей задницей. Если вы учините что-нибудь, угрожающее моей карьере, клянусь, я отыщу вас и буду мучить до конца жизни. Понятно?

— Предельно, — подтвердил Даль. — Спасибо!

— Я не ради тебя стараюсь, а ради него. — Кори кивнул в сторону Керенского.

— Все равно спасибо.

— А если кто-нибудь спросит, почему вы помо-

гали мне залезть в машину прошлой ночью, так это меня аллергия на танины в вине из «Вайн-клаба» скосила.

— Что же еще? — подхватил Даль.

— Вы же понимаете, это правда. На всякое бывает аллергия.

— Несомненно.

— Вы, случаем, не видели, снимал ли кто, когда меня запихивали в машину? — осведомился Кори.

— Кажется, была пара-тройка человек, — признался Даль.

Кори вздохнул:

— Танины. Не забывайте про них.

— Никогда!

Затем Кори подошел к лейтенанту и с чувством обнял. Тот пылко ему ответил.

— Как жаль, что у нас так мало времени! — воскликнул Кори.

— И мне! — воскликнул Керенский.

Они снова стиснули друг дружку, затем расцепились, и Кори покинул лобби. Лейтенант поспешил следом.

— Ух ты! — выговорил Хестер. — Как тебя, однако, угораздило…

Керенский остановился и резко повернулся

к нему:

— И как мне это понимать?!

— Я не осуждаю, нет, — поспешно заверил Хестер, разведя руками.

— Не осуждаешь чего? — свирепо воскликнул Керенский, затем окинул взглядом остальных и спросил сурово: — Вы все думаете, что я занимался сексом с Марком?

— А разве нет? — поинтересовалась Дюваль.

— Мы разговаривали!!! Это был самый удивительный и замечательный разговор за всю мою жизнь. Я будто встретил брата, которого у меня никогда не было.

— Анатолий, брось, — махнул рукой Хестер. — Мы все слышали скрипы и плюхи.

— Марк просто потерял равновесие, надевая брюки. Встал на одну ногу, покачнулся и упал, вот и все.

— Ну да, — поспешил согласиться Хестер. — А я и не подумал.

— Господи боже мой! Ну вы и народ! Ничего лучшего со мной в жизни не происходило, я говорил с человеком, который по-настоящему меня понимает — по-настоящему, можете представить? А вы все думаете, будто я занимался каким-то трансвременным инцестуозным она-

низмом. Спасибо огромное за то, что нагадили на самое лучшее и светлое в моей жизни! Да меня от вас тошнит!

Он гневно затопал прочь.

— Э, это было забавно, — заметила Майя.

Керенский гневно притопал обратно и ткнул пальцем в сторону Майи:

— Между нами все кончено!

— Вполне логично, — согласилась Дюваль, и лейтенант утопал прочь.

— Не премину заметить, что я оказался прав, — не преминул заметить Даль после минутной паузы.

Дюваль шагнула к нему и стукнула по голове.

Глава 19

Личный кабинет Чарльза Полсона находился в Бербанке, за пределами студии, в здании, где помещались три другие продюсерские компании, два агентства, стартап в стиле хай-тэк и благотворительный фонд по борьбе с молочницей. Контора Полсона располагалась на четвертом этаже, друзья поднялись на лифте.

— Не стоило мне жрать тот последний буритто, — заметил Хестер, входя в кабину, и на лице его отобразилась страдальческая гримаска.

— Говорил я тебе — не ешь! — назидательно заметил Хэнсон.

— А еще ты говорил, что в двадцать первом веке работают законы о еде, — парировал тот.

— Вряд ли закон защитил бы тебя от третьего буритто с мясом. Не в еде дело, а в ее количестве.

— Мне в туалет надо.

— А потерпеть нельзя? У нас, кажется, важная встреча, — проворчал Даль.

Лифт достиг четвертого этажа.

— Если я не найду туалет, вряд ли вы обрадуетесь моему присутствию на встрече, — предупредил Хестер. — Может случиться страшное.

Даже очень.

Дверь открылась, все пятеро вышли наружу. Хестер завидел на полпути к офису мужской туалет и быстро, хотя и несколько скованно, зашагал туда.

— Как думаешь, надолго он? — осведомилась Дюваль. — Встреча через минуту.

— У тебя были когда-нибудь неприятности с буритто? — спросил энсин.

— Нет. Судя по Хестеру, мне серьезно повезло.

— Думаю, он надолго, — определил Даль.

— Но мы ждать не можем, — напомнил Керенский.

— Не можем, — согласился Даль.

— Ребята, вы идите, а я останусь и присмотрю за Хестером, — предложил Хэнсон. — Мы будем в приемной.

— Уверен? — спросил на всякий случай Даль.

— Конечно. Мы с Хестером просто зрители на вашей встрече. С таким же успехом можем сидеть, листая журналы. Всегда забавно почитать сплетни трехвековой давности.

— Ну ладно, — улыбнулся Даль. — Джимми, спасибо!

— Ты уж сообщи нам, если у Хестера взорвутся кишки, — попросила Дюваль.

— Первой узнаешь, — пообещал Хэнсон, направляясь к туалету.

Секретарша «Полсон продакшн» тепло улыбнулась Керенскому.

— Привет, Марк! Я так рада тебя видеть!

— Э-э, угу, — откликнулся Керенский.

— У нас встреча с мистером Полсоном, — поспешил на помощь Даль. — Назначенная. Марк договаривался.

— Конечно, — подтвердила секретарша, глянув на экран компьютера. — Вы мистер Даль?

— Да, я.

— Присаживайтесь пока, а я сообщу о вашем приходе, — посоветовала секретарша, снова лучезарно улыбнулась Керенскому и позвонила боссу.

— Кажется, она с тобой заигрывает, — заметила Майя.

— Она думает, что заигрывает с Марком, — указал Керенский.

— Наверное, у них интрижка, — предположила Майя.

— Не стоит продолжать, — посоветовал лейтенант.

— Всего лишь пытаюсь смягчить боль разрыва местью.

— Мистер Даль, Марк, мэм! — позвала секретарша. — Мистер Полсон готов принять вас. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Она провела их по коридору к обширному кабинету, где за большим столом сидел Полсон. Он сурово глянул на Керенского.

— Я полагал, что буду говорить с твоими знакомыми, а не с тобой. Ты должен быть на работе!

— Я и так на работе!

— Это не твоя работа. Твоя — на студии. На съемках. Если ты не там, мы не снимаем. Если мы не снимаем, мы тратим зря время и деньги. Студия и «Корвин» уже насели на меня, потому что в этом году мы выбились из графика. И ты мне вредишь!

— Мистер Полсон, возможно, вам следует позвонить на площадку и спросить, там ли Марк Кори, — примирительно предложил Даль.

Продюсер воззрился на него, словно впервые увидел:

— Мы, кажется, прежде встречались. Вы кто?

— Я Эндрю Даль, — ответил энсин, отодвигая стул и садясь, жестом указывая Дюваль сделать то же самое. — А это Майя Дюваль. Мы служим на «Интрепиде».

— Тогда и вы должны быть на съемках!

— Мистер Полсон, рекомендую вам позвонить на студию и спросить, там ли Марк Кори, — повторил энсин, уже настойчивее.

— Он здесь! — воскликнул продюсер, указав пальцем на Керенского.

— Нет, он не здесь. Именно потому мы и пришли говорить с вами.

Полсон прищурился:

— Похоже, вы просто зря тратите мое время.

— Господи боже! — воскликнул в отчаянии Керенский. — Да позвонишь ты на чертову студию?! Марк там!

Полсон замер на секунду, пристально глядя на Керенского, затем снял трубку телефона и нажал кнопку.

— Привет, Джуди! Ты на съемках? Да, в порядке. Марк Кори в студии?

Полсон снова замер, глядя на лейтенанта.

— Хорошо. Как давно он там?.. Да нет, нормально. Он сегодня странно себя ведет? На себя не похож? Нет?.. Да, все в порядке. Нет, я не хочу поговорить с ним. Спасибо, Джуди.

Он повесил трубку.

— Это мой распорядитель на шоу, Джуди Мелендез, — пояснил он. — Сказала, Марк на съемках с самого грима, с половины седьмого.

— Благодарю! — воскликнул Керенский.

— Ладно, понял, — отозвался Полсон. — И кто тогда, черт возьми, ты? Конечно, Марк тебя знает, иначе бы не устроил встречу. Ты не его близнец — у него нет братьев. Так кто ты? Дядя? Племянник? Хочешь попасть в шоу? Все из-за этого?

— А вы берете родственников на шоу? — спросил Даль.

— Не то чтобы мы об этом усиленно распространялись… хм, берем. В прошлом сезоне я взял своего дядю. Он мог потерять страховку от Гильдии киноактеров, потому я дал ему роль адмирала, пытавшегося подвести Абернати под трибунал. Я и сыну дал небольшую роль…

Он внезапно смолк.

— Мы слышали о вашем сыне, — сказал Даль тихо. — Нам очень жаль.

— Спасибо, — сказал Полсон, и его будто подменили — вместо напористого продюсера за большим столом оказался маленький усталый человек.

— Простите, — выговорил он наконец. — Это нелегко перенести.

— Я и представить не могу, как вам тяжело, — посочувствовал Даль.

— Ваше счастье!

Полсон взял со стола фотографию в рамке.

— Глупый мальчишка! Я же говорил ему: осторожнее с мотоциклом в дождь!

Он повернул на секунду фото к гостям — в камеру улыбался парень в байкерской кожаной одежде.

— Никогда он меня не слушал…

— Это ваш сын? — спросила Дюваль, протягивая руку.

— Да. Мой Мэттью, — ответил продюсер, вручая фото. — Только получил магистерскую степень по антропологии, а потом вдруг ему захотел попробовать себя в актерском деле. Я ему и говорю: «Если ты хотел актером стать, зачем я платил за твою учебу в колледже?» Но все-таки я устроил его на шоу. Дал пару эпизодических ролей. А потом…

— Энди, — произнесла тихо Дюваль и передала фото Далю.

Подошел Керенский и глянул на фото.

— Вы шутите?

— Что? — спросил Полсон, глядя в недоумении на гостей. — Вы его знаете? Вы знакомы с Мэттью?

Все трое посмотрели на продюсера.

— МЭТТЬЮ!!! — истошно завопила женщина

в холле.

— О черт! — охнула Майя, вскочила из-за стола и бросилась вон.

За ней кинулись лейтенант с энсином.

В приемной секретарша вцепилась в Хестера, рыдая от счастья. Хестер стоял в глубоком смятении, облапленный и стиснутый.

Хэнсон, завидев троих товарищей, немедленно устремился к ним.

— Мы просто зашли. Зашли, и все! А она завизжала и чуть не перепрыгнула через стол. Что происходит?

— Кажется, мы нашли актера, играющего Хестера, — сообщил Даль.

— Хорошо. И кто он?

— Мэттью? — спросил вышедший в приемную продюсер.

Он последовал за визитерами посмотреть, в чем дело.

— Мэттью? МЭТТЬЮ?!

Полсон прыгнул к Хестеру, яростно стиснул его и принялся целовать в щеку.

— Этот актер — сын Чарльза Полсона, — договорил Даль.

— Который в коме? — уточнил Хэнсон.

— Он самый.

— Ох! Боже ж ты мой!

Все посмотрели на Хестера, прошептавшего беззвучно: «Помогите».

— Кто-нибудь, наконец, скажет им, кто такой Хестер на самом деле? — осведомился Керенский.

Он, Хэнсон и Дюваль посмотрели на Даля.

Тот вздохнул и шагнул к Хестеру.

— Ты в порядке? — спросил Даль у Хестера.

Оба сидели в палате частной больницы, где лежал Мэттью Полсон, утыканный трубками. Хестер молча глядел на своего двойника в коме.

— Да, я верный смертничек, — ответил Хестер.

— Хестер! — предупредил сурово Даль и встал посмотреть, близко ли к двери Чарльз Полсон.

К счастью, тот был далеко. Он ждал в холле вместе с Дюваль, Хэнсоном и Керенским. К Мэттью гостей пускали лишь по двое.

— Прости, — извинился Хестер. — Я не хотел выставлять себя засранцем. Просто… ну, ты знаешь, все теперь стало на свои места. Так ведь?

— О чем ты?

— Да обо мне. Ты, Дюваль, Хэнсон, Финн — вы интересные. У вас биографии. Занятное прошлое. Вас можно вписать в контекст и убить интересно. Финна ведь убил его давний знакомый? И тебя

интересно убьют, когда вернешься на Форшан. Но во мне-то ничего занятного. Я обычный паренек из Де-Мойна со средним баллом «Б с минусом» в средней школе, решивший уйти во флот Вселенского союза, чтобы повидать Вселенную перед тем, как вернуться домой и остепениться. До «Интрепида» я был одним из множества одиночек-неудачников. А сейчас все становится на места, поскольку мне и не назначено быть кем-то особенным. Я и в самом деле статист. Добавление к сюжету, каким можно занять продюсерского отпрыска, пока тому не наскучит играться в актера и не захочется вернуться за докторской степенью. Даже единственное, что я могу делать — пилотировать шаттл, — и то ко мне пришло само собой, потому что в сцене нужен был тип, сидящий в пилотском кресле. Почему бы не посадить туда сынка? Пусть почувствует себя особенным!

— Мне кажется, это неправильно.

— А как иначе? Мое предназначение в жизни — заполнить место, ничего больше.

— Это вовсе не так!

— В самом деле? Кстати, не скажешь ли, как меня зовут?

— То есть?

— Как меня звать по имени? Ты — Энди Даль.

Дюваль — Майя. Хэнсон — Джимми. Даже Керенский — Анатолий, черт возьми! А меня как по имени? Ты знаешь мое имя?

— Но у тебя оно есть! Я могу посмотреть в телефоне.

— Но ты ведь не знаешь его! Никогда не звал меня по имени. Мы — друзья, а ты даже не знаешь моего имени.

— Прости. Мне и в голову не приходило звать тебя не Хестер, а как-нибудь иначе.

— Я о том и твержу! Даже друзья не задумываются, как меня звать по имени. И это очень точно определяет мое место во вселенной. Точнее некуда.

Он снова уставился на Мэттью Полсона, лежащего в коме.

— И как твое имя? — спросил Даль осторожно.

— Джаспер.

— Джаспер…

— Родовое имя. Джаспер Аллен Хестер.

— Ты хочешь, чтобы я теперь звал тебя Джаспером?

— Черт возьми, нет! Кому понравится, когда его зовут Джаспер? Гребаное нелепое имя.

Даль попытался подавить смешок, но не смог. Хестер улыбнулся.

— Я буду звать тебя Хестером. Но знай: про себя я буду в это время говорить «Джаспер», — пообещал Даль.

— Ну если тебе так хочется, пожалуйста.

— Джаспер, Джаспер, Джаспер!

— Ну ладно. Хватит. Ненавижу убивать людей прямо в больнице.

Оба посмотрели на Мэттью Полсона.

— Бедный парнишка, — вздохнул Хестер.

— Твой ровесник.

— Но я, наверное, его переживу. Так что у нас по-разному.

— Наверное, да.

— Проблема в том, что мы сейчас в двадцать первом веке. Если бы подобное случилось в нашем мире, мы бы его мигом подлатали. Энди, я к тому, что с тобой произошло столько всякого ужасного, а ты жив!

— Я жив потому, что не пришло еще мое время умирать. Ситуация как с Керенским и его удивительной способностью к регенерации. Сюжет нас и губит, и лечит.

— А разве важно, почему так происходит? Энди, послушай: если ты при смерти и вдруг выжил, исцелился благодаря совершенной фантастике — неужто переживаешь из-за фантастичности

излечения? Да тебе наплевать! Ведь ты живой. Сюжет нас гробит, когда ему нужно. Но и в этом есть свои плюсы.

— Ты минуту назад страдал, что ты никто, полный ноль, и все из-за Сюжета, — заметил Даль. — Я подумал, что ты к нему не пылаешь большой любовью.

— Я и не говорил, что пылаю. Но думаю, ты забываешь о важнейшем. Сюжету до меня нет дела. А значит, из нас двоих только я не приговорен к ужасной гибели на потеху публике.

— Хорошо подмечено.

— Наше с тобой шоу дерьмовое. Но иногда и в дерьме есть польза.

— Пока оно нас не прикончит.

— Не прикончит тебя, — напомнил Хестер. — Я-то могу выжить.

Он показал на распростертого Мэттью и добавил:

— Если б он жил в нашем мире, мог бы выжить.

Даль не ответил. Хестер оторвал взгляд от больного, посмотрел на друга. Тот задумчиво глядел на Хестера.

— Что такое?

— Думаю.

— О чем?
— Как извлечь пользу из Сюжета.
Хестер поморщился:
— И конечно же, не без моего участия?
— Да, Джаспер. Именно так!

Глава 20

Чарльз Полсон зашел в комнату, где сидели пятеро с «Интрепида».

— Простите, что заставил ждать, — извинился продюсер и указал на вошедшего следом. — Вы хотели видеть ведущего сценариста — вот и он. Знакомьтесь, Ник Вайнштайн. Я объяснил ему, что происходит.

— Привет, — поздоровался Ник, оглядывая астронавтов. — Ух ты! Чарльз и в самом деле не шутил!

У всех пятерых отвисли челюсти.

Первым молчание нарушил Хестер.

— Ничего себе сюрприз! — пробормотал он.

— Что за сюрприз? — осведомился сценарист.

— Мистер Вайнштайн, вы когда-нибудь снимались в эпизодической роли в своем шоу? — спросил Даль.

— Однажды, несколько сезонов тому назад. Потребовался живой манекен для сцены похорон, меня сунули в костюм и приказали опечалиться. А в чем дело?

— Мы знаем человека, которого вы играли. Его имя — Дженкинс, — пояснил энсин.

— В самом деле? — сценарист улыбнулся. — И какой он?

— Он — полоумный депрессивный затворник, до сих пор горюющий о смерти жены, — сообщила Дюваль.

Вайнштайн перестал улыбаться.

— Простите.

— Вы, однако, выглядите более опрятно, — заметил Хэнсон в качестве утешения.

— Думаю, обо мне такое говорят впервые, — отозвался Вайнштайн, указывая на свою бороду.

— Вы говорили, вам необходимо побеседовать со мной и Ником, — напомнил Полсон.

— Да, необходимо, — подтвердил Даль. — Пожалуйста, садитесь.

— Кто такой Дженкинс? — спросил шепотом Керенский, воспользовавшись паузой.

— Я слушаю, — оповестил Полсон, а взгляд его то и дело, будто помимо воли, упирался в Хестера.

— Мистер Полсон, мистер Вайнштайн, у нас была весомая причина отправиться в путешествие во времени и прибыть сюда. Мы хотим убедить вас закрыть шоу.

— Что? — поразился Вайнштайн. — Почему это?

— Потому что, если оно не закроется, мы умрем. Мистер Вайнштайн, всякий раз, когда вы убиваете второстепенного персонажа в сценарии и он умирает в сцене, игравший его актер просто уходит со съемок пообедать. Но в нашем мире умирает человек. По-настоящему. А убивают кого-нибудь в каждой серии.

— Не в каждой, — возразил Вайнштайн.

— Джимми? — попросил Даль.

— По сей день выпущено шесть сезонов «Хроник „Интрепида“», всего сто двадцать восемь серий, — поведал Хэнсон. — В девяноста шести из них гибли члены экипажа «Интрепида», один или более. В ста двенадцати сериях прямо или косвенно изображалась смерть. Вы убили по меньшей мере четыреста членов команды. Плюс к тому вы изображали гибель звездолетов, атаки на обитаемые планеты и эпидемии на них. Счет выписанных вами смертей идет на миллионы.

— И это не считая врагов, — добавил Даль.

— Их смерти лишь незначительно увеличат приведенную выше оценку, — возразил Хэнсон.

— Он основательно изучил ваше шоу, — заметил Даль, адресуясь к Вайнштайну.

— Я не виноват в этих смертях! — воскликнул сценарист.

— Вы написали их, — отрезала Майя.

— Не все! Над сериалом работают и другие сценаристы.

— Но вы же ведущий сценарист, — вставил Хестер. — Все сценарии поступают к вам на одобрение.

— Мы не хотим обвинять вас в убийствах, — вмешался Даль. — Вы же не могли знать. С вашей точки зрения, вы всего лишь сочиняли сценарий. Но для нас изображаемое вами — реально.

— Да как это вообще возможно? Как могут наши выдумки влиять на вашу реальность? Это же нелепость!

— Нелепость? — Хестер фыркнул. — Добро пожаловать в нашу жизнь!

— Вы что имеете в виду? — спросил изумленно Вайнштайн.

— Думаете, наша жизнь имеет хоть какой-то смысл? Вы сунули нас во Вселенную, где по космическим станциям бродят роботы-убийцы с гарпунами! О, сколько смысла в роботах-убийцах с гарпунами!

— Или ледяной акуле, — добавила Дюваль.

— Или борговианских земляных червях, — вставил свое Хэнсон.

Вайнштайн предостерегающе поднял палец:

— За борговианских червей я не в ответе. Я тогда провалялся две недели с птичьим гриппом. Сценарист, писавший про Борговию, обожает «Дюну». К тому времени, когда я вернулся, было уже поздно. Наследники Херберта нас чуть живьем не съели.

— Нам пришлось лезть в черную дыру, чтобы попасть сюда! — поведал Хестер и ткнул пальцем в Керенского. — Нам пришлось похитить этого пришибленного ублюдка, чтобы обезопасить себя, потому что он — главный герой и не может умереть вне экранного времени! Только подумайте: ради него изменяются законы физики!

— Но это не спасает меня от постоянных увечий, побоев и ран, — вмешался Керенский. — Я все удивлялся, почему со мной случается столько плохого. Теперь понимаю: по крайней мере один главный герой должен страдать. И это, скажу вам, скверно!

— Вы даже лечите его на удивление быстро, чтоб поскорее снова отметелить, — заметила Майя. — Знаете, как-то это жестоко.

— А ведь есть еще Ящик, — сообщил Хэнсон, указывая на Даля.

— Ящик? — удивился сценарист, послушно взглянув на энсина.

— Когда вы вписываете что-нибудь антинаучное, разрешается проблема так: мы суем ее в Ящик и тот выплевывает решение в наиболее драматичный момент, — пояснил тот.

— Но я никакого Ящика не описывал!

— Но вы пишете антинаучную чушь, причем постоянно. Оттого и Ящик.

— Кстати, вас учили в школе азам естественных наук? — осведомился Хестер.

— Я окончил Оксидентал-колледж! Там очень хорошие курсы по естественным наукам.

— Возможно, они там и есть. Но кажется, вы их не посещали, — заметила Дюваль. — Скажу вам по секрету, наша Вселенная — жутко несуразное место.

— В других фантастических сериалах есть научные консультанты и советники, — сказал Хэнсон.

— Но это же фантастика! Хоть и научная, все-таки фантастика!

— Это плохая научная фантастика, — припечатал Хестер. — А нам приходится в ней жить!

— Ребята, давайте не будем уклоняться от основной темы, — попросил Даль.

— А что за основная тема? — осведомился Полсон. — Вы сказали, у вас идея, которую вы хотите

обсудить, а пока всего лишь донимаете моего главного сценариста.

— Я даже испытываю легкое чувство вины, — признался Вайнштайн.

— Не стоит, — сказал Даль. — Повторю: вы не могли знать. Но теперь вы знаете, откуда мы и почему явились остановить ваш сериал.

Полсон открыл рот — должно быть, чтобы возразить и привести целый ряд причин, по которым сериал остановить невозможно и немыслимо. Но Даль поднял руку, предупреждая возражения.

— Но сейчас, когда мы увидели и немного поняли здешнюю жизнь, я уяснил: вот так взять и остановить шоу невозможно. Отправляясь сюда, мы многого не знали. А теперь я понимаю: закрывать сериал нет нужды, потому что его можно обратить нам на пользу. И вам тоже.

— И как же? — спросил Полсон.

— Чарльз, ваш сын в коме.

— Да.

— И он не выйдет из нее.

— Нет, — подтвердил Полсон спустя минуту и отвернулся.

На глазах его заблестели слезы.

— А ты и не говорил, — удивился Вайнштайн. — Я думал, еще осталась надежда!

— Нет. Доктор Ло мне вчера сказал, что снимки мозга показывают постоянное ухудшение. Все хуже и хуже. Сейчас жизнь в его теле поддерживают только аппараты. Мы ждем, пока соберется вся семья, чтобы попрощаться. А тогда попросим, чтобы аппараты отключили. — Он посмотрел на сидящего молча Хестера, затем на Даля. — И чего же вы хотите? Как это касается моего сына?

— Чарльз, я думаю, мы можем спасти его, — ответил Даль.

— Скажите же как!

— Мы возьмем его с собой — на «Интрепид». Там его вылечат. Наша медицина может гораздо больше вашей. А если и не сможет, то у нас есть Сюжет. — Энсин указал на сценариста. — Мистер Вайнштайн напишет сценарий для серии, в которой Хестер будет ранен, но спасен, доставлен в лазарет и подвергнут срочному лечению. Терапия успешна, Хестер выздоравливает. Ваш сын выздоравливает.

— То есть вставить его в сериал — в этом ваш план?

— В этом. Почти.

— Почти? — нахмурился Полсон.

— Есть определенные проблемы с логистикой. А еще, если можно так выразиться, с телеологией.

— Что за проблемы?

Даль посмотрел на Вайнштайна, тоже нахмурившегося.

— Кажется мне, и вы сейчас о них подумали.

— Ну да, — ответил тот и указал на Хестера. — Прежде всего их окажется двое в той вселенной.

— Так придумай, как это обыграть, — подсказал продюсер.

— Я-то придумаю. Но ведь выйдет неестественно и вообще несуразно.

— А раньше вам это мешало? — осведомился Хестер.

— Но если в той вселенной их двое, значит здесь — ни одного, — заметил сценарист, проигнорировав колкость. — Если оба исчезнут, некому будет сниматься.

— Найдем нового актера, похожего на Мэттью, — предложил Полсон.

— Но тогда возникнет проблема, на какого из, э-э…

Сценарист посмотрел на Хестера, и тот подсказал: «Хестеров!»

— Да, на какого из Хестеров подействует наше средство. Кроме того, признаюсь сразу: я представления не имею, как действует это чудное колдовство со сценариями. Но во всяком слу-

чае, я бы не использовал подменного Хестера, поскольку непонятно, как подмена скажется на исцелении твоего сына. Он, может, станет на себя не похож.

— Именно, — подтвердил Даль. — Поэтому мы предлагаем другое решение.

— Я остаюсь здесь, — сказал Хестер.

— То есть вы остаетесь, притворяясь моим сыном, — резюмировал Полсон. — Изображаете чудесное исцеление. Затем мы делаем серию, в которой вы играете роль вместо моего сына и вас исцеляют по сценарию.

— Почти, — согласился Хестер.

— Все «почти» да «почти»! — фыркнул Полсон. — Что теперь?

Даль снова посмотрел на сценариста и попросил объяснить коллеге.

— О боже мой! — Вайнштайна передернуло. — Это вы про атомы?

— Атомы? — удивился продюсер. — Какие, к черту, атомы?

Вайнштайн схватился за голову.

— Так глупо, — пробормотал он себе под нос. — Чарльз, когда мы написали серию про путешествие Абернати и прочих назад во времени, мы и придумали про атомы. Что их атомы будут оста-

ваться здесь всего шесть дней, а потом вернутся к своей временной линии. В будущее.

— Ник, я понятия не имею, о чем ты! Скажи на нормальном человеческом языке!

— Это значит: если мы останемся в этом времени больше чем на шесть дней — умрем, — пояснил Даль. — А мы тут уже третий день.

— Соответственно, если Мэттью перенесется в их время, у него тоже будет шесть дней, а потом он умрет, — добавил Вайнштайн.

— Что за идиотская выдумка?! — взорвался продюсер. — Какого хрена ты это вставил?

— Да разве я мог представить, что когда-нибудь придется вот так говорить про эти несчастные атомы? — ответил он жалобно. — Господи, Чарли, мы же просто пытались вытянуть ту серию. Надо было вогнать их в раж. Показать опасность. Тогда все казалось к месту.

— Ну так перепиши! Новое правило: люди путешествуют во времени как хотят и сколько вздумается.

Вайнштайн посмотрел на Даля умоляюще.

— Уже слишком поздно, — сказал тот, правильно истолковав взгляд сценариста. — Это условие уже действовало, когда мы вернулись во времени. Вдобавок мы сейчас не на экране. Мы живем

вне Сюжета, а значит, даже если написать новое, оно не сработает, поскольку мы не на съемках. Закон шести дней не обойти.

— Они правы, — заключил Полсон, указывая на делегацию с «Интрепида». — Дерьмовый ты придумал мир.

Вайнштайн потупился.

— Он не знал, — вступился Даль. — Нельзя его винить. Он нам нужен, так что, пожалуйста, не увольняйте его!

— Увольнять я его не собираюсь, — заметил Полсон, все еще не сводя глаз со сценариста. — Я хочу знать, как исправить все это дерьмо!

Тот открыл рот, закрыл, открыл снова и обратился в растерянности к Далю:

— Я был бы признателен, ну, за помощь…

— Хорошо. Но план покажется вам, так сказать, немного безумным.

— А все, что тут было сказано раньше, думаете, не казалось? — спросил обреченно Вайнштайн.

— Хестер остается здесь, мы забираем вашего сына. Возвращаемся в наше время и Вселенную. Но он, — Даль указал на сценариста, — пишет, что улетел с нами Хестер. Нам не придется провозить двоих Хестеров или протаскивать его тайно. Он должен быть центром событий. И мы будем

звать его по имени. По полному имени. Его зовут Джаспер Аллен Хестер.

— Джаспер? — заинтересовалась Дюваль.

— Не сейчас, — предупредил тот.

— Значит, мы назовем его Джаспер Аллен Хестер, — повторил Полсон. — И что с того? Он все равно мой сын, а не ваш друг.

— Нет. Если напишете, что он не ваш сын, значит он не ваш сын. Если по Сюжету он Хестер — значит он Хестер.

— Но… — начал было Полсон и осекся. — Ник, это же бессмысленно! Чертов бред!

— Бессмысленно, — согласился Вайнштайн. — Но в том-то и дело. Событие не обязано быть осмысленным. Оно просто должно произойти. — И добавил, обращаясь к Далю: — Вы злоупотребляете убогостью моего мира!

— Я бы, пожалуй, такие слова не использовал, но в общем вы правы, — подтвердил энсин.

— А как с атомами? — спросил Полсон. — Кажется, с ними были трудности?

— Если бы Хестер просто остался здесь, а ваш сын улетел, да, были бы, — объяснил Вайнштайн. — Но если мы напишем, что ваш сын здесь, а Хестер там, все атомы окажутся на своих местах, и никаких трудностей. Понимаешь?

— В этом и есть суть идеи, — подтвердил Даль.

— Она мне нравится! — воскликнул сценарист.

— И вы уверены, что она сработает? — спросил Полсон.

— Не уверены, — ответил Хестер.

Все посмотрели на него.

— Чему вы так удивились? Конечно, мы не уверены. Можно ведь и ошибиться. И в этом случае, мистер Полсон, ваш сын умрет.

— Но и вы умрете, — заметил продюсер. — А вы вполне здоровы.

— Мистер Полсон, дело в том, что, даже если бы ваш сын не попал в аварию и не оказался в коме, рано или поздно ему наскучило бы заниматься актерством, и вы немедленно умертвили бы меня. — Хестер указал на Вайнштайна. — Ну и он бы прикончил меня. Наверное, выдумал бы космического барсука или что-нибудь поглупее. Сейчас ваш сын в коме, то есть, возможно, я проживу еще немного, а потом вдруг окажусь на шестой палубе во время космического сражения и стану одним из безымянных бедолаг, кого выкинуло в пространство. Так или иначе, я погибну бессмысленно.

Он обвел взглядом всех сидящих за столом.

— А если я останусь и мне выпадет умереть, то,

по крайней мере, я умру не зря — но ради спасения вашего сына. Значит, моя жизнь сгодится хоть на что-то. До сих пор за нею не водилось такого. А если все получится, мы оба с вашим сыном останемся в живых — никак иначе этого не добиться. В любом случае остаться сейчас здесь — это лучшее, что я могу сделать в своей жизни.

Полсон встал, подошел к Хестеру и рухнул на него, рыдая. Хестер, не зная, что делать, осторожно погладил продюсера по спине.

— Как мне благодарить тебя?! — выдохнул Полсон, когда наконец выпустил Хестера.

Затем посмотрел на остальных и выдавил:

— Как же мне вас отблагодарить?!

— Если уж говорить по существу, — сказал Даль, — я могу предложить кое-что.

Глава 21

Такси свернуло с бульвара Норт-Оксидентал на Истерли и остановилось у желтого бунгало.

— Прибыли, — объявил водитель.

— Можете подождать? — спросил Даль. — Я всего на пару минут.

— Только со счетчиком.

— Хорошо, — согласился Даль, выбрался из машины, прошел по мощенной брусчаткой дорожке к двери дома и постучал.

Почти сразу открыла женщина.

— Мне не нужны новые выпуски «Сторожевой башни».

— Простите?

— Или «Книга Мормона». Спасибо, конечно. Я благодарна вам за заботу. Но не стоит.

— Я и в самом деле хочу кое-что передать вам, но не то, что вы упомянули. Прежде всего ответьте, пожалуйста: вы Саманта Мартинес?

— Да.

— Я Энди Даль. Можно сказать, у нас с вами есть общий друг.

Даль протянул ей коробочку.

Мартинес не взяла.

— Что там?

— Откройте и увидите.

— Простите, мистер Даль, но я отношусь с легким подозрением к мужчинам, являющимся ко мне домой субботним утром, спрашивающим мое имя и вручающим загадочные коробки.

— Логично, — согласился Даль, улыбнувшись.

Он открыл коробку и вытащил черную полусферу — голографический проектор. Активировал — и над полусферой соткалось изображение женщины, похожей на Саманту Мартинес. Она была в свадебном платье и стояла рядом с человеком, напоминавшим чисто выбритую копию Дженкинса. Даль зафиксировал изображение, позволяя Саманте рассмотреть его.

Она смотрела с минуту, затем пробормотала:

— Не понимаю.

— Да, это трудно понять.

— Вы пририсовали в «Фотошопе» мое лицо к картинке? Как у вас получается? — Она указала на замершее в воздухе изображение. — Это новый гаджет от «Эппл»?

— Если вы про изображение, то нет. Я не изменял его. Что же касается проектора, то он в некотором роде опытный образец.

Даль коснулся поверхности полусферы, и кар-

тинка сменилась — на ней Дженкинс и Мартинес счастливо смотрели друг на друга. Спустя пару секунд картинка изменилась снова.

— Не понимаю, — повторила Мартинес.

— Вы — актриса.

— В прошлом. Я снималась пару лет, ничего не добилась и теперь просто учу детей.

— У вас была небольшая роль в «Хрониках „Интрепида“». Вы ее помните?

— Да. Длиною в минуту экранного времени. Мою героиню застрелили.

— Это она. Ее звали Маргарет. Человек рядом с нею — ее муж.

Даль протянул проектор Саманте. Она приняла его, осмотрела снова и поставила на столик невдалеке от двери. Затем повернулась к Далю:

— Вы решили подшутить надо мной?

— Нет. Я не пытаюсь обмануть вас или заставить что-нибудь купить. Я уйду, и больше вы меня не увидите. Я всего лишь передал проектор.

— Не понимаю, — снова повторила Мартинес. — Почему у вас мои фотографии, причем на них я с кем-то, кого даже не знаю?

— Это не мои снимки, а его, — сказал Даль и протянул коробку от проектора. — Возьмите. Там письмо. Думаю, оно объяснит лучше, чем я.

Саманта вынула из коробки сложенный лист, исписанный густо и плотно.

— Это от него?

— Да.

— А почему он не здесь? Почему не вручил сам?

— Это слишком долго и трудно объяснять. Он не смог прилететь. Но если бы и смог, думаю, побоялся бы. Ему было бы нестерпимо больно видеть вас.

— Из-за нее?

— Да.

— Он хочет встретиться со мной? Это его способ представиться?

— Да, полагаю, это его способ представиться. Но боюсь, встретиться с вами он не сможет никогда.

— Почему?

— Ему нужно быть в другом месте. Очень далеко. Легче всего сказать именно так. Возможно, его письмо все прояснит.

— Прошу прощения за то, что без конца повторяюсь, но я все равно не понимаю. Вы появляетесь на пороге с фотографиями женщины, похожей на меня как две капли воды, говорите, что я играла ее в одноминутной роли в телесериале, а она мертва и ее муж шлет мне подарки. Вы понимае-

те, какую несете чушь?

— Я понимаю.

— Зачем мужу это делать? Какой смысл?

— Вас интересует мое мнение?

— Да.

— Он очень тоскует по жене. Горе вывернуло его жизнь наизнанку. Мне трудно объяснить, но для него то, что вы живы, означает: Маргарет не умерла насовсем. Для него она живет в вас. Потому он посылает Маргарет вам. Хочет отдать вам часть ее жизни, бывшую с ним.

— Но зачем?

— Чтобы она отпустила его. Чтобы наконец ушла. Он отдает ее вам, чтобы вернуть свою жизнь.

— Он сам это сказал?

— Нет. Но думаю, он поступил так именно потому.

Мартинес быстро шагнула в дом. Появилась через минуту с промокшей бумажной салфеткой в руках. На щеке блестела слеза.

Саманта посмотрела на Даля и улыбнулась виновато:

— Столь странного субботнего утра у меня не было уже давно.

— Простите.

— Не стоит извиняться, все нормально. Я все еще не понимаю. Но кажется, я могу помочь вашему другу.

— Да. Вы уже помогаете. И за это спасибо вам огромное.

— Извините, — спохватилась Мартинес и посторонилась. — Не заглянете на минутку?

— Я очень хотел бы, но не могу. Такси стоит с включенным счетчиком, и к тому же меня ждут.

— Возвращаетесь в свое таинственное, труднообъяснимое место?

— Да. Кстати, вспомнилось: проектор и письмо, наверное, исчезнут через пару дней.

— Испарятся? Как то письмо, которое самоуничтожается через пять секунд?

— Практически.

— Вы что, шпион? — спросила Мартинес, улыбаясь.

— Трудно объяснить, — повторил Даль еще раз. — Так или иначе, я бы посоветовал вам все скопировать. Наверное, можно спроектировать изображение на белую стену и снять на фотокамеру, а письмо отсканировать.

— Так и сделаю. Спасибо, что предупредили.

— Пожалуйста, — ответил Даль и повернулся, чтобы уйти.

— Подождите-ка! Вы же увидите своего друга, когда вернетесь?

— Да.

Мартинес ступила за дверь и легонько чмокнула Даля в щеку.

— Передайте ему это. И еще передайте мое «спасибо». И скажите, что я позабочусь о его Маргарет.

— Обязательно. Обещаю.

— Спасибо! — сказала она и поцеловала его в другую щеку. — А это — для вас.

— Спасибо! — улыбнулся Даль.

Мартинес усмехнулась и вернулась в бунгало.

— Так ты готов? — спросил Даль у Хестера в шаттле.

— Конечно же нет! Если все пойдет по плану, тогда в момент, когда вы, парни, перенесетесь в нашу Вселенную, я перенесусь из этого отличного тела в искалеченное, с умирающим мозгом. И мне останется лишь надеяться, что мы не преувеличили возможности медицины двадцать пятого века. А если все пойдет не по плану, через сорок восемь часов мои атомы воскликнут «ой!» — и удерут отсюда. Как думаете, можно подготовиться к будущему с такой перспективой?

— Резонно, — согласился Даль.

— И самое странное здесь то, что ты сумел убедить меня. Я до сих пор не понимаю как.

— Наверное, у меня дар убеждения.

— Ну да, конечно. Ты ж помнишь, что именно я — тот парень, которого Финн уговорил взять на сохранение его наркотики. Убедил, что это конфеты.

— Если я не ошибаюсь, они и в самом деле были засахарены.

— Я хочу сказать, что я попросту наивный и слабовольный.

— Позволь не согласиться с такой оценкой.

— Ну конечно, тебе легко говорить уже после того, как уболтал меня принять твой дурацкий план!

Оба стояли над телом Мэттью Полсона, чью каталку окружали поддерживающие жизнь агрегаты. Дюваль проверяла их, а заодно и прикрепленное к ним коматозное тело.

— Как он? — спросил Даль.

— Состояние стабильное, — ответила Майя. — Основную работу пока делают аппараты, в шаттле есть адаптеры, пригодные для подключения здешней техники, так что не придется тревожиться о заряде батарей. Если с ним не случится что-нибудь критическое при перелете,

все будет нормально.

— А если случится?

— Тогда я сделаю все, что смогу, — ответила Майя, пристально глянув на энсина.

Она похлопала его по плечу.

— Не тревожься, я не подведу тебя.

— Парни, пора! — предупредил Керенский, сидящий в пилотском кресле. — Наш перелет из Гриффит-парка не остался незамеченным. По меньшей мере три вертушки направляются сюда! Еще пара минут — и начнется гадкая заварушка!

— Вас понял, — отозвался Даль и спросил Хестера: — Значит, ты готов?

— Да, — ответил Хестер.

Оба вышли наружу, на газон особняка Чарльза Полсона в Малибу. Продюсер с семьей ожидал там Хестера. Беседовавший с ними Хэнсон поспешил к Далю. Хестер же подошел к семье.

— А как мы узнаем? — спросил Полсон.

— Мы пойдем к нашей черной дыре на полной тяге. Доберемся за день, — ответил Даль. — Думаю, вы поймете, когда ваш сын снова станет на себя похож.

— Если все сработает, — поправил Полсон.

— Если, — отозвался Даль. — Но давайте считать, что сработает.

— Давайте! — поддержал Хестер.

— А теперь скажите: наше соглашение в силе? — спросил Даль.

— Да, — ответил продюсер. — Никто из вас не погибнет в будущем. В телесериале прекратят убивать статистов. В следующем сезоне шоу закончится, и мы не станем делать новых сериалов в ближайшие сто лет.

— А как дела с серией, где совершится все, что мы запланировали?

— Ник прислал мне сообщение несколько минут назад. Он написал, что черновик практически готов. Когда Ник закончит, мы вместе доведем сценарий до окончательного варианта. Как только станет ясно, что план сработал, запустим серию в производство.

— Он сработает!

— С расписанием нашим будет полная сумятица, — констатировал продюсер. — В конце концов, мне придется платить за серию из своего кармана.

— Оно того стоит.

— Я знаю. Если план сработает, тебе наш сериал воздаст сторицей!

— Разумеется, — согласился Даль.

Хестер закатил глаза, изображая отчаяние.

— Я слышу шум винтов, — предупредил Хэнсон.

Двигатели шаттла загудели, готовые отправить судно в космос.

Даль посмотрел на Хестера.

— Удачи! — пожелал тот.

— До скорой встречи! — пообещал Даль и кинулся к шаттлу.

Судно исчезло прежде, чем над особняком зависли вертолеты.

— Итак, вперед? — спросил Керенский, когда шаттл приблизился к черной дыре. — Всем приготовиться к переходу! Даль, занять кресло второго пилота!

— Я не умею пилотировать шаттл, — возразил энсин.

— Его не нужно пилотировать! Я хочу, чтобы ты всего лишь включил автоматическую программу возвращения и швартовки к «Интрепиду» на случай, если идиот-сценарист устроит бучу со взрывами и вырубит меня!

Даль встал и посмотрел в сторону Дюваль.

— Как там Хестер?

— Все нормально. Хотя он еще не Хестер.

— Все равно зови его Хестер, — посоветовал Даль. — Может быть, это важно.

— Так точно! — отозвалась Майя.

Даль уселся в кресло второго пилота.

— Ты помнишь, что делать? — осведомился он у Керенского.

— Прицелиться в просвет между аккреционным диском и сферой Шварцшильда и увеличить тягу до ста десяти процентов, — ответил лейтенант обиженно. — Как видишь, я помню. Хотя лучше бы мне было посмотреть, как оно делалось на пути туда. Так ведь меня в ящике держали! И без штанов.

— Извини.

— Хотя не важно. Ты же помнишь: я — твоя счастливая звезда. Эта часть плана пройдет без сучка без задоринки.

— Надеюсь, остальная тоже.

— Ну да, если твой план сработает. А как мы узнаем, что он сработал?

— Когда оживим Хестера и окажется, что это и вправду Хестер.

Запищал сенсор.

— Переход через десять секунд, — оповестил Керенский. — Значит, мы не узнаем, пока не прибудем на борт «Интрепида».

— Вероятно.

— Вероятно?

— Кажется мне, есть способ узнать и сразу после перехода, что перенос сознания не произошел.

— Как же мы это узнаем? — спросил лейтенант.

Судно втиснулось в кривой, с неровными краями просвет между аккреционным диском и сферой Шварцшильда. Перенос совершился мгновенно.

Обзорный экран почти целиком заняла планета Форшан. Над нею висел десяток кораблей, включая «Интрепид».

И они яростно палили друг по другу.

Вся панель управления засветилась красным, раздался многоголосый писк зуммеров.

Ближайший корабль озарился вспышками — и к шаттлу устремился ракетный залп.

— Узнаем мы, если по возвращении увидим что-то вроде этого, — пробормотал Даль.

Керенский взвыл. К горлу Даля подкатил комок тошноты — штурман бросил судно в маневр уклонения.

Глава 22

— Пять ракет! — прочитал Даль показания с приборной панели второго пилота, борясь с тошнотой.

— Знаю! — отозвался Керенский.

— Двигатели на минимуме! Мы сожгли почти все во время перехода.

— Я знаю! — процедил Керенский.

— Защита?

— Черт возьми, это шаттл! Ею я и занимаюсь сейчас.

Он резко развернул судно. Ракеты отклонились от курса и, преследуя суденышко, разошлись в стороны.

На экране перед Далем выскочило сообщение:

«Три ракеты — фиксация на цели! Попадание через шесть секунд!»

Керенские уставился на потолок и завопил:

— Черт возьми, я же главный герой! Сделайте что-нибудь!

«Интрепид» полыхнул светом. Его импульс испарил ближайшую ракету. Керенский резко развернул шаттл, стараясь увернуться от облака раскаленного газа.

— Господи боже, сработало! — завопил лейтенант.

— А ты сомневался? — осведомился Даль, впрочем и сам удивленный и обрадованный.

Очнулся судовой телефон.

— Керенский, вы на связи? — спросил Абернати.

— Керенский слушает!

— У нас мало времени. Носитель с вами?

«Носитель?» — подумал изумленный Даль и вдруг вспомнил: Хестер нес в своем теле чужеродные клетки, в чьей ДНК было зашифровано завещание вождя правой форшанской секты.

Обнародованное, это завещание прекратило бы религиозные войны на Форшане — что не совсем устраивало многих нынешних вождей и той и другой воюющих сторон. Поэтому целая эскадра явилась уничтожить шаттл.

Затем Даль осознал, что секундой раньше ничего этого не было и быть не могло.

А теперь стало.

— Носитель с нами! — отрапортовал лейтенант. — Это астронавт Хестер! Но он в очень плохом состоянии. Мы едва поддерживаем его жизнь.

На панели перед Далем снова вспыхнуло со-

общение.

— Три новых ракеты! — закричал энсин, и Керенский опять заложил крутой вираж.

— Керенский, говорит начальник медслужбы Хартнелл! — раздалось из телефона. — Иммунная система астронавта Хестера борется с чужеродными клетками и проигрывает. Если вы немедленно не доставите Хестера на «Интрепид», астронавт погибнет — а вместе с ним и клетки, несущие послание.

— Нас атакуют! — откликнулся Керенский. — В таких условиях трудно что-то доставить!

С «Интрепида» сверкнуло, испарив три новые ракеты.

— Говорит Абернати, прием. Заботьтесь лишь о том, как доставить носителя на корабль. О ракетах позаботимся мы. Конец связи!

— Носитель? — подала голос Дюваль. — У него в теле чужие клетки с шифрованными ДНК? Да это же несусветнейшая чушь!

— Нику Вайнштайну пришлось писать сценарий очень быстро, — объяснил Даль. — Не стоит упрекать его.

— А еще он написал вот это! — выдал Керенский свирепо, тыча пальцем в экран.

Там бушевала космическая битва.

— Если нам снова доведется встретиться, уж я ему задницу надеру!

— Сосредоточься, — посоветовал Даль. — Нам нужно живыми добраться до «Интрепида».

— Думаешь, сын Полсона уже в прежнем теле Хестера? — осведомился лейтенант.

— Что? — переспросил застигнутый врасплох Даль.

— Думаешь, обмен уже случился?

Энсин глянул на распростертое тело.

— Наверное.

— Пока сойдет и «наверное», — решил Керенский и, прекратив маневры уклонения, пошел напрямую к «Интрепиду» на полной скорости.

Вокруг стало тесно от форшанских ракет, снарядов и энергетических импульсов. «Интрепид» засверкал, будто рождественская елка, паля из всех орудий, чтобы сбить ракеты и вывести из строя излучатели с пушками на форшанских кораблях.

— Не лучшая идея, — заметил Даль.

Керенский же рулил прямо на «Интрепид», угрюмо пялясь в экран.

— Либо умрем — либо выживем, — процедил лейтенант сквозь зубы. — Чего зря суетиться?

— Ты мне больше нравился, когда не был фата-

листом, — поделился наблюдением Даль.

Справа по борту взорвалась ракета, сбив шаттл с курса. Гасители инерции сработать не успели, Дюваль с Хэнсоном и Хестера швырнуло в корму.

— Не надо таранить ракеты! — заорала Майя.

— Это к сценаристу, не ко мне! — огрызнулся Керенский.

— Дерьмовое оправдание! — прорычала Дюваль.

Шаттл снова тряхнуло от близкого разрыва.

Судно пронеслось сквозь строй форшанских кораблей, паливших из всего стреляющего, — и прорвалось к «Интрепиду».

— Причал шаттлов на корме, — напомнил Даль. — Мы же не туда летим!

— Вот и посмотрим, насколько по сценарию я хороший пилот, — пробормотал Керенский, загоняя шаттл в обратную спираль Фибоначчи вокруг флагмана.

Даль застонал. Корабельный корпус, вращаясь, закрыл весь экран. Суденышко трясло от пролетающих вблизи снарядов и ракет. Энсин не сомневался: еще секунда — и шаттл разлетится вдребезги, врезавшись в обшивку «Интрепида».

Но вдруг шаттл с лязгом пришвартовался в причальном порту. Что-то заскрежетало, бороздя

металл, затем отвалилось.

Керенский ухнул и удовлетворенно отключил двигатели.

— Вот это я называю отличным телешоу!

— Я больше с тобой в жизни не полечу! — сказала Дюваль из глубины шаттла.

— Нельзя терять ни минуты! — объявил вдруг Керенский с неожиданным пафосом, и Даль понял: его обуял Сюжет. — Необходимо как можно скорее доставить Хестера в госпиталь! Даль, мы с тобой возьмемся за каталку слева. Дюваль, Хэнсон — справа. Бегом!

Даль отстегнулся и на нетвердых ногах кинулся к каталке, чуть не млея от радости. Под действием Сюжета лейтенант назвал его фамилию!

Мчась по коридорам, путешественники слышали грохот и взрывы — флагман яростно отбивался. Трясло.

— Мы на борту, и мятежники атакуют корабль, — озвучил очевидное Керенский. — Надо спешить!

«Интрепид» тряхнуло снова, уже сильнее.

— Долго же вы! — сказал старший медик Хартнелл, когда каталку втолкнули в лазарет. — Еще немного, и госпиталя бы не стало. Равно как и прочих частей корабля.

— А мы удрать не можем? — услышал Даль свой голос.

— От попаданий вышли из строя двигатели. Уйти невозможно! Если не извлечем завещание в самое ближайшее время, мы все — трупы. Взяли!

Хестера подняли и плюхнули на операционный стол. Хартнелл потыкал в свой планшет, и тело окоченело.

— Теперь он в стазисе, — проинформировал главный медик, — и останется в стабильном состоянии, пока не закончатся необходимые приготовления. Да откуда, черт возьми, эти травмы? Столько переломов, поврежденный мозг?

— Перелет у нас вышел немного тряский, — объяснил Керенский.

Хартнелл посмотрел на лейтенанта так, будто хотел прокомментировать его слова, но корабль вдруг тряхнуло с особенной силой, и все, кроме Хестера, рухнули на палубу.

— Дело дрянь! — заметила Дюваль.

Активировался телефон Хартнелла.

— Говорит Абернати. Доложите статус носителя!

— Астронавт Хестер жив, он в стазисе, — отрапортовал медик. — Я собираюсь взять образец чужеродных клеток для декодирования.

«Интрепид» снова мощно тряхнуло.

— Приступайте как можно скорее! — приказал капитан. — У нас попадание за попаданием, и долго так продолжаться не может! Декодировать нужно прямо сейчас!

— Прямо сейчас не получится, — отрезал медик. — Сколько у нас времени?

Снова встряска, свет в отсеке замерцал.

— Я даю вам десять минут! И постарайтесь справиться быстрее!

И капитан отключился.

— Мы в полной жопе, — оповестил Хартнелл, обведя присутствующих взглядом.

Даль не смог удержаться от ошалелой улыбки, подумав: «Наверняка бедняга не в Сюжете, если говорит такое».

— Энди, Ящик! — напомнил Хэнсон.

— Черт, Ящик! — спохватился Даль.

— Что за Ящик? — спросил главный медик.

— Возьмите образец и передайте мне, — сказал Даль.

— Зачем?

— Я отнесу его в лабораторию ксенобиологии и там декодирую.

— У нас здесь такое же оборудование…

Даль глянул на Керенского умоляюще.

— Хартнелл, просто делай, что говорят! — гаркнул Керенский. — А не то угробишь всех нас!

Хартнелл нахмурился, но вынул шприц для забора образцов, вогнал наконечник в руку Хестера, достал контейнер и вручил энсину.

— Вот. А теперь объясните, пожалуйста, что все это значит!

— Энди, чтобы попасть отсюда в лабораторию ксенобиологии, надо пройти шестую палубу, — предупредил Хэнсон.

— Правильно, — подтвердил Даль и, обращаясь к лейтенанту, добавил: — Пожалуйста, иди со мной!

— Да объяснит мне кто-нибудь, в чем дело? — вскричал Хартнелл, когда энсин с лейтенантом выскочили за дверь.

— Что с шестой палубой? — спросил Керенский на бегу.

— Там обычно взрывается что-нибудь, когда нас атакуют. А нас атакуют.

— Снова используешь меня как противосюжетную броню?

— Не совсем.

На шестой палубе все рушилось и полыхало.

— Коридоры перекрыты! — заорал Керенский, стараясь перекричать шум.

— Давай сюда! — ответил Даль и распахнул дверь в служебный коридор.

Туда со свистом ворвался перегретый воздух шестой палубы. Керенский заскочил внутрь следом за энсином, тот закрыл дверь — и немедленно что-то взорвалось снаружи.

— Туда! — указал Даль.

Оба побежали, петляя между грузовыми тележками, чтобы добраться до двери на другом конце палубы и снова оказаться в главном коридоре.

Лейтенант Коллинз не обрадовалась бывшему подчиненному.

— Вы что здесь делаете? — гневно спросила она.

Даль, не слушая, направился на склад и схватил Ящик.

— Эй, его нельзя использовать при Керенском! — предупредила Коллинз, надвигаясь.

— Если она попытается подойти, стреляй, — приказал Даль.

— Понял, — ответил лейтенант.

Коллинз замерла.

— Возьми ее планшет!

Керенский взял.

— Сколько у нас времени? — спросил энсин, устанавливая Ящик на панель энергопитания.

— Семь минут.

— Хватит, — решил Даль, сунул образец в Ящик и нажал зеленую кнопку.

Затем подошел к лейтенанту, взял планшет, отключил Коллинз и зашел под своим именем.

— И что теперь? — спросил Керенский.

— Ждем.

— Долго?

— Сколько потребует Сюжет.

Керенский присмотрелся к Ящику:

— Так эта штука не дала мне превратиться в слизь, когда я подцепил меровианскую чуму?

— Именно.

— Чепуха какая.

Коллинз глянула на него, раскрыв рот.

— Вы же не должны знать, — выдавила она растерянно.

— Сейчас я знаю намного больше вас, — ответил Керенский.

Ящик звякнул, и по экрану планшета побежали данные. Даль на них и не посмотрел.

— Все отлично! — объявил он. — Назад, к лазарету!

Они выбежали из лаборатории и помчались по коридорам к шестой палубе. Когда ступили на нее, Керенский объявил:

— Почти добрались!

Корабль страшно тряхнуло, и главный коридор шестой палубы обрушился на Даля, почти расплющив его. Зазубренная металлическая балка проткнула печень. Энсин посмотрел на балку, потом на Керенского.

— И нужно было тебе орать, что почти добрались, — прошептал он, слова срывались с его губ пополам с кровью.

— Боже мой! — выдохнул лейтенант, хватаясь за обломки, пытаясь высвободить умирающего товарища.

— Стой, — прошептал Даль.

Лейтенант не обратил внимания.

— Стой! — приказал Даль громче и яростнее.

Керенский прекратил дергать обломки. Даль сунул планшет лейтенанту.

— Времени нет! Возьми результаты, введи их в госпитальный компьютер. Не слушай возражений Хартнелла! Когда компьютер получит данные, Сюжет возьмет свое. Тогда все получится! Но скорее, поспеши!

— Даль, — выговорил Керенский.

— Потому я и взял тебя с собой. Ведь знал: пусть со мной и случится что-нибудь, ты обязательно вернешься. А теперь иди. Анатолий, спаси нас!

Все теперь зависит только от тебя!

Керенский кивнул, схватил планшет и убежал.

Даль лежал с пробитой печенью, и его угасающее сознание пыталось сосредоточиться на том, что Хестер выживет, корабль будет спасен, а друзья проживут жизнь спокойно, как им вздумается, а не марионетками Сюжета. И для этого нужна всего лишь еще одна смерть второстепенного персонажа. Его, Даля, зрелищная, полная трагизма смерть.

«Оно того стоило», — подумал энсин, стараясь убедить себя в том, что все вышло как надо.

Ведь и вправду — стоило. Он спас друзей. Спас Мэттью Полсона. Спас «Интрепид». Оно того стоило.

Но когда все посерело, а серость быстро превратилась в темноту, в том, что еще осталось от Даля, пузырем всплыла последняя мысль:

«Мать вашу, я жить хочу!!!»

Но чернота все равно пришла и закрыла собой мир.

— Кончай изображать умирающего лебедя, — посоветовали над ухом. — Мы же знаем: ты уже проснулся.

Даль открыл глаза.

Над ним стоял Хестер вместе с Хэнсоном и

Дюваль.

Даль улыбнулся:

— Сработало! Это ведь ты! И правда сработало!

— Конечно, — подтвердил Хестер. — А как иначе?

В ответ Даль чуть слышно рассмеялся. Затем он попытался встать, но не смог.

— Медицинское стазисное кресло, — пояснила Дюваль. — Выращивают тебе печенку, метры сгоревшей кожи и ремонтируют поломанные ребра. Шевелиться тебе бы точно не понравилось.

— И давно я в этой штуке?

— Четыре дня, — ответил Хэнсон. — Тебя помяло крепко.

— Я думал, умру.

— Ты и умер бы, если б кое-кто не спас тебя, — сообщила Дюваль.

— Кто меня спас?

Над энсином возникло лицо.

— Дженкинс!

— Ты лежал прямо у входа в служебный коридор, — сказал тот. — Я подумал, отчего бы тебя не вытянуть.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Я из своего интереса. Если б ты помер, я так и не узнал бы, передал ты

письмо или нет.

— Я передал.

— И как все прошло?

— Хорошо прошло. Я должен поцеловать тебя от нее.

— Как-нибудь в другой раз, — поспешил отвертеться Дженкинс.

— О чем это вы? — спросила Дюваль.

— Потом расскажу, — ответил ей Даль и снова обратился к Дженкинсу: — Так ты выбрался из укрытия?

— Да. Пришло время.

— Замечательно.

— У нас отличные новости, — поведал Хестер. — Мы все стали героями. «Завещание» извлекли из моего тела, «Интрепид» транслировал его на весь Форшан и тем окончил распрю. Как удачно вышло!

— Изумительно! — прошептал Даль.

— И абсолютно бессмысленно, если задуматься, — добавил Хестер.

— Смыслом тут никогда не пахло.

Позднее, когда друзья удалились, к Далю явился еще один посетитель.

— Здравствуйте, старший офицер по науке, — сказал Даль.

— Энсин, как ваше здоровье? — спросил К'рооль.

— Мне сказали, я поправляюсь.

— Лейтенант Керенский сообщил, что именно вы декодировали шифр и дали возможность прочесть и транслировать завещание вождя правой секты.

— По-видимому, я, — согласился Даль. — Хотя, честно говоря, заслуга не только моя.

— Тем не менее за ваши храбрость и самопожертвование я рекомендовал вас к поощрению. Если вышестоящие его одобрят — а они одобрят, — вы также будете повышены в звании. Так позвольте мне первому поздравить вас с повышением, лейтенант Даль.

— Рад стараться, сэр!

— И еще кое-что. Буквально несколько минут назад я получил чрезвычайно секретное послание от главнокомандования Вселенского союза. Мне приказали прочесть это послание вслух вам, и только вам.

— Сэр, так точно! Я готов слушать.

К'рооль вынул телефон, нажал на экран и принялся читать:

— «Энди, не знаю, дойдет ли тебе мое письмо. Ник написал эту сцену, мы ее сняли — хотя, оче-

видно, ее не покажут по ТВ. Не знаю, достаточно ли просто снять. Думаю, ты никак не сможешь сообщить нам, сработало или нет. Но на тот случай, если сработает, скажу так: во-первых, я прошу прощения за все, что тебе довелось пережить в последнее время. Ник подумал, что надо изобразить действие похлеще, а то публика начнет задумываться над происходящим. Конечно, для тебя это не ахти какой довод. Но для нас он важен. Во-вторых, у меня просто нет слов, чтобы выразить благодарность. Ты и Джаспер, все вы столько сделали для меня и моей семьи! Вы вернули мне сына — и этим вернули нам все. Мы выполним данное вам обещание. Все, о чем договаривались, сделаем. Я и не знаю, что еще сказать. Спасибо огромное еще раз за то, что позволили нам жить спокойно и счастливо. И я приложу все усилия, чтобы и вы могли жить спокойно и счастливо. С любовью и уважением, Чарльз Полсон».

— Спасибо, — выговорил Даль после секундной паузы.

— Не за что, — ответил К'рооль, пряча телефон. — Надо сказать, весьма любопытное послание.

— Сэр, полагаю, можно назвать это шифром.

— Вам разрешили рассказать старшему офице-

ру, что в нем?

— Это весть от Бога. Вернее, от того, кто, с нашей точки зрения, очень к Нему близок.

К'рооль посмотрел на Даля оценивающе:

— Иногда у меня возникает подозрение, что некоторые события на «Интрепиде» умышленно от меня скрывают. Кажется, это послание из их категории.

— Сэр, при всем моем уважении, могу лишь заметить: вы и не представляете, насколько правы!

Глава 23

— И что дальше? — спросила Дюваль.

Четверка друзей сидела в кают-компании, неспешно поедая ланч.

— Ты о чем? — спросил Хестер.

— В смысле, что теперь делать? Тебя пересадили в новое тело, Даль вернулся из мертвых, все мы вернулись из альтернативной реальности, куда отправлялись, чтобы нас не убили ради драматургии. Мы выиграли. И что дальше?

— Вряд ли так можно ставить вопрос, — заметил Хэнсон. — Мы не выиграли ровно ничего, кроме права управлять собственной жизнью.

— Так и есть, — подтвердил Хестер. — В конце концов, если теперь кто-нибудь из нас поскользнется в туалете и разобьет голову об унитаз, то напоследок помыслит радостно: «По крайней мере, это я сам учинил с собой!»

— Тебя послушать, так мы дурью маялись, — проворчала Майя.

— Лично я вовсе не против расколоть черепушку об унитаз — но не раньше чем в сто двадцать лет, — заявил Хестер.

— На твой сто двадцатый день рождения я при-

ду с ведром мастики и натру пол, — пообещала Майя.

— Жду не дождусь.

— Энди, ты как? — спросил Хэнсон.

— Да ничего, — ответил тот, улыбаясь. — Извини, отвлекся. Задумался о том, каково быть выдуманным кем-то, и про всякое такое.

— Все кончилось. Ради этого и старались, — напомнил Хестер.

— Да, ты прав, — согласился Даль.

Дюваль глянула на телефон:

— Черт! Опаздываю. Я как раз обтесываю новичка.

— О, ответственность новой должности! — съязвил Хестер.

— Тяжело дается, честное слово! — ответила Дюваль и встала.

— Я пройдусь с тобой? — предложил Хестер. — Расскажешь мне о своих горестях.

— Отлично! — согласилась Майя и ушла вместе с ним.

Хэнсон же посмотрел на Даля.

— Все еще размышляешь над собственной выдуманностью? — спросил он через минуту.

— Вроде того. Но в общем-то, я думаю о тебе.

— Обо мне?

— Именно. Когда я выздоравливал после недавних наших приключений, то понял кое-что. Ты не вписываешься.

— Как интересно! И почему же?

— Подумай обо всех нас — пятерых, встретившихся в тот день, когда мы стали частью команды «Интрепида». Каждый из нас оказался важнейшим и незаменимым в чем-нибудь. Хестер, казалось бы вовсе не нужный, стал залогом нашего успеха, главным его фактором. Дюваль оказалась медиком, сблизилась с Керенским — что помогло нам в критический момент, — а затем сделала его нашим соучастником. Финн обеспечивал нас инструментами и сведениями, а его смерть подстегнула нас к действию. Дженкинс просветил нас насчет положения дел и обозначил способ все исправить.

— А ты? Сам ты как вписался?

— Над этим я размышлял тяжело и долго. Что же я, в конце концов, привнес? Может, я попросту тот, кто изобрел план? Я предложил идею, все согласились. Выходит, я — движущая сила всего дела. Кажется, подходит — но потом я задумался о Керенском. Как он вписался в сериал?

— Он регулярно получает взбучку, чтобы показать: главные герои тоже уязвимы.

— Правильно.

— Но ты же не Керенский. У нас уже есть Керенский. И это Керенский.

— Я говорю не про передряги Керенского, а про то, что он не умирает.

— Не понимаю.

— Джимми, сколько раз я чудом выжил с тех пор, как попал на «Интрепид»? По моим подсчетам, как минимум трижды. В первый раз у поселения в системе Эскридж, где погибли Кассавэй и Мбеке. Второй раз в комнате для допросов на «Нанте» с Финном и капитаном Абернати. И наконец, на шестой палубе, когда мы с Хестером вернулись на корабль. Трижды я должен был умереть — без всяких околичностей. Трижды — несомненная, верная смерть. Но я не умер. Меня страшно калечило, но я выживал. Подумав над этим, я понял: попросту я — главный герой этой истории.

— Но ты же обыкновенный статист! Как все мы. Дженкинс это говорил. Полсон это говорил. Даже актер, который тебя играет, это говорил.

— Я второстепенный в нашем сериале. Но главный в другом.

— В каком же?

— Джимми, как раз это я и хочу услышать от

тебя.

— Что? Ты о чем?

— Как я уже говорил, ты не вписываешься. Все остальные оказались незаменимыми для нашей истории. Ты — нет. Ты просто был рядом с нами, не более. У тебя интересная биография — но она никак не сыграла во всем, нами пережитом. Ты делал кое-что полезное: изучал данные о сериале, говорил о людях, иногда напоминал сделать то и се. То есть участвовал ровно настолько, чтобы не показаться манекеном. И чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю: ты участвуешь вовсе не так, как остальные.

— Энди, это жизнь. Запутанная, нелогичная. Все мы участвуем не так, как остальные.

— Нет. Мы — участвуем. Все участвуют, кроме тебя. И единственный способ вписать тебя — предположить, что главное, ради чего ты здесь присутствуешь, еще не сделано. Но что тебе еще осталось сделать? Единственное разумное объяснение твоей роли — допустить, что здесь происходит что-то другое. Например, мы считаем себя настоящими людьми, которые вдруг обнаруживают, что они статисты в телешоу. Но я знаю: это не объясняет моего существования. Я уже несколько раз должен был умереть, но не умер.

Так, Керенский либо другие главные герои сериала должны умирать — но не умирают, потому что Вселенная играет с ними по особым правилам. И со мной она играет по особым правилам. Я — ее любимчик.

— Может, тебе просто везет?

— Джимми, такого везения не существует. Я подумал хорошенько и надумал вот что: никакого телешоу нет. То есть настоящего телешоу. Чарльз Полсон, Марк Кори, Брайан Абнетт и прочие — такие же выдумки, как и мы сами. Капитан Абернати, главный медик Хартнелл, главный инженер Вест — всего лишь актеры второго плана. А мы с Майей, Финном и Джаспером — ведущие игроки. И я думаю, что ты, в конце концов, существуешь ради одного.

— Энди, ради чего же?

— Ради того, чтобы сказать мне: ты прав.

— Мои родители слегка удивились бы твоему выводу, — заметил Хэнсон.

— Мои бы не удивились ничему. Но речь сейчас не о родителях.

— Энди, мы знакомы несколько лет. Думаю, ты знаешь, кто я.

— Джимми, пожалуйста, ответь мне: я прав?

С минуту Хэнсон сидел молча.

— Не думаю, что ты станешь счастливее, если убедишься в своей правоте, — выговорил он наконец.

— Я не хочу стать счастливее. Я хочу знать.

— Если узнаешь — что с того? Какая тебе выгода? Разве не лучше верить, что ты чего-то добился сам? Что получил заслуженный счастливый конец? Зачем тебе домогаться ответа?

— Потому что мне нужно знать. Всегда было нужно знать.

— Потому что уж такой ты. Искатель истины, борец духа.

— Да.

— Тот, кто желает знать, он сам по себе такой, либо его попросту таким придумали.

— Да.

— Тот, кто желает знать, сам ли он творец своей…

— Только не надо острить насчет творцов судьбы и кузнецов счастья, — прервал его Даль.

— Извини, — сказал Хэнсон, улыбнувшись.

Он встал, отодвинув кресло.

— Энди, ты мой друг. Ты в это веришь?

— Да, верю.

— Тогда, наверное, ты поверишь и в то, что история наша — независимо от того, статист ты в

ней или главный герой, — подходит к концу. А когда она закончится, свое будущее ты определишь сам. Только ты, и никто, кроме тебя. И случится это вдали от глаз какой-либо аудитории, независимо от писателей и сценаристов. Ты получишь полное право распоряжаться собой.

— Это если я буду существовать после того, как меня прекратят выписывать.

— Сомнения тут есть. Но если позволишь предположить, я предположу: твой создатель наверняка захочет пожелать тебе долгой счастливой жизни.

— Это всего лишь предположение.

— Думаю, это немного больше, чем просто предположение. Но я все-таки скажу, как ты и хотел: ты прав.

— В чем же?

— В том, что сейчас я наконец исполнил свое предназначение в твоей истории. И после этого я должен сделать кое-что для своей. А именно отправиться на свой пост и заняться работой. Увидимся за ужином?

— Ну да, — ответил Даль, усмехнувшись. — Если доживем.

— Отлично! До встречи.

И с этими словами Хэнсон ушел.

Даль просидел за столом еще несколько минут, думая про все случившееся и про сказанное Хэнсоном. Затем встал и пошел на свой пост на мостике. Придуманный ты или нет, на звездолете, в телесериале или совсем в другом месте, работа есть работа, и есть друзья, и люди, с которыми ты рядом, и есть «Интрепид».

Даль делал свою работу и жил еще полгода — пока из-за отказа систем «Интрепид» не врезался в небольшой астероид и не превратился мгновенно в пар вместе со всей командой.

Глава 24

Впрочем, я просто дурю вам голову.
Они все жили долго и счастливо.
Честно.

Эпилог 1

Первое лицо

Здравствуй, Интернет.

Нормально такое все равно не начнешь, потому сразу возьму быка за рога.

В общем, я — сценарист телесериала, идущего по одному из центральных каналов. Только что выяснилось: люди, которых я придумывал (и убивал в среднем по одному за серию), на самом деле существуют. Теперь у меня кризис. Я не могу писать. И я не знаю, как выбраться. Если не выберусь вскоре, меня уволят. Помогите!

Последние двадцать минут я провел, глядя на вышеприведенный абзац и ощущая себя последним ослом. Если позволите, я объясню чуть подробнее.

По поводу «здравствуй, Интернет»: видели вы карикатуру из «Нью-йоркера», где один пес беседует с другим по компьютеру? Псина пишет, мол, в Интернете никто не знает, что ты — пес. Ну так здесь то же самое.

Нет, я не пес. Но предпочитаю анонимность. Почему? Мать честная, вы гляньте, что я тут

понаписал. Вдумайтесь. Такое на людях не скажешь вслух. А вот в Интернете, да еще анонимно — почему нет?

По поводу «я — сценарист телесериала»: я и в самом деле сценарист. Я несколько лет работал над сериалом, успешным в достаточной мере, чтобы продолжаться несколько лет. Не хочу вдаваться в детали. Помните: я же пытаюсь сохранить анонимность, чтобы справиться с кризисом и продолжить работу. Достаточно сказать, что «Эмми» я вряд ли получу, но все-таки мой сериал вы, дорогой обитатель Интернета, скорее всего, будете смотреть с удовольствием. В реале у меня есть на imdb.com своя страничка, причем довольно объемистая. Так вот.

По поводу «выяснилось: люди, которых я придумывал, на самом деле существуют»: да, я понимаю. Я ПОНИМАЮ, КАК ЭТО ЗВУЧИТ! Разве я не писал «мать честная» двумя абзацами раньше? Думаете, я не представляю, насколько это безумно и похоже на бред укурка? Так вот, я представляю. Еще как. Если б я не считал это совершеннейшей шизой, то написал бы в личном блоге (если б он у меня был, конечно, — я работаю на еженедельном сериале, и откуда, скажите на милость, взяться времени). Возможно, если б он

был, и время тоже, я уж расписался бы а-ля Уитли Стрибер. Но я такого не хочу. Это же особый стиль жизни. Свихнуться, стучать среди ночи на планшете ради орды двинутых гиков. Я не хочу, честное слово. Я всего лишь мечтаю вернуться к своей писанине.

Но все же: люди, о которых я пишу, существуют на самом деле. Я знаю, потому что, Богом клянусь, я их видел прямо перед собой, из плоти и крови. Я мог протянуть руку и коснуться их. И когда я убиваю кого-нибудь из них в сценарии, они умирают на самом деле. Для меня их смерть — просто слова на странице. А они по-настоящему падают с крыши, попадают под машину, или ими обедает медведь, или происходит еще что-нибудь в том же духе (это отвлеченные примеры, в сценарии я не обязательно убиваю людей именно так).

Вы только задумайтесь! Представьте: вы от нечего делать написали в сценарии: «Боба слопал барсук» — а где-то во Вселенной бедолагу по имени Боб загнали и сожрали злобные представители семейства куньих. Конечно, на словах забавно. Но поставьте себя на месте Боба. Ну как, приятно? А потом вы мертвец.

И это объясняет следующее.

«Теперь у меня кризис». Знаете, я раньше не по-

нимал таких кризисов. К примеру, вы — писатель и вдруг перестаете писать всего лишь оттого, что с вами порвала любимая девушка. Мать вашу, да это ж идеальное время, чтоб писать! Ведь больше-то по ночам делать нечего. Не можете придумать следующую сцену? Пусть что-нибудь взорвется, и готово. В голову заползла экзистенциальная тоска, стало непонятно, зачем вы во Вселенной? Соберитесь! Да, по историческим меркам вы — червяк ничтожный. Правильно. Но вы — ничтожный червяк, зарабатывающий на жизнь словесным поносом. А это значит, что вы не таскаете неподъемные ящики и не спрашиваете часами напролет, с каким соусом клиент хочет жареную картошку. Поймите, наконец, что вы — взрослый человек, и возвращайтесь к работе.

В хороший день я могу за шесть часов выдать на-гора черновик сценария целой серии. Неплохо? Я не Шекспир, конечно, но ведь и он писал вещи наподобие «Тита Андроника». Шесть часов, один сценарий. Хороший день, да. Признаюсь вам как писатель: у меня было много хороших дней.

Но сейчас у меня кризис, и я не могу писать, потому что, черт возьми, я при этом убиваю людей! Как по-вашему, подходящая причина для кризиса? Девушка ушла? Да бог с ней. Люди

умирают на самом деле, когда ты описываешь их смерть? А вот это повод притормозить. Так я и притормозил. Теперь сижу перед ноутбуком при загруженной Final Draft и тупо смотрю в экран. Часами напролет.

По поводу «меня уволят»: моя работа — писать сценарии. А я не пишу их. Если не начну вскоре, не останется причин терпеть меня на работе. Я могу продержаться немного, потому что у меня есть в запасе сценарий. Я его заготовил еще перед тем, как придавило. У меня еще неделя. Это немного. Так что вы понимаете, отчего я нервничаю.

Насчет «помогите!»: мне и в самом деле нужна ваша помощь. О таком не поговоришь со знакомыми, потому что все это похоже на наркотический угар. А я не могу допустить, чтобы о моих проблемах узнали коллеги, а тем более писатели. Большинство из них — безработные, будут счастливы пройти по моему трупу в сценаристы телесериала. Нельзя убеждать их в том, что у меня закатились шарики за ролики. Такая работа, как у меня, не валяется на дороге. Но мне надо поговорить хоть с кем-нибудь, потому что, черт возьми, я и понятия не имею, что делать и как быть. Нужно стороннее мнение.

И здесь, Интернет, ты приходишь мне на помощь. У тебя уж точно стороннее мнение. Думаю, кто-нибудь из твоих обитателей, заскучав, захочет помочь безвестному ошалевшему анонимусу, просящему совета в безумном и странном деле. Конечно, всегда можно найти другое развлечение. Вон, «Злые птицы» есть.

Но все-таки.

Что скажешь, Интернет?

Твой

Анонимный писака.

* * *

Хорошие новости: кто-то все-таки прочитал. Плохие новости: прочитавшие расспрашивают, вместо того чтобы, собственно говоря, помогать. Конечно, если вешаешь в Сети пост про то, что описанные тобой персонажи вдруг оказываются живыми и настоящими, логично ожидать пары-другой вопросов. Ладно. Для тех, кому невтерпеж разузнать, я даю ответы на самые часто задаваемые вопросы. Часть их пересказываю своими словами, чтоб не слишком повторяться и немного сократить.

Парень, ты серьезно?

Парень, я серьезно. Я не под кайфом (хотя было бы веселей). Я не выдумываю (если б мог выдумывать, спокойно бы зарабатывал деньги), и я не сошел с ума (это тоже было бы куда приятнее моей реальности). Так что я написал правду.

В самом деле?
Да.

В самом деле?
ДА!

Нет, серьезно?
Заткнись! Следующий вопрос.

Отчего вы не обсудили это со своим психотерапевтом?
Оттого, что, вопреки всеобщему мнению, не каждый писатель в Лос-Анджелесе с пеленок обзаводится психотерапевтом. Я неплохо справлялся со всеми своими неврозами (ну, до сих пор). Думаю, я мог бы найти доктора, но первый сеанс оказался бы чертовски мучительным. К тому же я не совсем уверен, что по его результатам меня не накачают успокоительными и не отвезут в дурку. Если хотите, считайте меня параноиком.

Разве это не сюжет фильма «Персонаж»?
В самом деле? Кажется, это фильм с Уиллом

Ферреллом в главной роли. Феррелл оказывается героем чьей-то книги (знаю, я могу уточнить на imdb.com, но мне лень). Разница в том, что я — автор, а не персонаж. Концепция та же, взгляд другой. Впрочем…

Но если и так, я же не говорю, что происходящее со мной на сто процентов оригинально. В смысле, есть же «Пурпурная роза Каира», где персонажи сходят с экрана. И книги Джаспера Ффорде, где всякий герой — из сказки либо романа. И книги Дениз Хоган, где она постоянно спорит с персонажами, а те иногда не слушаются и портят сюжет. Моя мама их обожает. Эй, а еще ведь, бога ради, «Последний киногерой». Видели? Правда? Тогда извините.

Есть еще одно мелкое, но важное отличие: со мной все происходит на самом деле. В реальной жизни. Как я уже писал, отличие мелкое. Но существенное. Я не пытаюсь соригинальничать. Я хочу решить проблему.

Эй, ваш сериал «(вставить нужное)»?

Дружок, какое слово в моем утверждении «предпочитаю анонимность» вам не понятно? Даже если угадаете, подтверждать не стану. Хотите намек? Это не «Студия 30». И я не Тина Фей. Мм… Тина Фей…

Схожий вопрос:

Вы знаете, что в наши дни Интернет таки может выяснить, что вы — пес?

Да, но этот пес открыл блог, используя новый адрес электронной почты, и ходит по Сети под «Тором».

А почему б вам не писать сценарии, где людей не убивают?

Я мог бы, но тогда случится вот что:

1. Продюсеры посмотрят на сценарий и скажут: «Надо здесь повысить напряжение. Убейте-ка кого-нибудь». И тогда мне придется убить в сценарии, а если не убью я, это сотворит второй сценарист, или текст по своему разумению поправит продюсер, или режиссер прикончит кого-нибудь по собственному почину во время съемок — и кто-нибудь все равно умрет.

2. Даже если я никого не убью, в сюжете обязательно должна быть драма, а в сериалах вроде моего драма обязательно означает чье-нибудь увечье либо болезнь, превращающую человека в ходячий гнойник. Возможно, превратить в гнойник на ножках — лучше, чем вовсе прикончить, но приятного мало. И эти пакости делаю я своей писаниной. Оттого и чувствую себя виноватым.

Поверьте, я искренне хотел бы выдавать сце-

нарии, где герои валяются на подушках, едят шоколад и в качестве катарсиса горячо, страстно, часами занимаются сексом (с минутными рекламными роликами, данью капитализму, в паузах между оргазмами). Думаю, аудитории бы понравилось — зрелищно и просвещает, и воодушевляет, и возбуждает! Но мой сериал про другое, а наш кабельный канал едва ли пропустит про секс.

В общем, мне приходится писать именно то, что я пишу для нашего шоу. Если не захочу — пинок под зад. А я не люблю пинков.

Вы отдаете себе отчет в том, какие выводы об устройстве мира придется сделать, если написанное вами здесь — правда?

Ну да. Дерьмо выходит причудливое. Я мог бы часами распространяться о нем — если б оно не влияло на мою жизнь самым непосредственным образом. Знаете, на что похоже? Это как проснуться утром, выйти во двор и увидеть тираннозавра, глазеющего на вас. Первые пять секунд вы от удивления готовы прыгать. Надо же, живой динозавр во дворе! А потом со всех ног бросаетесь наутек, потому что для тираннозавра вы всего лишь сочная хрустящая закуска подходящего размера.

А в вашем дворе — динозавр?
Нет.

Черт, как жаль.
Я, вообще-то, хотел от вас дельного совета.

Вам не кажется, что для страдающего творческим кризисом вы слишком много сейчас пишете?

Да, но это же не сочинительство. Я не творю — просто отвечаю на вопросы и прошу помощи. Конечно, блог — штука хорошая, но мне-то нужно писать сценарий. А писать я сейчас не могу. В голове — пустота. Мой мозг не выдает ничего подходящего. Вот это и есть кризис — когда исчезает способность к рождению нужных слов.

Вы упомянули, что пользуетесь Final Draft. А вдруг проблема в программе? Я использую Scrivener. Может, с ним вам будет легче?

Что, в самом деле? Вероятно, если прямо перед вами упадет от сердечного приступа человек, вы не упустите возможности поговорить с ним о своей удивительной низкохолестериновой диете?

Очень вовремя, знаете ли.

Еще раз: проблема не в программе. Моя беда в том, что, убивая человека на бумаге, я убиваю человека в реальной жизни. Если вы хотите

помочь, не давайте советов насчет марки огнетушителя тому, чей дом уже горит. Бегите с пожарным шлангом.

Еще по этому же поводу:

Я верю каждому вашему слову и считаю, что мы должны встретиться и все обсудить. Можно назначить встречу в СЕКРЕТНОМ ЛОГОВЕ В ПОДВАЛЕ ДОМА МОЕЙ МАМЫ, где я живу.

О-о, ребята… Вот вам еще одна причина для анонимности.

В общем, краткая справка по вопросам и ответам на этом заканчивается. Кто-нибудь может мне по-настоящему помочь? Пожалуйста!

АП

* * *

Наконец-то у меня в комментариях появился дельный совет! Приведу его целиком.

В последнем своем посте вы упомянули книги и фильмы, где нарушается (или, по крайней мере, смазывается) граница между создателем и творением. Вы не задумывались над тем, что написавшие об этом люди могли оказаться в вашей ситуации? Не исключено, что они и в самом деле столкнулись с подобным, но умолчали в

силу тех же причин, по каким вы предпочитаете сохранять анонимность, — страшась обвинения в безумии. Но если вы свяжетесь с ними, все расскажете, возможно, они согласятся поговорить с глазу на глаз. То, что вы довольно известный сценарист, заставит их прислушаться к вашим словам, а не спасаться поспешно бегством — по крайней мере первые несколько минут.

Это «первые несколько минут» — изящный штришок, отдельное за него спасибо. И мне очень приятно, что вы простодушно именуете «довольно известным» человека, сочиняющего сценарии для еженедельного шоу с кабельного канала. Честное слово, на сердце теплеет.

Отвечая на ваш вопрос, признаюсь: я не думал. Потому что это полный бред. Мы живем во взаправдашнем, крепком и твердом мире, где подобное невозможно и нельзя. С другой стороны, со мной-то такое случилось. Не хочу себя обижать, но я уж точно обыкновеннейший тип — и как писатель, и как человек.

Потому логично допустить: случившееся со мной могло случаться и с другими. А если могло случиться, то логично предположить, что другие смогли найти выход, не подразумевающий отказ от писательства. А именно это и есть моя цель.

Потому план действий: связаться с упомянутыми писателями и проверить.

Идея кажется хорошей, пока не задумаешься о том, чем обернется в реальности. Я помогу вам представить. Вот краткая одноактная пьеса «Анонимный писака объясняет свою проблему человеку вне Интернета».

АНОНИМНЫЙ ПИСАКА

Здравствуйте! Меня посетили персонажи из моих сценариев и объяснили, что, когда я убиваю их в сценарии, я убиваю их и на самом деле. С вами такое случалось?

ПИСАТЕЛЬ

Здравствуйте, Анонимный писака! В одной руке у меня электрошокер, в другой — судебный приказ, запрещающий вам приближаться ко мне. С чем желаете ознакомиться в первую очередь?

Да, как видите, идею мне подали отличную. Можно сказать, непрошибаемо бравую.

С другой стороны, лучшей у меня нет. И я сделаю вот что: составлю список тех, чьи герои так или иначе вламывались в реальный мир.

Свяжусь с этими писателями и попытаюсь узнать, стояли ли за их фантазиями настоящие переживания. Притом постараюсь не показаться

двинутым психопатом.

И — бонус!!! Ну, может, и не совсем бонус, но если за опусами этих ребят и в самом деле стояли настоящие переживания, попытаюсь узнать, как преодолеть кризис, не бросая ремесла.

В общем, я пошел кропать максимально здравомысленные письма. Пожелайте мне удачи.

АП

* * *

Ребята, серьезно говорю, кончайте гадать, на какой сериал я работаю. Я не скажу вам, и все. Я не хочу, чтобы меня уволили. А именно это случается, когда люди наподобие меня говорят о своей работе с людьми наподобие вас, то есть с Интернетом. И особенно в тех случаях, когда люди наподобие меня утверждают, что их персонажи ожили и разговаривают. Понимаю, играть в угадайку интересно, но, может, хватит уже? Потерпите немного, пожалейте меня. Обещаю: если все закончится удачно, я обязательно расскажу вам. Например, через пять лет. Или когда получу «Эмми». Как только одно из двух произойдет, так и расскажу. Непременно.

Согласны?

Спасибо.

АП

* * *

Здравствуй, Интернет!

Вы хотели дополнений? Вот они. Я нашел творцов, написавших сюжеты, близкие моему теперешнему положению. Некоторых я уже упоминал. Итак, это Вуди Аллен («Пурпурная роза Каира»), Джаспер Ффорде, Зак Пенн и Адам Лефф («Последний киногерой»), Зак Хелм («Персонаж») и Дениз Хоган. План такой: сперва как следует представиться, описать свои достижения — чтобы не посчитали совсем уж сумасшедшим, — а затем очень искусно и тонко спросить, связан ли сюжет с личными переживаниями. Затем шлем письма и ждем, не клюнет ли кто.

Я уже вижу, как вы тянете руки в желании спросить, и заранее оповещаю: ответы я обнародую, — разумеется, после того, как уберу позволяющие распознать меня и моего корреспондента детали. Ну не смотрите на меня так. Если не забыли, я стараюсь остаться анонимом. Вот-вот. Чересчур много деталей, и прощай мой уютный маленький шкаф (а он премиленький, пахнет соснами и отчаянием). Но с другой стороны, раз вы помогли, я обязан держать вас в

курсе.

Не думайте, что я ожидаю трепетной радости. Ответы наверняка будут вроде того, что ух и ах, вы еще безумнее, чем городские сумасшедшие, которым взбрело в голову написать мне. А не попробуете ли того и сего препарата, хорошо против психозов. Я бы сам ответил именно так на подобные письма, вдруг оказавшиеся в моем ящике. Вы не поверите, сколько безумной чепухи попадает к тому, кто пишет сценарии для популярного телесериала. Впрочем, может, и поверите. Психи нынче повсюду.

(Тут пауза для рассылки писем.)

Ура, они ушли. Интересно, когда начнут приходить ответы? Хотите пари?

АП

* * *

Ух ты, ждал совсем недолго. Вот и первый ответ:

ХХХ ХХХХХ через gmail.com
Показать данные: 16:33 (ноль минут назад)

Дорогой Анонимный писака!Я ХХХ ХХХХХХ, секретарь ХХХХХ ХХХХХ. Мы получили Ваш запрос и хотели бы узнать его подоплеку. Возможно,

Вы собираете информацию для написания материала художественного либо документального толка, предназначенного для одного из ведущих журналов либо газет? Мы были бы очень благодарны за ответ.

Мой ответ:

Здравствуйте, XXX XXXXXX!

Нет, я не собираю информацию для газет, журналов либо блогов (за исключением разве что моего собственного). Скорее это для меня лично. Спасибо большое вам за ответ. Если вдруг окажется, что у XXXXX XXXXX найдется время поговорить со мной, я был бы очень благодарен.

Ответ секретаря:

К сожалению, XXXXX XXXXX сейчас очень занят. Спасибо за Ваш интерес. Удачи в работе над проектом!

Перевод: мы бы согласились потакать вашему безумию, если бы за ним стоял журнал «Пипл» или хотя бы «Аз». Но если вы безумствуете сами по себе, оставьте нас в покое.

Впору тяжело вздохнуть. Было же время, когда в этом городе уважали безумствующих самодеятельно! Начало восьмидесятых — самое то. Дэвид

Ли Рот тогда околачивался в «Виски э гоу-гоу». Ну, так мне говорили, по крайней мере. Мне ж тогда было всего лишь шесть лет.

В общем, одним меньше, осталось пять.

АП

* * *

Еще один ответ. От него прямо мурашки по коже.

Кому: Анонимному писаке

От кого: ХХХХХ Х ХХХХ, эсквайр[1], партнер ХХХХ, ХХХХХ, ХХХ и ХХХХХ

Мистер Писака,

Ваше направленное по электронной почте письмо ХХХХХ ХХХХХХ было переслано нам его ассистентом. Мистер ХХХХХХ чрезвычайно ценит неприкосновенность своей личной жизни и был весьма огорчен Вашим письмом — как его содержанием, так и тем прискорбным фактом, что оно послано в частном порядке и никоим образом не согласовано.На этот раз наш клиент решил не усугублять положения дел запросом в департамент полиции ХХХХХХХ о выяснении об-

---

[1] Примечания: 1

Титулование адвоката в США. — *Прим. пер.*

стоятельств, стоящих за Вашим письмом. Однако мы просим Вас более не предпринимать никаких попыток связаться с нашим клиентом. В противном случае мы отправим всю корреспонденцию в Департамент полиции ХХХХХХХ и ФБР и будем ходатайствовать о соответствующем судебном приказе. Полагаю, нет нужды напоминать Вам о том, что пресса немедленно будет извещена о наших действиях. Вне сомнений, это серьезно повредит Вашей карьере сценариста телесериала ХХХХХХХХХХ. Надеюсь, что наша переписка на этом завершится.

Искренне Ваш,

ХХХХХ Х ХХХХ, эсквайр, партнер ХХХХ, ХХХХХ, ХХХ и ХХХХХ

Ого!

Просто для справки: мое письмо отнюдь не начиналось со слов: «Дорогой *ХХХХХ ХХХХХХ*, вчера я стоял у Вашей кровати и смотрел, как Вы спите…»

Не начиналось.

Честное слово.

То ли мистер ХХХХХ ХХХХХХ находит в своем почтовом ящике бред пострашнее, чем производят обычно люди, переодевающиеся в кота и поджидающие у дома знаменитости, либо мое

письмо затронуло что-то основательное. Изрядно затронуло. Хм…

Может, выяснить? Стоит оно того, чтобы связываться с ФБР?

Нет. Это уж вряд ли.

Пока, по крайней мере. Но я заинтригован.

И борюсь с желанием переодеться в кота мистера XXXXX XXXXXX и встать у его дома. Но сейчас только ранний вечер и до выходных далеко. Может, приму еще парочку коктейлей с джином и наберусь храбрости.

АП

* * *

Из комментариев:

Не совсем уверен, что ваши персонажи и в самом деле ожили, но, поскольку я постоянно страдаю от творческого кризиса, я искренне восхищаюсь вашей способностью шутить над собой в то время, когда на кону стоит ваша карьера. На вашем месте я бы уже в штаны навалил от страха.

О, насчет страха и штанов хорошо подмечено. Я опустошил отдел мужского белья в ближайшем «Павильоне». Закупаюсь по ночам, чтобы соседи не видели. А когда нагажу в штаны, тайно бросаю в соседские мусорные баки, чтоб меня не запо-

дозрили в авторстве. Какое уж тут восхищение? Сплошной завал.

Дорогой Интернет, открою тебе маленький секрет: пишу я в этот блог отчасти затем, чтобы не наделать под себя от кромешного ужаса. В последний раз я провел неделю, ничего не написав, еще в студенческие годы, когда провалялся шесть дней в больнице из-за нешуточных бед в кишках (лирическое отступление: я эпично отравился общажной хавкой — она частенько не первой свежести; отравился не я один, и до конца года мое общежитие ласково называли «Блевот-холл»). И даже в больнице, когда содержимое моей толстой кишки норовило заглянуть в мне глотку, я сочинял сюжеты и воображал диалоги. А сейчас, когда я пытаюсь составить сюжет или сделать диалог для сценария, в мозгу — глухая стена.

Я! Просто! Не могу! ПИСАТЬ!!!

Раньше такого не случалось никогда. У меня нутро смерзлось от страха. Это конец. Я выпустил пар, в баке нет горючки. Отныне вся моя радость — авторские выплаты да сценарии образовательных телепередач. Мать честная, да пристрелите меня, чтоб не мучился!

Мне только и осталось, что:

а) смешать коктейль из антифриза пополам

с оксиконтином, выдуть, а потом всласть понежиться в ванне в компании тостера;

б) писать до ошаления в блог — это вроде метадоновой терапии.

Один из этих вариантов не подразумевает, что меня через неделю найдут в виде вздувшегося трупа. Догадайтесь, какой именно.

Что же касается шуток — приведу пример. Когда мне было двенадцать, у меня лопнул аппендикс. Когда мою тушку заволокли в операционную, я спросил у доктора: «А я смогу потом играть на пианино?» Он ответил, чтоб я не беспокоился, что обязательно смогу играть. А я кричу: «Как здорово! Я раньше-то не играл!»

После чего меня отключили наркозом.

То есть, даже когда я готовился помирать от неизбежного перитонита, я все еще пытался шутить. Не очень-то удачно, конечно. В послеоперационной палате мой родитель сказал: «Сынок, в мире столько подходящих для момента шуток, а ты выдал именно эту. Ты точно не мой сын». Видите ли, мой папа серьезно относился к шуткам.

Итак, краткая версия вышеизложенного: если б я в самом деле вываливал свое дрожащее с перепугу нутро в Интернет, вы уже удрали бы отсюда подальше. А я отправился бы погостить в морг.

Так что лучше уж отшутиться.

Разве нет?

АП

* * *

Ага, наметился прогресс. Вот письмо от следующего номера в моем списке.

Дорогой Анонимный писака!Ваше письмо меня очень заинтересовало и, признаюсь, заинтриговало. Действительно, происходящее в моих книгах перекликается с событиями моей жизни. А умелая двусмысленность ваших вопросов наводит на мысль, что и ваши персонажи вторгаются в вашу жизнь.Кстати, завтра я прилетаю в ЛА на встречу со своим агентом поговорить о проекте, который мы делаем на студии XXXXXXXXX. После того как отдам дань профессии, неплохо было бы встретиться и пообщаться. Мой отель — XXX XXXX XXXXXXX. Если у вас есть время, давайте встретимся в пять, в баре внизу.

С наилучшими,

XXXXXX XXXXXX

А вот это звучит многообещающе. Нет, так: МНОГООБЕЩАЮЩЕ. Теперь для меня главное — не лопнуть от энтузиазма и нетерпения в бли-

жайшие сутки. К счастью, я весь завтрашний день на совещаниях. Да, именно что «к счастью». Чем больше я сижу на совещаниях, тем меньше меня спрашивают про сценарий, над которым я, предположительно, работаю. Иллюзию работы поддерживать все труднее. Я дошел до того, что предложил одному из сценаристов рангом помладше сотрудничать: он набрасывает сюжет и, возможно, делает первый черновик. Да, я могу заставить беднягу выдать на-гора черновик, потому что я — начальник. И виноватым себя не почувствую, так как парень должен мне денег. Конечно, моя совесть тревожится слегка. Но не в такой степени, как могла бы.

Надеюсь, завтрашняя встреча окажется полезной. На совещаниях и эксплуатации подчиненных далеко не уедешь.

АП

* * *

Ну вот. Встреча состоялась. Ее зовут Дениз Хоган. Будучи сценаристом, наш разговор я передам в привычной для меня форме.

Сцена: кафе в гостинице, угловой столик, день.

За столиком двое, перед ними остатки кексов, в

руках — чашки с кофе. Встречаются Анонимный писака и Дениз Хоган. Разговор уже продолжается больше часа. Анонимный писака детально изобразил свой кризис и его природу.

ДЕНИЗ
Очень интересное у вас положение.

АНОНИМНЫЙ ПИСАКА
Мне кажется, слово «интересное» тут не очень подходит. Я б сказал, «охренительно завальное».

ДЕНИЗ
Да, похоже.

АП
Но ведь такое случалось и с вами? Персонажи в ваших романах всегда ссорятся с вами, спорят и, невзирая на ваши желания, делают свое и по-своему. Это ваш фирменный прием. И пишете вы об этом так, будто все произошло на самом деле.

ДЕНИЗ
(осторожно)
Думаю, нам следовало бы кое-что уточнить в связи с этим.

АП
(отстраняясь)

Кое-что уточнить? Это звучит как «эй, психопат чокнутый, вовсе ничего на самом деле не происходило».

ДЕНИЗ
(робко)
АП, я могу быть с вами откровенной?

АП
Принимая во внимание то, что я перед вами вывалил за прошедший час, — конечно, бога ради.

ДЕНИЗ
Я здесь потому, что прочла ваш блог.

АП
У меня нет блога.

ДЕНИЗ
Под вашим настоящим именем — нет. Вы ведете его как «Анонимный писака».

АП
(сокрушенно)
Ох! Черт возьми!

ДЕНИЗ
Успокойтесь, пожалуйста, я не хочу засветить вас!

АП

О, мать!

(Он встает, думает уйти, переминается в нерешительности и садится.)

Как вы обнаружили его?

ДЕНИЗ

А как в наши дни всякий эгоист находит известия о себе? У меня в «Гугле» оповещалка на мое имя.

АП

(вороша шевелюру)

Гребаный «Гугл»!

ДЕНИЗ

Я подумала, кто-то готовит исследование о писателях, ломающих стену между автором и героем. Потом увидела, о чем ваш блог, и подключила к своей ленте новостей. Еще до того, как вы написали, я поняла, что вы захотите поговорить со мной.

АП

Так, значит, вы прилетели вовсе не ради разговора с агентом!

ДЕНИЗ

В общем, да. Я с ним пообедала сегодня, и мы в

самом деле говорили о проекте с «Парамаунт». Но я позвонила агенту и сказала, что прилечу, уже после письма. Не беспокойтесь, я не сказала ему, зачем явилась.

АП

То есть ваши герои не оживали и с вами не говорили?

ДЕНИЗ

Разве что в переносном смысле, в каком обычно писатели говорят о своих героях.

АП

Круто.

(Снова встает.)

Спасибо, что отняли большую часть моего дня. Приятно было познакомиться.

ДЕНИЗ

Но у нас с вами много общего!

АП

Что-то, кроме потерянного дня?

ДЕНИЗ

(раздраженно)

Послушайте, я сюда явилась не затем, чтобы поглазеть из первого ряда на шоу психов. Для это-

го у меня уже есть первый муж. Я сюда пришла, потому что считаю: вашу ситуацию я понимаю лучше вас. У меня тоже был кризис. Скверный.

АП
Насколько?

ДЕНИЗ
Больше года. Достаточно скверный для вас?

АП
Может быть.

ДЕНИЗ
И потому мне показалось, что я могу помочь с вашим кризисом. Независимо от того, верю я в оживление ваших героев или нет, мой тогдашний кризис похож на ваш нынешний.

АП
Если вы не верите мне, ваш кризис не может быть похожим на мой.

ДЕНИЗ
Он похож. У нас обоих персонажи, с которыми мы боимся сделать что-либо.

АП
(откидываясь на спинку, насторожившись)
Продолжайте, пожалуйста.

ДЕНИЗ

Неважно, по какой причине, — но у вас есть персонажи, которых вы боитесь убить либо покалечить, и это мешает вам писать. И у меня были персонажи, с которыми я не могла сделать буквально ничего существенного. Я подталкивала их к решительной развязке, но когда наступала пора нажать на спуск, я не могла заставить себя и их сделать это. Я придумывала всевозможные хитрые способы вытащить героев из переделок, куда сама же их запихивала долгими главами. Нехорошо это было. И кончилось плохо — я застряла совершенно. Я не смогла писать.

АП

Но это ведь не о героях — о вас…

ДЕНИЗ

(поднимая предупреждающе руку)

Погодите, я еще не закончила. Однажды, когда я сидела перед ноутбуком, не понимая, что делать с персонажами, я описала обращение одного из них ко мне, как к писателю. Он спросил: «Когда же ты, мать твою, решишься? Никогда? Отлично! Я все сделаю за тебя». И сделал неожиданное для меня. Я и не хотела, чтобы он поступил именно так. Но оттого мой ступор прорвало, и хлынул

мощный поток возможностей. Мой персонаж сделал с собой то, что я боялась сделать с ним.

АП
Что же именно?

ДЕНИЗ
Стал хозяином своей судьбы. Совершил то, что по большому счету привело к ужасным для него последствиям. Но главное — совершил. Сам.

АП
Уж поверьте, с решительностью у моих героев проблем нет.

ДЕНИЗ
Я и не говорила, что у ваших персонажей проблемы с решительностью. Мои совершили кое-что еще, притом очень важное. Они восстали.

АП
Против чего же?

ДЕНИЗ
Против убогости моей писанины. Я не делала для моих персонажей того, чего они хотели от меня. Я не могла набраться храбрости для того, чтобы сделать их интересными. Они себя сделали

сами. Под «они» я подразумеваю себя саму, ту часть моего писательского «я», с которой не желало связываться все прочее. Может, и вам нужно всего лишь установить контакт с самим собой?

АП
Погодите-ка. Если не ослышался, вы только что назвали меня плохим писателем?

ДЕНИЗ
Я не называла вас плохим писателем.

АП
Это хорошо.

ДЕНИЗ
Но я смотрела ваш телесериал. Сценарии большинства серий просто ужасны.

АП
(воздевая руки)
Да бросьте вы!

ДЕНИЗ
(продолжает)
И ужасны они без всякой на то причины!

АП
(наклоняясь к собеседнице)
Вы пишете сценарии? Вы знаете, как трудно

укладываться в недельный срок, сочиняя для сериала?

ДЕНИЗ

Вы пишете, и вы укладываетесь! Позвольте спросить: вы и в самом деле верите, что выдаете отличный продукт? Не забывайте: я читала ваш блог. Я видела, чем вы оправдываете качество своих опусов — и как одновременно гладите себя по головке за скорость их производства.

АП

Эта тема не имеет ничего общего с моим кризисом!

ДЕНИЗ

Правда? Мой кризис наступил, потому что я знала: я пишу плохо — и мне не хватает храбрости исправить огрехи. Вы понимаете, что пишете плохо, — но извиняете себя. Может, кризис просто дает вам знать, что больше вы не можете себя оправдывать.

АП

У меня кризис не потому, что я скверно пишу! У меня кризис оттого, что я не хочу ничьей смерти!

ДЕНИЗ

(кивая)
Это очередной хороший предлог.

АП
(вставая)
Мне и раньше казалось, что я зря трачу время. Теперь я в этом не сомневаюсь. Огромное вам спасибо! Обещаю, я не упомяну ваше имя, приводя эту беседу в блоге.

ДЕНИЗ
Почему же? Напротив, поместите наш диалог в свой интернет-дневник, раскройте мое имя. А потом спросите у читателей, кажутся ли им осмысленными мои слова. Вы же сказали, что хотите помощи читателей. Я хочу видеть, в самом ли деле вы хотите от них помощи.

АП встает и уходит.

Так я погубил сегодняшний вечер, надеясь на помощь женщины, популярно мне объяснившей, каким именно образом я стал дерьмовым писателем. То бишь, пардон, я не сам по себе дерьмовый писатель, а просто вот сейчас дерьмово пишу. И между одним и другим какая-то там дистанция.

И кстати, я не утверждал, что скверно пишу для моего сериала. Я говорил, это не Шекспир, и

«Эмми» за это не дадут. Но год за годом работать ведущим сценаристом вряд ли можно, если не умеешь писать либо выдаешь бесполезное дерьмо. Верьте или нет, но для работы сценаристом нужен некий уровень профессионализма. Народ, послушайте, у меня магистерская степень по кинематографии от Южнокалифорнийского университета. Знаете, их не даром раздают. Хотел бы я, чтобы даром. Тогда не пришлось бы шесть лет ковыряться с кредитом на образование, пока не нашел место. Недаром ведь!

Вот что я хочу сказать: Дениз Хоган, провались ты! Я тебе не дешевое развлечение из ЛА. Я к тебе с настоящей бедой, а ты обгадила и меня, и мою работу. Спасибо огромное. Я уж постараюсь когда-нибудь отплатить сторицей.

А пока, тебе на радость, Интернет узнает, как ты мне «помогла» сегодня. Думаю, он тебя полюбит.

АП

* * *

На мобильный позвонила репортер из «Гаукера». И сказала, что меня вычислили. Прикинули, что за сериал с часовыми сериями, где убивают массу народу, причем по основному кабельному, посмотрели, как и что я пишу и что я — вы-

пускник Южнокалифорнийского, получивший первую постоянную работу через шесть лет после выпуска.

Я засветился сам. Я упомянул Дениз Хоган, они выбрали на «Фейсбуке» поиск по фото с ее именем и нашли датированный сегодняшним днем снимок в кафе в Бербанке. Дениз сидела с парнем, похожим на меня. Фото сделала ее поклонница на айфон. Поклонница очень стеснялась и приблизиться не осмелилась. Но ей с лихвой хватило храбрости, чтобы загрузить чертово фото в Сеть, которой пользуется половина человечества.

Вот такая история. Через двадцать минут «Гаукер» ее выложит. Настырная деваха из «Гаукера» звонила узнать, не хочу ли что-нибудь добавить от себя. Конечно хочу!

Твою мать!..

Это все.

В оставшиеся несколько часов в качестве ведущего сценариста «Хроник „Интрепида“» я займусь тем, чем следовало бы заняться с самого начала кризиса. Сяду на диван в обнимку с большой пузатой бутылкой «Джим Бим» и надерусь в дым.

Спасибо, Интернет. Это небольшое приключение открыло мне глаза на многое.

С любовью,
очевидно не такой уже и анонимный,
Писака

* * *

Дорогой Интернет!

Первое: у меня похмелье, а экран что-то уж больно ярко светится. Вы приглушите малость, ладно?

Ох, стоп, это я могу и сам. Подождите-ка…

Во-от. Гораздо лучше.

Второе: случилось кое-что важное. Нужно с вами поделиться. А чтобы поделиться, опять переключаюсь в сценарный режим. Вы уж потерпите.

Сцена: безликая плоская равнина, простирающаяся до горизонта. Наверное, день.

Анонимный писака, то есть АП, — да к черту, половина Интернета и без того знает — Ник Вайнштайн появляется на равнине. Он сидит, стиснув голову руками и кривясь. К нему подходит Человек и, как ни в чем не бывало, опускается рядом на колени. За его спиной, невдалеке, видна толпа людей. Все они, как и Человек близ Ника, в красном.

ЧЕЛОВЕК
Наконец-то.

НИК
(озираясь)
Хорошо, сдаюсь. Где я?

ЧЕЛОВЕК
На плоской серой безликой равнине, простирающейся в никуда. Ник, это прекрасная метафора для описания содержимого твоих мозгов.

НИК
(глядя на Человека)
Мы будто бы знакомы…

ЧЕЛОВЕК
(улыбаясь)
Конечно. Ведь ты меня убил. Всего несколько серий назад.

НИК
(охая, вспоминая с минуту)
Ты же Финн?

ФИНН
Правильно. Помнишь, как убил?

НИК
Взорвавшейся головой.

ФИНН
Снова правильно.

НИК
Заметь, не твоей взорвавшейся головой.

ФИНН
Да. Не моей головой. Я просто очутился поблизости.
(Он встает и указывает на человека в толпе.)
Вот тому парню ты взорвал голову. Джер, помаши рукой!

Джер машет. Ник осторожно машет в ответ.

НИК
(встает нерешительно, пошатывается, осматривается)
Но для взорвавшейся его голова выглядит на удивление хорошо.

ФИНН
Мы подумали, лучше уж тебе не видеть нас в том состоянии, в какое ты нас привел, убивая. Джер без головы, я сильно обожжен, другие расчленены, частично съедены или с плотью, стекшей с костей от жутких заразных болезней, уродующих людей. Знаешь, это неопрятно выглядит. Мы подумали, все это будет тебя отвлекать.

НИК
Спасибо.

ФИНН
Да не за что.

НИК
В реальности это невозможно. Значит, я уснул и вижу сны.

ФИНН
Да, сны. Но это не значит, что они нереальны.

НИК
(скребя в затылке)
Финн, учитывая, сколько я выпил, это все чересчур для меня глубоко.

ФИНН
Тогда попробуй понять так: это реально, но происходит во сне. Где еще ты можешь говорить с убитыми тобой?

НИК
А с чего тебе говорить со мной?

ФИНН
Потому что мы хотим попросить тебя кое о чем.

НИК

Я больше вас не убиваю. У меня из-за вас творческий кризис. А из-за него я скоро потеряю работу.

ФИНН

У тебя творческий ступор, да. Но не из-за нас. Не напрямую, во всяком случае.

НИК

Это мой кризис. Мне лучше знать, из-за чего он.

ФИНН

Я и не говорил, что не знаешь. Но ты не признаешься себе.

НИК

Финн, не обижайся, но магистр Йода из тебя никакой.

ФИНН

Ладно. Тогда я зайду с другой стороны. Дениз Хоган права.

НИК

(воздевая в отчаянии руки)

И в собственной голове никуда от нее не деться!

ФИНН

Ник, ты приличный писатель. Но слишком ленивый.

(Указывает на толпу.)

И большинство из нас мертвы из-за твоей лени.

НИК

Да брось, это нечестно. Вы умерли, потому что мы снимаем боевик. В боевиках гибнут люди. Поэтому и называется «боевик».

ФИНН

(глядя на Ника, после указывая на человека в толпе)

Эй ты! Как ты погиб?

КРАСНОМУНДИРНИК № 1

Ледяная акула!

ФИНН

(обращаясь к Нику)

Серьезно, ледяная акула? Интересно, как это с биологией увязывается?

(Снова обращаясь к толпе.)

Кого-нибудь еще съедали космические животные?

КРАСНОМУНДИРНИК № 2

Порнатские крабы!

КРАСНОМУНДИРНИК № 3
Исполинский барсук с тау Кита!

КРАСНОМУНДИРНИК № 4
Борговианские земляные черви!

НИК
(Красномундирнику № 4)
Борговианских червей написал не я!
(Затем Финну.)
Честное слово, они не мои. А меня все обвиняют за них!

ФИНН
Ник, ты же главный сценарист. Ты уж мог бы сказать слово-другое против нелепых смертей от инопланетной живности, ты их написал или не ты.

НИК
Но это еженедельный научно-фантастический сериал…

ФИНН
Да, это еженедельный сериал. Но масса таких сериалов не скатывается в дерьмо! В том числе научно-фантастических. Многие научно-фанта-

стические сериалы по крайней мере пытаются показать что-нибудь достойное. А для тебя темп и жанр — всего лишь повод для халтуры.

(Снова обращаясь к толпе.)

Эй, кто погиб на палубах с шестой по двенадцатую?

Поднялись десятки рук. Финн глядит на Ника, ожидая объяснений.

НИК

На корабле должны быть повреждения. Для зрелищности.

ФИНН

Значит, у корабля должны быть повреждения. Пусть. Но это не значит, что всякий раз какого-нибудь беднягу должно засасывать в космос! Думаю, после первого десятка таких случаев Вселенский союз уж точно придумал бы что-нибудь против космической дефенестрации.

НИК

Финн, да я понимаю! Вам не нравятся ваши смерти. И мне не нравятся ваши смерти. Потому у меня и кризис!

ФИНН

Ты не понимаешь. Да никого из нас сейчас и не

злит, что мы мертвые.

КРАСНОМУНДИРНИК № 4
А меня еще как злит!

ФИНН
(Красномундирнику № 4)
Дэвис, не сейчас!
(Снова обращаясь к Нику.)
Да никто из нас, за исключением Дэвиса, не злится уже из-за смерти. Она случается. Причем со всеми. Случится и с тобой. Но вот что нас злит, так это полная бессмысленность наших смертей! Ник, ты убиваешь нас, а сюжет не меняется, ну никак! Это просто легкая встряска для зрителей перед рекламной паузой. Они забывают о наших смертях прежде, чем кончается первый ролик про чипсы «Доритос». Ник, наши жизни имели смысл — пусть очевидный только для нас. А смерть ты нам дал дерьмовую. Нелепую, тупую смерть.

НИК
Дерьмовые нелепые смерти случаются сплошь и рядом. Люди случайно выходят на дорогу перед автобусами, поскальзываются и разбивают череп об унитаз, выходят пробежаться и попадаются на зуб пуме. Это жизнь.

ФИНН

Это твоя жизнь. Но ты ведь знаешь: никто не пишет твою жизнь. А нашу писал ты. И мы умирали в твоем шоу потому, что нас убивал ты. Все умирают. Но мы умерли из-за того, что ты решил, когда и как нам умереть. А ты нас убивал по той причине, что убить легче, чем написать по-настоящему драматичный, трогающий зрителей момент без смерти. Попросту легче! И ты прекрасно это понимаешь.

НИК

Я не понимаю…

ФИНН

Ты понимаешь. Ник, мы — мертвые. Нам больше незачем лгать. Так что признайся себе. Прими то, что происходит в твоей голове.

НИК

(садится, ошарашенный)

Хорошо. Ладно. Я, помню, думал, когда сдал последний сценарий, в котором мы отсылаем всех обратно в будущее: ого, ведь никого и не убили на этот раз! А потом задумался над тем, как же мы убивали команду. И над тем, что для них, этих астронавтов, смерти были настоящими. Настоящие смерти живых реальных людей. А мы их

убивали тупейшим образом. Сотнями тупейших способов. Не только их самих делая идиотами, но и ставя в идиотское положение. Придумывая глупейшие предлоги, чтобы сунуть людей туда, где можно их убить. Изобретая нелепые совпадения. Рояли в кустах. Пользуясь мелкими дрянными хитростями, за какие нас никто не призовет к ответу. Подумав, я пошел и напился.

ФИНН
(кивая)
А когда проснулся, сел за сценарий — ничего не вышло.

НИК
Я думал, это оттого, что не захотел убивать людей. Не захотел нести ответственность за их гибель.

ФИНН
(снова опускаясь на колени)
Гложет тебя то, что ты бездумно и безответственно убивал их. Вот в чем дело. Если бы ты не написал наши смерти, мы бы рано или поздно все равно умерли. С этим не поспоришь.

НИК
Я дал вам скверную смерть — хоть мог бы на-

писать гораздо лучше.

ФИНН

Да. Но ты не старуха с косой. Ты — генерал. А командиры иногда шлют солдат на смерть. И хорошо, если не на глупую и бессмысленную.

НИК

(глядя на толпу)

Ты хочешь, чтобы я лучше писал смерть?

ФИНН

Ну да. И поменьше ее, если можно. И получше. Мы-то уже мертвы. Нам все равно. Но у всех нас есть те, кто был нам дорог при жизни и кто, образно выражаясь, может попасть тебе на перо. Думаю, они заслуживают лучшей участи. А ты теперь знаешь, что делать.

НИК

Ты полагаешь, что после всего этого я останусь на работе?

ФИНН

(снова вставая)

Все с тобой будет нормально. Просто объясни, что исследовал переход от фантазии к интерактивной реальности в сетевой среде. Идеальное метаобъяснение. Да и никто же тебе не поверил.

Оживающие персонажи, в самом деле. В худшем случае кто-нибудь посчитает тебя засранцем из-за выходки в Интернете. Но тебя и так многие считают изрядным засранцем.

НИК
Спасибо.

ФИНН
Эй, я ж тебе говорил: я труп. И времени на глупые обиды у меня нет. А теперь отключайся и просыпайся уже в настоящей яви. Иди к своему компьютеру. Попробуй писать. Затем попробуй писать лучше. И прекрати пить так много. Оттого у тебя дурь в голове.

Ник кивает, затем отключается. Финн с толпой мертвецов пропадают (как мне кажется).

Потом я проснулся.

Потом я пошел к ноутбуку и включил его.

Потом
я написал тридцать страниц ОХРЕНЕННОГО сценария — лучшего их всех, какие писал для сериала.

Потом я вырубился, так как все еще был пьян.

И теперь я снова проснулся, похмельный. Я пишу это и плачу — ведь я снова могу писать!

* * *

Вот тут я и заканчиваю свой блог. Цель свою он выполнил — вытащил меня из кризиса. Теперь у меня впереди сценарии, и руководство сценаристами, и работа в телесериале. Время возвращаться к привычному.

Кое-кто из вас интересуется, не притворялся ли я? В самом деле у меня был кризис или я просто выдумал повод пописать на сторону, малость передохнуть от переизбытка лазеров, инопланетян и взрывов? Вправду ли мои персонажи ожили и явились ко мне?

Поразмыслите немного. Я — сочинитель. Причем фантастики. Я постоянно выдумываю странную чепуху. Что в моем случае самое логичное объяснение? Как по-вашему, мой блог — выдумка или настоящая взаправдашняя правда?

Вы знаете, какой ответ самый логичный.

А теперь спросите себя, верите ли вы в него.

Поразмыслите и сообщите мне свой ответ.

А до тех пор —

До свидания, Интернет!

Ник Вайнштайн, главный сценарист «Хроник „Интрепида“»

Эпилог 2

Второе лицо

Ты слыхал, что попавшие в страшные аварии люди обычно не помнят самих аварий, — шок начисто вышибает кратковременную память. Но ты свою аварию помнишь отлично. Ты помнишь, что шоссе стало скользким от дождя, пришлось немного притормозить. Ты помнишь, что «БМВ» пошел на красный, а водитель орал в мобильник. Ты знаешь: водитель орал не из-за тебя, ведь он даже не посмотрел в твою сторону и не видел твоего мотоцикла, пока тот не врезался в бампер.

Ты помнишь, как взлетел — и на краткую долю секунды затрепетал от радости. Какое чудное ощущение полета! А потом рассудок расставил все по местам и окатил ледяным ужасом за мгновение до того, как ты впечатался головой в асфальт. Ты чувствовал: тело гнется, как нельзя гнуться человеческому телу, ты слышал, как лопается и рвется внутри. А ведь в человеческом теле не должно так рваться и лопаться. Ты ощутил, как отлетает лицевой щиток, асфальт обдирает стеклопластик, углеродное волокно — или из чего

там еще сделан шлем — в дюйме от лица.

Хрясь, хрусть, тресь, скреб, а потом — стоп. От мира остался крохотный кусочек, видимый сквозь разбитый шлем. Перед носом большей частью асфальт — ты валяешься лицом вниз. У тебя две мысли. Первая: это шок, потому что боли нет. Вторая: судя по тому, как странно чувствуется в шее, — приземлился нехорошо. Ох, скверны дела. Ноги где-то внизу, задница торчит кверху. Тебя больше волнует положение задницы, чем отсутствие боли, — и это, кажется, подтверждает догадку о шоке.

Затем ты слышишь голос водителя, орущего уже на тебя, — ты ему подпортил бампер. Пытаешься взглянуть — голову повернуть не можешь, видишь только туфли. Хорошая черная кожа, фасон броский, статусный — парень наверняка работает при индустрии развлечений. Хотя, по правде говоря, про индустрию развлечений ты решил не только из-за туфель. Картина типичная: ублюдок мчится на «БМВ» на красный свет, потому что вопит злобно в телефон и ничего вокруг не видит, а потом брызжет желчью на сбитого им человека — тот, видите ли, осмелился поцарапать его авто.

Ты успеваешь задуматься, знает ли этот кре-

тин твоего отца, затем увечья берут свое, все плывет перед глазами, вопли адвоката от киноиндустрии, или агента, или кого-то там еще превращаются в монотонное бормотание, делающееся все тише, неразборчивее и дальше.

Хреновая авария, и ты ее помнишь в абсолютно жутких подробностях. Помнишь так четко и ясно, будто видишь студийную копию очередной серии из шоу, которое продюсирует твой отец, сохраненную в высоком разрешении на диске блю-рей. Прокручивая сцену аварии в памяти, ты даже вставляешь мысленные комментарии: о мотоцикле, о «БМВ», о водителе (который и в самом деле оказался адвокатом при индустрии развлечений и получил две недели тюрьмы и триста часов общественных работ за третье нарушение калифорнийского закона, запрещающего вождение с телефоном в руке). Ты со всей ясностью помнишь короткую дугу своего полета с мотоцикла на асфальт. Яснее некуда.

Но ты совершенно не помнишь, что произошло потом — до того, как несколькими неделями позже просыпаешься на своей кровати, одетый и без единой царапины на теле.

И это начинает тревожить тебя.

— У тебя амнезия, — говорит отец, когда ты

впервые заговариваешь о провале в памяти. — Обычное явление после аварии. Я в семь лет попал в аварию и ничего не помню о ней. То ехал в машине к твоей прабабушке, а то вдруг я в больнице, в гипсе, а надо мной склонилась мама с галлоном мороженого в руках.

— Ты проснулся на следующий день, — говоришь ты отцу. — Моя авария случилась недели назад. А очнулся я всего пару дней как.

— Не совсем. Ты очнулся раньше. Очнулся и разговаривал, беседовал с нами. Ты просто не помнишь.

— Я именно об этом. Это не провал в кратковременной памяти после аварии. Это потеря ее спустя недели.

— Но ты же приземлился на голову, — напоминает отец. — Подумай: приземлился на голову на скорости сорок пять миль в час. Мэттью, даже в случае исключительного везения, как у тебя, травмы будут обязательно. Я не удивлен, что ты утратил кое-какие воспоминания.

— Пап, ну не кое-какие. Я все утратил. Сплошь от аварии до момента, когда очнулся, а ты с мамой, Кэндайс и Ренни стоите надо мной.

— Я же говорил, ты вдруг потерял сознание, мы все встревожились.

— То есть я теряю сознание и прихожу в себя без единого воспоминания о нескольких последних неделях. Ты же понимаешь, отчего меня это тревожит.

— Хочешь, я договорюсь в клинике, чтоб тебе сделали магнитную томографию мозга? Пусть доктора поищут признаки травмы.

— Я думаю, томография не помешает, — соглашаешься ты. — Слушай, пап, я не хочу показаться совсем уж параноиком, но меня тревожит потеря нескольких недель жизни. Я хочу убедиться, что не потеряю ничего больше. Не очень-то приятно проснуться и обнаружить большущую дыру в памяти.

— Конечно, Мэтт, конечно, — отвечает отец. — Я немедленно скажу Бренде. Пусть устроит тебе томографию в самое ближайшее время. Хорошо?

— Ладно.

— А пока не тревожься уж слишком. Не стоит. Доктора говорили, возможна еще пара провалов наподобие этого. Это нормально.

— Я такое нормальным не назвал бы.

— «Нормально» в контексте аварии. Применительно к ситуации, — поясняет отец.

— Что-то не нравится мне эта новая «нормальность».

— Могло быть и хуже. Намного, — говорит отец.

А потом на него находит.

В последние пару дней слишком уж часто с ним так. Глядит на тебя, будто вот-то не выдержит и расплачется.

Ожидая сеанса томографии, ты читаешь сценарий своей роли в очередной серии «Хроник „Интрепида“». Хорошая новость: твой персонаж — центральный в серии. Плохая новость: реплики у тебя ни одной, и все время придется лежать на каталке, изображая бессознательное тело.

— Неправда, — отвечает Ник Вайнштайн, после того как ты указываешь ему на очевидное.

Он заглядывает в клинику, чтобы принести новую версию сценария. Думаю, прочие статисты вряд ли удостаиваются подобной милости от главного сценариста.

— Смотри. — Он перелистывает на последние страницы. — Здесь ты в сознании!

Ты читаешь: «Астронавт Хестер открывает глаза и осматривается».

— Вот, он же в сознании!

— Надо же!

— Понимаю, немного. Но я не хотел перегружать тебя на первых же после выздоровления

съемках.

«Уж точно не перегрузил», — думаешь ты и листаешь сценарий в приемной перед кабинетом томографии, перечитывая описания сцен, где ты всего лишь лежишь трупом.

Серия полна действием. В особенности много экранного времени получил лейтенант Керенский — он пилотирует шаттл, а потом бежит по взрывающимся коридорам на фоне людей в красном, протыкаемых обломками рушащихся кругом переборок. Сценарий еще бессвязнее и нелепее, чем обычно в «Хрониках „Интрепида“». У Вайнштайна неплохо получаются диалоги, и действие тоже, но ни он, ни его подчиненные, кажется, не слишком заинтересованы в сюжете. У тебя сильное подозрение: если знать больше о научно-фантастических телесериалах, можно без труда определить, откуда и что содрали Вайнштайн и компания.

«Эй, эта нелепица оплатила твой колледж, — напоминает часть твоего „я“. — И заплатит за твою томографию».

Справедливо подмечено, думаешь ты.

Но ведь вполне разумно ожидать от семейного бизнеса чего-нибудь получше бессмысленного и нелепого развлекательного продукта, неот-

личимого от любого другого бессмысленного и нелепого развлекательного продукта. С тем же успехом можно выпускать пластмассовые вешалки.

— Мэттью Полсон? — спрашивает оператор томографа.

Ты глядишь, киваешь.

— Мы готовы, прошу вас.

Ты заходишь в комнату с томографом, медик показывает, где переодеться в больничный халат и оставить свои вещи. Рядом с аппаратом не должно быть ничего металлического. Ты раздеваешься, залазишь в халат и выходишь. Оператор же смотрит в твою историю.

— Кажется, вы здесь уже были и, вероятно, помните, что нужно делать, — говорит он.

— Вообще-то, я не помню, был ли здесь раньше. Потому, собственно, я и здесь.

Оператор снова глядит в медкарту и слегка краснеет.

— Простите, — бормочет он. — Я не всегда такой болван.

— Когда я был здесь в последний раз?

— Чуть больше недели назад, — отвечает он и хмурится, перечитывая. — Кажется, ваши данные перепутались с чьими-то еще.

— Почему вы так думаете?

Оператор глядит на тебя пристально:

— С вашего разрешения, я пока не стану отвечать. Если это результат путаницы — в чем я уверен, — то я не хочу отвечать за разглашение информации о другом пациенте.

— Хорошо. Но вы же можете сообщить мне мои данные?

— Само собой. Это же ваши данные. Но давайте сейчас сосредоточимся на процедуре.

И он велит тебе лечь на стол и задвигает твою голову и туловище в клаустрофобически тесную трубу.

— Ну и что, по-твоему, высматривал медик? — интересуется Сандра во время вашего совместного ланча в «Китайском бистро П. Ф. Чанга».

Китайское бистро ты не слишком любишь, но к нему — по причинам, объяснению не поддающимся, — питает слабость Сандра, а ты все еще питаешь слабость к Сандре. Ты встречаешь ее у бистро, видишь ее впервые после аварии, и она утыкается носом в твою жилетку, чуть не плача от радости, обнимает — но быстро выпускает, отступает на шаг и угощает шутливой оплеухой за то, что не позвонил ей раньше. Затем вы оба заходите в то место, где подают претенциозную

разномастную снедь.

— Не знаю, — отвечаешь ты. — Я хотел взглянуть в карту, но оператор сразу велел мне одеваться и сказал, что результаты сообщат потом. Я не успел и штаны натянуть, как он был таков.

— Что бы там ни было, вряд ли это что-то хорошее, — заключает Сандра.

— Что бы там ни было, скорее всего, оно не слишком совместимо со мной, без труда ходящим и говорящим. Особенно с тем, какой я был неделю назад.

— Ошибки в записях случаются сплошь и рядом. Моя фирма на них и зарабатывает. Причем очень неплохо.

Сандра учится на первом курсе факультета юриспруденции Южнокалифорнийского университета и практикуется сейчас в адвокатской конторе, специализирующейся на медицинских делах.

— Возможно, — замечаешь ты задумчиво.

— То есть? — спрашивает Сандра, посмотрев с минуту на твое лицо. — Ты, случаем, не думаешь ли, что родители тебе врут?

— А ты помнишь что-нибудь обо мне после аварии?

— Твои родители не пускали к тебе, — говорит

Сандра, и лицо ее делается холодным, напряженным, будто она хочет что-то сказать и боится, что потом пожалеет.

— Они даже не звонили нам, — добавляет она через секунду. — Я узнала из заметки «Лос-Анджелес таймс», которую Камаль послал мне в «Фейсбуке».

— Там была заметка обо мне? — спрашиваешь ты удивленно.

— Ну да. Только не совсем о тебе, а о засранце, который поехал на красный свет. Он партнер в «Уикомб Лассен Дженкинс и Бинг». Внешний консультант в половине дел.

— Мне нужна эта статья.

— Я перешлю.

— Спасибо!

— Меня злит, что я узнаю из «Лос-Анджелес таймс» о настоящей беде с тобой. Я думала, что котируюсь несколько выше.

— Ты не очень-то нравишься моей маме. Ты ж разбила мне сердце.

— Мы были всего лишь школьниками. И ты быстро оправился. Даже слишком. Через неделю уже вздыхал вовсю по Дженне.

— Может быть, — соглашаешься ты.

Да уж. Вспомнишь — вздрогнешь. С Дженной

было все сикось-накось. Причем постоянно.

— Да и в любом случае — пусть не мне, но твои старики могли сказать хотя бы Нарену. Он же твой лучший друг. Или Келу могли сказать. Или Гвен. А когда мы все же узнали, они не пустили нас к тебе. Сказали, не хотят, чтобы мы увидели тебя таким.

— Они и в самом деле это сказали?

Сандра отвечает не сразу.

— Буквально не сказали, но подтекст был такой. И мы поняли, что они не хотят. Знаешь, Нарен больше всех давил на них, настаивал. Готов был из Принстона приехать и ночевать под дверью, пока не пустят повидать тебя. А потом ты пошел на поправку.

Ты улыбаешься, вспоминая, как друг захлебывался от восторга, услышав твой голос в трубке.

А потом перестаешь улыбаться.

— Но это же бред, — говоришь ты.

— Что именно? — спрашивает Сандра.

— Отец сказал, что я поправился, ходил и говорил еще за несколько дней до того, как вернулась память. И что я вел себя как обычно в это время.

— И?..

— Так почему я не позвонил тебе? Мы ж встречаемся и говорим каждую неделю, когда я в городе.

А почему я не позвонил Нарену? Я ж говорил с ним каждый день. Почему я не писал в «Фейсбук», не рассылал эсэмэски? Почему не сказал никому, что со мной все в порядке? Я же все это сделал в первую очередь, как только вернулась память.

Сандра открывает рот, но раздумывает говорить.

— Ты прав, бред какой-то. Ты бы позвонил или эсэмэску послал — хотя бы затем, чтобы мы тебя живьем не съели за молчанку.

— Именно!

— Ты и в самом деле считаешь, что родители врут тебе?

— Возможно.

— И ты думаешь, что это связано с информацией в твоей медицинской карте? Там написано что-то странное?

— Возможно, — повторяешь ты.

— Как же, по-твоему, одно связано с другим?

— Без понятия.

— Знаешь, по закону ты имеешь полное право увидеть свою историю болезни. Если дело как-то связано с медицинскими данными, начать стоит именно с них.

— Сколько нужно времени?

— Чтобы пойти в больницу и составить запрос?..

Тебе дадут заполнить форму, а потом отправят ее в какой-нибудь чулан, станут перекладывать из папки в папку, посуетятся, а после выдадут резюме. Может быть, оно прояснит что-нибудь. А может, и нет.

— Ты улыбаешься. Значит, есть и другой вариант?

Сандра, и в самом деле улыбаясь, вынимает телефон, звонит, бодро и радостно называет твое имя и прерывается лишь для того, чтобы узнать у тебя название больницы. Еще минута — и отключается.

— Кто это был? — спрашиваешь ты.

— Иногда фирме, где я прохожу практику, нужна информация быстрее, чем по официальным каналам. Я звонила парню, который дает ее нам. У него своя рука во всех больницах от Эскондидо до Санта-Круса. Твои данные будут к вечеру.

— Как ты узнала об этом парне?

— Думаешь, партнер фирмы позволит себе расхаживать с номером этого типа в записной книге? Подобными вещами занимаются практиканты. Фирма всегда выйдет сухой из воды, если попадешься. Виноват глупый, сверхамбициозный студент. Гениально.

— Но ты-то не выйдешь сухой из воды, если

парня словят.

— Я выживу, — говорит Сандра, пожимая плечами.

Ты вспоминаешь, что ее отец продал свою программистскую компанию «Майкрософту» в конце девяностых за три миллиарда шестьсот миллионов долларов и успел выйти из дела до того, как лопнул пузырь с интернет-компаниями. В некотором смысле факультет юриспруденции для Сандры — всего лишь хобби.

Она замечает странное выражение на твоем лице.

— Что такое? — спрашивает, улыбаясь.

— Да ничего. Всего лишь думаю о жизни богатеньких баловней судьбы.

— На себя посмотри — за время обучения восемь раз сменил специализацию и все еще не знаешь, что делать со своей жизнью, унылый ты ублюдок. Я, конечно, рада, что ты остался жив, но, честное слово, я тебя прибью.

— Я смотрю, — сознаешься ты.

— Из нас двоих ты случай тяжелее. Я меняла специализацию всего четыре раза.

— А потом решила погулять пару лет, прежде чем взяться за право.

— Я фирму основала. Папа мной гордился.

Ты молчишь и улыбаешься.

— Хорошо, я основала фирму не без солидных вливаний папы и его друзей, потом объявила себя главной, а настоящую работу делали другие… Ну что, теперь ты доволен?

— Да.

— Но по крайней мере, было хоть какое-то дело. И теперь я занимаюсь делом. А тебе диплом зачем? Ты до сих пор ничему не посвятил свою жизнь. Пусть ничего не нашел по душе — но это же не повод и дальше болтаться как неприкаянный. Мы оба знаем тех, кто плывет по течению. Неприятное зрелище.

— Правда, — соглашаешься ты.

— Ты понял теперь, чем хочешь заняться в жизни?

— Прежде всего я выясню, что же со мной случилось. А то я как будто до сих пор в коме. Даже хуже: мне вообще кажется, что эта жизнь не моя.

Ты стоишь перед зеркалом в своей комнате голый — нет, не в приступе нарциссизма. У тебя голова идет кругом. На твоем планшете данные, которые нашел агент Сандры. Там же и отчет об аварии. Там твои фотографии из больницы, сделанные при подготовке к операции, и снимки твоего мозга после того, как врачи стабилизиро-

вали твое состояние.

Список переломанного, пробитого и разорванного читается как школьный учебник анатомии. На фото твое тело будто манекен, какие реквизиторы разбрасывают по съемочной площадке дешевых фильмов ужасов. Их продюсировал твой отец на заре карьеры, когда ты был еще малышом.

Ты без малого мертв, ты чудовищно искалечен. Тебя чинили и оживляли. Сейчас твое тело, точно лоскутное одеяло, в шрамах, язвах и струпьях, должно лежать на кровати без движения, трубки и катетеры должны торчать изо всех дыр.

А ты стоишь голый перед зеркалом — и на тебе ни царапины.

Нет, правда, кое-что все-таки есть. Шрам на тыльной стороне левой кисти — напоминание о том, как в тринадцать лет летел через руль велосипеда. Маленький, почти незаметный ожог под нижней губой. Тебе было шестнадцать, и ты нагнулся поцеловать Дженну Фишман в тот самый момент, когда она подносила сигарету ко рту. Остался и крохотный след от лапароскопической аппендэктомии. Ее сделали восемнадцать месяцев назад. Приходится нагибаться и раздвигать волосы в паху, чтобы увидеть шрамик. Отмечено

всякое, даже самое малое повреждение, нанесенное телу до аварии. Смотри, вспоминай.

Но нет ничего, связанного с нею.

Падая, ты содрал почти всю кожу с правой руки — и никаких следов. Переломанная берцовая кость распорола левую ногу, вылезла наружу — но все чисто. Гематомы на груди в местах, где полопавшиеся ребра рвали мускулы и сосуды, отсутствуют. Будто и не было этого вовсе.

Ты проводишь почти час перед зеркалом, читая в медкарте описание травм и пытаясь отыскать их отметины на теле. Напрасно. Ты безупречно здоров, как бывают только те, кому чуть за двадцать. Словно авария и не случилась — вернее, случилась не с тобой.

Ты отключаешь айпод, делая над собой усилие. Тебе хочется снова открыть снимки недавней томографии, прекрасно дополняемой припиской оператора: «Серьезно, что за хрень???» Это потому, что разрыв между прежними показаниями и нынешними приблизительно такой, как между Испанией и восточным побережьем США. Судя по первому снимку, лучшее, что ты мог бы сделать, — послужить поставщиком органов для трансплантации. Последний же демонстрирует образцово здоровые мозг и тело.

Есть только одно подходящее слово.

— Невозможно! — произносишь ты его, глядя в зеркало и не надеясь, что тебе его подскажет кто-нибудь еще. — Вашу мать, да это попросту невозможно!

Ты обводишь взглядом комнату, пытаясь представить себя на месте незнакомца. Она больше, чем квартиры многих ребят, только что выбравшихся из-под родительского крыла. Она усеяна напоминаниями о нескольких прошедших годах и учебных курсах, которые ты сменил, пытаясь выяснить, что же с собой делать. На столе — ноутбук, купленный ради написания сценариев, но используемый главным образом чтобы читать в «Фейсбуке» посты разъехавшихся друзей. На полках стопки книг по антропологии, к которой уже никогда не вернешься. Ты это понял почти сразу. Это знак промедления, нежелания признаться самому себе: ты просто не понимал, что же делаешь.

На столике у кровати — зеркалка «Никон». Мать подарила ее, когда ты сказал, что заинтересовался фотографией. Ты побаловался с камерой неделю, положил на полку и больше не брал. Рядом — сценарий серии «Хроник „Интрепида“», свидетельство твоего последнего увлечения, по-

пытка окунуть ногу в болото актерства — а вдруг понравится?

Не понравилось. Так уже было и со сценариями, и с антропологией, и с фотографией. И, как и со всем остальным, приходится ждать возможности без проблем оставить наскучившее дело. Антропологию пришлось тянуть до диплома. В писательстве пришлось вытерпеть унизительную встречу с агентом, согласившимся уделить тебе двадцать минут в качестве одолжения твоему отцу. С актерством будет так: ты снимешься в последней серии, раскланяешься и вернешься в эту комнату размышлять, что же на очереди.

Ты поворачиваешься к зеркалу и смотришь еще раз на свое тело — нагое, без изъянов. И думаешь, что принес бы миру больше пользы в качестве донора органов, чем в качестве себя нынешнего — ничем не стесненного, абсолютно здорового и бесполезного.

На съемочной площадке «Хроник „Интрепида“» ты лежишь на носилках, ожидая, пока группа перейдет к следующему эпизоду. Тебе все неуютнее. Грим, благодаря которому ты на вид бледный, в испарине и с синяками, требует постоянного подновления субстанцией на основе глицерина. Кажется, будто тебя смазывают интимным луб-

рикантом. А еще тебе делается неуютно оттого, что двое актеров постоянно глазеют.

Один — второстепенный персонаж вроде тебя, парень по имени Брайан Абнетт. Большей частью ты на него не обращаешь внимания. Знаешь ведь: все на площадке слыхали, что ты продюсерский сынок. А еще знаешь про определенный тип актеров-неудачников из тех, что из кожи вон лезут, лишь бы подружиться с тобой в надежде повысить свой статус. Работа по знакомству, в этом роде. Ты понимаешь, куда он метит, и не хочешь связываться.

Но другой — Марк Кори, одна из звезд шоу. Он уже в прекрасных отношениях с твоим отцом, и ты ему не нужен для карьерного продвижения. Судя по тому, что тебе о нем известно из «Гаукера», TMZ и случайных реплик отца, Кори вряд ли станет попусту тратить на тебя свое безмерно драгоценное время. Становится не по себе, когда такой человек не сводит с тебя глаз.

Ты несколько часов лежишь на каталке, изображая коматозника, пока Кори с командой статистов бегают вокруг, отбивают воображаемую атаку, тащат каталку среди декораций, швыряют в медицинский отсек. Там другая группа статистов, одетых в халаты, делает вид, что

тычет в тебя космическими иглами, машет фальшивыми космопричиндалами, будто бы пытаясь диагностировать твои беды. Время от времени ты приоткрываешь глаз, чтобы проверить, глазеют ли на тебя Абнетт с Кори. Да, либо один, либо другой пялится обязательно. Единственная активная сцена — когда открываешь глаза, словно бы вернувшись из беспамятства. Теперь уже пялятся оба. Правда, им по сценарию положено. Но ты все равно задумываешься: может, когда закончатся сегодняшние съемки, оба подвалят с предложением дружбы и любви?

И вот съемки подходят к долгожданному концу. Ты обдираешь с себя лубрикант и синюшный грим, официально кончая с актерской карьерой. Идя к выходу, замечаешь беседующих Кори с Абнеттом. Сам не понимая зачем, ты меняешь курс и движешься прямиком к ним.

— Как дела, Мэтт? — говорит Кори, завидев тебя.

— Что происходит? — спрашиваешь ты тоном, подразумевающим: ты не просто поздороваться явился, а и в самом деле хочешь все выспросить, и как следует.

— Ты что имеешь в виду? — спрашивает Марк.

— Вы оба глазели на меня весь день!

— Ну да, — подтверждает Брайан Абнетт. — Ты играл персонажа в коме. Мы тебя катали на тележке с утра до вечера. Мы должны были глядеть на больного с озабоченным видом.

— Да хватит уже, — говоришь ты Абнетту. — Что происходит?

Марк открывает рот, но передумывает, закрывает рот, затем обращается к Абнетту:

— Брайан, мне бы еще поработать здесь.

— Значит, я красномундирник? — усмехается тот.

— Не то чтобы, — говорит Марк. — Но ему нужно знать.

— Да ладно, я согласен, — кивает Абнетт, хлопая Кори по плечу. — Марк, я уж позабочусь.

— Спасибо, — отвечает Кори и добавляет, обращаясь к тебе: — Мэтт, я рад тебя видеть. По-настоящему рад.

И быстренько уходит.

— Я понятия не имею, о чем вы, — жалуешься ты после его ухода. — Я уверен, до сегодняшнего дня у него и мысли не было обо мне. В чем дело?

— Мэтт, как ты себя чувствуешь? — спрашивает Абнетт, игнорируя вопрос.

— Ты что имеешь в виду?

— Думаю, ты знаешь, что я имею в виду. Ты

ведь хорошо себя чувствуешь? Здорово, да? Будто стал другим человеком?

От этих слов у тебя мороз по коже.

— Ты знаешь, — произносишь ты.

— Да. И я знаю, что ты знаешь. Или, по крайней мере, подозреваешь.

— Думаю, мне известно далеко не столько, сколько тебе.

Абнетт меряет тебя взглядом:

— Да, скорее всего. И потому, думаю, нам с тобой лучше перебраться туда, где можно опрокинуть стаканчик. А может, и пару.

Ты возвращаешься в свою комнату поздно вечером и становишься посреди нее, шаря взглядом по сторонам. Ты ищешь послание.

— Хестер оставил тебе послание, — говорит Абнетт, вывалив целый ворох немыслимых невозможностей. — Я не знаю где, потому что он не сказал мне. Сказал он Керенскому, а тот сообщил Марку, сообщившему мне. Марк говорил, оно где-то в твоей комнате. Ты сможешь найти, а никто другой искать не станет. Да и ты не наткнешься случайно, но если будешь искать — найдешь.

— Почему именно так? — спрашиваешь ты Абнетта.

— Не знаю. Может, посчитал, что ты сам можешь и не догадаться. А если не догадаешься, какой смысл рассказывать тебе? Ты ж не поверишь. Я едва верю, а ведь я встречал своего двойника. Вот это действительно жутко и странно, скажу тебе. А ты же своего не встречал. Потому мог усомниться.

Ты не сомневаешься. У тебя убедительные доказательства. У тебя — ты сам.

Прежде всего ты идешь к компьютеру и ищешь файлы с незнакомыми названиями. Когда не находишь, упорядочиваешь папки так, чтобы видеть документы, созданные после аварии. Но их нет. Ты проверяешь почту, ожидая найти письмо от самого себя. Ничего. Твоя страница в «Фейсбуке» забита посланиями от друзей из школы, колледжа и магистратуры, познавшими, что ты выздоровел. Никаких новостей от себя или новых фото. Никаких признаков, что ты оставил себе сообщение.

Ты встаешь из-за стола и медленно поворачиваешься, внимательно осматривая комнату. Идешь к полкам. Берешь пустые тетради, купленные в то время, когда решил стать сценаристом. В тетради ты хотел записывать мысли и наблюдения, чтобы потом использовать в своих шедеврах. Ты

листаешь тетради. Они пусты, как и прежде. Ты кладешь их на место и смотришь на школьные учебники. Тянешь их с полки, подняв облачко пыли; открываешь в поисках новой записи среди старых. Ничего. Ставишь назад — и вдруг замечаешь на полке незапыленное место. Но пятно — не в форме книги.

Ты смотришь на очертания с минуту, затем поворачиваешься, идешь к прикроватному столику и берешь свою камеру. Открываешь гнездо для карты памяти, выщелкиваешь ее наружу, вставляешь в компьютер и открываешь папку с фотографиями, упорядочив их по времени.

Со времени аварии — три новых файла. Одно фото и два видео.

На фото — чьи-то ноги и обувь. Ты улыбаешься. На первом видео кто-то носится по комнате с камерой, крутит ее так и сяк — очевидно, пытается разобраться, как работает устройство.

На втором видео — ты. Появляется твое лицо, затем изображение неистово скачет и дергается — ты ставишь камеру на стол и подпираешь, чтобы остаться в кадре. Ты сидишь. Секунду автофокус, жужжа, подгоняет изображение, затем замолкает. Изображение резкое и четкое.

— Привет, Мэттью, — говоришь ты. — Я — Джас-

пер Хестер. Я — это ты. В некотором роде. Я уже провел пару дней с твоей семьей, говорил с ними о тебе, и они рассказали: ты к этой камере не притрагивался уже год. То есть она — идеальное место, чтобы оставить тебе сообщение. Если ты очнешься и просто продолжишь жить как ни в чем не бывало, ты никогда его не найдешь и послание это тебе, незнающему, не навредит. Но если найдешь, значит ты его искал. А если ты его искал, значит случилось одно из двух. Либо ты смекнул, что произошло нечто странное, а объяснять тебе никто ничего не хочет, либо тебе рассказали, но ты не поверил. Если правда первое, то успокойся: ты не сошел с ума, у тебя не случился дикий и странный психический срыв. И с мозгом твоим все нормально. У тебя был сильно поврежден мозг — но не в твоем нынешнем теле. Так что не беспокойся. И амнезии у тебя нет. Ты не помнишь о своих поступках после аварии потому, что не ты совершал их. Простое объяснение, правда? Если тебе рассказали и ты не поверил, надеюсь, я смогу убедить тебя. А если нет — ну, не знаю, что и сказать. Хочешь верь, хочешь не верь. Но удели мне минутку.

На видео Хестер, который ты и не ты, ерошит пятерней волосы и смотрит вбок, придумывая,

что еще сказать.

— Ладно, вот что. Думаю, я существую, потому что существуешь ты. У меня, конечно, вразумительного объяснения нет, и вовсе никакого, но я, однако же, верю: в тот день, когда ты попросил у отца разрешения попытать счастья в шоу, что-то случилось. Произошло в моей Вселенной что-то, перекрутилось, повернулось и сошлось, и родился я, и прожил жизнь, частью которой ты смог стать, играя меня как вымышленного персонажа в твоем мире. Я не понимаю, отчего так и как это работает, но ведь работает. В том-то и дело, что работает. Наши жизни сплетены воедино, потому что мы вроде бы один и тот же человек, только разделенный вселенными и несколькими столетиями. И потому, думаю, я имею право спросить. Мэттью, честно, что за хрень мы творим со своими жизнями? Знаешь, я про тебя говорил с твоей семьей. Они тебя любят. Очень. Когда случилась авария, кто-то словно пришел и пырнул их в сердце. Поразительно, как сильно они тебя любят. Ну и опять же, ты — это я, потому могу сказать: они хотят, чтобы ты взял наконец себя в руки и перестал валять дурака. Они говорят, какие у тебя разносторонние интересы, как ты ожидаешь того единственного, что раскроет твой

потенциал, но я за всем этим будто слышу: повзрослей скорее. Я знаю и не сомневаюсь, что так и есть. Я такой же. И неудивительно, ведь я — это ты. Мэттью, я годами плыл по течению, не зная, чем себя занять. Я и во флот Вселенского союза пошел не оттого, что меня заставили. Я просто не знал, куда себя деть. И решил: раз не знаю, куда себя деть, все думаю и думаю, так почему бы во время раздумий не повидать Вселенную? Но и тогда я делал только то, что от меня требовали, и пальцем не пошевелил лишний раз. А смысл?

В общем-то, не так уж плохо мне жилось. Честно говоря, я считал себя шибко умным. По-своему я неплохо справлялся и полз по жизни успешно. Но потом я попал сюда и увидел тебя, с мертвым мозгом, с трубками, торчащими из всех частей тела. И понял, что никакой я не успешный и не получается ровно ничего. Родился, потыкался туда-сюда, поваландался, попал под машину и отдал концы — вот и вся биография, в исчерпывающих подробностях. Никакого успеха не будет, если ползти по жизни, не делая ни черта.

Мэттью, ты сейчас смотришь эту запись, потому что один из нас все-таки сделал в своей жизни что-то стоящее. И этот один из нас — я. Я решил спасти твою жизнь. Я обменялся с тобой телами,

потому что работает это так: в нашем мире возможно выжить и в твоем раздрызганном теле, а ты выживешь в моем. Если я ошибся и мы оба умрем или если ты выживешь, а я умру — что же, значит, я погиб, пытаясь спасти тебя. Ну да, не слишком-то сладко, но мое будущее благодаря шоу твоего отца и так не самое радужное. Скорей раньше, чем позже, я погиб бы на «Интрепиде». Если взвесить все здраво, так смерть ради тебя — лучшая из всех, какие мне светят.

Но я открою тебе секрет: у нас получится. Я в это верю. Не спрашивай почему — черт возьми, да меня вообще спрашивать бессмысленно, отчего тут что и почему. Я просто знаю: получится. И когда получится, я хочу от тебя кое-чего. Немного хочу. Всего-то: сделай с собой что-нибудь! Не тычься наугад. Перестань пробовать и возиться, пока не наскучит. Хватит ждать главного и уникального. Это глупо. Ты зря теряешь время. Ты его потерял почти все. Тебе повезло, что явился я, — но, кажется мне, второго шанса у нас не будет.

Я сделаю то же самое. Мэттью, я завязываю плыть. Судьба — штука неразумная и жуткая, но если у меня получится — если у меня и моих друзей с «Интрепида» получится, — тогда у нас выйдет то, чего не вышло ни у кого из нашей

Вселенной: мы получим шанс сами управлять своей жизнью. И я за него ухвачусь. Еще не знаю как, но ухвачусь. И не выпущу.

Мэттью, не упускай свой шанс. Я не жду, что ты прямо сегодня решишься переделать свою жизнь. Но я хочу, чтобы ты решился. И начал действовать.

Решайся, а?

Если взвесить все, что было, я ведь имею право на такую просьбу.

Мэттью, добро пожаловать в новую жизнь! Не профукай и ее.

Хестер наклонился и выключил камеру.

Ты закрываешь окно с видеороликом, опускаешь крышку ноутбука, оборачиваешься — и видишь отца, стоящего в дверях.

По его лицу катятся слезы.

— Это не амнезия, — говорит он.

— Я знаю, — отвечаешь ты.

Эпилог 3

Третье лицо

Саманта Мартинес сидит у компьютера и смотрит короткий видеоролик о женщине, очень похожей на Саманту Мартинес. Женщина читает книгу на пляже. У женщины медовый месяц, ее снимает супруг на камеру, подаренную на свадьбе. Содержание видео совершенно непримечательное: камера медленно приближается, женщина отрывает взгляд от книги, улыбается, несколько секунд пытается не обращать внимания, потом откладывает книгу и смотрит прямо в объектив. На заднем плане невдалеке виднеется пирс Санта-Моники либо его более поздняя реконструкция.

— Хватит дурачиться и пойдем со мной купаться! — предлагает она оператору.

Слышится мужской голос: «Кто-нибудь заберет камеру!»

— Значит, заберет. И найдет лишь видео о том, как я читаю книгу. А сама я останусь твоей.

— Хорошо замечено, — соглашается муж.

Женщина встает, роняя книгу, поправляет би-

кини, затем смотрит на мужа.

— Ты идешь?

— Через минуту. Беги к воде. Если кто-нибудь украдет камеру, пусть знает, что` ему не досталось.

— У-у, — тянет женщина.

С минуту объектив глядит вбок, дрожит — она подошла к мужу, поцеловать.

Затем картинка выравнивается: камера отслеживает, как женщина бежит к океану. У самой воды она оборачивается, машет призывно рукой. Камера отключается.

Саманта Мартинес просматривает видео трижды. Затем встает, хватает ключи и выходит через парадную дверь.

— Саманта! — восклицает Элеонора, ее сестра, и машет рукой перед лицом, чтобы привлечь внимание. — Ну вот, опять!

— Прости. Что «опять»?

— Да как обычно. Тебе что-то говорят, а ты отключаешься и смотришь в окно.

— Но я не смотрела в окно.

— Ты отключилась. А смотрела в окно или нет, не так уж важно.

Сестры сидят в «Китайском бистро П. Ф. Чанга» в Бербанке. До вечера еще далеко, ресторан пу-

стует — лишь в противоположном конце сидит в кабинке молодая пара. Подле столика сестер — многостворчатое окно с видом на парковку торгового центра.

Саманта и вправду не смотрит в окно. Она изучает молодых людей. Даже издалека чувствуется: они уже не пара, хоть и могли быть вместе когда-то. А парень точно не прочь вернуть прошлое. Даже очень не прочь. Он же клонится к ней, разговаривая, прямо открытым текстом сигналит: «Я согласен!» А девушка пока еще не замечает, и непонятно, заметит ли. Интересно, обратит парень ее внимание на это? И что, если обратит?

— Саманта! — взывает Элеонора угрожающе.

— Прости, — повторяет Саманта и глядит на сестру. — Правда, прости. Я… В общем, сама не своя. Последние дни просто голова кругом.

Элеонора оборачивается и смотрит на пару в дальнем конце ресторана.

— Твои знакомые?

— Нет. Я наблюдаю за их жестами и движениями. Она ему нравится больше, чем он ей.

— Хм, — изрекает Элеонора и поворачивается к сестре. — Может, пойдешь к нему и скажешь, чтобы не тратил понапрасну время?

— Он не тратит время понапрасну. Он просто

еще не дал ей понять, насколько она важна для него. Если я и скажу ему что-нибудь, так именно это. Посоветую не молчать. Сказать прямо. Жизнь слишком коротка, чтобы отмалчиваться и тихо надеяться на чудо.

Элеонора странно смотрит на сестру.

— Сэм, у тебя все нормально? — спрашивает наконец.

— Эл, все хорошо.

— Только что ты выдала реплику, какую произносят героини фильмов с канала «Лайф тайм муви», обнаружив, что у них рак груди.

Саманта смеется:

— Эл, у меня нет рака груди. Честное слово!

— Сестричка, что ж тогда происходит? — спрашивает Элеонора, улыбаясь.

— Трудно объяснить.

— Благодаря официанту в нашем распоряжении уйма времени. Так что попробуй.

— Мне прислали посылку. Там фотографии, видео, любовная переписка мужа и жены. Я посмотрела их, прочла.

— Что-нибудь незаконное?

— Нет. Беспокоиться не о чем.

— И почему тебе вздумали послать такое?

— Полагали, что это может быть для меня

важно.

— Любовные письма случайной пары?

— Не случайной пары, — возражает Саманта, осторожно подбирая слова. — Был резон отослать их именно мне. Но там много всего. Я долго пересматривала.

— Мне кажется, ты недоговариваешь. И очень многое.

— Я же сказала, объяснить трудно.

— И каково это — ворошить переписку влюбленных?

— Грустно. Сначала они были счастливы, а потом у них забрали счастье.

— Хорошо, что хоть сначала они были счастливы.

— Эл, ты не думала, что было бы, если б твоя жизнь сложилась по-другому? — спрашивает Саманта, меняя тему. — Если бы жизнь повернулась чуть иначе и у тебя оказались бы другая работа, другой муж, другие дети? Может, ты была бы счастливее? А если бы тебе дали возможность увидеть эту другую жизнь — как бы ты себя почувствовала?

— Слишком много философии зараз, — замечает Элеонора, в то время как официант неспешно приближается и водружает на стол салаты. — Сэм,

я не думаю о другой жизни. Совсем. Мне нравится своя. Хорошая работа, Брендан — отличный мальчишка, а своего Лу мне хочется придушить вовсе не каждый день. Правда, я о младшей сестренке тревожусь, но тут уж ничего не поделаешь.

— Ты встретила Лу в Помоне, — упоминает Саманта альма-матер сестры. — Но я помню, как ты подбрасывала монетку, решая, где учиться. Если бы выпал орел, ты бы отправилась в Уэслианский университет. Никогда бы не встретила Лу. Не вышла бы за него и не родила Брендана. Один оборот монеты — и все в твоей жизни пошло бы по-другому.

— Может, и так, — соглашается Элеонора, накалывая салат на вилку.

— Представь, где-то есть твой двойник — и у нее монетка легла иначе. Она живет по-другому. И вдруг тебе удается посмотреть на ее жизнь. Что бы ты почувствовала?

Элеонора проглатывает полный рот зелени и указывает вилкой на сестру.

— Насчет той монетки: я схитрила. Мама хотела, чтобы я поступала в Уэслианский университет. А я — нет. Маме нравилась сама идея моего поступления туда. Ей не терпелось завести семейную традицию. Дескать, отцы там учились,

и дети туда же. А я всегда собиралась в Помону. Мама изводила уговорами. В коне концов я сказала, что брошу монетку. На самом деле не важно, какой стороной бы она приземлилась. Я все равно бы поехала в Помону. Просто не хотела маму расстраивать лишний раз.

— Но у тебя были и другие развилки в жизни, — не отступает Саманта. — И ты могла бы свернуть позже и жить иначе.

— Но я не свернула. И не сверну. Я живу своей жизнью, и она у меня одна. Никто другой во вселенной не живет моей жизнью, а если бы и жил, меня бы это не заинтересовало, потому что моя жизнь здесь, я ею живу. В ней есть Лу и Брендан, и я счастлива. И я не думаю о том, как могло бы быть. Вероятно, мне воображения не хватает. Зато я не распускаю нюни.

— Я не распускаю нюни, — снова улыбается Саманта.

— Распускаешь. Ладно, буду выражаться приличнее: у тебя экзистенциальная грусть. Кажется, ты насмотрелась видео этой парочки и решила, что они счастливее тебя.

— Они не счастливее, — говорит Саманта. — Женщина умерла.

Письмо Маргарет Дженкинс ее мужу Адаму:

Милый мой, я тебя люблю. Мне так жаль, что ты расстроился. Знаю, «Викинг» должен был вернуться на Землю к годовщине нашей свадьбы, но я нисколечко не могу влиять на приказы и на задания, в особенности срочные — как наше последнее. Увы, когда женишься на девице с флота Вселенского союза, такое подразумевается. Ты же это знаешь. Мы это обсудили. Разлука мне нравится не больше, чем тебе. Но я люблю свою работу. Ты же сказал, предлагая мне руку и сердце, что знаешь и готов смириться. Я попросила не забывать, и ты обещал помнить. И смириться.

Ты говорил, что думаешь сам завербоваться во флот. Я спросила капитана Фейст про вербовку людей с особыми навыками, и она ответила, что флоту позарез нужны спецы по крупным компьютерным системам — такие, как ты. А еще она сказала, что, если ты пройдешь курсы подготовки и попадешь на корабль, ВС оплатит твой заем на учебу в колледже. И над нами одной тучей станет меньше.

Капитан сказала, что в будущем году на «Викинге» ожидается вакансия специалиста по компьютерным системам. Конечно, гарантий нет, но попытаться стоит — ВС старается устраивать семейные пары на службу на одном

корабле. Начальство считает, это улучшает душевный климат. Мой душевный климат это уж точно улучшит. Моногамия чертовски достает, когда не можешь пользоваться ее благами. Знаю, ты думаешь так же.

Я люблю тебя. Подумай об этом. Я люблю тебя. Страшно жаль, что я не могу быть рядом с тобой прямо сейчас. Я люблю тебя. Скорей бы к тебе. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной. Я люблю тебя. Может, ты и будешь. Я люблю тебя. Ты подумай хорошенько. Я люблю тебя.

И еще: я тебя люблю.

(Я) люблю (тебя),

М.

Чем дальше, тем больше тревожится Элеонора, думая о разговоре в «Китайском бистро П. Ф. Чанга». И устраивает Саманте череду свиданий вслепую. Причем и кандидатов выбирает явно вслепую. Саманта соглашается, чтобы успокоить сестру.

Зря. Ничего хорошего не выходит.

Первое свидание — с банкиром-инвестором. Все свидание он пытается объяснить поведение банкиров-инвесторов во время экономического кризиса две тысячи восьмого года. Прерывается

он лишь для того, чтобы ответить на «срочные» имейлы партнеров из Токио и Сиднея (по крайней мере, так он говорит). Затем удаляется в туалет, оставив телефон. Саманта быстренько снимает крышку, переворачивает батарею и возвращает крышку на место. Банкир, разозлившись из-за внезапно отказавшей техники, бежит прочь. Правда, на бегу успевает спросить Саманту, не против ли она, чтобы каждый заплатил за себя. Затем мчится на поиски ближайшего магазина «Веризон».

Второе свидание — с учителем английского языка, преподающим в средней школе в Глендейле. Учитель — начинающий сценарист — согласился пойти на свидание, потому что Элеонора намекнула: у сестры могли остаться связи с людьми из «Хроник „Интрепида“», телесериала, в котором она однажды снялась в роли второго плана. Когда Саманта объясняет, что была, по сути, статисткой, роль получила через кастинг-директора, а не из-за личных связей, учитель замолкает на несколько минут. Потом, однако, все же просит ее прочесть рукопись и высказать свое мнение. Пока несут заказ, она читает. Молча. Написано отвратительно. Из жалости Саманта лжет.

Третье свидание — с человеком настолько скуч-

ным, что Саманта буквально ничего не может вспомнить о нем к тому времени, когда возвращается к своей машине.

Четвертое свидание Элеонора устраивает со своей коллегой, бисексуалкой, чей пол искусно скрывает, называя ее «Крис». Та оказывается жизнерадостной и общительной, с энтузиазмом принимает объяснения Саманты, и обе прекрасно ужинают. После Саманта звонит сестре и интересуется, в своем ли та уме.

— Дорогуша, у тебя уже так долго не было мужчин. Я подумала: может, ты чего-нибудь недоговариваешь? — отвечает Элеонора.

Пятый кандидат — дебил. Саманта уходит еще до салата.

Шестой — мужчина по имени Брайан. Вежливый, внимательный, обаятельный, выглядит приличным человеком и просто прилично выглядит, но — Саманта не сомневается — не питает к ней никакого интереса. Когда она говорит об этом, Брайан смеется.

— Прошу прощения. Я надеялся, это не так очевидно.

— Да все в порядке, — говорит Саманта. — Но почему вы согласились на свидание?

— Вам приходилось когда-либо спорить с вашей

сестрой? Через пять минут с ней легче согласиться, чем объяснить, почему не согласен. К тому же она сказала, что вы симпатичная и очень хорошая. И была права.

— Спасибо, — улыбается Саманта.

Затем она несколько секунд смотрит на него молча.

И выдает:

— Вы вдовец.

— А-а, Элеонора сказала вам, — замечает он, пригубив вино.

— Нет. Я догадалась.

— Ей следовало сказать. Простите, что так вышло.

— Вы не виноваты. Элеонора устроила мне свидание вслепую две недели назад и не упомянула, что с женщиной. Ничего удивительного, что она не упомянула и о вашем положении.

Оба смеются.

— Кажется, вам следует уволить вашу сестру с должности свахи.

— Как давно? Я имею в виду, вы овдовели?

Брайан кивает, давая знать, что понял.

— Восемнадцать месяцев уже. Инсульт. Она бежала полумарафон, споткнулась, упала, потом умерла в больнице. Врачи сказали: наверное, у

нее всю жизнь были сосуды в мозгу истонченные, она могла умереть в любой момент. Ей было тридцать четыре.

— Мне так жаль…

— Мне тоже, — говорит Брайан и снова отпивает немного из бокала. — Через год после смерти Джен друзья начали спрашивать, не хочу ли я снова завести подругу. Я не смог выдумать причины для отказа. Я ходил на свидания. Но быстро понял, что никто из тех, с кем я встречался, не пробудил во мне ни малейшего интереса. — Простите, если обидел, — добавляет он быстро. — Дело не в вас, а во мне.

— Я не обиделась. Наверное, вы ее очень любили.

— А ведь странно, — говорит Брайан, и вдруг в его голосе звучит живой интерес — впервые за свидание, а может, как подозревает Саманта, и за многие месяцы. — Сначала любви-то и не было. Может, она и любила меня, а я… Джен-то всегда говорила, что еще с нашей первой встречи знала: я буду ее мужем. Но я этого не знал. Она поначалу мне и не очень нравилась.

— Почему?

— Слишком уж энергичная. И властная, — отвечает он, улыбаясь. — Охотно выкладывала

все, что думает, не щадя собеседника. Хочешь слушать или нет — все равно получай. Если без утайки, она была не слишком-то, на мой вкус, красивой. Определенно не из тех женщин, которых я считал подходящими для себя.

— Но вы оказались с ней.

— И сам объяснить не могу почему, — признается Брайан. — Впрочем, нет, неправда. Отчасти могу. Джен решила, что я стоящий вложений долгосрочный проект. А потом я и оглянуться не успел, как оказался под хупой, удивляясь, какого черта меня туда занесло. А потом — да, любил. Больше и сказать нечего. Я уже говорил, сам объяснить не могу.

— Наверное, чудесно было. И удивительно.

— Было, — подтвердил Брайан и допил вино.

— Вы думаете, это правда? Что в мире только один человек, которого можно любить по-настоящему?

— Не знаю. Вряд ли это работает для всех и каждого. Люди по-разному смотрят на любовь. Думаю, есть те, кто искренне любит, а после смерти любимого может так же сильно полюбить кого-то еще. Я был шафером на свадьбе моего приятеля по колледжу, а потом его жена умерла, и через пять лет после ее смерти я видел, как он женится

снова. Оба раза он плакал от счастья. Так что вряд ли любовь одинакова для всех. Но кажется, для меня она — единственная.

— Я рада, что она у вас была!

— Я тоже. Только хорошо бы с ней побыть чуть подольше…

Брайан ставит на стол бокал, который вертел в пальцах все это время.

— Саманта, простите меня. Я только что сделал эту ужасную вещь: на свидании стал расписывать, как люблю свою жену. Я не хотел изображать перед вами безутешного вдовца.

— Да неважно, — утешает его Саманта. — Мне не впервой.

— Поверить не могу, это все еще та камера! — говорит Маргарет мужу, снова уставившему на нее объектив.

Пара идет по коридору «Интрепида». Обоих только что перевели на флагман флота ВС.

— Так это же подарок на свадьбу, — отвечает муж. — От дяди Уилла. Он меня прикончит, если выброшу.

— Не нужно выбрасывать. Я могу организовать несчастный случай.

— Меня такие предложения ужасают до мозга костей!

Маргарет останавливается.

— Вот оно, наше семейное гнездышко. Тут мы будем вести безмятежно счастливую супружескую жизнь.

— Попытайся в следующий раз умерить сарказм.

— А ты попытайся не храпеть! — отвечает она, распахивает дверь и машет рукой, приглашая войти. — После вас, мистер хроникер!

Муж заходит и осматривает каюту. Осмотр заканчивается, едва начавшись.

— Хм, она все-таки больше, чем наша конура на «Викинге».

— Иные шкафы побольше, чем наша конура на «Викинге», — указывает Маргарет.

— Да, но эта почти как два шкафа!

Маргарет закрывает дверь и поворачивается к мужу.

— Когда тебе нужно доложить о прибытии в лабораторию ксенобиологии?

— Немедленно.

— Я не о том, — улыбается жена.

— Ты что задумала?

— То, что тебе заснять не удастся!

— Ты хочешь исповедоваться? — спрашивает отец Нейл.

Саманта не может сдержаться и хихикает.

— Не думаю, что смогу всерьез исповедоваться тебе, — признается она.

— Да, непросто приходить к священнику, в школе бегавшему к тебе на свидания.

— Но тогда ты еще не был священником, — замечает Саманта.

Оба сидят на задней скамье в церкви Святого Финбарра.

— Хорошо; если захочешь исповедоваться, только скажи. Обещаю ничего никому не рассказывать. Кстати, это у нас обязательно.

— Я помню.

— Так зачем же ты захотела встретиться? Конечно, мне всегда приятно тебя видеть.

— А может такое быть, что у нас есть другие жизни?

— Вроде реинкарнации? Ты про католическую доктрину спрашиваешь или про что-то другое?

— Да я даже не знаю, как описать. Наверное, это не назовешь реинкарнацией. — Она хмурится. — Как ни скажи, все равно кажется полной чепухой.

— Среди мирской публики бытует мнение, что теологи яростно спорили, сколько ангелов умещается на кончике иглы. Вряд ли твой вопрос

покажется нелепее.

— А они выяснили сколько?

— Этот вопрос никогда не рассматривался всерьез. Яростные споры теологов — всего лишь легенда. Но если бы и рассматривался, ответ был бы простым: столько, сколько угодно Богу. Сэм, о чем ты хотела спросить?

— Представь, есть женщина, она будто вымышленный персонаж, ее играют, но она живая, настоящая, — говорит Саманта и поднимает руку, предупреждая вопрос. — Не спрашивай, как это возможно, я и сама не знаю. Просто представь, что она такая. Она будто бы списана с женщины в нашем мире: выглядит так же, говорит так же, по всем внешним признакам они — один и тот же человек. К тому же первая не могла бы существовать, если бы вторая не стала играть ее. Я хочу знать, они один и тот же человек? Одна ли у них душа?

Нейл хмурится, а Саманта вспоминает его в шестнадцать лет и едва сдерживает смешок.

— Значит, первая женщина — копия второй, но не клон? То есть не создана из генетического материала первой?

— Вряд ли.

— Но первая все же произошла от второй, хотя

и неким непостижимым образом?

— Да.

— Не буду спрашивать про детали этой процедуры. Приму как данное.

— Спасибо.

— Не могу ручаться за мнение всей католической церкви, но мое личное таково: они — разные люди. Если упростить до крайности, католическое учение по поводу твоего вопроса говорит: то, что может развиться в человека, наделено собственной душой. Сделай свой клон — и он будет другой личностью, отличной от тебя не меньше, чем отличны друг от друга идентичные близнецы. Мы больше чем просто сумма генов. У каждого из нас свои мысли, впечатления и переживания. У каждого — своя душа.

— Думаешь, у нее тоже?

Нейл смотрит на Саманту странно, но отвечает на вопрос.

— Думаю, да. Ведь у нее есть свои впечатления, свои мысли?

Саманта кивает.

— Если она живет свой жизнью, у нее есть душа. Отношения между двумя описанными тобой женщинами — что-то среднее между отношениями матери к ребенку и сестры к сестре. Конечно,

отношения твоих женщин основаны на другом и лишь отдаленно напоминают названные мной. Но сути это не меняет.

— А если женщин разделяет время? Будет это реинкарнацией?

— Для католика — нет. Наша доктрина не предусматривает реинкарнацию. Не могу сказать, как вопрос решили бы другие веры. Но, судя по твоим словам, здесь не очень-то и нужна реинкарнация. Как ни определяй, первая женщина — самостоятельный, полноценный человек.

— Ладно, — соглашается Саманта.

— Помни, я всего лишь высказал свое мнение. Ели хочешь официальное заключение церкви, мне придется обратиться к папе римскому. Думаю, процедура слегка затянется.

Саманта улыбается:

— Не стоит. Ты мне ответил, и притом хорошо. Ты мне помог. Нейл, спасибо большое.

— Всегда рад. А ты не могла бы объяснить, к чему все это?

— Сложно объяснить.

— Сдается мне, ты собираешь материал для фантастического рассказа.

— Да, очень похоже на то, — отвечает Саманта.

Дорогой!

Добро пожаловать на Циркерию! Знаю: Коллинз загнала тебя работой по проекту, так что я не увижу тебя перед тем, как спущусь на поверхность планеты для переговоров. Я в группе охраны капитана. Он считает, что дело предстоит скучное и утомительное. Не трать на работу ни секунды больше, чем требует Коллинз. Встретимся завтра!

Целую-целую, люблю-люблю.

М.

P. S. Целую!
P. P. S. Люблю!

Саманта покупает принтер и чернила на две сотни долларов, распечатывает письма и фотографии, переданные ей месяцем раньше. Странный проектор, как и было обещано, загадочно испарился, превратился в кучу мелких обломков и пыли, исчезнувшую в течение часа. Но перед тем как проектор исчез, Саманта сняла на свою маленькую цифровую камеру все письма и видео. Не раз просмотренные и прочитанные файлы остались на карте памяти в камере и на жестком диске компьютера. Распечатывала Саманта их для другой цели. Совершенно.

Распечатка занимает пятьсот листов. На каждом — письмо от Маргарет Дженкинс либо ее

фото. Не вся жизнь Маргарет — но подробное описание той части, какую она провела с мужем. Описание дней, прожитых в любви и ради любви.

Саманта поднимает эту кипу бумаги и несет к купленному ради того портативному шредеру. Сует в него по листу за раз. Обрезки выносит в свой маленький задний двор и кладет в небольшой металлический бак для мусора, тоже купленный именно с этой целью. Слегка уминает бумагу, зажигает спичку и сует в бак, удостоверяется, что бумага занялась. Когда разгорается, Саманта прикрывает бак крышкой, чтобы не разлетались пылающие клочки, оставив щель для притока воздуха.

Бумага превращается в пепел. Саманта открывает крышку и высыпает на тлеющие остатки ведро песка с пляжа. Затем идет в дом и приносит с кухни деревянную ложку, размешивает ею песок с пеплом. Потратив на это несколько минут, Саманта переворачивает бак и аккуратно высыпает смесь в ведро. Закрывает ведро крышкой, ставит в машину и едет к Санта-Монике.

Здравствуй!

Я не знаю, как звать тебя. Не знаю, прочтешь ты это и поверишь ли, прочтя. Но я буду писать

так, как если бы ты обязательно прочитала и поверила. Иначе писать смысла нет.

Ты — источник радости всей моей жизни. Ты меня не знала и не могла знать. Но это неважно. Ты — все. Без тебя женщина, ставшая моей женой, не была бы тем, кем стала и для себя, и для меня. В твоем мире ты играла ее как актриса, и, насколько я знаю, совсем недолго — так недолго, что, наверное, и не помнишь сама, как играла ее.

Но за это краткое время ты дала ей жизнь. В моем мире она разделила свою жизнь со мной и дала смысл моей жизни. А когда она перестала жить — перестал жить и я. Я уже несколько лет всего лишь существую.

Но я хочу вернуться к жизни. Я знаю: она хотела бы, чтобы я вернулся к жизни. И для этого я должен отдать ее жизнь тебе. Вот она.

Хотел бы я, чтобы ты ее знала. Хотел бы, чтобы ты говорила с ней, смеялась с ней и любила ее, как я. Сейчас это невозможно. Но, по крайней мере, я могу показать, что она значила для меня, как жила со мной и делила жизнь.

Я не знаю тебя и никогда не узнаю. Но я верю — мне нужно верить, — что большая часть ее произошла от тебя и до сих пор живет в тебе. Моей жены нет, но я утешаюсь тем, что где-то

есть ты. Я верю, что все хорошее в ней, все то, что я любил в ней, живет в тебе. И я надеюсь, что в твоей жизни есть любовь, какая была у нее. Мне нужно надеяться, что ты любишь так или, по крайней мере, можешь любить так, как она.

Я мог бы написать и больше, но мне кажется, что лучший способ все объяснить — попросту показать. Потому я показываю. Вот она.

Мою жену звали Маргарет Элизабет Дженкинс. Спасибо за то, что ты дала ее мне, спасибо за то время, что она провела со мной. Теперь она снова твоя.

С любовью,

Адам Дженкинс

Саманта Мартинес стоит по щиколотку в океанской воде неподалеку от пирса Санта-Моники и разбрасывает останки жизни Маргарет Дженкинс над местом, куда та однажды приедет в медовый месяц. Саманта не торопится. Медлит перед каждой новой пригоршней смеси песка и пепла, вспоминая слова Маргарет, ее жизнь и ее любовь, повторяя, осаждая в памяти, позволяя им сделаться частью себя — то ли впервые, то ли снова.

Закончив, оборачивается и видит человека на пляже, он наблюдает за ней. Она улыбается и

идет к нему.

— Вы рассыпали пепел, — говорит он.

Это скорее не вопрос, а утверждение.

— Да.

— Чей?

— Моей сестры. В некотором роде.

— В некотором роде?

— Это сложно объяснить, — произносит Саманта.

— Я соболезную.

— Спасибо. Она прожила хорошую жизнь. Я рада, что стала ее частью.

— Наверное, ничего более неподходящего нельзя сказать в такой момент, но… Клянусь, я вас где-то видел!

— Да, и вы кажетесь мне знакомым.

— Честное слово, мне и в самом деле показалось, что вы — актриса. Я не ошибся?

— Нет. Я снималась когда-то.

— Случайно, не в «Хрониках „Интрепида“»?

— Да. Однажды.

— Вы не поверите — но я играл мужа вашего персонажа!

— Я знаю.

— Вы меня помните?

— Нет. Но я знаю, как выглядит ее муж.

Мужчина протягивает руку:

— Я Ник Вайнштайн.

— Здравствуйте, Ник, — говорит она, пожимая его руку. — Я Саманта.

— Очень приятно встретить вас, — говорит он. — В смысле, снова.

— Да. Ник, я думаю пойти и чего-нибудь съесть. Составите компанию?

Теперь черед Ника улыбаться.

— С удовольствием. Да!

Они идут по пляжу.

— Какое совпадение, — замечает Ник спустя несколько секунд. — Мы снова встретились, и в таком месте.

Саманта улыбается и обнимает его.

Божьи двигатели
Повесть

Глава 1

Настало время высечь бога.

Капитан Иен Тефе ступил в божью камеру с лакированным ларцом филигранной работы в руках. По палубе растеклась кровь — она хлестала из раны прислужника; тот содрогался, растянувшись на полу. Бог распростерся в железном кольце — сковывавшие его цепи ушли в пол. Лекарь Омлл бормотал над раненым, а бог, выпуская язык промеж красных губ, хихикал в железную плиту, к которой припечатался ртом. Священник стоял над богом, вплотную придвинувшись к кольцу. Еще двое прислужников в ужасе застыли у противоположной стены.

Тефе опустил ларец на заваленный воспитательными инструментами стол и повернулся к священнику, Крою Эндсо.

— Объясните, — велел он.

Эндсо ощетинился. Номинально он был не ниже рангом, чем капитан. Но дело касалось «Праведника», и в данном случае у Тефе было больше полномочий.

— Осквернённый отказался выполнять приказы, поэтому я велел Драйну его наказать, — сказал

священник.

Он перевел взгляд на длинную железную пику, лежавшую за пределами божьего кольца. Кровавая дорожка тянулась от нее к прислужнику Драйну.

— Осквернённый схватил пику, когда Драйн его ткнул, затащил прислужника в кольцо, укусил и отпустил, только когда я приказал втянуть цепи и прижать его к плите.

Не отводя взгляда от священника, Тефе обратился к лекарю Омллу:

— Как прислужник?

— Осквернённый отхватил от него кусок, — ответил Омлл. — С плеча. Кость выдрана, сосуды разорваны, большая кровопотеря. Я остановлю кровотечение, но рана серьезная. Лекарю Гардеру придется взять лечение на себя — его навыки в этой области куда лучше моих.

— Почему его здесь нет?

— Не было времени позвать, — ответил Эндсо. — Лекарь Омлл как раз проходил мимо, когда произошло нападение. Он оказался в камере, как только услышал крики.

— Прошу прощения, лекарь Омлл, — сдержанно кивнул Тефе.

Тот кивнул в ответ.

— С вашего позволения, мне нужно отвести Драйна в лазарет.

— Действуйте, — согласился Тефе. — Священник, если вы не против, пусть ваши прислужники помогут лекарю.

Эндсо жестом отослал подчиненных; повторять им не пришлось. Драйна подняли с пола и быстро унесли из камеры. Капитан остался наедине со священником и богом.

Тефе поднял с пола пику и внимательно осмотрел наконечник.

— Я хочу знать, как это случилось, священник, — проговорил он.

— Я уже рассказал, что произошло, капитан, — напряженно ответил Эндсо.

— Вы рассказали, что произошло. А я хочу знать, как это случилось, — отрезал Тефе.

Он покачал пику в руке, прикидывая вес.

— Откуда она взялась?

— Из запасников, — ответил Эндсо. — Я велел принести ее, когда осквернённый отказался выполнять приказы.

Тефе притронулся к наконечнику.

— Вы проверили ее перед использованием? — спросил он.

— Это излишне: все инструменты сертифици-

рованы Епархией. Все воспитательные инструменты из железа второй выделки, капитан. Так и должно быть, и вы это знаете.

— Судя по всему, вы очень сильно верите в Епархию, — заметил Тефе, — раз не считаете нужным проверять свои принадлежности.

— А вы не верите? — выпрямился Эндсо.

Капитан едва не сорвался в богохульство, уж в этом вопросе священник был достаточно компетентен.

— Сомневаетесь в Епархии, капитан?

Тефе бросил быстрый взгляд на священника, но отвечать не стал. Он еще раз взвесил в руке пику и яростно ткнул распростертого бога, направив режущее ребро в спину.

Древко изогнулось; наконечник с усилием прошелся по коже бога — прикоснулся к ней, но не рассек. Бог еще раз хихикнул, теперь хрипло. Священник широко распахнул глаза.

Тефе отдернул пику и швырнул за пределы кольца, оружие упало между ним и священником.

— Я не сомневаюсь в Епархии, священник Эндсо, — пояснил Тефе. — Я сомневаюсь в остальных. Вы же знаете, что торговцев и поставщиков товаров для флота больше интересуют деньги, чем

собственные души. И вы должны понимать, что прибыль, которую можно получить, сбывая железо третьей выделки под видом второй, для них определяет разницу между хорошим месяцем и плохим.

С пола донесся тихий напев.

— Третья держит, вторая ранит, первая убивает, — прошипел бог и опять хихикнул.

Священник уставился на пику, а затем перевел взгляд на капитана.

— Я допрошу интенданта, — сказал Эндсо. — Он отвечал за снабжение. Он обязан проверять подлинность сертификатов.

— Интендант Уссе мертв, — резко ответил Тефе. — Как и трое его подчиненных — и еще десять человек из нашей команды. Погибли в последнем сражении у Амен-Кура. Если виновен он, будьте уверены: Наш Господь призвал его к ответу. Вам больше не нужно о нем тревожиться. Но каковы бы ни были его грехи, именно вы, священник, предпочли принять фальшивые сертификаты Епархии на веру. И теперь ваш прислужник может поплатиться за это жизнью.

— Если и так, он пребудет с Нашим Господом, — сказал Эндсо.

— Что, безусловно, замечательно, — согласился

капитан. — Но в его возрасте, полагаю, не столь радостно.

Он пнул пику, и та покатилась к священнику.

— Ее уничтожить, — велел капитан. — Помолитесь над пеплом. А затем проверьте остальные инструменты, все до единого. Мне нужен полный отчет завтра, к четырем утра.

— Так точно, капитан, — немного помолчав, сказал Эндсо.

— Это все.

Эндсо, казалось, удивился.

— Моя помощь не потребуется? — спросил он.

— Это работа капитанов, — отрезал Тефе, — а не священников.

— Очень хорошо, капитан, — скованно согласился Тефе. — Оставляю ее вам.

— Погодите, — окликнул Тефе и указал на бога. — Ослабьте цепи.

— Капитан?

— Ослабьте цепи, — повторил Тефе. — Я хочу, чтобы он мог сесть.

— Я возражаю, капитан, — запротестовал Эндсо. — Осквернённый должен быть как можно ниже.

— Когда я с ним закончу, он и будет ниже некуда, — заверил Тефе. — Ну же, священник!

Эндсо подошел к рычагам, которые управляли цепями, и снял блоки.

— Он все еще лежит, — заметил Тефе, выждав несколько секунд.

— Да, — согласился священник. — Но теперь по собственной воле.

— Хорошо. Можете идти.

Священник вышел.

— Ты можешь подняться, — объявил Тефе.

— Сесть — не значит «подняться», — ответил бог.

— Тогда ты можешь сесть.

— Железо прохладное, — сказал бог. — Нам и так нравится.

— Как знаешь, — пожал плечами Тефе и вернулся к столу.

Он взял ларец и, подойдя с ним к богу, остановился почти у самого кольца. Здесь капитан опустил на пол ларец — так, чтобы бог его увидел.

— Знаешь, что в нем? — спросил Тефе.

— Сокровища, — шутливо прошептал бог в пол.

— Так и есть, — подтвердил Тефе и склонился, чтобы открыть ларец.

Взгляду открылась плеть, на которой поблески-

вали вкрапления металла.

Бог зашипел — протяжно и печально.

— Ты ее еще не видел, потому что до сих пор не давал повода ею воспользоваться. Поэтому я объясню тебе, что это, — сказал Тефе, бережно доставая плеть и выставляя ее рукоятью вперед. — Рукоять сделана из кости бога, которого Мой Господь убил своими руками. Я слышал, что Господь вытащил эту кость из тела бога, когда тот был еще жив. Не знаю, все ли правда.

— Мы знаем, где здесь правда, — прошипел бог.

— Ремни выделаны из кожи бога, — продолжил Тефе, игнорируя реплику. — Того же самого, чья кость служит рукоятью. Кожу сняли, когда бог еще был жив, — и это известно наверняка.

— Мы его знали, — сказал бог, не меняя позы. — Того бога, которого убил твой. Мы чувствовали его боль. Мы дивились тому, как долго твой бог его истязал, отрывая отраставшие кости и кожу. Как долго его поддерживали отчаявшиеся последователи — им было невыносимо видеть своего бога в таком состоянии, но они не могли без него жить. Это было ужасно. Твоему богу досталась чудесная плеть, которую он оплатил верой и жестокостью. Ты понятия не имеешь, какова

истинная цена того, что у тебя в руках.

— Боги часто делают то, чего никогда не понять их последователям, — сказал Тефе. — Но зато я понимаю, что не кости и не кожа бога в этой плети так страшат тебя. Тебя пугает вот это!

Он указал на металл, вплетенный и утопленный в кожаные полосы.

— Да, — прошипел бог.

— Железо первой выделки, — продолжал Тефе. — Как сказано в наших скрижалях: «Рожденное в сердце звезды в момент, когда она умирает и растворяется во тьме. Не то, что сошлось потом, чтобы сплавиться в ядре зарождающихся планет. Не то, что выковано в третий раз людьми в своих горнилах».

Он поднес плеть поближе, чтобы бог мог хорошенько ее разглядеть, но при этом осмотрительно держал ее за пределами кольца. Бог от нее отшатнулся.

— Взгляни на железо, — велел Тефе. — Само по себе бесформенное, но вставленное, вделанное в плеть. И, как ты сказал, «железо третьей выделки держит, второй — ранит, первой — убивает».

Тефе опустил плеть обратно в ларец.

— Не знаю, почему так. Почему железо первой выделки может убить бога. Знаю только, что

может. И знаю, что боги боятся смерти больше, чем люди. Этой плетью я могу убить тебя, бог.

Бог приподнял голову.

— Ты не зовешь нас так, как другие, — заметил он. — Не называешь осквернённым. Мы слышали это и раньше. Хотелось бы услышать почему.

— Ты мне служишь.

— Но ты не обращаешься к нам по имени, — сказал бог.

— Я не идиот, — ответил Тефе.

Назвать бога по имени — значит дать ему власть.

— Ты его даже в мыслях не произносишь, — улыбнулся бог и опустил голову на железную плиту.

— Мысли у меня совсем о другом. Я думаю вот о чем — ты должен поклясться, что будешь выполнять приказы, — сказал Тефе. — Что доставишь нас в Трискелл, где нам надлежит быть к утру.

— И зачем нам это делать? — спросил бог.

— Потому что ты в подчинении, — напомнил Тефе.

— Никто из людей нами не командует, — заметил бог.

Тефе запустил руку под рубашку и вытащил свой талант — железный вензель на серебряной

цепочке. Он протянул его к богу.

— Не вздумай со мной шутить, — осклабился капитан. — Ты отлично понимаешь, что это за знак. На этом корабле у меня Талант командира. Это значит, что на борту этого судна мое слово имеет ту же силу, что и слово Господа. Хоть ты и бог, ты все же его раб. А раз ты его раб во всем, на борту этого корабля ты и мой раб. Я приказываю тебе от имени Господа. И сейчас мой приказ — доставить нас в Трискелл.

Тифе спрятал Талант под рубашку.

— Сколько людей на корабле? — спросил бог.

— Сейчас — триста восемьдесят душ, — ответил Тефе.

«Праведник» покинул Зов Епархии шестью месяцами ранее, имея на борту четыреста двадцать человек, но сражения и болезни уменьшили их число.

— Триста восемьдесят бравых ребят, — произнес бог.

— Да.

— Так попроси их выбраться наружу и хорошенько толкнуть, — улыбнулся бог. — Не сомневаюсь, к утру вы доберетесь до Трискелла.

Тефе вытащил из ларца плеть, немного постоял — и обрушил на бога удар. Металл рвал кожу

существа. Бог заорал и отдернулся, насколько позволила цепь. Из раны засочилась божественная кровь.

— Один удар — за это, — сказал Тефе и через мгновение снова обрушил на бога плеть. — И еще один — за прислужника Драйна.

Капитан свернул плеть как есть, с кровью и кусочками плоти, опустился на колени и сложил обратно в ларец.

— Если прислужник умрет, ты ответишь и за это.

Бог попытался рассмеяться, но получилось лишь всхлипнуть.

— Все горит…

— Горит огнем, о да, — согласился капитан. — И будет гореть. Ты сам знаешь, что раны от железа первой выделки не заживают без благости верующих. Раны загноятся и станут глубже — как и боль. Тебе будет все хуже и хуже, а потом ты умрешь. Если только не поклянешься, что будешь мне подчиняться.

— Если мы умрем, вы все здесь погибнете, — сказал бог.

— Если ты умрешь, наш гавриил пошлет сигнал бедствия и нас вскоре заберут. Мне придется ответить за корабль, но правда будет налицо.

Наш Господь не терпит строптивых слишком долго. — Тефе указал на ларец с плетью. — Это ты и сам должен хорошо знать.

Бог ничего не ответил. Он лежал на плите, в страданиях стуча зубами. Тефе стоял, спокойно ожидая ответа.

— Пусть это прекратится, — сказал бог, помолчав.

— Подчинись мне, — приказал Тефе.

— Мы доставим тебя в Трискелл, или куда там тебе нужно, — пообещал бог. — Пусть это прекратится.

— Поклянись, — упорствовал Тефе.

— Мы же сказали, что доставим! — завопил бог.

Он весь изогнулся и превратился в нечто атавистическое, отвратительное — живое напоминание о том, что, заставив служить себе остальных богов, Господь вместе с именами забрал и их формы. Но вскоре бог перестал биться о плиту и вновь принял порабощенную форму.

Тефе опустился на колени, раскрыл жертвенный нож, который носил в кармане куртки, и, не переставая молиться, вонзил себе в левую ладонь. Правую капитан подставил снизу, чтобы собрать кровь. Когда налилось достаточно, он ступил в

кольцо и опустил руки на раны бога, омывая их своей кровью, позволяя благодати сотворить чудо. Бог снова закричал, но через мгновение умолк и далее молчал. Тефе сделал свое дело и торопливо покинул железное кольцо, ни на секунду не забывая о том, что цепи ослаблены.

— А теперь, — сказал он, зажимая ладонь, чтобы остановить кровь, — доставь нас в Трискелл.

— Мы сделаем, как сказали, — заверил бог, тяжело дыша, — но нам нужно отдохнуть. Трискелл далеко, а ты нас изранил.

— У тебя есть время до восьмой склянки собачьей вахты, — решил Тефе. — Подтверди, что понял и подчиняешься.

— Да, да, — послушно ответил бог, снова падая всем телом на железную плиту.

Тефе взял ларец и вышел из камеры. Снаружи его поджидал Эндсо с прислужниками.

— У вас кровь, — заметил он.

— Бог согласился выполнять приказы, — сказал Тефе, оставляя его слова без внимания. — Убедитесь, что к восьмой склянке он будет готов к работе. До тех пор я позволяю ему отдохнуть.

— Но сперва мы должны воспитать его за прислужника Драйна, — напомнил Эндсо.

— Нет, — возразил Тефе. — На сегодня хватит

его воспитывать. Мне гораздо важнее, чтобы он отдохнул, чем вам — снова наказать его. Все ясно?

— Да, капитан.

Тефе направился в свою каюту, чтобы вернуть ларец на место. Потом прошел на мостик, где его дожидался Нил Форн, старший помощник.

— У нас есть двигатель? — спросил Форн, когда Тефе подошел достаточно близко, чтобы вопрос не достиг лишних ушей.

— Как минимум до Трискелла, — сказал Тефе и повернулся к рулевому, Штралю Теби. — Выведите Трискелл, рулевой Теби.

Теби помолился над проектором, и часть пространства на мостике заполнила звездная карта. «Праведник» был показан условным знаком в дальнем углу, а Трискелл — по диагонали куба, на противоположном.

— Шестьдесят световых лет, — определил Форн, всматриваясь в проекцию. — Как ни крути, серьезное расстояние. Неудивительно, что богу потребовалось передохнуть.

— У нас свои приказы, Нил, как и у бога, — сказал Тефе, потирая левую ладонь; в ней пульсировала боль. — Оставайтесь на местах. Я вернусь до ужина.

Капитан покинул мостик — пошел в лазарет посмотреть, как у лекаря Гардера обстоят дела с прислужником Драйном, и заодно обработать свою рану.

Глава 2

— Боги взволнованы, — под конец ужина заметил в офицерской столовой священник Крой Эндсо.

Капитан Тефе нахмурился. Эндсо хорошенько приложился уже к третьей чаше вина. Вино было из личных запасов священника и предназначалось исключительно для него. Это был не тот привычный для всех разбавленный напиток капитана корабля, нет — вино священника было натуральным, настоящим. Оно развязало ему язык, дало выход настоящим мыслям. И последняя фраза, выданная Эндсо с неуместной легкостью, для Тефе не стыковалась с тем, что бог сотворил с прислужником Драйном.

Прежде чем капитан успел ответить, заговорил Нил Форн:

— Священник Эндсо, вы назвали их богами. Но, насколько я понимаю, вы предпочитаете говорить «осквернённые» — мне казалось, вы не смогли бы называть их иначе, даже сильно стараясь.

С дальнего конца стола Эндсо прищурился на старшего помощника. Форн сидел справа от ка-

питана, занявшего место во главе. По традиции Эндсо расположился на противоположном конце, хотя Тефе прекрасно понимал, что именно свой край стола Эндсо считает «главой». Между военным и религиозным командирами корабля расселись свободные от дежурства офицеры, которые со временем выбрали подходящие места в примерном соответствии со степенью лояльности в отношении той или иной стороны службы.

Тефе давно отметил негласный порядок, в котором сидели его люди, но ни разу не высказался на этот счет и уж тем более не стал ничего предпринимать. Все они были ему верны в любых обстоятельствах, а он был верен Своему Господу. Но все же Тефе бы предпочел, чтобы Господь избрал священником не Эндсо — или, по крайней мере, чтобы на «Праведнике» священником был кто-нибудь другой.

— Нет, мне не сложно объяснить, прихожанин Форн, — ответил священник.

Он не преминул, как он частенько делал, напомнить старшему помощнику о его подчиненном положении в иерархии Господа.

— Они — боги, но они же и осквернённые. Когда находишься в присутствии того или иного конкретного осквернённого бога — а мне нередко

выпадает такой случай, — совершенно уместно и правильно напоминать этому существу о том, что оно действительно осквернено и что оно раб, обязанный подчиняться моим приказам. И приказам капитана, — добавил священник, возможно отметив еле заметный изгиб бровей Форна. — В кругу верующих, таких как вы и все остальные за этим столом, мы можем говорить о них обобщенно и беспристрастно — как о виде животных. Точно так же мы могли бы говорить о собаках в целом, не описывая их словом «нечистые», хотя на самом деле они такие и есть.

— Но ведь собака не знает, что вы называете ее «нечистой», да ее это и не волнует, священник Эндсо, — возразил Форн. — И мы не просим собаку перенести «Праведник» сквозь пространство или сохранять корабль и команду в безопасности.

— Прихожанин Форн, если вы к чему-то клоните, от меня ускользает, к чему именно, — сказал Эндсо, побалтывая вино в чаше.

— К тому, священник Эндсо, что на нашем корабле бог работает машиной, — пояснил Форн. — Бог сердитый и злобный, который при малейшей возможности причинит нам вред — как показал последний случай с вашим прислужником. Я — верный и преданный слуга Нашего Господа, об

этом знают все за этим столом, и у меня нет более высокой задачи, чем повиноваться его приказам. Тем не менее я практичен. А практичность учит: если хочешь, чтобы мотор работал хорошо, не сыпь в него песок. Или — в нашем случае — не давай богу лишний повод нас ненавидеть.

Эндсо долгим глотком опустошил чашу и жестом велел стоящему рядом прислужнику заново ее наполнить.

— Он будет ненавидеть нас в любом случае — ведь это все, что ему остается, — и все, что ему когда-либо предстоит. А поскольку вы верный и преданный слуга Нашего Господа, в чем я ничуть не сомневаюсь, — эти слова Эндсо пробормотал, недвусмысленно скривив губы, — вы, прихожанин Форн, должны помнить из скрижалей вот что: Наш Господь требует, чтобы мы не только любили и чествовали его, как только можем, но и наказывали и принижали тех, кого принизил он. «Ибо они осквернённые, без малейшей надежды на спасение, и верующие низвергают их».

И священник снова поднес чашу к губам.

— Восхищен тем, как скрупулезно вы следуете заветам, священник Эндсо, — сказал Форн. — Задаюсь вопросом — относитесь ли вы с таким же пиететом к строчкам: «Тот, кто пьет за неруши-

мость колонны, да поймет он, что колонна падет, когда он на нее обопрется».

Замечание застало Эндсо в тот самый миг, когда тот делал глоток. Священник закашлялся, забрызгав стол вином. Прислужник подбежал к нему с салфеткой; Эндсо торопливо схватил ее, промокнул губы, подбородок и швырнул ею в прислужника.

— Вы дозволяете старшему помощнику много вольностей, капитан Тефе, — сказал священник, переведя взгляд на капитана.

— А я думал, вам будет отрадно услышать, что он неплохо знает скрижали, священник Эндсо, — ответил Тефе и быстро поднял руку при виде того, как священник багровеет и покрывается пятнами. — Тем не менее я согласен — этот разговор зашел довольно далеко. Меня куда сильнее заинтересовало то, что вы сказали ранее: что боги взволнованы. Может, расскажете подробнее?

Эндсо сердито смотрел на него, обдумывая дальнейшие слова. Тефе бесстрастно наблюдал за ним; капитан усвоил, что, если дать священнику достаточно времени, он угомонится и будет вести себя как минимум приемлемо; заносчивость брала верх, только когда его торопили.

В конце концов Эндсо успокоился.

— Хорошо, капитан. После сегодняшнего инцидента с осквернённым, — при этих словах священник бросил взгляд на Форна, — я воспользовался гавриилом, чтобы поговорить с несколькими священниками на других кораблях.

— Вы прибегли к гавриилу без моего разрешения? — выпрямившись, спросил Тефе.

Да, это объясняло отсутствие за столом лейтенанта Исты. Гавриилам были даны Таланты для переговоров друг с другом — сколь бы далеко они друг от друга ни находились, — а потому на каждом корабле флота имелся свой. Тем не менее использование данного Господом Таланта имело свою цену: оно лишало сил того, кто тянулся через пространство в поисках другого такого же. Если Эндсо воспользовался гавриилом, чтобы один за другим связаться с несколькими кораблями, на восстановление Исте мог потребоваться день.

Немного смягчившись, Эндсо посмотрел на Тефе.

— То были церковные вопросы, капитан, — сказал он. — И, как вы знаете, для такого рода дел я могу использовать ресурсы корабля на свое усмотрение.

— Но вы могли хотя бы известить меня, в ка-

честве любезности, — заметил Тефе. — Сейчас «Праведник» остается без гавриила.

— Прихожанин Иста был в полном порядке, когда я его оставил, — сказал Эндсо.

Он снова взялся за чашку. Тефе не стал ничего говорить, лишь бросил быстрый взгляд на Форна, который кивнул и кратко взмахнул одному из обслуживающих матросов, — тот организует, чтобы кто-нибудь навестил Исту.

— В любом случае, — продолжил Эндсо, — я узнал, что мне было необходимо. А именно: наша «машина» — как говорит о боге ваш старший помощник — не единственная, которая в последнее время отказывается выполнять приказы. На трех других кораблях боги тоже противились или нуждались в воспитании. И это происходит с праздника Имманентности.

— Четыре случая за десять дней, — произнес Форн, вклиниваясь в разговор. — Действительно необычайно много.

— Принимая во внимание, что за весь прошлый год было лишь три случая неповиновения, это крайне необычайно, — согласился Эндсо.

— На то есть причина? — спросил Тефе.

— Разумеется, нет, — ответил священник. — Помимо той, что эти осквернённые пытаются

нащупать границы дозволенного, подобно любому пойманному зверю. Им хочется доказать нам, что они ужасные создания, а не рабы куда более великого Господа. Они просто воют на звезды, капитан.

Эти слова Эндсо подчеркнул, сделав большой глоток, а затем нетвердой рукой указал на Форна.

— А потому мы обязаны всегда напоминать им об их положении, прихожанин Форн. Слова! В них есть сила. Называя бога по имени, мы даем ему силу. Не называя — отнимаем. Пусть немного, но все же. Восхваляя Нашего Господа в их присутствии, мы ослабляем их, а когда называем «осквернеными», принижаем их и одновременно превозносим Господа, потому что именно он их поработил. Знаете ли вы, прихожанин Форн, что держит осквернённого в кольце?

— Полагаю, железо в цепях, — ответил Форн.

— Вера, прихожанин Форн! — воскликнул Эндсо, пожалуй, чересчур громко. — Железо — просто металл. Что наделяет его способностью сдерживать, ранить и убивать — так это наша вера в Господа. Затем-то я и здесь — чтобы поддерживать в вас веру, в каждом из вас. И если бы все офицеры на корабле были такими, как вы,

прихожанин Форн, осквернённый давным-давно сбросил бы свои оковы.

Эндсо направил руку на капитана.

— И даже драгоценный Талант командира не дал бы нашему капитану…

— Довольно! — резко прервал его Тефе. — Священник, вы пьяны. Предлагаю вам удалиться.

— Я и так притомился, капитан, — согласился Эндсо, отталкивая стул.

Прислужник будто случайно оказался рядом, чтобы подхватить священника под нетвердую руку; Эндсо сердитым взмахом отослал его прочь и обвел взглядом сидящих за столом.

— Сейчас я скажу вам кое-что, всем вам. Священнику не дан Талант — нет такой штуки, которую Наш Господь повесил бы ему на грудь, чтобы дать силу. И знаете почему? Потому что священник — он священник Господень! Его рука, его собственная, его язык. Во мне есть вера, мои прихожане. Я — живое воплощение веры в Господа. Вера, господа! Без нее мы затеряемся во тьме. — И, переведя горящий взгляд на Форна, Эндсо добавил: — Увидимся с вами утром, прихожанин Форн. Обсудим вашу веру.

— Да, священник, — сказал Форн.

Эндсо нетвердыми шагами покинул столовую,

провожаемый прислужниками и негромким гулом голосов сидящих за столом офицеров.

Тефе склонился к старшему помощнику.

— Нил, я верю, что твоя вера крепка, — тихо сказал Тефе.

— Так и есть, капитан, аминь, — ответил тот. — Достаточно крепка, чтобы выдержать нашего священника.

— Когда-то он был священником получше, — по крайней мере, мне так говорили.

— Полагаю, это было до того, как он стал возить с собой личный запас вина, — заметил Форн.

— Думаю, он стал летать с вином потому, что осознает, насколько лучше он раньше был, — уточнил Тефе.

— Итак, капитан, — сказал Форн и качнул головой, — я не сомневаюсь в его вере, равно как и в своей. И я знаю, что он представляет Нашего Господа на борту «Праведника». Мне бы хотелось, чтобы Господь нашел для себя сосуд достойнее. Если священник прав в том, что по-настоящему бога держит вера, а не железо, тогда нам отчаянно нужна вера.

Тефе посмотрел на старшего помощника с еле заметным осуждением:

— Поражение у Амен-Кура не должно ослабить

нашу веру, Нил.

— Ни вашу, ни мою, капитан, — согласился Форн. — Но поражение тяжело сказывается на команде — равно как и неповиновение со стороны бога. — Он еще ближе склонился к капитану. — Кроме того, до них доносятся слухи о поражениях и неудачах флота, слухи о том, что на Нашего Господа готовится новое покушение со стороны других богов. Необдуманные слова священника Эндсо о том, что те, другие боги взволнованы, так или иначе дойдут до команды. Капитан, наши люди не привыкли к поражениям и неудачам. Их вера подвергается серьезному испытанию.

Тефе откинулся в кресле и внимательно посмотрел на старшего из подчиненных.

— Теперь я понимаю, почему ты перевел разговор на пустые рассуждения о терминах, — сказал капитан. — И к сожалению, признаю, что именно я вернул священника Эндсо к серьезной теме. Прошу прощения, Нил.

Форн улыбнулся.

— Священник бы все равно об этом заговорил, так или иначе. В лучшем случае я лишь ненадолго оттянул этот момент, — сказал он и снова стал серьезен. — Но суть в том, капитан, что именно сейчас веру нужно укреплять — более подходя-

щего момента не придумать. И священник Эндсо — тот человек, на которого эта задача возложена. На этого пьяницу, узколобого глупца. Вот что меня пугает.

Глава 3

Дверь в Воробьятник распахнулась. В проеме стояла Шелли Тью — совершенно нагая под узорным халатиком. Она-то и открыла.

Капитан Тефе даже вздрогнул от неожиданности.

— Ты нечасто открываешь сама, — заметил он, помолчав.

— В общем, да, — ответила Шелли. — Но Лэйд обедает, Чьен отдыхает, Исса молится, а Тейси велели идти в лазарет ухаживать за тем беднягой, которого чуть не прожевал бог. Собственно, остается только мне.

— Если ты не занята, я бы с тобой поболтал, — сказал Тефе.

— Вы же капитан, — охотно согласилась Шелли, отбрасывая с лица прядь волос. — Для вас я всегда свободна, это одно из преимуществ должности. И вашей, и моей. Ну же, капитан, входите — будьте как дома.

Она отступила в сторону, слегка склонив голову. Ее губы изогнулись в легкой улыбке.

Капитан шагнул в Воробьятник. Шелли закрыла дверь и заблокировала ее.

— Пойдем в мое гнездышко. Я скажу Лэйд, чтобы нас не тревожили. Вперед, капитан, — а я сейчас вернусь.

Она одарила капитана улыбкой и скрылась в тесной столовой этой части корабля.

«Гнездышко» Шелли представляло собой маленькую каюту, ничуть не просторнее тех, что отводятся старшим офицерам или священнику. Но в отличие от спартанских кают офицеров или монашеской каюты священника каюта воробьихи была теплой и манящей; пол, стены и потолок плавно переходили друг в друга. Здесь вовсю буйствовали краски — желтовато-коричневая, пурпурная, светло-золотая, — и в воздухе стояло нежное благоухание цветущих растений. Как всегда, Тефе вдохнул полной грудью и, вопреки своей воле, несколько расслабился.

На полочке с косметикой капитан увидел нечто новое — статуэтку неизвестного ему живого существа. Тефе взял ее и стал внимательно рассматривать.

— Это воробей, — сказала Шелли, входя в «гнездышко» и блокируя дверь. — Настоящий.

— Вот как! — откликнулся Тефе.

— То есть фигурка воробья, конечно же, — добавила Шелли, приближаясь к капитану.

Она опустила ему на плечо нежную руку, второй легонько обхватила кисть капитана, сжимавшую статуэтку.

— Подарок Брэна Уссе. Он нашел ее на Айнсе и подумал, что она мне понравится.

— Хороший подарок, — заметил капитан. — Совсем не тот, которого я мог бы ожидать от интенданта Уссе.

— Что вы имеете в виду? — спросила Шелли, легонько поглаживая пальцы капитана.

— Интендант был жестоким человеком, — сказал капитан.

— Только не со мной, капитан, — хихикнула Шелли.

— Так, значит, он был двуличным? — спросил Тефе.

— Нет, — ответила Шелли терпеливо и в то же время с нежным подтруниванием. — Лик у него был один. Но ведь с разными людьми мы все ведем себя по-разному. Я знаю, со мною вы другой, совсем не тот же, что с командой. Но это вовсе не говорит о том, что вы двуличны.

— Но ты со всеми одинакова, — заключил Тефе.

Это замечание заслужило с ее стороны быстрого, хоть и чувственного, поцелуя в щеку.

— Рада, что вы так думаете. Я стараюсь, чтобы так казалось всем.

Пальцы Шелли скользнули по руке капитана, чтобы забрать статуэтку.

— Уссе сказал: продавец поведал ему, что в древние времена считалось, будто воробьи сопровождают души после смерти.

— И как ты это восприняла? — спросил Тефе.

— Это меня опечалило, — ответила Шелли, не отводя глаз от фигурки. — Особенно после того, как Брэн погиб. Я представляла себе воробья, который его поджидал — сидел и терпеливо смотрел, как он мучительно умирает.

Она содрогнулась и поставила птичку на место.

— Мне больше нравится сегодняшняя интерпретация этого слова. Не проводники душ умерших, но утешители душ живых.

— Душ ли? — спросил Тефе; настала его очередь легонько ее поддразнить.

Шелли широко улыбнулась и подтолкнула капитана к постели, тот не сопротивлялся.

— Да, мой капитан, их душ, — сказала Шелли, прижимаясь к Тефе всем телом. — Как насчет вашей души, прямо сейчас?

Тефе обнял ее, и они слились в долгом поцелуе.

— Признаюсь честно — гораздо лучше, чем до этого, — ответил капитан, когда они оторвались друг от друга.

Шелли немного помедлила, не открывая глаз, с улыбкой на приоткрытых губах, а затем отстранилась.

— Но не так хорошо, как могло бы быть.

— Ты можешь сказать об этом по поцелую? — спросил Тефе.

— Могу сказать по вам, — ответила она.

Тефе улыбнулся.

— Вот из-за этих твоих способностей я здесь, — заметил он. — Твои воробьихи заботятся о команде.

— Да, — подтвердила Шелли.

— А ты — об офицерах.

Шелли улыбнулась:

— Капитан, думаю, вы прекрасно знаете, в чем заключается моя работа и о ком я забочусь. Ко мне ходят все офицеры, и мог бы прийти священник Эндсо — если бы посмел переступить порог Воробьятника. Но он скорее взойдет на костер.

— И как у них с верой? — спросил Тефе.

Шелли недоуменно посмотрела на него, но затем выражение ее лица изменилось.

— С вашей стороны умно задать мне этот во-

прос.

— Я не стремлюсь казаться умным, — ответил Тефе.

— Да, — согласилась Шелли. — Я знаю, почему вы спрашиваете. Нападение у Амен-Кура. Число сражений, в которых «Праведник» принял участие в этом рейсе. Агрессия со стороны бога. Разговоры о непослушании других богов.

Тефе был поражен.

— Слухи уже разнеслись? — спросил он.

— Нет, не слухи. Священник Эндсо и не подумал воспользоваться лейтенантом Истой по-тихому. Сейчас в курсе весь «Праведник».

— Глупец, — пробормотал Тефе.

— Это богохульство, — легко заметила Шелли.

— Я не сказал «глупый священник», я сказал «глупец», — подчеркнул Тефе.

— Вот еще одна «умность», к которой, говорите, вы не стремитесь.

— Нил — командор Форн — считает, что из-за последних событий вера у людей ослабла, — продолжил Тефе, возвращаясь к теме. — Ты сама это замечаешь? А другие воробьихи?

— Мы специально не искали ответа на этот вопрос, — объяснила Шелли. — Команда приходит сюда снять напряжение, получить свою толику

удовольствия, но вы знаете — мы даем не только это. Мы поддерживаем их и по-другому. Мы слушаем и слышим, позволяем им быть не теми, кем им приходится быть на службе или в обществе других членов команды.

— И?

— Сейчас, когда вы об этом заговорили… Многие из тех, с кем были я и другие воробьихи, в этом рейсе хотели получить еще что-то, не только снять напряжение, — сказала Шелли. — Нет, конечно, снять напряжение они не отказываются. Но еще их тянет поговорить. Им хочется, чтобы их держали за руку, к ним прикасались — и не только в качестве прелюдии. — Шелли махнула рукой в сторону статуэтки. — Они дарят нам разные безделушки.

— Они обеспокоены, — подытожил Тефе.

— Думаю, дело не только в этом, — сказала Шелли. — Иен, мы с вами вместе уже третий рейс — и на этом корабле, и на «Святом». И раньше у нас были рейсы. Скажите, нынешний рейс — вам не кажется, что он какой-то другой?

— Мы потерпели поражения, которых не было раньше. Естественно, они порождают сомнения.

— Не знаю. Команда, может быть, сомневается, потому что ей приходится осмысливать свое

поражение. Но если нас победили из-за того, что в нас закрались сомнения?

— Я в этом не уверен, — откликнулся Тефе.

— Я тоже, — кивнула Шелли. — Но у меня такое чувство, Иен, что проблема гораздо глубже. Это чувство живет во мне с самого начала рейса, но до сих пор у меня не находилось нужных слов. Чтобы привлечь мое внимание, потребовались вы.

— И ты считаешь, это связано с ослаблением веры в нашей команде, — заключил Тефе.

— Может, и так. Мужчины знают то, что знают. Чувствуют то, что чувствуют. В душе, в тех местах, через которые проходит Наш Господь, они чувствуют то же, что и он. Другие боги бросают ему вызов — вызов серьезный, какого не бросали уже несколько столетий. Если мы сами чувствуем в себе то же, что и Господь, может быть, мы все чувствуем кое-что новое.

— Что же? — спросил Тефе.

— Страх.

— Вот это уже настоящее богохульство, — сказал Тефе, помолчав.

Шелли улыбнулась:

— Смысл жизни воробьихи в утешении верующих, — по крайней мере, так говорится в скрижалях. Если эти мои слова служат вам утеше-

нием, тогда Наш Господь может меня простить.

— Твои слова служат мне чем угодно, только не утешением, — заметил Тефе.

Шелли поднялась с кресла, позволив поясу распуститься, — под халатиком взгляду открылась изумительно гладкая кожа. Воробьиха склонилась к Тефе.

— Я этому не верю, — сказала Шелли. — Вы — капитан. И вы — тот, кто вы есть. Если что-то воздействует на команду, вы не успокоитесь, пока не найдете причину. Пока не поймете, в чем дело. Если мои слова вас утешить не могут, вы найдете утешение в знании. Меня это вполне устроит.

Шелли склонилась над Тефе. Халатик распахнулся, тонкая серебряная цепочка с железным Талантом раскачивалась между небольшими сосками идеальной формы. Тефе нестерпимо хотелось взять один из них в рот, что он и сделал. Шелли застонала и опустила капитану руку на затылок, прижимая к себе. Тефе еще плотнее обхватил сосок губами и принялся легонько его покусывать.

Тефе страстно возжелал Шелли с первой встречи — еще на «Святом», где служил первым помощником. Прежде всего ему понравились слова, которые Шелли произносила теплым негромким

голосом. Голосом, столь не соответствующим дистанции и протоколу Высокой речи, которую продвигала Боевая Епархия. Понравился ее говор, который юный Тефе освоил далеко не сразу, но от которого потом уже не смог отказаться. Слова Шелли, неформальные и манящие, срывались с ее губ и находили в Тефе благодарного слушателя. Прочие качества Шелли стали очевидны довольно быстро; нет, не физические — у офицеров была своя воробьиха, — но способность к пониманию, ум и практическое знание корабля и команды. Когда Тефе предложили командовать «Праведником», он потребовал, чтобы Шелли стала старшей воробьихой.

И он, разумеется, приписал ее к офицерам.

Шелли раздела Тефе со свойственной воробьихам эффективностью, уселась на нем, взялась за член и принялась поглаживать. Перед глазами у капитана вновь оказался Талант воробьихи, сейчас он раскачивался из стороны в сторону. Тефе схватил его.

— Я до сих пор не знаю, в чем сила твоего Таланта, — сказал капитан.

— Думаю, знаете, — ответила Шелли, быстрым движением направив член в желанную для обоих цель.

Тефе обхватил Шелли за талию и поднялся на ноги, она засмеялась; воробьиха плотно обхватила его за шею, чтобы он не выскользнул. Развернувшись вместе с Шелли, Тефе толкнул женщину на постель, одновременно входя глубже.

— Знакомое ощущение, — заметила Шелли.

— Молчи, — сказал Тефе, делая второй толчок — на этот раз сильнее.

Руки воробьихи соскользнули с его шеи, обхватили его бедра, умоляя продолжать. Тефе повиновался. Шелли застонала от наслаждения.

Когда они закончили, внимание Тефе вернулось к статуэтке воробья. Он снова взял ее в руки.

— Бросьте, она не так интересна, — сказала Шелли, опершись на его грудь.

— Сама по себе — нет, — согласился Тефе. — Интересно то, от кого она. Мне все еще трудно представить, что интендант Уссе подарил тебе эту безделушку.

— Я подумала, это очень любезно с его стороны, — пожала плечами Шелли. — Со мной он был довольно нежен.

— Похоже, вся его нежность уходила на тебя.

— Нет, — возразила Шелли. — Он и о детях

своих говорил с нежностью. И о жене, хотя она его бросила. Он сказал, что всегда от нее этого ждал, и ничуть ее не винил. Трудно быть замужем за мужчиной, который верен только своему кораблю.

— Он и правда был верен, — заметил Тефе. — До самого конца. Пока не покинул его, завернутый в саван.

— Давайте не будем об этом, — попросила Шелли. — Лучше запомню его таким, каким он был.

— Каким он был с тобою, — уточнил Тефе.

— Каким он был, — твердо сказала Шелли. — Не сбрасывайте со счетов ту часть его личности лишь потому, что вы ее не знали. Никто из нас не раскрывается целиком перед одним человеком.

— Что же ты от меня скрываешь? — спросил Тефе.

Шелли улыбнулась и легонько похлопала его по груди.

— Не ваше дело. Очевидно же.

Тефе рассмеялся.

В дверь негромко постучали. Шелли застонала и встала. Надела халатик и ответила на стук, завязывая пояс. Послышался неразборчивый шепот женщины, которую Тефе по голосу опознал как Лэйд.

Шелли обернулась на Тефе.

— Лэйд говорит, у двери в Воробьятник — гавриил.

Тефе нахмурился. Когда Форн послал проверить самочувствие Исты, лейтенант спал мертвецким сном — и должен был проспать еще несколько часов. Капитан быстро оделся и торопливо подошел к двери в Воробьятник. Перед нею в коридоре стоял лейтенант Иста — болезненная серая тень самого себя.

— Лейтенант? — спросил Тефе.

— КАПИТАН ТЕФЕ, — заговорил Иста явно не своим голосом. — ПО ПРИКАЗУ БОЕВОЙ ЕПАРХИИ «ПРАВЕДНИКУ» НАДЛЕЖИТ ЯВИТЬСЯ К ЗОВУ ЕПАРХИИ. КАК МОЖНО СКОРЕЕ. ВАС ЖДУТ НЕМЕДЛЕННО.

Иста закашлялся. Его вырвало, и он рухнул на пол. Шелли выскользнула в коридор, чтобы ему помочь.

— С ним все в порядке, — немного погодя сказала она. — Просто обессилел. Его нужно доставить в лазарет.

— Нет, — сказал Тефе. — Как только Эндсо узнает, что мы выдвигаемся к Зову Епархии, захочет воспользоваться гавриилом еще раз — даже если тот будет при смерти. Пусть он останется здесь, в

Воробьятнике. Эндсо и не подумает сюда сунуться, пусть Иста спит столько, сколько нужно. Когда проснется — отправь его ко мне.

С этими словами Тефе пошел на мостик, чтобы прервать подготовку к перелету к Трискеллу и перенаправить корабль к Зову Епархии.

Перенаправить корабль домой.

Глава 4

Капитан Тефе кивнул страже.

— Открыть ворота! — велел он.

Стражники подчинились, и тяжелые железные ворота принимающей корабли крепости с треском разошлись, являя взору город и широкий проспект длиной в милю, соединяющий крепость с тюрьмой для богов. Вдоль проспекта стояли дома, жители которых высовывались из окон и топтались на перекрестках в ожидании парада.

В ожидании, когда Тефе поведет бога у всех на глазах.

К капитану подошел Нил Форн. У него было две сумки, одну из которых он подал Тефе.

— Ваши медяки, капитан.

Тот кивнул и взял сумку. Она была забита монетами, которые во время шествия предстояло бросать в толпы по обочинам магистрали. Одной рукой зрители будут ловить монеты, а другой — с криками швырять в бога мусор и гнилые овощи.

— Помню себя на их месте, — сказал Форн, махнув рукой на запад. — Я был ребенком, жил в шести перекрестках отсюда. Когда ворота открывались, где бы мы ни были и чем бы ни

занимались, бросали все на свете и со всех ног мчались сюда. Капитаны и помощники швыряли нам монетки, а мы дрались за них, а потом покупали хлеб на то, что удалось собрать. Когда подросли, стали покупать выпивку.

— Теплые воспоминания? — спросил Тефе.

Старший помощник фыркнул:

— Нет, капитан. Один-единственный медяк часто определял, что я буду сегодня есть — свежий теплый хлеб или заплесневелые ошметки, которые мы наскребали, чтобы кидать в богов. — Форн мотнул головой в сторону домов. — Здесь не то место, где детям хорошо. Не думаю, что половина моих сверстников дожила до того возраста, в котором можно покинуть дом. А из тех, кто дожил, большинство так никуда и не перебралось. Уверен, некоторых мы увидим сегодня там, у дороги. Они будут все так же кричать во славу Господа и надеяться поймать медяк.

— Так швырни им парочку монет, — предложил Тефе. — Вечером за выпивкой они помянут тебя добрым словом.

Форн покачал головой и посмотрел вдаль.

— Буду бросать их детям, — сказал он. — Им нужнее. Кто-то из них еще может отсюда убраться. Как я когда-то.

При этих словах старший помощник кисло улыбнулся капитану и отстранился.

Тефе не стал настаивать на продолжении разговора. Вместо этого обернулся, чтобы взглянуть на бога, надежно запертого в узорной клетке, железные прутья которой были слишком толстыми для побега, но сплетались в достаточно крупные ячейки, чтобы свободно бросать сквозь них гнилые овощи. Клетку охраняла дюжина конвоиров из тюрьмы, одетых в расшитые красным, золотым и черным ливреи. Конвоиры вооружились пиками из железа второй выделки. Пики, хоть и церемониальные, были наточены и сбалансированы — подходили и для нападения, и для воспитания. На коротком пути в тюрьму боги не раз пытались бежать. Случалось и так, что немногочисленные их сторонники пробовали спасти своих повелителей.

Но вот то место, куда предстояло попасть богам или их последователям, было совершенно иным. На внутреннем городе Зова Епархии лежала печать Самого Господа, его окружало узорное кольцо из железа первой выделки. Ни один из богов, ослабленных и лишенных своей изначальной силы, не мог и надеяться на побег. Последователи Господа также не приближались

к кольцу, хотя и по совершенно другой причине. Зная, что даже крохотный кусочек железа первой выделки можно сбыть за столько медяков, сколько не увидишь и за год, потенциальные воры знали и то, что кража материала Опечатанного Кольца обрекает на пожирание души. На смерть после смерти.

Тефе содрогнулся при одной мысли об этом и перевел взгляд на самого бога. Сквозь прутья решетки тот смотрел прямо на него.

Между Тефе и богом вклинился священник Эндсо.

— Капитан, мы готовы, — объявил он.

Священник был облачен в превосходные одеяния — зеленые и золотые — и в правой руке держал жезл. Тефе знал, что Эндсо будет вышагивать достаточно близко к клетке, чтобы всем казалось, что именно он поймал бога и контролирует его, — но не настолько близко, чтобы зеваки, целясь в бога, попадали в самого священника.

— Мы готовы, — повторил Эндсо. — Славный денек для парадного марша!

Тефе бросил взгляд на Форна, который сдержанно закатил глаза. Они оба повернулись к проспекту, у обочин которого уже собрались толпы зрителей, глумившиеся над богом и готовые

осыпать его проклятиями, когда он будет проезжать мимо. Стражи у ворот кивнули капитану; теперь ворота распахнулись настежь.

Тефе глубоко вдохнул, запустил руку в сумку с медяками и сделал первый шаг вперед — к проспекту и к темнице для богов.

— Как вы себя чувствуете, капитан Тефе? — спросил старший епископ Чок.

Сам Чок и два других епископа сидели за длинным изогнутым столом темного мыльного дерева в конференц-зале разросшейся Епархии, которая занимала чуть ли не весь город, в котором формально располагалась. Перед каждым лежала стопка бумаг. Тефе стоял перед ними.

— Вас, кажется, что-то отвлекает? — добавил епископ.

— Прошу прощения, ваше преосвященство, — извинился Тефе. — Я вспоминал наш парад после прибытия.

— Вот как! Он доставил вам удовольствие, капитан? — спросил Чок.

— Продемонстрировать верным слугам Нашего Господа его силу, перед которой склоняются даже боги, — всегда огромная честь.

Чок хихикнул.

— Очень дипломатично, капитан. Но в этом

зале нет нужды в дипломатии.

— Слушаюсь, ваше преосвященство, — ответил Тефе, но и не подумал высказать свои настоящие мысли.

— Мы прочли ваш отчет о событиях, сопутствовавших поражению у Амен-Кура, — произнес другой епископ, в котором Тефе опознал Стея Эро, викария-архивариуса Епархии, отвечающего за разведку. — И дополнительный рапорт об инциденте с богом. Кроме того, вряд ли вас удивит, что мы узнали и другие подробности этих событий — от судового священника и из других источников.

— У вас шпион на борту «Праведника», — констатировал Тефе.

— Вас это обижает, капитан? — спросил Эро.

— Никак нет, ваше преосвященство. Мне нечего скрывать от Боевой Епархии или Епархии в целом. Ваш шпион не скажет вам ничего такого, чего бы я сам не рассказал. А потому он никак не может навредить ни мне, ни моему кораблю.

— Вы и правда честный капитан, — пробормотал Эро, поглаживая свою стопку документов. — Хотя, может быть, и не всегда мудрый. Мы ждали от капитана линейного корабля большего, чем отступление у Амен-Кура. Что вы ответите на это, капитан Тефе?

Тефе держал себя в руках.

— Отвечу, что мы ввязались в бой с тремя кораблями, каждый из которых по силе был равен «Праведнику». Это был ближний бой, а наш бог только-только доставил нас к Амен-Куру и был слишком изнурен, чтобы мы могли избежать нападения или скрыться. По милости Нашего Господа мы сумели уничтожить один из нападавших кораблей, и нанести ущерб второму, в то же время отводя противника от планеты, чтобы дать верным слугам Господа время подготовиться к нападению и вызвать на подмогу другие корабли. Мы покинули окрестности Амен-Кура, лишь когда «Праведник» получил такие повреждения, что не выдержал бы еще одного удара. И даже тогда у нашего бога хватило сил дотянуть нас лишь до внешней планеты системы Амен-Кур. Мы укрылись в ее кольцах, отключили всю электронику и выжидали до тех пор, пока корабль и бог более или менее оправятся для нового полета.

— Все это — лишь оправдание вашей неудачи, — сказал Эро.

— Это — объективный отчет, ваше преосвященство, — возразил Тефе. — Я стою здесь, перед вами, не раскаиваясь в своем выборе, и готов принять за него любое наказание. На мой взгляд,

я принял наилучшее решение для моего корабля и для жителей Амен-Кура. Быть может, другой капитан поступил бы иначе — и у него вышло бы лучше. Но я сделал то, что сделал.

— Хорошо сказано, — заметил Чок. — И в общем-то сделано тоже неплохо. Вы защищали свой корабль и верных слуг Господа, пока были в силах защищать, — и делали это лучше, чем удалось бы другим. Тем не менее это слабое утешение. Прежде чем другие наши корабли сумели добраться до Амен-Кура, чтобы прогнать третий корабль — тот, которого «Праведник» не смог победить, — он уничтожил на планете три города. Мы потеряли сотни тысяч душ.

— Они не высадили десант? — спросил Тефе. — Не стали грабить города?

— У них была другая цель, — сказал Чок.

— И какая же?

— Геноцид!

Это слово вырвалось у третьего епископа. Тефе его не знал, но заметил на лицах Чока и Эро страх и уважение. Кем бы ни был третий епископ, по рангу он был выше их, куда выше.

— Да, геноцид, — продолжил третий епископ. — Систематическое уничтожение верующих. Не для того, чтобы было легче красть вещи, об-

менивать заложников на деньги, грабить или насиловать, — нет! Для того, чтобы уничтожить Нашего Господа через уничтожение того, что его поддерживает!

Капитан бросил взгляд на Чока, который из этой троицы, по-видимому, симпатизировал ему больше всех.

— Что же поддерживает Нашего Господа, старший епископ? — спросил Тефе.

— Его поддерживает вера, капитан, — с укором ответил Чок. — Вы должны это знать из скрижалей.

— «Ибо подпитываюсь я верными слугами, и влекут меня празднования их», — процитировал Тефе. — Я достаточно хорошо знаю скрижали, старший епископ.

— Тогда, наверное, все дело в том, что вы не до конца понимаете, что в них написано, — сказал Чок. — Когда Наш Господь говорит о том, что его питают верующие, это не метафора. Наша вера поддерживает его и придает ему сил, дает ему возможность распространить на нас его благодать, победить и поработить врагов его. И это, в свою очередь, открывает нам возможность путешествовать среди звезд в поисках мест, которые нужны для преумножения нашего числа и усиле-

ния его, чтобы он еще надежнее нас охранял.

— И потому уничтожение верующих в Господа напрямую вредит ему, — сказал Тефе.

— Именно, — согласился Чок.

— Но этого нет в скрижалях, — заметил Тефе.

— Господь не глуп, — произнес Эро. — Он не указывает, как ему навредить.

— Не указывает — и геноцид никогда не применялся против Господа или его верных слуг теми, на кого его благодать не распространяется, — сказал Тефе. — Этого нет ни в скрижалях, ни в военных хрониках.

Епископы не ответили; Чок и Эро посмотрели на третьего епископа. Тот, в свою очередь, перевел взгляд на Тефе.

— Лечь! — велел он капитану.

Тефе без лишних вопросов растянулся на полу.

— Налагаю на тебя обет молчания, — объявил третий епископ. — То, что ты здесь услышишь, да не будет повторено вслух — иначе ты потеряешь душу.

Тефе содрогнулся; он знал, что епископ предупреждает его о том, что душа будет уничтожена.

— И повторно налагаю на тебя требование молчать; и в третий раз. Дозволяю подняться.

Тефе встал.

— Вы никогда не слышали о тактике геноцида, потому что ее не использовали уже тысячи лет, — пояснил епископ Эро. — Из скрижалей вы знаете, что в То Время тысячи богов сражались за души верующих и что победил Наш Господь. О чем там умалчивается — так это о тактике, к которой прибегали те боги в попытках принизить его.

— Значит, в То Время некоторые из них прибегали к геноциду, — уточнил Тефе.

— Все они, капитан, — ответил Эро. — Все до единого. И все же Наш Господь победил, поработив сотни богов, которые с ним сражались, а прочих принизив настолько, что его превосходство стало бесспорным. Те боги сейчас существуют на задворках его империи, у них настолько мало верующих, что по сравнению с пиршеством Господа это жалкие огрызки. Их удел — грабежи и захват заложников, о чем мы упомянули.

Тефе кивнул. В предыдущих рейсах ему приходилось сталкиваться лишь с мелкими нападениями, и цель в тех стычках была двоякой: во-первых, защитить верных слуг Господа от нападения и, во-вторых, предпочтительно захватывать, а не убивать богов, приводящих в движение вражеские корабли, — чтобы поработить и, стало быть, увеличить число его кораблей.

— Капитан, то, что случилось у Амен-Кура, — не первый такой случай, — сказал Эро.

Ошеломленный, Тефе посмотрел на епископа:

— Были и другие случаи геноцида?

— За последний месяц их было три, и Амен-Кур — последний, — сказал Чок. — До этого нападали на Смар и Бриз, их города и верующие сгорели в огне. От благодати Нашего Господа ушли миллионы верных слуг. Если бы не ваши действия, с Амен-Куром случилось бы то же самое.

— Все равно погибли многие, — сказал Тефе.

— Да, — согласился Чок. — Однако же и выжили многие из тех, кому предстояло умереть.

— Я впервые слышу об этих зверствах, — признался Тефе.

— Вы не единственный верующий, кому выпала честь хранить молчание, — заметил третий епископ.

— На Смаре и Бризе находилось лишь по одному гавриилу, которым было дозволено говорить с другими системами. В каждой системе — по одному, — сказал Эро. — Все сообщения проходят через нас, через Епархию. При желании нам нетрудно сохранять что-либо в тайне, а в этом случае такое желание у нас было.

— Еще не время беспокоить верующих этой

проблемой, — пояснил Чок. — В данный момент в наших интересах, чтобы все думали, будто те мелкие боги и их последователи по-прежнему только грабят и захватывают заложников.

— Ваши преосвященства, при всем уважении, этому обману долго не продлиться, — произнес Тефе. — Эти божки перешли от мелких набегов к поголовному вырезанию верующих. Это не просто смена тактики выживания, это смена намерений. Что-то заставило их вылезти из своих нор и начать смелую и убийственную агрессию.

— Капитан умен, — помолчав, заметил Эро.

— Ваше преосвященство, дело не в этом, — ответил Тефе. — Когда передо мной раскладывают карту, я могу ее прочесть.

— Появился новый бог, — сказал Чок. — Мы не знаем, откуда он взялся. Он подошел к границе владений Нашего Господа, и у него значительные силы. Полагаем, его присутствие провоцирует этих мелких богов на дурные поступки.

— Они заодно, — подхватил Тефе.

— Боги не бывают заодно, — прорычал третий епископ.

Тефе глубоко склонил голову:

— При всем уважении, епископ, если все, что я здесь услышал, — правда, тогда эти боги дей-

ствуют таким образом, который подразумевает координацию и некую стратегию. И все это подразумевает альянс.

— Нет никакого альянса, — произнес третий епископ, наклоняясь вперед. — Он узнал бы, если бы альянс был. Он говорит, альянса нет. Говорит, что боги ненавидят друг друга, как ненавидели всегда.

Тефе, холодея, начал понимать, кем должен быть этот третий епископ.

— Слушаюсь, ваше преосвященство, — сказал он.

Третий епископ вновь откинулся в кресле.

— Что бы ни было причиной таких действий, в последнее время Наш Господь ослаб, — сказал Чок, перехватывая инициативу в разговоре. — Главенству Господа над его владениями ничто не угрожает, но было бы глупо игнорировать угрозу, которая стоит у порога.

— Чтобы помочь Господу, я сделаю все возможное, — заверил Тефе. — Даже ценой своей жизни.

Чок улыбнулся:

— Надеемся, до этого не дойдет.

Епископ достал картинку из своей папки и жестом велел капитану взять ее в руки. Это была планета с незнакомыми координатами.

— Ваш пункт назначения, капитан, — пояснил Эро.

Тефе внимательно осмотрел картинку.

— Здесь нет названия.

— Названия и имена дают власть, — заметил Чок. — Они привлекают внимание. К этому месту мы предпочитаем внимание не привлекать.

— Слушаюсь, ваше преосвященство, — отчеканил Тефе. — Что я должен там найти?

— Веру, — произнес третий епископ.

Глава 5

— Я не понимаю, — сказал капитан Тефе.

— Капитан, напомните мне, с чем в скрижалях сравнивается вера? — спросил епископ Чок.

— «Наша вера — как железо», — послушно процитировал Тефе.

Это была одна из первых фраз, которые дети учат в школе.

— Как и со многими другими понятиями в скрижалях, данное сравнение не есть что-то поверхностное, и это не метафора, — пояснил Чок. — Сравнение прямое и точное. Качество веры придает ей сил, увеличивает способность поддерживать Нашего Господа. Хороший пример — ваша вера, капитан. Она самая слабая.

Тефе непроизвольно выпрямился.

— Моя вера вне всяких сомнений, старший епископ, — выпалил он.

Чок отмахнулся от возражения:

— Я говорю не о глубине вашей веры, капитан, и не о степени искренности. Их под сомнение никто не ставит. Но ваша вера — это вера вашего отца, дедов, прадедов и их предков, которую, очевидно, можно проследить до Тех Времен, ко-

гда люди выбирали себе богов для поклонения. Я прав?

— Наш род имеет честь быть первым из Призванных, — кивнул Тефе. — Мой пращур Ордор Тефе выбрал веру в Нашего Господа и мученически погиб за нее.

— Праведный род, о да, — сказал Чок.

В его словах Тефе послышалось еле ощутимое пренебрежение к мученической смерти предка, и ему стало больно.

— То, что является гордостью вашего рода, одновременно снижает качество вашей веры. До вас, капитан, веру заслужили ваши предки. Вы унаследовали ее, словно фамильный мундир, доставшийся от дедушки.

— Моя вера — моя личная, ваше преосвященство, — возразил Тефе. — Хотя ее получили предки, она заново расцвела во мне.

— В точку! — воскликнул Чок, подчеркнуто хлопнув в ладоши. — Заново расцвела. Обновилась. Как железо, которое переплавляется в горниле.

Теперь Тефе понял.

— Моя вера — словно железо третьей выделки, — сказал он.

— Не только ваша вера, капитан, — поправил

его епископ Эро. — Также вера почти всех остальных слуг Нашего Господа. Это гарантируют сами размеры его владений. Вера третьей выделки — вера унаследованная, так же как ваша вера была унаследована в тот момент, когда вы появились на свет.

— Но раз есть вера третьей выделки, должна быть и вера второй выделки, — догадался Тефе.

— Присвоенная вера, — кивнул Эро. — Вера в других богов, когда Наш Господь их побеждает, а их последователи становятся новообращенными слугами Господа.

— Почему эта вера сильнее? — спросил Тефе.

— Не вам задавать этот вопрос, — подчеркнуто резко ответил капитану третий епископ. — Вам надлежит лишь знать ответ. И даже это опасно.

Тефе склонил голову.

— Для выполнения вашего задания теологические аспекты качества веры не важны, — сказал Чок несколько мягче. — Вам надлежит знать лишь вот что: с точки зрения поддержки Господа вера третьей выделки — свет лунный, а вера второй выделки — свет солнечный.

Тефе кивнул.

— Приумножение числа верующих во владениях Господа одновременно уменьшило число

тех, чья вера может стать верой второй выделки. Горстка последних не сможет помочь Нашему Господу в его сражении с новым богом.

Тефе перевел взгляд на картинку, которую дал ему Чок.

— Тогда я не понимаю, зачем вы хотите отправить «Праведник» на эту планету, — сказал он. — Ведь вера, которую я там найду, не сможет поддержать Нашего Господа.

— Вера, которую вы там найдете, капитан, не второй выделки, — улыбнулся Эро. — И не третьей.

— Вера первой выделки? — вскинул голову Тефе.

— Вера там, где прежде не было никакой, — нараспев сказал третий епископ. — Чистая и новая вера.

— Такая вера, которая превосходит веру второй выделки так же, как последняя превосходит веру третьей выделки, — добавил Чок.

— Но разве это возможно? — спросил Тефе. — Такой веры не могло быть еще с Тех Времен! В скрижалях говорится, что в Те Времена все люди выбрали себе богов и сражались за них. Все люди, ваше преосвященство!

— Это скрижали для прихожан, капитан, —

пояснил Эро. — Они написаны для верующих, чтобы поддерживать в них веру. Есть церковные скрижали, дающие знания священникам. А еще есть скрижали для епископов — о них известно немногим, потому что знать о них надлежит лишь немногим. До сих пор вам были открыты только скрижали для прихожан.

— Из скрижалей для епископов нам открывается, что в Те Времена Наш Господь проведал — есть люди, не знающие бога. Зная, что придет время, когда ему потребуется сила веры первой выделки, он скрыл их в этом месте, спрятал от остальных богов — чтобы прибегнуть к вере новообращенных, когда пробьет час.

— Но что с людьми, которые там живут, ваше преосвященство? — спросил Тефе. — Как насчет их душ? Они тысячи лет прожили, не зная Нашего Господа.

Капитан поймал быстрый взгляд, брошенный Чоком на третьего епископа — очевидно, с целью узнать, не разгневали ли его эти слова. Третий епископ промолчал.

— Для этих душ у Господа имеется свое предназначение, — ровно и неторопливо сказал Чок. — Капитан, я еще раз обращаю ваше внимание: вам нет нужды вдаваться в теологические

аспекты, ваше дело — техническое исполнение задания.

— Как скажете, ваше преосвященство.

— Наш Господь обязан ответить на вызов возникшего бога. Господу приходится оставаться в границах своих владений и до последнего не дать знать об этом месте другим завистливым богам, которые следят за тем, куда и как он направляется, — сказал Эро. — Посему он дает вам задание лететь к этой планете. Вам надлежит найти самое крупное поселение и привести его жителей к вере в Нашего Господа. Они наверняка примут его с готовностью.

— Со мной полетит группа священников? — спросил Тефе.

— На это нет времени, — ответил Эро.

Тефе повернулся к Чоку, но тот поднял руку, не дав ему заговорить.

— В иное время мы, пожалуй, так бы и поступили, — сказал Чок. — Но сейчас нам нужно действовать быстрее и тише. Для обращения сойдет и тот священник, который у вас есть. Вам в помощь мы усилим команду «Праведника» группой Стражей Епархии.

Стражи Епархии — военные прислужники, телохранители правящих епископов, и, как шепо-

том утверждали некоторые, своими действиями они выбирают главу Епархии.

— Как скажете, — согласился Тефе. — Но я знаю, что многие предпочли обращению смерть. Так поступил мой пращур.

— Эти люди не держатся ни за какого бога, — объяснил Чок. — Когда вы продемонстрируете им силу Нашего Господа, они сами придут к нему.

Эро опустил на стол небольшую шкатулку и толкнул ее к Тефе.

— А когда они согласятся, вручите это одному из них, а священник пусть проведет обряд.

Тефе отложил картинку, которую держал в руках. Он взял ларец, открыл крышку. Внутри лежал Талант на тонкой, словно волос, цепочке. Символ показался знакомым, но Тефе не мог вспомнить, что он означает.

— Дозволено ли мне спросить, что это за Талант?

— Это Талант Вхождения, — сказал Эро. — Через него Господь придет к вам и его новой пастве и возьмет от них все, что ему потребуется.

— Это не тот Талант, который вручается бездумно или без разбору, — заметил Чок. — Вам надлежит убедиться, что вы хорошо подумали, кому его вручить. Кандидат должен быть искрен-

ним, он должен всем сердцем желать прихода Господа.

— Возможно, выбирать лучше священнику Эндсо? — спросил Тефе, снова опуская взгляд на Талант.

— Эта задача возлагается на вас, — отрезал Чок. — Ваши действия у Амен-Кура говорят в пользу ваших суждений и честности. Это ответственная задача, которую надлежит выполнить для Господа. Вас, бравый капитан, выбрали не из прихоти. Кроме того, за выполнение этой задачи вы будете вознаграждены.

— Ваше преосвященство? — спросил Тефе.

— После возвращения вас повысят, — сказал Эро. — Вы оставите военную службу и станете старшим епископом. Вместе с вами мы будем планировать стратегические операции, которые помогут Господу разгромить нового бога и покончить с неприятностями, которые тот доставляет. Мы восстановим порядок и повторно подчиним тех богов, которых этот, новый, так взволновал.

Тефе уже не слышал, о чем идет речь. Повышение означало уход в стены Епархии — уход окончательный и бесповоротный. Означало потерю должности и команды. Потерю «Праведника».

Потерю Шелли.

Тефе закрыл шкатулку с Талантом и поставил ее на стол.

— Вы оказываете мне слишком большую честь, — сказал он. — Я не смею просить о повышении только за выполнение долга.

— Не имеет значения, что бы вы хотели попросить, — отмахнулся третий епископ.

— Капитан Тефе, вам уже открыто многое из того, что капитанам вроде вас знать не положено, — сказал Эро. — Нарушение тайны оправдывает лишь исключительная природа вашего задания. Вам дозволено узнать все вам рассказанное лишь потому, что уже решено — вы станете одним из нас.

— И это должно вас радовать, — подхватил Чок. — Равно как и нас. По нынешним временам выбор старшего епископа из рядов военных — огромная редкость. В наши стратегические разработки вы внесете свежий взгляд, предложите нужные решения. Для нас вы окажетесь не менее полезным, чем само повышение для вас.

Тефе закрыл глаза и опустил подбородок. Он молился о том, чтобы взирающие на него епископы увидели в этих жестах смирение, а не ярость. Затем капитан поднял голову.

— «Все, что мы делаем, мы делаем во славу Господа», — процитировал он.

Лишь придя в себя на булыжной мостовой, сквозь звон в ушах Тефе догадался, что взорвалась бомба.

Бегло себя осмотрев, он понял, что не ранен. Он перекатился со спины как раз вовремя, чтобы увидеть женщину, которая неслась к нему с ножом в руке. Из-за контузии ее вопль звучал приглушенно. Капитан ударил ногой изо всех сил — подошва ботинка врезалась в ее колено, оно неестественно вывернулось. Женщина упала, выронила нож — он звякнул о булыжники. Тефе торопливо поднялся, и в этот момент другая женщина, увидев, как упала первая, развернулась и с воплем бросилась к капитану.

Тефе подпустил ее поближе, а затем схватил с дороги сумку с медяками, которые ему вручили для второго парада — на обратном пути к принимающей корабли крепости. Тефе размахнулся, и сумка с ходу врезалась женщине в висок. Сумка порвалась, в воздух взметнулись монеты и дождем посыпались на землю. От удара женщина пошатнулась, и Тефе воспользовался шансом — он резко толкнул ее наземь. Голова нападавшей ударилась о мостовую с таким звуком, с каким

раскалывается арбуз. Женщина не шевелилась. Тефе увидел нож, который выронила первая противница, поднял его и, озираясь, приготовился пустить оружие в дело.

Неподалеку Тефе заметил сидящего на мостовой Нила Форна; тот зажимал кровоточащую рану на голове. Форн жестом дал понять, что ранение неопасное. Тогда Тефе осмотрел улицу.

Бомба взорвалась на приличном расстоянии от капитана, ближе к клетке с богом. На мостовой лежали прислужник и два стражника из конвоя, один — разорванный чуть не надвое. Либо бомба была маломощной, либо стражник бросился на нее, чтобы защитить остальных. Дальше за этим кровавым месивом оставшиеся в живых стражники ожесточенно сражались с группой уличных бойцов, умело пользующихся ножами и обычным ударным оружием. Они окружили запертого в клетке бога, который, в свою очередь, явно что-то высматривал. Казалось, он озирается с паническим нетерпением.

«Что он выискивает?» — подумал Тефе.

Бог дико ухмыльнулся и торопливо перебрался к левой передней стороне клетки. Он просунул руку между прутьями и вытянул ее, словно пытаясь до чего-то дотянуться.

Тефе проследил за его взглядом. Из беспорядочной толпы, пытающейся разбежаться по улице от взрыва, выступил человек в капюшоне. Он что-то крепко зажал в руке. Тефе перевел взгляд на бога и увидел, что тот делает человеку жест, просит бросить ему предмет.

Человек в капюшоне смотрел на бога, не замечая Тефе. Капитан со всех ног рванулся к нему, стиснув нож, а человек отвел руку назад и приготовился к броску.

Тефе столкнулся с противником за долю секунды до того, как кулак поднялся до верхней точки. Предмет, траектория полета которого оказалась нарушена, со звоном покатился по булыжникам мостовой, пролетев вперед лишь несколько ярдов. Человек в капюшоне потерял равновесие, но не упал. Ткань плаща откинулась, под ней оказалась женщина средних лет со шрамами на лице. Она мгновенно восстановила равновесие и тут же ударила капитана кулаком в челюсть. Тефе отбросило назад, он выронил нож, взвыв от боли и хватаясь за рот рукой. Женщина неистово обводила мостовую взглядом, пытаясь отыскать упавший предмет.

Тефе, чувствуя на губах кровь, проследил за ее взглядом и метнулся вперед, когда она нашла

то, что искала. Капитан целил в женщину, а не в объект ее внимания. Он всей массой налетел на нее, и они повалились на мостовую; мужчина одерживал верх только за счет габаритов. Женщина врезалась в булыжники с такой силой, что из нее буквально вырвался воздух. Тефе откатился от противника, избегая нового удара; при этом он почувствовал — что-то укололо его в спину. Тефе изогнулся, просунул под себя руку, схватил предмет и, крепко зажав в руке, снова откатился в сторону и на этот раз оказался лицом вниз.

Ему на спину обрушился серьезный вес, чуть не сломав хребет. Тефе буквально вырвало воздухом, боль была слишком сильна, чтобы он мог пошевелиться. Чьи-то руки крепко взяли его за затылок, приподняли голову и с силой приложили капитана лицом о мостовую. Тефе ощутил, как ломается нос и сдирается кожа на лбу. Женщина снова приподняла его голову. Очевидно, она собиралась бить его о булыжники, пока он не умрет.

И тут Тефе услышал над собой, как кто-то жадно ловит ртом воздух, а затем почувствовал на шее влажный и теплый всплеск. Капитан сумел повернуть голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как женщина валится на мостовую рядом с ним. Тефе откатился в сторону, лицом вверх: Нил Форн

навис над ним с ножом первой нападавшей, который капитан чуть раньше подобрал с мостовой.

— Это была женщина, — сказал Форн, тяжело дыша. — Капитан, они все женщины.

Тефе кивнул, с трудом поднялся, а потом отвернулся. Его вырвало.

— Женщинам проще пробраться на парад, — пояснил он, переведя дух. — Стражники не ждали от них нападения. Или боя.

Нетвердо держась на ногах, Тефе посмотрел в сторону клетки с богом. Женщин, которые сражались рядом с ней, больше не было — они все разбежались, кроме тех, кто замертво лежал на мостовой.

— Но это же бессмысленно, — возмутился Форн. — Всю территорию окружает изгородь из железа первой выделки. Богу некуда идти — некуда бежать.

Тефе осязал в руке тот предмет, который пыталась бросить богу женщина в капюшоне. Капитан разжал кулак, чтобы его рассмотреть, — это был Талант на цепочке.

— Может быть, он задумал не побег, а нечто другое, — сказал Тефе.

Глава 6

— Может, вы и сумели обвести вокруг пальца начальника тюремной стражи, но меня вам так легко не одурачить, — усмехнулся священник Эндсо.

Они с капитаном Тефе стояли на борту «Праведника» у входа в божью камеру.

— И если вы хотите допросить бога, я буду при этом присутствовать.

Тефе, раны которого все еще болели после манипуляций лекаря, держал себя в руках, хоть и был раздражен донельзя. Действительно, он кое-что утаил от командира стражников — Талант, отобранный у женщины. Его Тефе решил сохранить в секрете: в этой вещице был сокрыт ключ к серьезному плану, который так и останется лишь планом, если сдать Талант. К плану, в котором своя роль отведена богу на борту «Праведника», а значит, и самому «Праведнику».

— Я видел ее, — сказал Эндсо. — Ту вещицу, что вы отобрали у женщины. При нападении. Видел. И знаю: она имеет отношение к богу!

— Забавно, сколь много вы сумели разглядеть из вашего наблюдательного пункта под повоз-

кой, — напомнил Тефе, где нашли священника после атаки.

Эндсо вспыхнул:

— Не богохульствуйте, капитан!

— В правде нет богохульства, священник, — возразил Тефе.

Он попытался протиснуться мимо Эндсо. Тот не дал ему пройти.

— В самом деле, капитан? Ну, тогда у меня для вас тоже найдется правда. Вы капитан и командир корабля. Но по правам духовенства и правилам Боевой Епархии на отлет корабля требуется благословение священника и его молитвы. Вам придется получить мое благословение, капитан, — в противном случае «Праведник» не сдвинется ни на дюйм!

— Мы получили задание напрямую от глашатая, — сказал Тефе.

В конце концов он для самого себя назвал третьего епископа — единственного, кто напрямую общался с Господом, а потому единолично озвучивал его слова и приказы. Капитан отметил, что священник непроизвольно распахнул глаза.

— Священник Эндсо, вам стоит задаться вопросом — хотите ли вы объяснять, почему корабль не тронулся с места вопреки его приказу?

Было похоже, что священник запаниковал, — но это продлилось совсем недолго. Он улыбнулся капитану:

— Согласен, капитан Тефе, — я ничуть не возражаю! Давайте обратимся к Боевой Епархии. Я поведаю им, по какой причине отложил отлет, а вам представится случай объяснить, почему вы солгали начальнику Стражи и даже сейчас держите при себе вещицу, предназначенную для бога. Быть может, вы по зрелом размышлении решили лично доставить ее по назначению?

Настал черед вспыхнуть Тефе.

— Только попробуйте еще раз назвать меня предателем, священник, — прошипел он, вплотную приблизив лицо к лицу Эндсо. — Узнаете тогда, как я вам отвечу. И за это я с радостью буду держать ответ перед Господом лично!

Эндсо сглотнул, но упрямо повторил:

— Капитан, наш корабль не двинется с места, пока я не узнаю, что у вас за дела с этим богом.

Тефе чертыхнулся и отдалился от священника, а затем вновь рванулся к нему. Но остановился, чтобы и понять, что именно собирается сказать.

— Значит, мы поняли друг друга? — улыбнулся священник.

Вместо ответа Тефе открыл дверь в божью ка-

меру и жестом пригласил Эндсо войти.

В камере был бог; он отдыхал, прикованный к своему кольцу. Его охраняли двое прислужников с пиками наготове. Капитан на миг задался вопросом, решены ли наконец проблемы со снабжением — действительно ли острия этих пик из железа второй выделки.

— Вон! — велел Тефе прислужникам.

Они посмотрели на священника. Тот кивнул. Прислужники осторожно положили пики подальше от кольца и ушли, закрыв за собой дверь.

Тефе опустился на колени, вытащил из кармана рубашки предмет и показал его богу.

— Что это? — спросил Тефе.

Бог лениво повернул голову и бросил на предмет быстрый взгляд.

— Красивая вещица, — ответил он и отвел глаза. — Безделушка. Никакой ценности.

Тефе придвинул предмет еще ближе. Теперь он едва не касался железного кольца.

— Это Талант, — сказал капитан. — Штука, которую боги дают последователям, осеняя их своею благодатью, чтобы эти последователи сами могли ею воспользоваться.

— Может, и так, — согласился бог.

— Это Талант, который ты дал своим последо-

вателям, — сказал Тефе.

— Возможно, — сказал бог, вызывающе зевая.

Он улегся поудобнее в железном кольце, словно собираясь вздремнуть.

— У Таланта самого по себе нет никакой силы, — продолжил Тефе. — Если бог решит не передавать благодать, она никого не осенит. Если бог в рабстве, все его Таланты спят вечным сном.

— Вы дока в вопросах, которые нас совершенно не занимают, — заметил бог. — Знаток правил. Отношений. Риторики. Всяких бесполезностей.

— Верно, — кивнул капитан. — Это бесполезная штука. Определенно, она не может пригодиться тому богу, который ее создал. Тем не менее довольно странно, что с десяток женщин погибли, пытаясь передать тебе безделушку.

Лежа на полу, бог пожал плечами:

— Мы не можем объяснить, почему женщины делают так, а не иначе. Или мужчины. На наш взгляд, вы начисто лишены здравого смысла. Понятия не имеем, почему ваш Господь, — эти слова бог чуть ли не сплюнул, словно яд, — так вас ценит. Скучные маленькие создания, вот вы кто.

— Ты мне ответишь, — настаивал Тефе. — Расскажешь, что значит для тебя эта штука.

— Мы уже ответили и рассказали. Спроси нас

снова — и мы повторим наш ответ теми же словами. Если не уснем от скуки.

Тефе мрачно уставился на бога, а затем слегка повернулся к Эндсо.

— Скажите, священник… — повернулся он, и на мгновение Талант в его руке пересек периметр кольца.

Бог оглушительно взревел и с неукротимой яростью бросился на Талант, не оторвав капитану запястье лишь потому, что тот цепочку держал некрепко. На долю секунды Талант взметнулся в воздух: траектория его полета шла выше предела досягаемости закованного в цепи бога. Затем Талант полетел вниз, и бог накинулся на него — схватил одной рукой и что есть силы прижал к груди. Неуловимым движением бог повернул голову, чтобы бросить на Тефе зловещий взгляд; губы его раздвинулись в торжествующей усмешке, обнажая зубы.

А затем бог зашелся в жутком крике и отшвырнул вещицу прочь. Талант, вылетев за границы кольца, со стуком покатился по полу. Бог упал на плиту, терзая свою плоть в тех местах, которые соприкоснулись с Талантом.

Капитан Тефе спокойно наблюдал. Он глянул на священника — тот казался одновременно на-

пуганным и очарованным, словно его разрывали желание убежать прочь и желание и дальше смотреть, как бог вонзает когти в свое тело, оставляя на железном кольце куски божественной плоти.

Выждав с минуту, Тефе подошел к рычагам, которые определяли длину цепей, и до предела втянул последние в пол. Бог распластался, он корчился от боли — те места, которые коснулись Таланта, плотно прижались к железу. Тефе отошел от рычагов, поднял Талант и, опустившись на колени, опять показал его извивающемуся богу.

— Это мой личный Талант, — заговорил Тефе. — Его даровал Мой Господь, когда назначил меня командиром этого корабля. В притворном безразличии и торопливости, с которой стремился его схватить, ты не разобрал, что она на самом деле такое. А поскольку Талант принадлежит Господу, он обжег тебя — как обжег бы Талант любого другого бога.

Тефе провел рукой под цепочкой на шее, доставая второй Талант, и тоже показал его богу. Тот заплакал и забился на цепях, пытаясь нащупать опору и подняться. Ему не удалось — он скользил в луже своей же крови. В любом случае Тефе держал Талант поодаль от железного кольца,

заведомо исключая любые неожиданности.

— Вот он, тот Талант, который ты пытаешься обрести, — сказал Тефе. — Я хочу узнать, для чего он тебе.

— Он наш! — выкрикнул бог.

— Он твой, но тебе он ни к чему, — настаивал Тефе. — Кому ты собираешься его дать? И для чего? Твоей благодати больше нет. Ты не смог бы помочь своим последователям, даже если бы захотел. Так для чего тебе этот Талант?

Бог выл, извивался и исходил слюной, но не отвечал. Тефе опустил Талант бога в карман, а свой надел на шею.

Спустя некоторое время бог утих.

— Нам больно, — сказал он. — Ты снова нас поранил. Излечи нас!

— Нет, — ответил Тефе. — Эти раны останутся, пока ты не залечишь их сам. Запомни их хорошенько. А еще запомни, что никакие уловки тебе не помогут. Ты работаешь на нас, и ты будешь выполнять свою работу. Мы оставляем тебя здесь до конца смены. Лечи себя и будь готов получить направление.

Тефе поднялся.

— А что будет с нашим Талантом? — спросил бог.

— Он уже не твой, — ответил Тефе. — Когда он попал мне в руки, мне следовало передать его Моему Господу. Сожалею, что не сделал этого. Теперь я его уничтожу.

Бог рыдал на железной плите. Тефе повернулся и вышел из камеры, священник Эндсо последовал за ним.

— Вы же не всерьез сказали осквернённому, будто уничтожите Талант? — обратился к Тефе священник, когда капитан блокировал дверь в камеру.

— Серьезнее некуда, — отрезал Тефе. — Священник, вы же там были! Вы видели, как он ринулся, когда я дал ему малейший шанс на успех. Видели триумф в его глазах, когда он решил, что обрел свой Талант. Пока эта вещь существует, последователи этого бога будут за ней охотиться — это уж точно. Чем бы ни был этот Талант, пока он на борту, он представляет угрозу и для нас, и для «Праведника». Единственный выход — уничтожить его.

— Сейчас вы собираетесь уничтожить Талант, а до этого рисковали должностью, пытаясь скрыть его, — заметил Эндсо.

— Рисковал, потому что рассчитывал разузнать о нем у бога, — сказал Тефе.

— Но так ничего и не разузнали.

— Нет, священник, вы ошибаетесь. Заходя в камеру, я и не надеялся, что это существо откроет правду о Таланте. Открыть правду должны были его действия — и они поведали все. Нападение во время парада могло быть лишь попыткой верующих освободить их бога ценой своей жизни.

Тефе вытащил из кармана Талант и продемонстрировал его священнику.

— Желание бога заполучить его говорит, что это не так. Бог что-то планирует, намечается какое-то событие, в котором ему уготована роль, а этот Талант — ключ.

— Мы не знаем точно, какова эта роль, — сказал Эндсо.

— Нам и не нужно знать. Если у этого существа не окажется ключа, задуманное не произойдет. Ему нужно вот это, — Тефе указал на Талант, — но есть способ не дать ему это заполучить, заодно исключив и само событие, и угрозу для корабля. Я им воспользуюсь.

Он повернулся, чтобы уйти.

Эндсо схватил капитана за локоть.

— Согласен, давайте уничтожим ключ, — сказал он, — но сначала позвольте мне его изучить. Капитан, вы правильно сказали — в этой вещи

самой по себе нет никакой силы. С нее не может снизойти благодать. И все же в каком-то роде в ней заключена некая сила, ведь иначе осквернённый не стал бы так алчно ее добиваться. Если мы сумеем узнать, в чем она заключается, такие сведения окажутся полезны и для Нашего Господа, и для Боевой Епархии.

— Мне представляется, такие сведения окажутся полезны и для вас лично, священник Эндсо, — заметил Тефе.

Священник выпрямился.

— Не всем дарована такая легкость в продвижении по службе, какой можете похвастать вы, капитан, — ответил он. — Если наше задание действительно исходит от самого глашатая и если нас ждет успех, вы наверняка пожнете плоды его благодарности и оставите позади командование этим кораблем.

— Может, успех и ждет, но меня совершенно устраивает должность капитана «Праведника», которую я намерен занимать еще очень долго.

— Разумеется, — сказал Эндсо, безуспешно пряча ухмылку. — Но есть и те, кто предпочел бы, чтобы ваша карьера пошла в гору — и чем быстрее, тем лучше. И если позволите быть откровенным, мне думается, не по всем нам на

борту будут скучать. Если нам удастся выполнить задание и вы останетесь капитаном, подумайте вот о чем: все верующие на «Праведнике» смогут получить то, что хотят: вы останетесь, а я уйду.

Тефе перевел взгляд на Талант, задумавшись над словами священника.

— Всего несколько дней, капитан, — настойчиво попросил Эндсо. — И в эти дни — никаких споров, никаких возражений, никаких вскинутых бровей. Все, что я прошу, — немного времени, чтобы я смог прийти к успеху, а ваш успех и без того уже на подходе. Изучение Таланта ничем не может повредить — оно только укрепит ваши достижения. Может статься, они, эти достижения, вырастут в такой степени, что позволят вам удержаться в должности капитана «Праведника».

Он протянул руку за Талантом. Тефе вложил его в ладонь священника.

— Несколько дней, — согласился капитан. — Когда я прикажу уничтожить его, так и будет. И никаких возражений!

— Согласен, — сказал Эндсо, пристально вглядываясь в Талант. — Возражений не последует. Все, что мне нужно, — лишь немного времени.

— И держите его подальше от бога.

— Разумеется, капитан. Спасибо. Мои благосло-

вения, — промурлыкал священник.

И пошел прочь, направляясь в церковный отсек корабля.

Тефе зашагал было к мостику, но в последний момент повернул к Воробьятнику. Оказавшись у двери, он предпочел постучать, а не позвонить. Открыла Исса. Увидев выражение лица капитана, она немедленно позвала старшую воробьиху.

Подошла Шелли, в ее глазах читался неподдельный интерес. Прежде чем она успела вымолвить хоть слово, Тефе впился в нее губами. Они навалились на дверь. Исса стояла поодаль, широко распахнув глаза; если бы кто-то, кроме капитана, рискнул позволить себе такие вольности с воробьихой вне «гнездышка», наказание плетью стало бы наименьшей из его бед.

— Я тоже рада вас видеть, — кивнула Шелли, когда капитан оборвал поцелуй.

— Мне нужно побыть с тобою, — сказал Тефе.

— Не сомневаюсь, — откликнулась Шелли не столько даже на сами слова, сколько на тон.

И, шагнув в Воробьятник, мягко потянула за собой капитана.

Исса закрыла за ними дверь.

Глава 7

— Принимайте командование на себя, — внезапно распорядился капитан Тефе, вставая с кресла.

— Слушаюсь, — невозмутимо ответил Нил Форн, но вопросительно взглянул на капитана, еле заметно подняв брови.

«Праведнику» оставались считаные мгновения до выхода к безымянной планете. Форну уже доводилось командовать в такие моменты, но всегда в свою смену. Как бы то ни было, капитану не следовало оставлять пост в столь неподходящее время.

Тефе предпочел оставить невысказанный вопрос старшего помощника без ответа: Форну в скором времени и так придется привыкать обходиться без него; если от Тефе хоть что-то будет зависеть, скоро Форн станет капитаном «Праведника». Но сейчас Тефе просто не хотелось пускаться в объяснения. Он покинул мостик, не сказав ни слова.

В переходах «Праведника» стоял гул, команда шумно работала — пока еще его команда, сколько бы ни оставалось ему быть капитаном, — готови-

лась к транспортировке и приземлению. Команде сообщили, что «Праведник» отправляется на операцию по прямому приказу глашатая, и это известие ободрило всех, укрепило веру. Беззаботная болтовня и общее оживление свидетельствовали о том, что уверенность, пошатнувшаяся было из-за событий у Амен-Кура и тяжких последних месяцев, возвращается. Лед собственных сомнений Тефе немного растопила новая спокойная деловитость членов команды. Капитан кивком отвечал на их приветствия.

Тефе остановился у входа в божью камеру и услышал приглушенные голоса.

Он вошел.

Если священник Эндсо и удивился появлению капитана «Праведника», то ничем этого не выдал. Прислужники Эндсо были не столь невозмутимы, но и они при виде капитана оторвались от речитативов лишь на мгновение и вернулись к делу. Голоса священника и прислужников то нарастали, то стихали, они взывали и отвечали на зов, возносили молитву во славу Господа и брали его силу, чтобы подчинить плененного бога «Праведника», заставить его доставить корабль куда нужно.

Тефе перевел взгляд со священника и при-

служников на бога, который стоял — просто стоял: неподвижный, молчаливый, с закрытыми глазами. Тефе и не пытался делать вид, будто понимает, каким образом бог делает то, что он делает, — переносит их из одной точки пространства в другую, пожирая расстояния столь невообразимо огромные, что Тефе даже опасался осознавать их масштабность.

«Говорят, они охватывают разумом саму сущность пространства и выворачивают ее наизнанку», — сказал как-то Вилиг Эрал, служитель с «Благословенного» — первого корабля, на котором довелось служить Тефе.

«И как им это удается?» — спросил Тефе.

Ему было четырнадцать, он, четвертый сын разорившегося барона, оказался на задворках Зова Епархии. Старшие братья по нему не скучали, он по ним тоже. Контракт с «Благословенным» был для сына барона, пусть и не старшего, существенным понижением статуса. Тефе упивался тем, что ему удалось сбежать.

«О, если бы я это знал, ты называл бы меня „епископ Эрал“, — ответил служитель. — Говорят, священники знают, как боги это делают, но не советовал бы у них спрашивать. Священник Ое сделает из тебя прислужника и не позволит

бывать в Воробьятнике».

Юный Тефе покраснел до корней волос, вспомнив свой недавний первый визит туда, свое смущение и нежность доброй Теи, той воробьихи, которая сняла его напряжение.

«Я не стану спрашивать у священников», — пообещал он.

«Ну и отлично, — сказал Эрал. — А теперь помоги-ка закинуть на полку вон те припасы».

Гораздо позже, когда опасность загреметь в прислужники миновала, Тефе все же задал священнику этот вопрос. Ответом стала лекция, растянувшаяся на целую вахту, — о скрижалях, в которых описывается победа Господа над богом, о том, как бог привел корабль сквозь пространство и как при этом молитвы священников заставили бога делать именно то, что от него требовалось, а не то, что желал он сам, ибо боги порочны.

Тефе, к тому времени дослужившийся до офицера на «Благословенном», вежливо выслушивал священника, в первые же минуты сообразив, что и у того нет ответа. Еще позднее Тефе понял, что ему никогда не узнать, как именно боги переносят корабли меж звезд или как корабли черпают из плененных богов энергию на поддержание жизни и безопасности команды в холоде меж-

планетного пространства.

Даже став капитаном, Тефе не смог постигнуть это. Ему оставалось верить — верить, что у бога на корабле есть силы и что эти силы контролируются Господом посредством его священников и его капитана — посредством самого Тефе. Понимания и не требовалось. Вера и демонстрация веры в Господа — вот что было обязательным.

Тефе на это и полагался. Он верил — если не для себя, то ради корабля и команды.

Капитан вернулся из мира грез и воспоминаний к настоящему и обнаружил, что бог на него смотрит. Взгляд казался отсутствующим — в нем не было интереса, он ничего не выражал; Тефе задался вопросом, действительно ли его видит бог, всецело погруженный в ритуал.

Словно в ответ, губы бога тронула еле заметная мрачная улыбка. Но глаза оставались пустыми. Тефе почувствовал замешательство, которое нередко охватывало его рядом с этим богом.

Тефе припомнил богов с других кораблей, на которых довелось служить. Бог «Святого» действительно был существом, потерпевшим поражение, — безвольным объектом в облике человека, молча выполнявшим обязанности без каких-либо вопросов и без всякого интереса. Тефе

видел его лишь однажды и мог бы поклясться, что это статуя, если бы тычки пикой не заставили бога шевельнуться. Бог «Благословенного», напротив, был раболепствующим подхалимом — это существо пыталось привлечь внимание каждого, кто входил в камеру. Когда бог в первый раз заговорил с Тефе, умоляя его остаться подольше и поговорить, свежеиспеченный офицер всерьез заподозрил, что бог пытается втереться в доверие, заманить его в железное кольцо. Но однажды Тефе увидел, что бог играет с прислужником в шашки прямо внутри кольца. Бог поддавался, слащаво восхваляя каждый ход прислужника.

Тефе ни разу не заговорил с богом «Благословенного».

Бог корабля «Священный» был столь же молчалив, сколь и бог на «Святом», но сумел сохранить достоинство. Тефе охотно перекинулся бы с ним словом, но знал, что тот ему не ответит.

Бог «Праведника» совершенно не походил на тех, остальных. Бог «Праведника» не бездействовал, не раболепствовал, он не держался с достоинством. Этот бог был своенравным и злонамеренным; за долгие годы, проведенные на корабле, он не раз нападал на прислужников,

Драйн был не первым. Этот бог подчинялся под страхом наказания, но даже при этом старался выискивать малейшие лазейки в формулировках, чтобы выполнить приказ буквально, а по сути — сделать прямо противоположное. Этот бог испытывал на прочность и железо, и людей. Он высмеивал и плевался. Он был прикован цепями; Тефе не стал бы называть его побежденным. На какой-то миг имя бога едва не всплыло в памяти Тефе, но он торопливо выбросил его из головы, не позволив себе озвучить это имя даже в мыслях.

Бог, не отрывая взгляда от Тефе, подмигнул ему.

«Вот имя бога, которое вы обязаны знать, хотя бы для того, чтобы склонить его перед Господом», — сказал капитан Тью Стер, опуская ладонь на лист пергамента, лежащий перед ним на столе.

На листе читалось длинное слово, выведенное красновато-желтым; Тефе знал, что надпись сделана кровью самого бога. Тефе принимал у Стера командование «Праведником»; старый капитан был этим раздосадован, о чем Тефе не преминули сообщить другие члены команды. Тем не менее Стер был настолько предан кораблю, что обращался к Тефе с почтением, которое заслуживает

капитан. Интересно, когда настанет время, сможет ли сам Тефе вести себя столь же достойно?

— А здесь, — сказал Стер, поднимая руку, чтобы опустить ее на толстый пергаментный конверт с целой печатью, — подробная информация об этом боге. Кем он был до того, как Господь низверг его, каким образом Господь его низверг и как вокруг него был построен «Праведник». Вы же знаете, что мы возводим корабли вокруг захваченных богов?

— Я бывал на верфи, — ответил Тефе.

— Ну разумеется, — кивнул Стер. — Мы строим корабли так, чтобы заключить в них дух богов. При этом корабль становится частью их самих. По крайней мере, так мне говорили. Я не ставил себе задачу выяснить это.

— Вы его снова запечатали? — спросил Тефе, кивнув на конверт.

— Я его и не вскрывал, — ответил Стер. — Так же, как и капитан Фер, который служил здесь до меня. И как все остальные предшественники, насколько мне известно.

— Не понимаю, — признался Тефе.

— Я тоже не понимал, когда принимал командование. Как и вы сейчас, я верил, что капитан должен знать о своем корабле все — каждую

переборку, заклепку и всех до единого членов команды. Но вам, капитан, нужно понимать вот что: этому богу станет известно, что вы о нем знаете.

— Он читает мысли, — заключил Тефе.

— Он читает людей, — уточнил Стер. — Он же бог. Он постигает о нас такое, чего мы сами про себя не знаем. Бог — этот бог — возьмет то, что вы о нем знаете, и использует против вас. Посеет в вас сомнения. Чтобы вбить клин между вами и вашей верой.

— Моя вера тверда, — возразил Тефе.

— Она и должна быть тверда, иначе вам не дали бы этот корабль, — ответил Стер. — Но до сих пор вам не приходилось быть капитаном. Не приходилось в полной мере отвечать за жизнь каждого, кто находится на борту. Не приходилось быть рукой Господа — сильной и безупречной. Сомнения у вас будут, капитан. И именно этот бог увидит ваши сомнения, потому что он стар и порочен. Он обратит сомнения против вас. И воспользуется для этого вашими знаниями.

— Понимаю вашу обеспокоенность… — сказал Тефе.

— И тем не менее не верите мне, — улыбнулся Стер и поднял руку. — Вы — капитан «Праведни-

ка» или очень скоро им станете. Вы будете — и должны! — действовать так, как сочтете нужным. Но я прошу вас об одном одолжении, прошу оказать любезность своему предшественнику. — При этих словах Стер вновь опустил ладонь на конверт. — Прежде чем открыть его, сходите к богу — поговорите с ним.

— О чем? — спросил Тефе.

— О чем угодно, — ответил Стер. — Вряд ли это имеет значение. Важны не слова, важно понаблюдать за богом и посмотреть, как он наблюдает за вами. Говорите с ним сколько сможете. И если потом, когда закончите, вы по-прежнему будете уверены в том, что бог не представляет угрозы ни вам, ни вашей вере, ни «Праведнику», тогда откройте конверт и прочтите, что там написано. Но прошу, прежде чем открыть — поговорите с богом.

— Так и сделаю, — сказал Тефе, и дальше разговор пошел о делах команды.

Через два дня после формального назначения, уже осмотрев весь корабль до последнего дюйма и поговорив с каждым членом экипажа, новый капитан «Праведника» стоял у сдерживающего бога железного кольца. Они разговаривали целую смену. Рядом не было никого — в камере

остались только капитан и бог.

Когда разговор подошел к концу, капитан вернулся в каюту, взял пергаментный конверт, лежащий теперь на его столе, и, не вскрывая, затолкал в личный сейф как можно глубже.

И больше не вспоминал о нем — до сего момента.

Напевы священника и прислужников стали чуть громче. Бог закрыл глаза, а на его лице появилось непостижимое для капитана выражение. На какой-то миг будто закружилась голова, а затем все затмила мимолетная вспышка некой неопределимой эмоции за рамками человеческого восприятия — вспышка, которая исчезла еще до того, как можно было осмыслить, что она вообще имела место. И — все завершилось.

— Готово, — сказал священник Эндсо, в первый раз поднимая на капитана глаза.

Тефе посмотрел на одеяние священника и заметил поверх них нечто новое: Талант, который Тефе отнял у женщины во время парада. Капитан стрельнул в него глазами.

Священник прикоснулся к Таланту пальцем.

— Эксперимент, капитан, — сказал он. — Я хотел посмотреть, как осквернённый отреагирует на…

Тефе не стал слушать дальше. Повернувшись, он поймал на себе взгляд бога и его ухмылку — тихую, издевательскую, зловещую. Имя вновь зашевелилось в глубине памяти — красно-желтые чернила на пергаменте, — и Тефе выбежал из камеры, прежде чем оно всплыло на поверхность сознания.

Глава 8

Лейтенант Иста, нахмурившись, вслушивался в речь предводителя. Используя Талант гавриила для расшифровки невнятных щелчков и бормотаний, которые вылетали из уст туземца, он ретранслировал их в понятную речь. За спинами лейтенанта и предводителя стояли старшины крупнейшего поселения планеты — Чтиккса, деревни с населением тысяч в десять душ. Еще дальше, на поле, где жители проводили игры и церемонии, в ожидании сегодняшнего ритуала собралось все местное население. Перед лейтенантом и предводителем стояли Тефе, священник Эндсо и Кон Эрик, командир отряда Епархии.

— Слишком долго, — обращаясь к Тефе, сказал Эрик.

— Тише! — велел капитан и вновь сосредоточился на Исте и предводителе.

Разумеется, Тефе не мог знать, что произносит предводитель, пока Иста не переведет, но правила хорошего тона требовали делать вид, что внимательно слушаешь. В любом случае Тефе старался отмечать выражение лица предводителя и все его жесты. В большинстве случаев суть

заключалась не в том, что было сказано, а в том, как сказано. Эрик, по природе своей прямой и туповатый, по-видимому, не понимал или не ценил этой части работы.

В ответ на замечание командира он умолк и насупился. Он, как и весь его отряд, полагал, что их призовут подчинить жителей Чтикксы силой — стремительно и жестоко; у Тефе был иной план.

Иста кивнул предводителю, что-то ему прощелкал и повернулся к капитану.

— Предводитель Тша говорит, они охотно станут последователями Нашего Господа, — объявил он.

Тефе улыбнулся и кивнул предводителю, который кивнул в ответ.

— Действительно отличная новость, — сказал Тефе.

Иста еле заметно улыбнулся.

— Однако у него есть условия, — добавил он.

Священник Эндсо выпрямился в своем роскошном облачении, наконец обнаружив, что для него нашлось дело.

— Лейтенант, принимая Нашего Господа, не о чем торговаться, — вспылил он. — Этот недомерок не в том положении, чтобы ставить нам условия. Он видел, на что способны лишь четверо

бойцов Епархии.

При этих словах Тефе скривился. Вместо того чтобы спустить с корабля отряд Епархии в полном составе, он велел Эрику выбрать троих, с кем сойдет на планету. Затем Тефе предложил предводителю Тша выставить четырех сильнейших воинов поселения, чтобы они на глазах всех жителей напали на бойцов Епархии с любым оружием. Двое выбрали копья, один — лук, а последний взял нож. Ни одно из орудий не достигло цели: бойцы Епархии, каждый с Талантом защиты, отбили копья и стрелы и уклонились от ножа, словно туземные воины были не более чем жалкой помехой. А затем напали в ответ: со стремительной жестокостью, вызвавшей у зрителей крики ужаса и замешательство. Пришельцы отрубили руки, метавшие копья и пускавшие стрелы, и кисть, в которой был зажат нож.

Уложив всех воинов Чтикксы, Тефе передал их лекарям Гардере и Омллу; они уже вернулись на «Праведник». Лекари остановили кровь, облегчили боль и, воспользовавшись Талантом лекарей, приживили отрубленные конечности. К вящему изумлению зрителей, все четверо вернулись с поля боя ослабевшими, но невредимыми.

Так Тефе продемонстрировал всей Чтикксе

силу и милосердие Господа. После этого он попросил предводителя передать народу предложение принять Господа как своего. Это была отличная постановка, идеальное сочетание силы и милосердия. Всего за несколько дней, без единой жертвы и тени принуждения, эти мягкие переговоры принесли свои плоды.

Тефе совсем не нравилась надменная бравада священника. Эндсо слишком воодушевился мыслью о грядущей славе по обращении этих только что обнаруженных неверующих и сделался чересчур нетерпеливым. Без помощи гавриила жители Чтикксы понимали священника не лучше, чем он понимал их. Но они, без сомнения, понимали его агрессивные жесты.

— Быть может, стоит отрубить руки еще парочке вояк? — предложил Эндсо.

— Быть может, им нужно знать, что вера в Господа будет вознаграждена, — негромко, но довольно резко ответил Тефе. — В скрижалях говорится: вера дарованная гораздо сильнее веры насажденной. Конечно же, вы это помните, священник.

— Даже если так… — возразил было Эндсо.

Тефе поднял руку, призывая его замолчать.

— Ваш черед еще не настал, Эндсо, — отрезал

Тефе и отметил, что священник чуть не лопнул от возмущения, услышав простое обращение по имени. — Эта часть задания лежит на мне. Позвольте мне ее выполнить.

Эндсо кисло посмотрел на капитана, но кивнул.

Тефе повернулся к Исте.

— Каковы его условия? — спросил он лейтенанта.

— Он хочет, чтобы командир Эрик научил его воинов уворачиваться от оружия и быстро убивать.

— Скажи ему, что эти умения снисходят от Нашего Господа и передаются исключительно бойцам Епархии, — велел Тефе. — Когда жители Чтикксы подчинятся Господу, уверен, некоторые из них сами станут бойцами Епархии.

Тефе услышал, как при этих словах стоявший рядом Эрик отчетливо фыркнул, но проигнорировал его; Иста перевел предводителю слова капитана.

— Он спрашивает, поможет ли им Наш Господь уничтожить Тнанг, — перевел Иста и умолк, вслушиваясь в речь предводителя, который говорил все с большим возбуждением. — Это соседний народ в нескольких километрах к северу отсюда.

По-видимому, между ними давняя вражда.

— Наш Господь желает, чтобы все здешние люди познали его благодать, — ответил Тефе. — В том числе и жители Тнанга. Скажи предводителю, что жители Чтикксы всегда будут властвовать, как первообращенные, — и будут передавать слова Господа остальным. Если эти остальные тоже подчинятся Нашему Господу, тогда жители Чтикксы будут ими повелевать, милостиво. Если те не подчинятся, тогда их будет дозволено уничтожить — и при этом Наш Господь, без сомнения, гарантирует победу Чтикксы.

Иста перевел; предводитель энергично закивал и сказал остальным старшинам несколько коротких фраз. Те, казалось, удовлетворились; Тефе предположил, что они заранее решили, будто Тнанг Господу не подчинится и результат в любом случае будет один.

Затем предводитель придвинулся ближе к лейтенанту, щелкая и бормоча быстро, но тихо. Иста кивнул и повернулся к Тефе.

— Предводитель Тша спрашивает, может ли один из лекарей помочь этой женщине, — сказал он. — У нее болезнь чрева, он думает, она скоро умрет.

Тефе посмотрел на предводителя, который взи-

рал на него с некоторой опаской. Вождь, лишь минуту назад радостно предвкушавший резню в деревне беспокойных соседей, теперь превратился просто в мужчину, озабоченного судьбой любимой.

«Сила и милосердие, — подумал Тефе. — Нужно действовать и тем и другим».

Капитан кивнул предводителю и повернулся к Исте.

— Разумеется, — сказал он. — Наши лекари сделают все, что дозволит им Наш Господь.

Иста негромко перевел. Предводитель склонил голову, а затем повернулся к старшинам деревни.

Тефе, в свою очередь, повернулся к Эндсо и Эрику. Те были разочарованы его согласием. На мгновение Тефе отчаянно захотелось, чтобы вместо священника и командира отряда Епархии здесь стояли Форн и Шелли; было бы приятно, если бы хоть кто-то оценил усилия, которые потребовались, чтобы подчинить жителей Чтикксы, никого при этом не убив. Для Господа каждая душа на счету, — по крайней мере, так Тефе говорили. И капитан намеревался дать ему все души до единой — столько, сколько сможет.

— Капитан, — окликнул его Иста, внезапно

оказавшийся рядом с Тефе вместе с предводителем. — Предводитель Тша говорит, у него есть вопрос для вас, но только для вас — не для священника или командира отряда.

— Хорошо, я слушаю, — ответил Тефе и кивнул предводителю.

Они оба отошли немного в сторону, Иста следовал за ними. Когда они остановились, предводитель издал серию щелчков и прочих звуков.

— Предводитель Тша хочет, чтобы вы знали: ему известно, что вы могли завоевать Чтикксу без особых хлопот, — сказал Иста. — Он ценит вашу сдержанность.

— Не стоит благодарности, — ответил Тефе.

Но предводитель не умолкал.

— Тша ценит вашу сдержанность, но он знает, что она исходит от вас, капитан, — сказал Иста. — Говорит, что и вашего священника, и командира отряда вполне удовлетворило подчинение жителей Чтикксы Нашему Господу под острием копья. На взгляд предводителя Тша, это свидетельствует о том, что повиновения обыкновенно добиваются силой.

— Не уверен, что понял вопрос, — и, собственно, вовсе не увидел здесь вопроса, — заметил Тефе.

Предводитель снова затрещал.

— Предводитель Тша говорит: правитель, который принуждает к верности, не всегда хороший правитель — он лишь самый сильный, тот, кто способен запугать остальных. Он говорит: ваш подход к жителям Чтикксы открывает в вас человека чести. И как человека чести он хочет спросить вас, верите ли вы, что Наш Господь хороший? Хороший ли он повелитель, или он только сильный? Сам Тша и его народ обязуются следовать за ним, каков бы ни был ответ. Но предводитель хочет знать для себя.

Тефе понимающе улыбнулся и даже открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

Предводитель слегка склонил голову, и по какой-то непостижимой причине этот жест Тефе сильно расстроил.

— Капитан? — спросил Иста.

— Господь — Мой Господь, — ответил Тефе чересчур резко. — Скажи предводителю, что я — отражение Господне. Что он — совершенен, а я лишь несовершенное отражение.

Иста перевел, а Тефе тем временем постарался унять внутреннее смятение. Тша кивнул и, повернувшись к своим, громко защелкал. Из толпы вышел юноша и встал рядом с предводителем.

— Предводитель Тша говорит, это его сын, Тша-

ну, — пояснил Иста. — Говорит, он вызвался стать тем, кто наденет Талант, через который Наш Господь найдет путь и явится сюда во плоти. Ему не терпится проявить преданность и верность новому Господу и помочь своему народу поприветствовать его в качестве бога. Он говорит, ему не страшно.

— Ему и не должно быть страшно, — улыбнулся юноше Тефе. — Скажи, что ему и правда выпала большая честь.

Тонкая цепочка с Талантом слегка запуталась в волосах Тшану, когда Тефе надевал ее через голову юноши. Тефе мягко потянул символ вниз; цепочка оказалась на шее, а сам Талант повис на уровне живота. Юноша с капитаном стояли на расчищенной для них площадке посреди поля для собраний. Вокруг столпились жители Чтикксы — им всем не терпелось увидеть нового повелителя.

— Скажи мальчику, что Талант нередко утомляет. Пусть Тшану не удивляется, если начнет уставать, — велел Тефе лейтенанту Исте, который был рядом. — Скажи, пусть будет сильным; тогда Наш Господь прибудет скорее.

Иста перевел; Тшану улыбнулся капитану, тот улыбнулся в ответ и затем повернулся к священ-

нику Эндсо.

— Вы знаете обряд, — сказал ему Тефе.

— Все изложено здесь, — ответил Эндсо, прикоснувшись к увесистому кодексу, зажатому в другой руке. — Слова просты.

— Как проявит себя Господь? Полагаю, вам случалось видеть это раньше.

— Нет, не случалось, — качнул головой Эндсо. — И я не знаю никого из ныне живущих, кто бы это видел. Нашего Господа не так часто призывают к новым верующим. Обряд очень древний, капитан.

Эндсо говорил едва не весело. Причина радостного возбуждения священника была ясна: мало того что ему предстояло провести ритуал, который не доводилось видеть никому из ныне живущих, так к предвкушению примешивалось благоговейное восхищение Господом, которого призывают крайне редко, и никогда — священники уровня Эндсо. Тефе мог уверенно заявить, что вера Эндсо в тот момент достигла пика — вкупе с полной уверенностью в грядущем карьерном росте.

— Проведите обряд как следует, священник, — наказал Тефе.

Эндсо посмотрел на него.

— Капитан, это моя часть работы, — заметил он. — Вы просили не вмешиваться в вашу, так позвольте же мне делать свою.

Он отвернулся и раскрыл кодекс.

Капитан ничего на это не ответил. Он жестом позвал Исту за собой; они отступили к краю свободной площадки, оказавшись рядом с толпой. Предводитель Тша стоял в некотором отдалении. Он взирал на своего сына с выражением, которое Тефе не мог прочесть. Тефе перевел взгляд с предводителя на священника, который отыскал нужную молитву и теперь читал ее про себя. Через некоторое время священник кивнул, быстро осмотрел сына предводителя и заговорил.

Слова, которые произносил Эндсо, были устаревшим вариантом знакомых слов. Узнаваемыми, но со странными окончаниями, монотонными и убаюкивающими. Священник перешел на ямб, и через некоторое время капитан Тефе почувствовал, что, несмотря на волнительность момента, на предвкушение того, что эти новые души вот-вот придут к Господу и что Господь сам явится за ними во плоти, он уже не в силах вслушиваться с прежним вниманием.

Сын предводителя заорал.

Тефе будто вырвало из мира грез. Он увидел,

что юноша извернулся всем телом, дико выгнулся назад. Сухожилия оторвались от костей, и тело сложилось пополам, словно некий мучитель сломал его через колено. Удивительно, но Тшану не упал — он балансировал на одной дергающейся ноге, словно подвешенный на веревке.

Тефе перевел взгляд на священника. Кодекс выпал из рук Эндсо, но он механически произносил слова молитвы, не отрывая от юноши взгляда распахнутых глаз. И священник, и капитан застыли на месте как вкопанные.

Вопль прервался, когда челюсть юноши неестественно дернулась вперед. Мускулы, которые крепили челюсть к черепу, напряглись и потянули ее вниз. Кость с хрустом надломилась, кровь брызнула прямо в лицо священника Эндсо. Тефе услышал хруст в тот миг, когда сын предводителя извернулся и затем, как на шарнирах, сложился назад. Изо рта снова вырвался фонтанчик крови. Приглушенный крик, который издал было юноша, подхватил его отец.

Затем тело Тшану застыло аркой с направленным в зенит животом. Неистово вцепившись в землю, пальцы рук и ног щелкнули подобно веткам. Кожа юноши натянулась, будто кто-то стягивал ее на спину. Тшану прикоснулся к земле

лбом; мускулы и сухожилия в шее сокращались и разжимались спазмами, повернув лицо в сторону капитана. Тефе встретил взгляд юноши. Тот оставался в сознании, в глазах читался ужас.

К хору криков и завываний примешался и голос самого Тефе. Никто не двигался. Неведомая сила, которая сложила тело юноши пополам, словно пригвоздила всех к месту. Никто не мог заставить себя ни побежать, ни отвернуться.

На руках и ногах Тшану прочертились багровые линии; Тефе понял, что так рвется кожа. Под нею, словно потертые кабели, разматывались ярко-красные мускулы, чтобы упасть на землю, отделившись от невозможно жестких костей. За считаные секунды выгнутое тело превратилась в букву «Х», на которую натянули кожу и сухожилия. Тшану из последних сил выдохнул сквозь выбитую челюсть, испуская последний крик.

Из брюха Тшану показалась рука, кишки бесформенной массой вывалились на землю. Рука на миг застыла, словно принюхиваясь к местному воздуху, а затем двинулась к тому месту, где туго натянутая кожа встречалась с брюшной стенкой. Появилась вторая рука, которая проделала то же самое с другой стороны.

Из останков Тшану выбралось существо в об-

разе человека, заляпанное кровью, лимфой и желчью юноши. Тефе во все глаза уставился на прекрасное, испещренное полосками тело. Существо изящно опустило ногу на землю, постаравшись не наступить на кольца кишок.

Господи, подумал Тефе.

Тело Тшану, освободившееся от заклинания портала, мягко обрушилось. Глаза, в которых еще недавно стояли паника и ужас, слепо уставились в никуда. Судя по всему, Господь не обратил ровно никакого внимания на груду плоти, через которую сюда добрался. Вместо этого он бесстрастно взирал на притихшую толпу. На глазах у капитана Господь становился все больше, его тело очищалось на глазах. Ошметки плоти юноши, покрывающие тело Господа, задымились — и вскоре он стал чист, без единого пятнышка, и вдвое выше среднего человека.

Бог прищурился и обвел взглядом притихшую неподвижную толпу народа, которому предстояло стать его паствой. Угол зрения Господа постепенно менялся: вот он уже не в два, а в три, в четыре раза выше.

Тефе увидел, как Его Господь протянул руку, выхватил из толпы женщину, притянул к своей груди и вдавил в себя.

Ее тело растворилось в нем, словно кусок сахара, брошенный в воду.

Не глядя, он выхватил из толпы очередного новообращенного, чтобы поглотить его так же, как женщину.

«Пожирает их души», — подумал Тефе, он пришел в отчаяние.

Его Господь и не думал о поклонении новообращенных. Ему нужна была верность народа, он питался им, так же как чистотой и силой их мимолетно обретенной веры.

Господь протянул руку к Тша, предводителю поселенцев Чтикксы.

«Я — отражение Господне. Он — совершенен, а я лишь несовершенное отражение».

Тефе поймал взгляд предводителя, душу которого пожирал Господь. Капитан негромко вскрикнул.

Господь повернулся, обратив лицо прямо к капитану. Затем Господь неторопливо обвел взглядом священника, гавриила и командира боевого отряда Епархии. Все до единого были потрясены жутким выражением лица Господа.

— ВОН! — взревел Господь, выбросив одну руку в сторону Тефе, а другой вдавливая в себя очередную жертву.

Тефе не помнил, как оказался на борту «Праведника». В ушах звенело, но то был не звон. Это вопил священник Эндсо — вопил пронзительно, безудержно и страшно.

Глава 9

Вышагивая по кораблю, капитан Тефе был глубоко погружен в свои мысли и не сразу понял, что к нему обращаются. Он поднял голову. Рядом шел Нил Форн, терпеливо ожидая ответа.

— Прошу прощения, Нил, — сказал Тефе, не останавливаясь.

С тех пор как группа высадки вернулась из Чтикксы, он так ни разу не остановился, вдоль и поперек мерил «Праведник» шагами.

— Я не услышал, что ты сказал.

— Я, говорю, беседовал с лекарем Гардером. Он заверяет, что ничем не может помочь священнику Эндсо, — повторил Форн. — Нет никаких физических повреждений, ничего такого, что можно вылечить. Священник помутился рассудком, а он Таланту лекаря неподвластен.

— Да, — сказал Тефе, наклоняясь, чтобы пройти через низкую дверь.

— Сейчас священник уже не в лазарете, — не отставая от него, продолжил Форн и тоже наклонился. — Он вернулся в свою каюту и больше ее не покидал. Прислужники говорят, он роется в книгах и разговаривает сам с собой. Когда к

нему обращаются, он кричит на прислужников и кидается всем, что попадет под руку, пока те не уйдут. Когда же они уходят, снова кричит и зовет их обратно.

Тефе хмыкнул, но ничего не ответил. Он уставился на свои ботинки, всецело поглощенный процессом перестановки ног.

Форн быстро шагнул вперед и преградил капитану дорогу. Тефе резко остановился и посмотрел на заместителя так, словно увидел его в первый раз.

— Капитан, со священником необходимо что-то решить, — сказал Форн.

— Со священником нечего решать, — ответил Тефе.

— Он сошел с ума, капитан.

Тефе улыбнулся, но улыбка вышла отнюдь не веселой.

— Нет, Нил, — произнес Тефе. — Он не сошел с ума. Он утратил веру. Священник, потерявший веру, — с этим нам ничего поделать нельзя, его нам не вылечить.

Тефе попытался пройти мимо Форна, но тот не сходил с места, рискуя навлечь на себя гнев капитана.

— Священник нам необходим, — сказал Форн. —

Он проводит обряды подчинения бога. А улететь отсюда мы обязаны. Нам приказали вернуться на Зов Епархии, как только выполним задание. Если мы здесь задержимся, можем обнаружить расположение планеты. Мы уже потеряли слишком много времени.

— Пусть обряд проведет один из прислужников.

— Не получится. Священник их не обучал.

— Но прислужники всегда ему помогали. — Тефе посмотрел на старшего помощника так, словно это было очевидно даже младенцу.

— Свою часть обряда они знают достаточно хорошо, — признал Форн. — Но священник не обучал их своей работе. Похоже, Эндсо верил, что прислужников надо использовать, но не обучать. И дело не только в этом, капитан. Даже если бы кто-то из прислужников взял его книги и произнес нужные слова, ритуал подчинения может проводить лишь священник. Вы не хуже меня знаете, что прислужника не посвятить в сан без одобрения его священника. Или же прислужник может стать священником вследствие смерти предшественника. Наш священник жив, но не может дать одобрение.

— Я уже сказал, что мы ничем не можем помочь

Эндсо, — повторил Тефе.

— Капитан, я не согласен, — с некоторым нажимом возразил Форн. — Да, Эндсо утратил веру. Но, кроме того, у него помутился рассудок. Прежде чем браться за его веру, нужно помочь рассудку. Если мы сумеем привести его в чувство, возможно, этого будет достаточно, чтобы он дал согласие посвятить прислужника.

— И что ты предлагаешь, Нил? — помолчав, спросил Тефе.

— Пусть им займется воробьиха, — предложил Форн.

Тефе скривился в усмешке, чуть ли не презрительной.

— Ты сам знаешь, что священник этого не вынесет, — сказал он. — Если силой приволочь его в Воробьятник, он лишь глубже впадет в беспамятство. И не приведи господь Шелли даже прикоснуться к священнику! Для него это будет пострашнее раскаленной сковороды.

— Но нужно предпринять хоть что-нибудь! — воскликнул Форн, заставив Тефе вздрогнуть.

За все то время, что они служили бок о бок, старший помощник ни разу не повысил на капитана голос.

Форн и сам вздрогнул; старший помощник

посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что никто больше его не слышал, а затем придвинулся к Тефе.

— Капитан, нам позарез нужно отсюда убраться, — прошипел он. — С каждой минутой возрастает риск, что нас найдут. С каждой минутой в команде ширятся слухи — слухи о том, что` такое должно было произойти, чтобы священник сошел с ума. Пока мы остаемся здесь, вера людей с каждой минутой тает.

— Ну так пусть гавриил призовет на помощь, попросит, чтобы нам прислали нового священника, — сказал Тефе. — На это уйдет несколько дней, но потом мы улетим.

Форн внимательно посмотрел на капитана.

— Капитан, лейтенант Иста мертв, — произнес он. — Мы говорили об этом еще вчера. Он вогнал себе в горло нож, едва не откромсал себе голову. Скончался мгновенно, не успев упасть. Вы не могли об этом забыть!

Тефе тупо уставился на Форна, а затем вспомнил, что накануне вечером старший помощник действительно подходил к нему с этим известием, через несколько часов после возвращения группы с планеты. Тефе кивнул и продолжил свой путь.

— Да, верно, теперь вспомнил, — проговорил Тефе.

— Вы не спали с тех пор, как вернулись, — сказал Форн. — Вам нужно отдохнуть.

— Со мной все в порядке.

— Нет, капитан, — возразил Форн. — Это не так.

— Прошу прощения? — побагровел Тефе.

— Вы носитесь по кораблю, словно за вами гонятся демоны. Вы игнорируете команду, когда проходите мимо, — словно они призраки. Думаете, никто этого не замечает? Капитан, наш гавриил мертв, священник сошел с ума, а у вас такой вид, словно вы не можете выбрать между самоубийством и помешательством. Никто не говорит о том, что там внизу произошло, — но, капитан, мы же не идиоты! Мы в состоянии прочитать карту, когда она перед глазами.

Оторвав наконец взгляд от своих ботинок, Тефе посмотрел по сторонам. Они с Форном стояли на широком мостике, перекинутом через трюм. Внизу копошились члены команды, нарочито занимаясь делом и не поднимая глаз. Тефе не сомневался, что они прекрасно слышали его перепалку со старшим помощником.

— Вам необходимо отдохнуть, капитан, — упор-

ствовал Форн. — А когда отдохнете, обязательно займемся священником. Нужно убираться отсюда. Здесь не о чем спорить!

Тефе помолчал, а затем улыбнулся и похлопал Форна по плечу.

— Да, — согласился он. — Да, Нил. Конечно, ты прав. Отправь лекаря Омлла в мою каюту. Мне понадобится его помощь, чтобы уснуть. Потом, когда высплюсь, мы с тобой и воробьихой Шелли обсудим этот вопрос, посмотрим, чем можно помочь священнику Эндсо.

— Очень хорошо, капитан, — с видимым облегчением сказал Форн.

— Вы сняли с тела Исты его Талант? — спросил Тефе.

— Да, капитан. Его снял лекарь Гардер.

— Выбери подходящего члена команды и передай Талант ему, — распорядился Тефе. — Желательно такого, у которого нет другого Таланта.

— Работа гавриила требует определенных навыков, — заметил Форн.

— Это так, — признал Тефе. — Но Талант также можно использовать по необходимости. Тому, кого ты выберешь, не придется связываться с другими гавриилами. Ему только и нужно будет послать сигнал бедствия на Зов Епархии. Если

нам не удастся вылечить священника, сделать это будет необходимо.

— Так точно, капитан.

— Спасибо, Нил, — сказал Тефе. — Это все.

И Тефе собрался было шагать дальше.

— Что мне сказать лекарю Омллу? Когда ему прийти в вашу каюту? — спросил Форн, по-прежнему не сходя с пути капитана.

— Прямо сейчас, — ответил Тефе. — Но сначала мне нужно кое-что проверить.

Форн кивнул и отступил в сторону. Тефе целеустремленно проследовал мимо.

— Мы ждали тебя, — сказал бог. Он сидел в железном кольце, раскинув ноги. — Мы знали, что настанет время и ты к нам придешь.

— Неужели? — откликнулся Тефе.

— Да, — сказал бог. — Твоя вера сильна. Но уже не так сильна — теперь, когда ты предпочел бы кое-чего не знать.

Тефе проигнорировал эти слова и огляделся.

— Где стража? — спросил он.

— Прячутся. Они ушли, когда вернулся твой утративший веру священник. И больше не возвращались.

— Ты знаешь, что произошло, — сказал Тефе.

Это был не вопрос.

— Мы знаем о той мерзости, которую учинил твой Господь. — Бог сплюнул. — Мы ее почувствовали. Все представители нашего вида могут это чувствовать. Даже сильно постаравшись, нам бы не удалось от нее скрыться.

— Ты называешь это мерзостью.

— А как еще назвать? — прошипел бог.

Лязгая цепями, он подполз поближе к капитану.

— Твоему Господу уже недостаточно свежей веры — веры, которой он и не заслуживает. О нет! Совершенно недостаточно. Ему нужно больше.

— А разве можно взять больше? — спросил Тефе.

— Глупец, — сказал бог и передвинулся. — Или, может, не глупец — если выслушаешь.

— Тебе нельзя доверять, — сказал Тефе. — Ты обманешь в своих интересах.

— Мы обманываем, — признался бог. — Обманываем, но только потому, что не имеет значения, лжем мы или говорим правду. Твой потерявший веру священник и его идиоты-прислужники не станут нас слушать, сколько правды им ни говори. На таких, как они, мы не стали бы тратить правду. Но ты другой. С тобой можно попробовать.

— Заставишь меня усомниться в Господе? — предположил Тефе.

Бог рассмеялся.

— О нет, — с издевкой сказал он. — Этого я делать не стану, но ты и без того сомневаешься. Впрочем, мы будем питать твои сомнения.

Он протянул к капитану руку, словно приветствуя его или предупреждая о чем-то, затем поднес ко рту, впился в кисть зубами и кусал, пока зубы не окрасились золотистой кровью. Капли застучали о железо. Бог крепко сжал кулак и вывел на плите какой-то знак.

— Ты не знаешь, да и никто из вашего рода не знает. Это заклинание крови, — объяснил он, указывая на знак. — Наше имя. Пока наше имя написано кровью, мы не можем лгать.

— Я тебе не верю, — отрезал Тефе.

— Нам и не нужно, чтобы ты верил, — сказал бог.

— И зачем тебе говорить правду?

— Ради развлечения. И хоть это и не важно, ты нас выслушаешь.

— Если это не важно, тогда я не понимаю, зачем тебе это? — удивился Тефе.

— Затем, что ты хоть раз в жизни, перед самой смертью, должен услышать правду, — проворчал

бог. — Твой Господь лжет, лжет, жиреет на этой лжи и лжет снова и снова. Ты хочешь знать правду? Так вот тебе правда! Твой Господь уже не в первый раз пожирает новообращенных. Именно так он и пришел к власти.

— Не верю, — повторил Тефе. — Он пришел к власти лишь благодаря вере своих сторонников — и он победил вас всех, одного за другим.

Бог презрительно усмехнулся.

— Твой Господь слабак, — прошипел он. — Не сильнее любого из нас. Он уступал в силе почти всем. Каждого из нас подпитывает вера, и мы служим тем, кто верит в нас, — чтобы эту веру поддержать. Но твой Господь сделал по-другому. Этого ему было мало. Твой Господь не хотел поддерживать веру, он предпочел ее пожирать. Он летал с планеты на планету в попытках отыскать людей, которым еще не доводилось нас встречать. Сманивал их дешевыми чудесами и фокусами, внушал веру в себя. А когда они дарили ему свою веру, он их пожирал. Так же, как здесь. Очередная планета-кормушка.

— Наш народ не летал меж планет, пока мы не познали его, — сказал Тефе. — Все боги сражались на одной планете, на Зове Епархии.

— Нет, — возразил бог.

Он прикрыл глаза и умолк на время, словно пытаясь как следует воссоздать все в памяти.

— Так расскажи, — попросил Тефе.

Бог открыл глаза и пристально посмотрел в глаза капитану.

— Было время, когда люди путешествовали меж звезд без нашей помощи, — при этих словах бог погремел цепью, — а посредством сил, которые ваш народ укротил самостоятельно, своими знаниями. Посредством науки, долгих и упорных разработок.

— Мы жили только на Зове Епархии, — вставил Тефе.

— Обман, все обман, — прошептал бог. — Вы летали среди звезд. Ваш Господь отобрал у вас звезды, планеты — одну за другой, — пока не осталась лишь одна. Сейчас вы называете ее Зов Епархии. Тех, чьи души не уничтожил сразу, он превратил в рабов. И он держит вас в рабстве, лишив вас прошлого. Теперь все, что вам доступно, исходит от него. Никакой науки, лишь Таланты, которые работают так, как пожелает он, — и тогда, когда он захочет. Никакой истории, только скрижали, полные лжи, которая порождает ложь. Ничего, кроме него самого.

— Вы ему противостояли, — сказал Тефе.

— Да. Все мы.

— Вас было много, но он был один. И вы все равно не смогли его победить.

— Он делал то, чего мы не стали бы делать никогда, — пояснил бог. — Он пожирал ваш народ. Ваши души.

— А почему вы на такое не пошли бы?

Бог насмешливо уставился на Тефе.

— Капитан, ты же сам это видел. Даже ты, вскормленный ложью с первых дней жизни, цепями прикованный к вере в сумасшедшего бога, — даже ты осознал, насколько это дико. Ты это почувствовал. Ты просто это знаешь. Это даже не убийство, это полное и окончательное уничтожение, аннигиляция. Этим и занимается твой Господь. Делает то, что делал всегда.

— Но на памяти людей этого никогда не было, — возразил Тефе.

— У вас нет памяти, — парировал бог. — Нет ничего, кроме того, что он дозволяет вам иметь. Но даже сегодня он вытворяет это с вашим народом. Сколько преступлений у вас караются лишением души? Даже у тех, чья вера получена извне, в душе заключена сила. Ваш народ для него лишь пища, больше ничего.

— Но ведь тогда к этому времени он бы всех нас

изничтожил.

— Твой Господь не дурак, — сказал бог. — Ваш род сохранился лишь потому, что после победы над нами некоторые из вас еще остались в живых. Поработив нас, он понял, что взращивать верующих куда выгоднее, чем искать тех, кого надо обманывать и лишать жизни.

— Но с какой целью? — спросил Тефе. — Даже если эта твоя ложь — правда, все это бессмысленно.

— Твой Господь безумен. Он одержим служением себе. Но есть и еще одна цель, помимо этого. Твой Господь одержал над нами победу. Но он знал, что мы не единственная угроза, с которой ему предстоит столкнуться. Он выращивал вас, чтобы подготовиться.

— К чему?

— К тому, что случится, — сказал бог. — Мы тебе скажем. Мы скажем это, а потом мы замолчим и не скажем больше ничего. Кое-что вот-вот случится. И твой Господь к этому не готов.

Откинувшись назад, бог внимательно смотрел на капитана Тефе.

— Я выслушал тебя, — помолчав, произнес капитан. — И все же моя вера сильна.

— Да, это так, — согласился бог. — Мы еще про-

верим, насколько сильна. Увидим. Узнаем. И тогда узнаем наверняка. Ждать уже недолго.

Бог потянулся к начертанному кровью знаку и стал его стирать. Вскоре знак превратился в бесформенное пятно.

Глава 10

Капитан Тефе проснулся от сигнала тревоги и громких выкриков — офицеры приказывали подчиненным немедленно занять свои места. Перед сном Тефе раздеваться не стал, и сейчас ему оставалось лишь натянуть ботинки. Он ринулся на мостик.

На мостике он нашел Нила Форна, вымотанного донельзя — как Тефе накануне вечером.

— Пять кораблей, — сказал он, указывая на проекцию, под которой шептал молитвы Штраль Теби. — Похоже, дредноуты. Идут прямо на нас.

— Прилетели специально, чтобы нас найти? — спросил Тефе, не отводя глаз от картинки.

— Наверняка, — ответил Форн. — Как только появились, сразу же двинулись в нашу сторону. Они знали, что мы здесь.

— Не пытались наладить связь? — уточнил Тефе и тут же вспомнил Исту.

Форн заметил ошибку капитана.

— Талант гавриила я дал Рэму Экли. — Он указал на юного матроса, затерявшегося на пункте связи мостика. — Он не может вести переговоры с их гавриилами. Но по крайней мере, он по-

чувствует, если эти корабли попытаются с ним заговорить. Пока таких попыток не было.

Тефе кивнул и всмотрелся в проекцию. В каком бы направлении «Праведник» ни двинулся — кроме как в сторону гравитационного колодца планеты, — он бы сблизился с одним из кораблей.

— Когда они смогут открыть огонь? — спросил он.

— Если останемся неподвижны, примерно через одну смену, — сказал Форн. — Правда, тогда в противниках будут все пятеро. Если двинемся с места, встретим их раньше — но их будет меньше.

— Предпочитаю, раньше, но меньше.

— Согласен.

— Мистер Теби, дайте увеличение на корабли, — велел Тефе.

По крупной картинке он точнее оценит боевую мощь каждого из противников, лучше спланирует бой. Теби кивнул и слегка изменил свои молитвы. Через мгновение возникла более крупная проекция одного из кораблей.

— Не может быть, — прошептал Форн и отвернулся.

Капитан не отрываясь смотрел на дредноут,

чьи контуры распознал в тот же миг, когда изображение стабилизировалось — еще до того, как на боку вращающегося корабля показалось название. Это был «Святой», корабль, на котором Тефе служил до «Праведника».

— Следующий, — распорядился Тефе.

Теби пробормотал нужную молитву, возникла новая проекция.

— «Благостный», — узнал Форн.

Старший помощник служил на нем, вспомнил Тефе.

Следующий корабль — «Вера». Затем — «Божественный». И «Спасенный».

— Нелепица какая-то, — сказал Форн.

— Как считаешь, может, это спасательная экспедиция? — спросил его Тефе.

— Мы еще не опаздываем. Без нашего гавриила они не могли узнать, что мы потеряли священника. В любом случае они не стали бы привлекать внимание к этой планете. И не подошли бы к нам в таком порядке, — ответил Форн, указывая на проекцию.

Она вернулась к прежнему масштабу: пять кораблей, сходящихся к «Праведнику».

— Здесь все однозначно: они на нас нападают, — подвел итог Тефе.

— Согласен. Но я не понимаю почему.

«А ведь ты знаешь почему, — сказал себе Тефе. — Мы единственные в курсе, что учинил Господь на этой планете. Единственные, кто посвящен в планы Господа насчет местных жителей. Если мы исчезнем, никто никогда этого не заметит».

— Капитан? — окликнул его Форн.

Тефе с усилием прервал вереницу мыслей.

«Ты поддаешься лживым измышлениям этого бога, — заметил он себе. — Держись своей веры. Сконцентрируйся».

Ведь, если подумать, он и понятия не имеет, почему «Праведник» в одночасье превратился в цель, которую надо уничтожить. Этим вопросом он задастся позже — если выживет. Сейчас главная и единственная задача — сохранить корабль.

— Направляемся к «Святому», — приказал Тефе. — Во времена моей службы он получил повреждение в боях у Йендса. Левая сторона структурно ослаблена.

— Старшим помощником на «Святом» вы были очень давно, — заметил Форн. — С тех пор его уже ремонтировали на верфи.

— Нил, сейчас самый подходящий момент,

чтобы просто верить.

— Так точно, капитан, — откликнулся Форн и отдал приказ.

— Передайте команде, что корабли, с которыми нам предстоит сразиться, захвачены безбожниками, — велел Тефе. — Нам противостоят вовсе не корабли Господа, и мы вернем их ему — или, если понадобится, уничтожим.

— Слушаюсь, капитан, — сказал Форн и распорядился довести эту информацию до последнего матроса.

У Тефе на мгновение мелькнула мысль, что экипажам всех пяти кораблей то же самое сейчас говорят о «Праведнике».

Левая сторона «Святого» действительно оказалась ослаблена. «Праведник» дал залп в ту секунду, когда противник оказался в зоне поражения. Удар застал команду «Святого» врасплох, борт корабля разрушился. «Праведник» увернулся от непродуманной контратаки и покинул зону поражения столь же стремительно, как и вошел в нее.

— Его нужно прикончить, — сказал Форн.

— Ракет не так много, — ответил Тефе, не сводя глаз с проекции. — «Святой» выведен из игры, он отстает, а силы нашего бога небеспредельны.

Посмотри сюда.

Он указал на траекторию «Праведника».

— Между нами и «Верой» с «Благостным» приличная дистанция, а «Божественный» и «Спасенный» еще дальше. Если мы сохраним скорость, они не смогут нас достать.

— До тех пор, пока их боги не накопят сил, чтобы вывести корабли прямо на наш курс, — заметил Форн.

— У нас достаточно времени, чтобы вразумить священника, — сказал Тефе.

— Или убить его, — добавил Форн и поймал на себе взгляд Тефе. — Капитан, если это поможет сохранить корабль, я задушу его своими руками — и сам же отвечу за это перед Господом. Вся наша команда стоит одного священника.

— А как же твоя душа?

— Я сам позабочусь о своей душе, капитан, — заверил Форн. — Ваше дело — держать корабль подальше от противника, не попасть в зону поражения.

Тефе улыбнулся и снова повернулся к проекции — как раз вовремя, чтобы увидеть, как еще четыре корабля возникают из ниоткуда, выстраиваясь вдоль курса «Праведника».

Форн заметил, как изменилось выражение

лица капитана, и проследил за его взглядом.

— Проклятье! — выругался он.

«Они знали, — подумал Тефе. — Знали, что я нападу на „Святого“. Поймали меня на приманку и окружили. Теперь выхода нет — я своими руками погубил мой корабль и команду».

«Нет, — вмешался в его мысли голос, похожий на голос бога „Праведника“. — Их погубил не ты. Их погубил твой драгоценный Господь».

И в этот миг капитан Иен Тефе утратил веру. Лишь на мгновение.

По всему «Праведнику» замерцали огни. Офицеры мостика наперебой рапортовали об отказе бортовых систем.

Под ногами Тефе завибрировала палуба. Низкие и гулкие удары доносились откуда-то из глубин «Праведника». Один удар, второй, третий. Затем удары прекратились.

«Поддерживать в вас веру, в каждом из вас, — вспомнил Тефе недавние слова священника Эндсо. — Если бы все офицеры на этом корабле были такими, как вы, осквернённый давным-давно сбросил бы свои оковы».

— Нет, — приказал себе Тефе, в то время как на него со всех сторон сыпались все новые доклады об отказе систем.

Гул голосов вдруг стих, словно случилось что-то значительное.

Тефе обернулся и увидел перед собой Шелли.

— Ты не в Воробьятнике? — глупо сказал Тефе.

— Капитан, не я одна нахожусь там, где мне быть неположено, — произнесла Шелли. — И из нас двоих тот, другой, должен заботить тебя куда сильнее.

Выследить бога было нетрудно — по крови, трупам и далеким вибрациям его поступи.

— Ты должен заставить бога вернуться в его камеру, — сказала Шелли, когда они оказались в его каюте, куда воробьиха торопливо его увела. — Это единственное помещение, где его можно продержать достаточно долго, чтобы я успела сделать то, что должна.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Тефе.

— Тебе не нужно знать, что я имею в виду, Иен, — отрезала Шелли.

Она нашла личный сейф капитана и открыла его вводом комбинации, которой Тефе совершенно точно ни с кем не делился.

— Просто делай так, как я говорю.

— Ты? — выдохнул Тефе. — Ты шпионка Епархии на борту «Праведника».

— Нет, — ответила Шелли, доставая из сейфа

ларец. — Я воробьиха Нашего Господа. Я неподотчетна ни капитанам, ни епископам, пусть и служу всем им, пока не понадоблюсь Господу. А сейчас он хочет, чтобы я сделала вот это.

Шелли открыла ларец, достала плеть и вручила его Тефе.

— Железо первой выделки, — пояснила Шелли. — Даже сейчас оно способно напугать бога. Воспользуйся же им! Загони его обратно в камеру, Иен, — времени мало. Корабли уничтожат нас быстрее, чем ты думаешь. Действуй!

— Где его искать? — спросил Тефе.

— Думаю, ты знаешь. На борту есть человек, которого бог ненавидит сильнее всех прочих. Вперед! — крикнула Шелли уже в дверях каюты.

Она повернулась и направилась к камере бога.

Тефе нашел бога там, где и ожидал, — у священника Эндсо. Со стороны казалось, будто бог одаривает священника долгим и нежным поцелуем. Когда капитан приблизился, поцелуй превратился в нечто совершенно иное. Бог вырвал у священника челюсть и неспешно смаковал язык. Тефе от всей души понадеялся, что священник уже мертв.

По обе стороны от него лежали изуродованные тела прислужников — обезглавленные, побросав-

шие уже ненужные пики. Помещение пропахло кровью.

Бог нежно поглаживал нечто на груди священника — Талант, который так давно и безуспешно старался получить.

В перерыве между жевками бог шумно вздыхал, поглаживая Талант. Тело бога расправлялось и менялось. Свободный от оков, бог стал принимать свою исконную форму.

Казалось, он не заметил появления Тефе. Капитан оглянулся, нарисовал в голове схему отхода до самой божьей камеры. Как можно тише он подошел к богу со спины, на расстояние удара плетью.

«Да пребудет со мною Господь», — подумал он.

В первый и последний раз Тефе позвал бога по имени.

Бог обернулся и заорал — плеть звучно ударила его в лицо, раздирая щеку и веко, пронзая глаз зазубренными кусочками металла. Существо взвыло и схватилось за изувеченную морду — второй рукой одновременно сорвало Талант с мертвого священника и вскинуло вверх кулак. Он завис в воздухе; Тефе долю секунды провожал его взглядом, а потом рука пропала из виду: бог извернулся всем телом, поскользнулся на крови

в проходе и с грохотом растянулся на полу.

Тефе не стал ждать, пока бог поднимется. Он со всех ног бросился к камере.

В считаные секунды бог оказался у него за спиной. Существо врезалось в переборки, издавая вопли на своем жутком наречии — безумные вопли, которые чуть не рвали капитана на части, словно удары плети. Дважды он чувствовал на спине и шее когти преследователя, и лишь знание корабля и раны бога помешали последнему поймать и прикончить капитана до того, как тот доберется до цели.

Вот и вход в камеру! Тефе всем телом рванулся внутрь, одновременно поворачиваясь, чтобы посмотреть, чем обернулся бог.

Трансформация завершилась. Жуткое создание превратилось в нечто вроде огромного насекомого. Два крупных глаза — один разбитый ударом хлыста — не мигая уставились на капитана. Зловещие мощные челюсти. Там, где полагалось быть бровям, раскинулся ряд небольших фасетчатых глаз. Челюсти разошлись в стороны — широко распахнутые клещи, готовые рвать на части. Руки расщепились повдоль, на каждой из новых конечностей на месте пальцев выросли острые лезвия.

Тефе бессильно попытался снова ударить. Бог поймал ремень, несколько раз обернул вокруг руки и с легкостью вырвал плеть из рук капитана. Он отшвырнул ее в сторону и широко раскинул руки. Сверкнули лезвия, готовые в одно мгновение порвать Тефе на части.

В проеме появилась Шелли. Она громко произнесла слово, от которого бог пролетел через всю камеру и впечатался в дальнюю переборку. Тефе ошеломленно посмотрел на любовницу.

— Закрой дверь, — велела Шелли, не отводя глаз от бога. — Подними плеть. Помоги мне!

Тефе на нетвердых ногах подошел к двери в камеру. За ней стоял Нил Форн.

— Корабли остановились, они не приближаются, — сказал Форн.

— Их боги ждут, — догадался Тефе.

— Чего ждут? — спросил Форн.

Тефе захлопнул дверь.

Глава 11

— Не позволяй ему выйти, — велела Шелли. — Не дай подобраться к двери.

— Не дам, — ответил Тефе.

В тот же миг бог рванулся к Шелли.

Она повторила слово, бог отшатнулся — и с рыком снова обрушился на переборку.

— Веди его в железное кольцо! — завопил Тефе.

Бог дернулся к капитану. Тот махнул плетью — быстро и точно. Бог отступил и, поигрывая лезвиями, повернулся к воробьихе. Тефе шагнул вперед, готовый действовать. Бог выжидал удобного момента для броска.

— Кольцо разомкнуто, — сказала Шелли. — Слишком многие в команде потеряли веру. Теперь его не восстановить. Бог больше не раб, его нужно убить.

Бог взвыл и рванулся к Шелли. Тефе тоже заорал. Он наотмашь хлестнул плетью. Ремень ударил в брюхо, и бог упал на пол. Тефе щелкал плетью еще и еще. Он занес руку в четвертый раз и вдруг почувствовал, что Шелли схватила ее на излете.

— Хватит, — сказала воробьиха.

— Ты же сказала, его нужно убить.

— Да, — улыбнулась Шелли. — Но я не сказала, что это должен сделать ты. Ты его вымотал, теперь я удержу его заклинанием. Пока — довольно!

Растянувшийся на полу бог харкнул кровью и зашевелил ртом, больше не подходящим для человеческой речи:

— Это глупо. Сегодня погибнут все. Корабль уничтожат в любом случае — убьете вы меня или нет. Ваш Господь сам так решил.

— Может быть, — ответила Шелли. — Но решил до того, как ты вырвался на свободу. Если бы корабль погиб, а ты сидел в кольце, то все равно остался бы его рабом, и Господь сделал бы с тобой все, что пожелает. Но ты освободился. Если «Праведник» погибнет, ты можешь сбежать. Наш Господь предпочел бы увидеть тебя мертвым — в этом я уверена. Ну а теперь…

Шелли пробормотала еще одно слово, и бог оцепенел и застыл в неподвижности.

— Не шевелись, существо! Твое время на исходе.

Дама перевела взгляд на капитана.

— Ты знала, что «Праведнику» предстоит погиб-

нуть по выполнении задания? — спросил Тефе.

— Нет, не знала. Но теперь меня это не удивляет.

— Похоже, и не слишком волнует, — добавил Тефе.

В его голосе прозвучало нечто такое, чего он никогда не позволял себе в разговорах с Шелли, — упрек.

— Иен, наши жизни принадлежат Господу, — беспечно прощебетала Шелли и прикоснулась к его щеке. — Однажды, рано или поздно, мы встретимся с ним, и нам воздастся. Если это случится сегодня — так ли будет плохо? Мы помогли Нашему Господу усилиться перед лицом его врагов. Мы сохраним тайну его мощи, и приумножится она.

— Его мощь во лжи, — сказал Тефе.

— Говорить верующим не больше того, что им нужно знать, чтобы поддерживать в них веру, — не значит лгать. В этом отношении Господь честен.

— Не значит лгать? — не веря своим ушам, спросил Тефе. — Наш Господь пожирал души новой паствы, Шелли. Епископы сказали, эти люди обратятся в веру, а не погибнут!

— Значит, тебе лгали епископы, — сказала Шелли и пнула носком ботинка поверженного

бога. — Так же, как и он. Я знаю, ты беседовал с ним наедине. Могу представить, что он тебе наговорил. Сказку о том, что Господь — преступник, сумасшедший бог. Ведь так?

Тефе кивнул. Шелли улыбнулась и снова прикоснулась к нему.

— Этот бог — хитрая бестия, Иен. Он почувствовал, на что пришлось пойти Господу по насущной необходимости. Он знал, что ты будешь сражаться со своею верой, знал, что испытанию на прочность подвергнется вера всей команды. И он знал, что единственный шанс разомкнуть кольцо — это сломать твою веру и веру команды. Подумай сам, Иен. Он все это знал. И он *лжет*. Неужели ты думал, что он скажет тебе правду?

Бог, лежа на полу, что-то просипел. В этом звуке Тефе узнал смех — горький и леденящий.

— Твоя вера подверглась испытанию, — произнесла Шелли. — Ты выдержал эту проверку. Тебя ждет награда.

— Мой корабль уничтожат вместе с командой, чтобы сохранить тайну Господа, — сказал Тефе. — Никакая награда меня не ждет. Вот правда, которую сказал этот бог.

— Нет, это не так, — возразила Шелли. — Я знаю то, что ему неизвестно.

Дама вложила что-то в ладонь Тефе. Он поднес это к глазам.

— Твой Талант! — удивился Тефе.

— Да, — кивнула Шелли. — Взгляни на него и скажи, что ты видишь.

Тефе внимательно посмотрел на узор Таланта. Он и раньше казался знакомым, но Тефе никогда не удавалось его распознать. Но теперь капитан узнал его, и у него упало сердце.

— Это Талант вхождения, — сказал он.

— Да, — ответила Шелли, забирая Талант. — Но не только. Еще это Талант обязательства. Воробьиха многое делает для Господа, Иен. Мы утешаем его команду. Мы — его глаза и уши. Храним его секреты. И когда нужно, становимся вратами, сквозь которые он может прийти. И за это нам кое-что даровано. Призывая его, мы можем о чем-то попросить. Одно желание, обещанное нам. И, по своим же заповедям, Господь обязан его выполнить.

— Ты собираешься призвать его, — догадался Тефе.

— Да, чтобы он расправился с этим богом, — кивнула Шелли. — И когда я это сделаю, мое желание будет исполнено. Оно состоит в том, чтобы и ты, и «Праведник», и все верующие на

борту, — все вы остались жить.

— Все, кроме одного, — заметил Тефе.

— Да, Иен, — согласилась Шелли. — Все, кроме одного.

— Не надо, Шелли, — сказал Тефе. — Позволь мне убить этого бога.

— Чтобы те корабли прикончили тебя? — улыбнулась Шелли и поцеловала Тефе. — Глупенький. Ты не услышал ни слова из того, что я сказала. Наши жизни принадлежат Господу. Иен, я примирилась с тем, что сегодня меня не станет — так или иначе. Но так я могу тебя спасти. Спасти корабль, спасти команду, которую ты так любишь. Благодаря мне ты будешь жить дальше. И это меня утешает. Ты знаешь, как я отношусь к таким вопросам.

— Мне казалось, что знаю, — откликнулся Тефе.

Шелли еще раз поцеловала капитана и отстранилась.

— Никто из нас не открывается лишь одному человеку, Иен. Я же тебе говорила. Прости, если тебе казалось, будто ты меня знаешь. Но одно ты знаешь точно. Я тебя люблю.

Новый поцелуй — и воробьиха отошла.

— Прощай, Иен, — сказала Шелли, в последний

раз улыбнулась — и произнесла одно-единственное слово.

Тефе отвернулся: тело Шелли взорвалось фонтаном крови.

Когда капитан со слезами повернулся обратно, перед ним стоял Господь — высокий, каким был в Чтикксе. Он с легким любопытством взирал на Тефе. Капитан отступил на шаг от лежащего на полу бога, полагая, что тот заинтересует Господа куда сильнее. Но нет, Господь смотрел на Тефе.

«ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ УЖЕ УМЕРЕТЬ», — услышал он у себя в голове.

— Нет, Господь, — сказал Тефе. — Воробьиха Шелли высказала желание, чтобы ты пощадил меня, мою команду и корабль. Ты обязан выполнить это желание.

«НЕТ», — услышал Тефе.

Он почувствовал, как из легких вырвался воздух: Господь непринужденно подхватил его, словно ребенка, и приготовился пожрать его душу.

Тефе посмотрел на Господа, который стискивал его все сильнее, и сделал нечто такое, чего меньше всего ожидал от себя в последние секунды жизни. Он засмеялся — еле слышно, на последних остатках воздуха, — и почувствовал, как трещат

ребра.

И вдруг понял, что смеется не только он.

Лежащий на полу бог «Праведника» издал задыхающийся смешок. Господь, отвлекшись от Тефе, перевел взгляд на бога; тот откатился в сторону и показал Талант, зажатый в украшенных лезвиями пальцах. Тот Талант, который Тефе забрал у женщины с улицы и который бог снял со священника Эндсо. Тефе думал, Талант принадлежит этому богу, но теперь вдруг сообразил, что это не так.

Тефе опознал Талант вхождения.

«Но ведь бог не может быть врата…» — подумал было капитан, и в этот миг бог громогласно произнес слово, а комната вспыхнула нестерпимо белым светом.

Тефе почувствовал, что стальная хватка ослабла; он взлетел в воздух и ударился о дальнюю переборку камеры, ломая те ребра, которые еще были целы. Обрушившись на пол, Тефе харкнул кровью.

Подняв наконец глаза, Тефе увидел своего Господа, прислонившегося к переборке. Он шипел на существо, поднимающееся из подергивающихся останков того, кто еще недавно был богом «Праведника». Тварь была неопределенной формы,

ослепительно-яркой и невыразимо прекрасной.

«У богов есть свои боги, — подумал Тефе и перевел взгляд на Господа, который пытался отодвинуться подальше от стоявшего перед ним существа. — И Мой Господь боится своего».

Господь попытался проскользнуть мимо, протиснуться ниже или выше нового существа, но оно пресекало все попытки, резко выбрасывая новые отростки, которые жгли, били или жалили его. Существо приближалось к нему медленно и неумолимо.

В конце концов Господь оставил попытки сбежать. Он поднял голову и испустил жуткий отчаянный вопль, который едва не свел капитана с ума. Тефе и сам заорал.

И тогда Господь трансформировался — превратился из того прекрасного человека, которым был всегда, в нечто примитивное, мощное, отвратительное и гнусное. Превратился в того, кем — как знал Тефе — Господь был до того, как повстречал тех, кого решил сделать своими людьми.

Новое существо перестало наступать на Господа и даже шагнуло назад, раскидывая во все стороны придатки, словно предлагая Господу обняться или приглашая его наступать самому.

Господь ощетинился, выпустил колючки и с

воем бросился на противника. Существо, в свою очередь, осталось открытым, словно приманивая Господа к себе, а потом резко развернулось и с металлическим щелчком схлопнуло на нем свои отростки.

Господа разорвало на кусочки, во все стороны брызнула божья кровь.

Тефе почувствовал, что внутри все рвется и переворачивается: та часть, которую дотоле занимала вера, та его часть, в которой жил Господь, опустела в одно мгновение, в ту самую секунду, как Господь оказался повержен. Где-то вдали Тефе услышал еле различимый хор голосов и понял без тени сомнения, что это кричит команда «Праведника». Господь был уничтожен, вместе с ним исчезли вера и все Таланты. Капитан Тефе закрыл глаза, силясь сохранить остатки здравомыслия. Кружилась голова, он утратил часть своей души.

Некоторое время — целую вечность? — спустя Тефе открыл глаза и увидел, что над ним нависает новое существо. Оно внимательно рассматривало его. Тефе не имел представления, что делать, и просто отвел взгляд.

Существо посторонилось и направилось к плети, которая лежала на полу. Оно какое-то время рассматривало ее, а затем протянуло к ней отрост-

ки. Плеть распалась на части. Железо со звоном посыпалось на пол. Кость и кожа бога исчезли.

Разделавшись с плетью, существо двинулось к останкам бога «Праведника». Как и с плетью, существо вытянуло отростки. Продолговатые конечности трогали и перекладывали кусочки плоти, в конце концов собрав их в одну груду.

Вскоре груда во что-то оформилась. В бога, которым была до того.

Бог дышал.

— Он жив, — сказал Тефе вслух.

«ДА, — ответил голос у него в голове — теплый, приятный и неимоверно пугающий. — БОГОВ ТРУДНО УНИЧТОЖИТЬ. ДАЖЕ ТВОЙ БОГ НЕ СОВСЕМ МЕРТВ. МЫ ЗАБЕРЕМ ЕГО, ВОЗЬМЕМ С СОБОЙ. ЕГО ЖДЕТ КУДА БОЛЕЕ СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ ЗА ВСЕ, ЧТО ОН ТАК ДОЛГО ТВОРИЛ — СО СВОИМИ СОБРАТЬЯМИ, С ТВОИМ НАРОДОМ».

— А что будет с его последователями? — с дрожью в голосе спросил Тефе.

«ОНИ БУДУТ ЖИТЬ, КАК И РАНЬШЕ, — произнес голос. — БЕЗ ЛЖИ, СТРАДАНИЙ, БЕЗ ФАЛЬШИВЫХ ОБЕЩАНИЙ НАГРАДЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ПОСЛЕ СМЕРТИ НЕТ НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО МОГ ДАРОВАТЬ ВАШ ГОСПОДЬ. ОН ЛГАЛ И КОРМИЛСЯ ВАШЕЙ ВЕРОЙ В ЕГО ЛОЖЬ. ВЕРА — ОТНЮДЬ НЕ ТО,

ЧТО ПРИХОДИТ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ВЕРА ГОДИТСЯ ТОЛЬКО ДЛЯ ЖИЗНИ».

Тефе подумал о Шелли и о всех остальных, кто свято верил Господу, верил в жизнь после смерти. По щекам покатились слезы — и больше всего он скорбел о Шелли.

— А что будет с нами? — наконец спросил Тефе. — Что будет с командами кораблей?

«ВЫ УМРЕТЕ, — сказал голос. — И ВЫ, И ВСЕ ТЕ, КТО ЛЕТАЕТ С БОГАМИ. ТЕПЕРЬ ОНИ СВОБОДНЫ ОТ ЦЕПЕЙ. ОНИ УЙДУТ — А НА ВАШИХ КОРАБЛЯХ СТАНЕТ ТЕМНО И ХОЛОДНО, ВОЗДУХ ИСТОНЧИТСЯ. ВСЕ, КТО ТАМ ЕСТЬ, ПОГИБНУТ ОТ ХОЛОДА, ТЬМЫ И УДУШЬЯ. НО НЕ НА ЭТОМ КОРАБЛЕ».

— А как умрем мы? — спросил Тефе.

«ВЫ СТАНЕТЕ ПИЩЕЙ, — сказал голос. — ЭТОТ БОГ ПРОСНЕТСЯ ГОЛОДНЫМ. ОН НАСЫТИТСЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОКИНЕТ КОРАБЛЬ. НО ЕСТЬ И ХОРОШАЯ НОВОСТЬ — БОГ ОСТАВИТ ВАШИ ДУШИ, НЕ СТАНЕТ ИХ ПОЖИРАТЬ».

— Но для чего? — упорствовал Тефе. — Что станет с нашими душами? Куда они направятся дальше? Что с ними будет?

Существо замерцало и исчезло, оставляя воскресшего бога «Праведника».

Бог задышал полнее, повернулся к Тефе и широко развел челюсти.

Капитан попятился, развернулся и бросился к двери в камеру. Распахнул ее, не обращая внимания на боль в смятой груди, и выскочил наружу. За спиной он услышал, как бог встает на ноги. Металлический лязг дал понять, что лезвия на руках расправились. Тефе рванул дверь и, прежде чем она захлопнулась, мельком увидел бога. Тот приближался к нему осторожными шажками.

Огни на «Праведнике» загорались и гасли. Тефе пробирался на мостик — куда медленнее, чем ему хотелось. Члены экипажа, попадавшиеся на пути, двигались словно в трансе или сидели вытирая слезы. Не успел Тефе добраться до мостика, как явственно почувствовал, что воздух разрежается и холодеет. Дышать становилось труднее. Позади слышались крики команды и медленная поступь бога.

Тефе ввалился на мостик в тот миг, когда «Праведник» погрузился во тьму.

— Капитан, все системы отказали, — доложил Нил Форн. — Энергии нет.

— Знаю, — ответил Тефе и, махнув в сторону ведущей на мостик двери, приказал команде: — Заблокировать дверь, немедленно! И завалите ее

всем, чем только можно. Чем угодно. Сейчас же!

Матросы послушно взялись за дело.

В коридорах за забаррикадированной дверью эхом метались крики. Они были совсем близко.

Форн пробрался к Тефе.

— Капитан, что произошло? Мы все почувствовали нечто странное…

— Нил, Наш Господь мертв, — сказал Тефе. — Я сам видел, как он погиб. И все боги, которых он поработил, обрели свободу. Они покидают корабли.

— Но ведь когда они уйдут, экипажи погибнут, — прошептал Форн.

— Да, — ответил Тефе. — Кто-то раньше, кто-то позже.

Крики раздавались прямо за дверью.

— А мы, капитан? — спросил Форн.

— Мы умрем раньше.

Тефе повернулся к двери мостика. Снаружи послышался звук, который можно было принять за лязганье ножей.

— Мне очень жаль, Нил. Мы умрем гораздо раньше.

В дверь ударило с неимоверной силой. И еще раз. Под страшным давлением дверь выгнулась, словно пластилиновая.

— Что же нам делать? — спросил капитана

Форн.

Дверь слетела с петель. Капитан Иен Тефе повернулся к другу.

— Молиться, — ответил он.

Замечания и благодарности

Я написал этот роман после работы над научно-фантастическим телесериалом, так что прежде всего позвольте заявить: «Люди в красном» ни в коей мере не основаны на телешоу «Звездные врата: Вселенная». Те, кто посчитает роман тонко завуалированной сатирой на предмет моей работы, будут разочарованы. «Звездные врата: Вселенная» представляет собой полную противоположность «Хроникам „Интрепида“». Они весьма разумны и глубоки, сценарии хорошо написаны, в них старались придать событиям и явлениям научную достоверность.

Я работал над сериалом «Звездные врата: Вселенная» в качестве творческого консультанта. Работа меня по-настоящему увлекла. Конечно, я с огромнейшим удовольствием смотрел сериал и как поклонник жанра, и как работавший над шоу и видел результаты своего труда на экране.

И это было здорово.

Я посвятил эту книгу в числе прочих и Джо Малоцци с Брэдом Райтом, продюсерам, пригласившим меня в шоу. Пользуясь моментом,

кланяюсь в пояс съемочной группе, техникам, сценаристам и персоналу, участвовавшему в производстве «Звездных врат». Жаль, что наша совместная деятельность уже завершилась, — но ничто хорошее не длится вечно.

Я написал этот роман, исполняя обязанности председателя Ассоциации авторов научной фантастики и фэнтези США — самой большой организации писателей этих жанров в мире (а то и в целой Вселенной, хотя в этом, конечно же, способов убедиться нет). Давно уже ходят слухи, что президентство в ассоциации — это год потерянной возможности свободно писать и, вполне вероятно, потеря рассудка. Должен признаться: к большой моей радости, слухи оказались неправдой — мне посчастливилось обнаружить в совете директоров ассоциации чрезвычайно разумных, увлеченных людей, работавших на благо ассоциации не хуже, а скорее даже лучше любого прежнего совета директоров.

Так что моя искренняя благодарность, уважение и восхищение Эми Стерлинг Кейсил, Джиму Фискусу, Бобу Хоу, Ли Мартиндэйл, Баду Вебстеру, Шону Уильямсу и в особенности Мэри Робинетт Коваль. Было честью работать вместе с вами. Спасибо и всем волонтерам ассоциации, сделавшим

ее организацией, которой я горжусь.

Всякий раз, когда пишу и публикую книгу, я не перестаю удивляться, насколько лучше выглядит ее финальная версия. Это происходит потому, что многие чудесные люди помогают книге стать лучше. Мой новый роман усовершенствовали Патрик Нильсен Хайден, издатель, Ирен Гальо, арт-директор «Тора», и все сотрудники издательства, участвовавшие в работе над книгой. Спасибо также Кэсси Аммерман, моему рекламному агенту в «Торе», и, конечно, Тому Доерти, продолжающему печатать мои опусы, отчего я несказанно счастлив. Я хочу поблагодарить и моего литературного агента Итана Элленберга и Эвана Грегори, отслеживающих продажи моих книг за рубежом.

«Людей в красном» сперва прочитала небольшая группа людей, чьи отзывы оказались чрезвычайно ценными. Они убедили меня, что мое творение — не просто сатира на экранизации научной фантастики (хотя, очевидно, сатиры тут хватает). За это я благодарю Регана Эвери (как обычно), Кэрин Майснер, Уила Уитона, Дозель Янг, Пола Сабурина, Грега Диконстанцо и мою жену Кристину Скальци, заслуживающую особой благодарности за способность ужиться со мной. Я

по-настоящему рад такой ее способности.

И наконец, я благодарю вас, дорогие читатели. Я очень рад, что вы продолжаете меня читать. Если вы и дальше будете читать, я буду писать. Обещаю.

Джон Скальци
22 июля 2011 г.